

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года № **24/2013**
Выходит 4 раза в год

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования (ФГБОУ ВПО)
«Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук,
профессор, ректор КемГУКИ

Зам. главного редактора

А. В. Шунков, кандидат филологических наук,
доцент, проректор по научной
и инновационной деятельности КемГУКИ

Ответственный секретарь

Е. А. Кагакина, кандидат педагогических наук,
доцент

Редакторы *О. В. Шомшина, В. А. Шамарданов*
Перевод *А. А. Щербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:

650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств», 2013

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006 № **24/2013**
Published quarterly

Founder

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education
(FSFEI HPE) «Kemerovo State University
of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor, Rector of KemGUKI

Assistant Chief Editor

A. V. Shunkov, Candidate of Philological
Sciences, Docent, Vice-Rector for Research
and Innovation of KemGUKI

Administrative Secretary

E. A. Kagakina, Candidate of Pedagogical
Sciences, Docent

Editors *O. V. Shomshina, V. A. Shamardanov*
Translation *A. A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeev*

Address of the Publisher:

650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © FSFEI HPE «Kemerovo State
University of Culture and
Arts», 2013

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва).

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, временно исполняющий обязанности Президента Республики Дагестан, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Махачкала, Республика Дагестан).

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, директор Научно-образовательного центра педагогической культурологии Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (г. Санкт-Петербург).

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва).

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, начальник отдела прикладных культурологических исследований и образования в сфере культуры и искусства, руководитель Научно-образовательного центра Российского института культурологии (г. Москва).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша).

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, начальник Департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск).

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной антропологии Московского государственного университета дизайна и технологии (г. Москва).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Chairman of editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Chief Scientist of the Institute for Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Acting President of Republic of Dagestan, Honoured Scientist of the Russian Federation (Makhachkala, Republic of Dagestan).

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Director of Research and Education Center for Cultural Teaching of St. Petersburg State University of Culture and Arts (St. Petersburg).

Astafieva O. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Head of the Chair of UNESCO of International Institute of Public Administration and Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow).

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of Department for Applied Cultural Researchers and Education in the Field of Culture and Art, Head of the Research and Education Center of the Russian Institute for Cultural Research (Moscow).

Włodarczyk Edward, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rektor of Szczecin University (Szczecin, Poland).

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department of Culture and Tourism of the Tomsk Region (Tomsk).

Gavrov S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Professor of the Chair of Social Science and Social Anthropology of Moscow State University of Design and Technology (Moscow).

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино (г. Москва).

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск).

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник отдела межбиблиотечного взаимодействия с библиотеками России и стран СНГ Российской государственной библиотеки (г. Москва).

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург).

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик Российского авторского общества, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва).

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук педагогического образования, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Мазур Петр, профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики Высшей государственной профессиональной школы в Хелме (г. Хелм, Польша).

Сонинтогос Э., ректор Монгольского государственного университета культуры и искусств (г. Улан-Батор, Монголия).

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogic Sciences, Candidate of Philological Sciences, General Director of M. I. Rudomino All-Russia state Library for Foreign Literature (Moscow).

Dolzhenko O. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Professor of the National Institute of Business of Moscow Humanitarian University (Moscow).

Donskikh O. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the Chair of Philosophy of Novosibirsk State University of Economy and Administration (Novosibirsk).

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Chief Scientist of the Department of Library Cooperation with Libraries in Russia and the CIS, Russian State Library (Moscow).

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the Chair of Theory and History of Culture of St. Petersburg State University of Culture and Arts, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg).

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the Russian Author's Society, Head of the Department UNESCO "Knowledge Society and New Information Technologies" of the Russian New University (Moscow).

Lukov V. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Vice-rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow).

Mazur Piotr, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Chair of Pedagogics of Helm Higher Public Vocational School (Helm, Poland).

Sonintogos E., Rector of Mongolian State University of Culture and Arts (Ulanbator, Mongolia).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Республики Молдовы, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета (г. Москва).

Хандке Ришард, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша).

Чешев В. В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Томского государственного архитектурно-строительного университета (г. Томск).

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

Sun Yuhua, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ursul A. D., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, Director of the Centre for Research into Global Processes and Sustainable Development of the Russian State Trade Economic University (Moscow).

Handke Ryszard, Professor, Rektor of Academy of Art (Szczecin, Poland).

Cheshev V. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the Chair of Philosophy of Tomsk State University of Architecture and Construction (Tomsk).

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Документальная информация»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности, директор НИИ информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово).

Раздел «Культурология»

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, профессор кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово).

Раздел «Философия»

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, доцент, директор НИИ прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Documentary Information

Gendina Natalia Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on the Development of Indicators of Media and Information Literacy, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Pilko Irina Semyonovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Academic Work of Kemerovo State University of Culture and Arts, Member of the Russian Library Association Council (Kemerovo).

Section of Culturology

Martynov Anatolii Ivanovitch, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of RANS, Professor of the Museums Affairs Department, Kemerovo State University of Culture and Arts, Honored Scientist of the Russian Federation (Kemerovo).

Minenko Gennady Nikolayevich, Doctor of Culturology, Professor, Professor of Chair of Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo).

Section of Philosophy

Guk Aleksey Aleksandrovich, Doctor of Philosophic Sciences, Docent, Director of R&D Institute of Applied Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Кемеровского государственного университета, член-корреспондент Российской академии естествознания, председатель Кемеровского областного отделения Российского философского общества (г. Кемерово).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Раздел «Социально-культурная деятельность»

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Московского государственного университета культуры и искусств (г. Москва).

Раздел «Искусствоведение»

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Умнова Ирина Геннадьевна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусств Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philosophic Sciences, Professor of the Philosophy Department, the Kemerovo State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science, the Chairman of the Kemerovo Regional Branch of the Russian Philosophical Society (Kemerovo).

Markov Viktor Ivanovich, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of Chair of Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Section of Socio-cultural Activities

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Creative and International Activity of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of Sociocultural Activity of Moscow State University of Culture and Arts (Moscow).

Section of Art studies

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Candidate of Arts, Professor, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Director of Institute of Theatre of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor of Arts, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Natural Sciences, Chair of History of Native and Foreign Art of Altai State University (Barnaul).

Umnova Irina Gennadievna, Candidate of Arts, Docent, Chair of Theory and History of Arts of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Раздел «Филология»

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

Крейдлин Григорий Ефимович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

Севастьянова Светлана Климентьевна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

Силантьев Игорь Витальевич, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

Раздел «Педагогика»

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации, профессор кафедры педагогики и психологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук, директор института дополнительного профессионального образования Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово).

Раздел «Научная жизнь университета»

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, начальник научного управления Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Section of Philology

Arayeva Lyudmila Alekseyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member of IAS HS, Chair of Stylistics and Rhetoric of Kemerovo State University (Kemerovo).

Kreidlin Grigorii Efimovitch, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian Language Department, the Institute of Linguistics of the Russian State Humanitarian University (Moscow).

Sevastianova Svetlana Klimentievna, Doctor of Philological Sciences, Senior Research Fellow, Department of Literature Institute of Philology, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Silantiev Igor Vitalievitch, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Section of Pedagogy

Zaruba Natalia Andreyevna, Doctor of Sociologic Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation, Professor of the Chair of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Panina Tatiana Semenovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher of the Russian Federation, Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Director of the Institute for Continuing Professional Education of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo).

Section of Scientific Life of the University

Egle Ludmila Yurievna, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Department of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Марков А. П. Культурно-антропологические предпосылки проекта модернизации: региональная ситуация и глобальный контекст.....	12
Белозёрова М. В. Проблема толерантности в межкультурной коммуникации: методологический аспект.....	20
Садовой А. Н. Ассимиляционные аспекты межкультурного взаимодействия (на примере Черноморского побережья Кавказа).....	34
Баштанник С. В. Северо-западное влияние на историко-культурные процессы в Кия-Чулымском междуречье в период развитой бронзы.....	53
Рябцева В. А. Миграционные потоки старообрядцев в Западную Сибирь.....	63
Веселовская Е. В. Влияние масс-медиа на русский национальный характер.....	72
Гук А. А. Информационная и медийная культуры: грани сопряжения на современном этапе.....	79
Синецкий Н. С. Арабская цивилизация в контексте глобальных социокультурных процессов XXI века.....	86
Леонов Е. Е., Мкртчян А. М. Состояние сети школьных музеев Кемеровской области на начало XXI века (2000–2012 годы).....	96
Горлова И. И., Коваленко Т. В. Духовное неравенство и прикладные задачи культурной политики.....	105

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Лескова Т. В. Фольклорно-жанровое моделирование в Кантате на народные тексты А. В. Новикова.....	112
Верба Н. И. Образы призрака и его жертвы как претворение архетипичного в музыке (на материале оперного жанра).....	124
Тончук П. О. Фуга как символ «фаустовской» культуры и проблема эволюции жанра.....	140
Булгаева Г. Д. К проблеме воссоздания проекта экстерьерера и иконостаса Томской заводской церкви XVIII века.....	149
Шестакова И. В. Проблема выбора пути: фильм «Из Лебяжьего сообщают» В. Шукшина.....	157
Черняева Е. Н. Воплощение образа советского человека в эскизах костюмов журналов мод 1930-х годов.....	163

ФИЛОЛОГИЯ

Роляк И. Роль межкультурной коммуникации в процессе обучения русскому языку делового общения в польской аудитории.....	168
Чепкасов А. В., Долгих В. П. Обращения в речи спикера.....	177
Араева Л. А., Тарасова М. Н. Родственные связи у телеутов.....	184
Бец М. В. Феномен «богатство» в текстовом сознании виртуальной языковой личности..	193

Образцова М. Н. Специфика синонимичных отношений производной лексики (на материале русских говоров).....	198
Керимов Р. Д. Театральная метафора в немецком политическом дискурсе (когнитивный аспект).....	206
Непомнящих Н. А. Творчество Н. С. Лескова и сочинения И. Брянчанинова: об одном из возможных источников трактовки сюжета «Скомороха Памфалона» и «Повести о богоугодном дровоколе».....	216
Афанасьева Э. М. Мотив имени возлюбленной в лицейской лирике А. С. Пушкина.....	223

ПЕДАГОГИКА

Юдина А. И. Факторы влияния на социализацию подростков в условиях трудной жизненной ситуации.....	231
Юдина А. И. Оценка эффективности педагогического сопровождения социализации подростков в условиях трудной жизненной ситуации.....	244

ФИЛОСОФИЯ

Волков Н. А., Волкова Т. А. Научная и педагогическая деятельность российских уполномоченных по правам человека как социокультурный фактор гражданского образования.....	265
Басалаева О. Г. Информационный образ мира: функциональный подход.....	274
Лякин В. Е. Поиски правды в русской религиозной философии.....	280

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Олефир С. В. Библиотеки, обслуживающие детей и подростков, как компонент информационно-образовательного пространства.....	292
Косолапова Е. В. Медиа- и информационная грамотность в структуре формирования информационной культуры детей младшего школьного возраста на базе детских и школьных библиотек.....	299

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Ивлева Т. Н. Конкурс «Я – МЕНЕДЖЕР» как форма организации научно-исследовательской работы студентов.....	309

ЮБИЛЕЙ

Миненко Г. Н. Виктор Иванович Марков: ученый, общественный деятель, путешественник.....	315
Сведения об авторах.....	320

CONTENTS

CULTUROLOGY

Markov A. P. Cultural and Anthropological Background of the Project of Modernization: Regional Situation and the Global Context.....	12
Belozeroва M. V. Problem of Tolerance in International Communication: Methodological Aspect.....	20
Sadovoy A. N. Assimilatory Aspects of the Cross-cultural Interactions (on the Example of the Black Sea Coast of the Caucasus).....	34
Bashtannik S. V. North-West Influence on the Historical and Culturel Processes in the Kia-Chulym Interfluve in Themiddle Bronze Age.....	53
Ryabtseva V. A. Migratory Flows of Old Believers to Western Siberia.....	63
Veselovskaya E. V. Influence of the Mass-media on Russian National Character.....	72
Guk A. A. Information and Media Culture: Aspects of Interface in a Current Period.....	79
Sinetskiy N. S. Arab Civilization in the Context of the Global Sociocultural Processes of the XXI Century.....	86
Leonov E. E., Mkrtchyan A. M. Condition of the Network of School Museums of the Kemerovo Region in the Beginning XXI th (2000–2012).....	96
Gorlova I. I., Kovalenko T. V. Spiritual Inequality and Application Of Cultural Policy Objectives.....	105

ART STUDIES

Leskova T. V. Folk Genre Modeling the Cantata on the Folk Texts by A. V. Novikov.....	112
Verba N. I. Images of a Ghost and his Prey as Implementation of an Archetype in Music (Based on the Opera Genre).....	124
Tonchuk P. O. A Fugue as the Symbol of the “Faust’s” Culture and the Problem of the Genre Evolution.....	140
Bulgaeva G. D. On Reconstruction Project of the Exterior and the Iconostasis of the TomsK Factory Church of the XVIIIth.....	149
Schestakova I. V. The Problem of Way Choice: the Film “They Tell from Lebyazhego” V. Shukshin.....	157
Chernyaeva E. N. Depicting of The Image of the Soviet Man in the Costume Sketches of Fashion Magazines of the 1930s.....	163

PHILOLOGY

Rolak I. The role of Intercultural Communication at Teaching Business Russian to Polish Students.....	168
Chepkasov A. V., Dolgikh V. P. Referenses in the Speech of the Speaker.....	177
Arayeva L. A., Tarasova M. N. Related Communications at Teleuts.....	184
Bets M. V. Phenomenon of Wealth in the Textual Awereness of Virtual Linguistic Personality..	193
Obratsova M. N. The Peculiarity of Derivative Vocabulary Synonymous Relations (on Material of Russian Dialects).....	198

Kerimov R. D. Theatre Metaphor in the German Political Discourse (the Cognitive Aspect)....	206
Nepomniaschikh N. A. N. S. Leskov's Works and I. Bryanchaninov's writings: a Possible Source of the "Pamphalon the Mountebank" and "The Story of a Pious Cleaver" Plot Interpretation.....	216
Afanasjeva E. M. The Motive of the Mistress' Name in the Lyceum Lyrics of A. S. Pushkin....	223

PEDAGOGICS

Yudina A. I. Factors of Influence on Socialization of Teenagers in the Conditions of the Difficult Life Situation.....	231
Yudina A. I. Evaluation of Pedagogical Support of Socialization of Teenagers in Difficult Life Situations.....	244

PHILOSOPHY

Volkov N. A., Volkova T. A. Scientific and Pedagogical Activities of Commissioners for Human Rights in Russian Federation as Social and Cultural Factor of Civic Education.....	265
Basalaeva O. G. Information Picture of the World: Functional Approach.....	274
Lyakin V. E. The Search For Verity in Russian Religious Philosophy.....	280

DOCUMENTARY INFORMATION

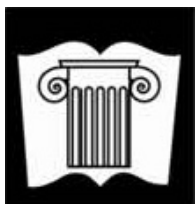
Olefir S. V. The Libraries, Serving Children and Teenagers as the Component of Information and Education Space.....	292
Kosolapova E. V. Media and Information Literacy in the Structure of Information Culture of Primary School Children Based on the of Children's and School Libraries.....	299

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

Ivleva T. N. The Competition "I Am a MANAGER" as an Organization Form Scientifically-Research Work of Students.....	309

ANNIVERSARY

Minenko G. N. Victor Ivanovich Markov: Scientific, Public Figure, Traveler.....	315
Information about the authors.....	320

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 008

А. П. Марков

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОЕКТА МОДЕРНИЗАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

В статье рассматривается взаимообусловленность национально-культурного этоса и экономической модели, которая выстраивается на базе ценностей культуры, с учетом специфики его ментального мира. Главным условием экономического и духовного возрождения России сегодня становится проект модернизации, социальной базой которого должны стать носители исторически устойчивых черт национальной ментальности: совести как внутренней сонастроенности на другого, ценностей духовного стяжательства, патриотизма и гражданственности.

Ключевые слова: национально-культурный этос, модернизационный проект, «человеческий фактор» инноваций, ментальность, русская идея.

A. P. Markov

CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL BACKGROUND OF THE PROJECT OF MODERNIZATION: REGIONAL SITUATION AND THE GLOBAL CONTEXT

The current situation in the political, economic and spiritual life of Russia is close to catastrophic one. Thereupon it's naturally of becoming more popular to use the concept of "deep-laid systemic crisis" to characterize it.

The given state of economic adaptation of Western models of technological development will not lead to a leveling of economic indicators with global superpowers. Under these circumstances, there is no alternative to the innovative development of the country. The implementation of project modernization will inspire society being plunged into the gloom and to clean power having mired in corruption and put the economy on a path of intensive development.

The project of modernization involves the technological revolution, but the main circumstance for its success is the "human factor," which is in much worse shape than degenerative economics. Feasibility of the project of modernization can be achieved through demand of "anthropological" resources associated with ethnic and cultural specific and mentality. Russian "human capital" has repeatedly come true in the history. Therefore, the strategic objective of all the institutions of state and civil society should be the approval of those life strategies that have traditionally formed the basis of social relationships and work ethic. Resource expansion of the social basis of mobilization strategies can be historically stable features of national mentality that could destroy capitalism of the last two decades: the conscience of the internal resonance with the pain and joy of the other, the priority of the spiritual values in comparison with wealth, citizenship, patriotism and self-sacrifice.

For the recovery of social ideology and creating the supportive spiritual and moral atmosphere in society, there should be deliberate cultural policy, consolidating the efforts of all the healthy forces of society in several strategic areas: the formation of the spiritual community of "we" (the people of the nation), based in council-

community solidarity as a constructive alternative to individualism and competition of capitalist relations; establishment of social justice; rehabilitation of the spiritual values in the public consciousness which can be an alternative to hedonism and selfishness of nowadays; the acquisition of the national idea as a concentrated expression of the meaning of being a nation and a platform for the state ideology.

In previous historical periods, the key role in the national revival of Russian culture played the ability to respond to the “challenges” of time in constructive way and also the type of Russian character, which has been demonstrated the pattern of selfless service and patriotism in the most difficult situations. And now a key factor in the success of the modernization project is becoming a spiritual transformation of “human material,” which involves the assessment of the present time and a vision of the future in close connection with the culture and understanding of the greatness of the past.

Keywords: national-cultural ethos, a modernization project, “Human Factor” innovation, mentality, Russian idea.

Известно, что национальная культура как целостность образуется вокруг системы ценностно-нормативных и морально-этических доминант, фиксирующих мироощущение коллективного субъекта культуры, его жизненные смыслы, ценности, стереотипы поведения. Культурные особенности определяют специфику функционирования базовых социально-культурных институтов: политических структур, института права, частной собственности, экономики, рынка и т. д. Попытки выстроить модели данных социально-культурных институтов без учета национально-культурной специфики обречены на провал. Именно некритичное заимствование западно-европейских и американских моделей стало причиной системного кризиса, захватившего духовную жизнь общества, политические и экономические институты.

Сегодняшняя ситуация в России близка к катастрофической – не случайно для ее характеристики все чаще используется концепт «глубинного системного кризиса». Усиливаются центробежные силы, раздирающие российскую государственность, внутри политической и экономической элиты растет борьба за скудеющие источники доходов. По мнению специалистов, в технологическом плане экономика Российской Федерации катастрофически отстает от цивилизованного мира, который в последние три десятилетия развивался стремительными темпами. Практически все сферы производства и отрасли экономики стоят у черты распада¹. По сути, Россия сегодня вошла в зону кризиса, и проблема «быть или не быть» будет решена в ближайшее время выбором сценария грядущего и успехом его воплощения. «Страна входит в критическое десятилетие» – в контексте динамично меняющегося мира сроки «модернизационного рывка» сжимаются почти до времени образовательного цикла одного поколения. В сегодняшней парадигме «сырьевого развития» и в условиях глобализации (свободного потока идей, людей, капиталов, товаров и информации) страна не имеет шансов стать конкурентоспособной². Недееспособная экономика, разрушенный интеллектуальный потенциал страны,

¹ См. доклад заместителя директора Института прикладной математики имени М. В. Келдыша РАН Г. Малинецкого «О перспективах Российской Федерации». – Режим доступа: <http://www.dynacon.ru/content/articles/339/>

² По совокупности экономических и политических показателей Россия сегодня – экономический «полутруп». Парадокс, граничащий с государственным преступлением: страна владеет 30 % всех мировых богатств, производя при этом всего 1 % глобального валового продукта. Такие страны в глобальном мире долго не живут. – Малинецкий Г. О перспективах Российской Федерации: доклад. – Режим доступа: <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2009/georgii-malinetskii-doklad-o-perspektivakh-rf>

растлевающее воздействие СМИ, атомизированное общество, пораженная потребительством правящая элита, демографический кризис – все это неизбежно ведет к утрате российским государством атрибутов субъектности и суверенитета³. Экономика страны находится в таком плачевном состоянии, что адаптация к сложившимся в западных странах моделям технического развития не приведет к выравниванию экономических показателей с мировыми сверхдержавами (не говоря уже о том, чтобы обеспечить конкуренцию с западным миром по критерию «инженерной культуры»). В логике модернизационных проектов европейских стран выход из системного кризиса либо невозможен, либо он растягивается на такое неопределенно долгое время, которое находится уже по ту сторону национального коллапса (в метафорическом плане – апокалипсиса)⁴.

Следует отметить, что пессимистические прогнозы относительно финала отечественной истории в значительной степени коррелируют с аналогичными негативными тенденциями, характерными для всей европейской цивилизации. О глубинном кризисе духовных оснований европейской культуры свидетельствует оценка современности в гуманитарном знании, с его характерным пафосом тревоги, негативизмом, растерянностью или воинствующим нигилизмом (типичными для философского дискурса стали метафорические конструкции, фиксирующие антропологический кризис, кризис самоидентичности, экзистенциальный вакуум, исчерпанность энергий, «ситуацию Освенцима» [1, 37]. Все заметнее становится контраст между технологическими и военными «мускулами» западных держав и убогостью их целей, между экспансионистскими намерениями и отсутствием моральных ограничений в их исполнении. Глобализация стала способом удушения национальных экономик и средством системной дестабилизации мира, она еще сильнее увеличила пропасть между бедными и богатыми странами. Глобальной становится проблема сохранения биосферы, которая утрачивает способность отрабатывать антропогенные воздействия и сохранять состояние гомеостаза. Катастрофическая ситуация в экономике и духовной жизни, обещающая грядущее крушение государств и обществ, приближает наступление новых «тёмных веков», с их неясными перспективами выживания не только цивилизации, но Homo Sapiens. Перед лицом финансовой, социально-экономической, расово-политической и геоклиматической катастроф мир ожидает демонтаж капитализма и создание новой системы, параметры которой пока не предсказуемы [5].

Общий вывод таков: современная технологическая цивилизация, выстроена на базе достижений фундаментальных наук, вошла в фазу «злокачественного перерождения». Доведенная до предела потребительская идеология, разрушая антропологические матрицы европейской

³ В упадке обрабатывающая промышленность, развалено сельское хозяйство, закупается промышленное оборудование, электроника, лекарство, потребительские товары, продовольствие. Даже зерно Российской Федерация себя сегодня не способна обеспечить – иллюзия «экспорта хлеба» заключается в том, что страна закупает мясо на вырученные от продажи энергоносителей доллары и при этом не тратит зерно на животноводство.

⁴ Дело в том, что западный мир в последние десятилетия совершил глобальный технологический прорыв во многих областях и сферах. Выдвигаются грандиозные международные проекты, способные перевооружить мировую индустрию. В условиях финансово-экономического кризиса США и европейские страны активно создают свое будущее, ускоренными темпами строя новую технологическую реальность, что становится угрозой существования России.

культуры, обостряет глобальные проблемы цивилизации и делает тупиковым доминирующий вектор ее развития⁵.

В сложившихся условиях Россия «обречена» на прорыв в достойное будущее (именно прорыв, рывок, а не последовательное развитие, так характерное для рационального Запада). Альтернативы инновационному пути развития страны нет – реализация проекта модернизации сможет воодушевить погрузившееся в уныние общество, очистить погрязшую в коррупции власть и перевести проедающую последние остатки советского наследия экономику на путь развития.

Модернизационный проект, безусловно, предполагает технологическую революцию, но главным условием его успешности становится «человеческий фактор». В этом контексте основная задача всех социальных институтов состоит в поиске культурно-антропологических ресурсов, способных обеспечить модернизационный прорыв. К сожалению, «человеческий капитал» в сегодняшней России находится еще в более плачевном состоянии, чем агонизирующая в «метастазах» коррупции экономика. Утрачено представление о социальной справедливости – важнейшей экзистенциальной ценности, позволявшей старшим поколениям жертвовать личным во имя общего дела. Общество уже два десятилетия переживает острейший и системный кризис идентичности, разрушающий национальную общность «мы». Власть (как и вся правящая элита), демонстрируя полное отчуждение от проблем и чаяний общества, невиданный размах потребительской идеологии, катастрофически утрачивает свою легитимность. Разрыв идет как по горизонтали (чему ярким свидетельством являются многочисленные телевизионные ток-шоу, участники которых демонстрируют диаметрально противоположные позиции и точки зрения), так и по вертикали.

Модификация антропологических матриц «русской цивилизации» началась с чудовищных ошибок в процессе «реформирования» советской системы. Деструктивные для отечественной культуры и «народной души» проекты новейшей истории впечатляют: «новое мышление» эпохи М. С. Горбачева ликвидировало могучую сверхдержаву, а заодно и всю мировую систему социализма; погружение России в рыночную стихию за короткий срок разложило общественную мораль, разрушило духовную составляющую личности. В последующие годы основными факторами нравственной деформации стали целенаправленные действия новых агентов «культурной политики»: субъектов «третьего сектора»; развращающего воздействия на сознание и поведение маркетинговых технологий (и прежде всего рекламы и PR-коммуникаций); средств массовой информации – деструктивное влияние послед-

⁵ Современный этап цивилизации сравнивают «с тем переломом, какой имел место, когда человечество как совокупность разумных существ вообще возникло» (А. Зиновьев). Эксперты отмечают, что уже к середине века может наступить фаза «динамического хаоса» (В. С. Степин). Мир неизбежно входит в зону нестабильности, свидетельством чему является расширение географии конфликтов и локальных войн. Это говорит о том, что грядущей реальностью становится предсказанная Хантингтоном война цивилизаций. «Спусковым крючком» для острейшего кризиса всей модели развития цивилизации, авторами и лидерами которой были США и Европа, может стать ожидаемый кризис мировых финансов. Особую тревогу вызывают общемировые процессы системной дезорганизации, сопровождающиеся дисфункцией регулирующих институтов и девальвацией самой идеи мирового порядка (доклад Ю. Громыко на XIII Международных Лихачевских научных чтениях «Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации». – СПбГУП, 16–17 мая 2013 г.).

них на фундаментальные антропологические константы очевидно и масштабно. «Разборка» духовного ядра личности и сегодня осуществляется путем массированного использования репрессивных возможностей лжи (в мощных потоках которой тонет объективная реальность и фрагментируется картина мира, модифицируется до неузнаваемости и подменяется виртуальными муляжами), с помощью манипулятивных практик, подавляющих в человеке его рациональность и провоцирующих животные инстинкты. Апелляция к животным инстинктам в ущерб духовности, маскируясь свободой выбора, фактически оказывается принуждением к «выбору деградации» [2]. Перенасыщенность экрана агрессивными аудиовизуальными образами смерти оказывает мощное эмоционально-психологическое давление на массовое сознание, рождая в широких масштабах подражательную агрессию, вызывая угнетенное состояние пораженной страхом психики, формируя толерантность по отношению к злу⁶. Деформация национально-культурного этоса и ментального типа стала в значительной степени следствием разрушительных в контексте задач воспроизводства «человеческого капитала» реформ системы образования, которые привели к имитации и симуляции образовательного процесса (псевдо-инновации последних лет в системе высшего образования связаны, в основном, с «болонизацией», разрывающей единый цикл формирования личности и подготовки специалиста, в среднем звене – с введением единого госэкзамена, сокращения объема часов на гуманитарные и базовые общенаучные циклы и т. д.).

Однако в ментальных глубинах и в системе исторически устойчивых ценностных доминант отечественного этоса имеются значительные ресурсы, востребованность которых может повысить реалистичность проекта модернизации – «человеческий капитал» России не раз совершал в истории «чудо» преображения и модернизации⁷. Поэтому задачей всех институтов государства и гражданского общества сегодня должно стать утверждение в обществе тех жизненных стратегий, которые составляли ядро традиционного национально-культурного этоса, лежали в основе смысла жизни, социальных отношений, трудовой этики (в том числе составляли социально-нравственную базу советского периода истории). В общественном самосознании необходима реабилитация и последующая системная востребованность типа личности, способной жить по совести, исповедовать моральную ответственность – за свое призвание, судьбу страны, своих близких.

Ресурсом расширения социальной базы такой жизненной стратегии могут стать исторически устойчивые черты национальной ментальности, которые не смог истребить капитализм, а именно: совесть как внутренняя со-настроенность на другого (как мысль, проникнутая чужой болью и радостью), которая является гарантией личной порядочности и нравственной репутации; ценности духовного стяжательства, личного аскетизма

⁶ «Благодаря телевизионным СМИ происходит привыкание общества к терроризму. Опасность заключается в очевидности тенденции к стиранию различия между виртуальным и реальным миром, между театром и жизнью, безумием и нормальностью. Привыкание к террористическому насилию, демонстрируемому на экранах с маниакальной дотошностью к деталям и мелочам, приводит к умиранию нравственного чувства». – См.: Петухов В. Б. Феномен терроризма в информационном пространстве культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. – М., 2009.

⁷ Н. А. Бердяев называет пять периодов, когда Россия вынуждена была заново начинать выстраивать свой духовный образ: Киевская Русь, Россия времен татарского ига, Россия Московская, Россия Петровская и Россия Советская. – Бердяев Н. А. Судьба России. – М., 1990. – С. 55.

и незначимости материальных благ; гражданственность и готовность к самопожертвованию; патриотизм, в основе которого лежит любовь к отечеству и уважение к его истории. Именно на базе такой «антропологической матрицы» можно будет отвергнуть убийственную для страны (и духовного мира личности) потребительскую идеологию, заменив ее мобилизационной стратегией.

Нетрудно заметить, что обозначенные выше личностные качества характерны для человека советского периода, но питающие их ценности корнями уходят в прошлое русской истории, в культуру русского старообрядчества, которая смогла сформировать в XVII–XVIII веках социально-трудовую этику (альтернативную протестантизму!), опирающуюся на базовые ценности национальной культуры и бережно сохраняющую традиции православия (и прежде всего этический идеал Нагорной проповеди Христа). Как известно, именно эта ценностная модель не только обеспечила модернизацию российского общества, но и стала, в определенной степени, идеологической основой формирования национального государства и гражданского общества.

Расширение социальной базы обозначенных выше жизненных стратегий возможно в определенной духовной и социально-культурной среде, творцами которой должны стать все сознательные и ответственные субъекты национальной идеологии и политики и, прежде всего, само государство, которое в российской истории традиционно играло ключевую консолидирующую роль. Для оздоровления общественной идеологии и создания благоприятной духовно-нравственной атмосферы в обществе необходима целенаправленная государственная культурная политика, консолидирующая усилия всех здоровых сил общества (и прежде всего образования, средств массовых коммуникаций, искусства) по нескольким стратегическим направлениям.

Во-первых, формирование (укрепление, реабилитация и т. д.) духовной общности «мы» – народа, нации (которая сегодня фрагментируется и распадается по этническим, региональным, клановым и иным критериям), основанной на соборно-общинной солидарности; демонстрация ее как единственной альтернативы атомарности и конкурентности капиталистических отношений.

Во-вторых, утверждение социальной справедливости как величайшей ценности и основы солидарности. Как известно, в национальном самосознании справедливость всегда воспринималась выше «буквы права» – в конфликте между законом и справедливостью сердце русского человека всегда было на стороне справедливости. Соединяясь с душевной болью за человека обиженного, пострадавшего от несправедливости, справедливость становится в один ряд с милосердием, добром и правдой. Русский человек всегда чрезвычайно болезненно воспринимал элементы несправедливости, и он не готов служить обществу, которое живет по законам джунглей. Желание справедливости резко выросло в последний период, когда народ без всякой «подготовки» был брошен в дикую стихию рынка с ее алчностью, ложью, торжествующей несправедливостью и жестокостью.

В-третьих, реабилитация ценностей духовности и нестяжательства, которые только и могут обуздать гедонистический беспредел и эгоистический разгул сегодняшнего времени.

В-четвертых, духовная элита общества во имя будущего России обязана реабилитировать национальную идею, которая может стать платформой государственной идеологии, ценностной основой для возвращения смысла человеческого труда как способа личностной самореа-

лизации. Национальная идея – это концентрированное выражение смысла бытия нации, она есть такая же «роковая необходимость», как и законы физического мира, – она действует «как реальная мощь», определяет «бытие морального существа», проявляется «как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места... Ни человек, ни нация как моральное существо не могут освободиться от власти идеи, являющейся выражением смысла их бытия, но от них зависит «носить ее в сердце своем и в судьбах своих как благословение или как проклятие» [3, 187]. Духовно-нравственный стержень русской идеи составляет универсализм, этика коллективного спасения. Универсальный характер русской идеи был характерен уже для ранних славянофилов: «По существу, их идеал лежал вне исторических пределов, относясь к вечной правде человеческой природы, говоря о Боге и его благодати. По существу, он был общечеловеческим, превышая все расовые и национальные отличия, переходя все хронологические грани» [4, 42]. Дух русского мессианизма ярко выразил Вл. Соловьев в своем проекте «вселенской теократии»⁸. Ф. М. Достоевский также отмечал, что «назначение русского человека есть, бесспорно, всевропейское и всемирное».

Универсализм рассматривается в качестве базовой характеристики русской идеи. «Мой народ не спасется, если не спасутся все народы. Это и есть русская идея. И ничего другого она не означает... Русская идея – это идея как жить в соответствии с моралью христианства или с моралью коллективного спасения... На этом построена вся великая русская литературная культура, с ее всемирной отзывчивостью, с ее способностью перевоплощаться в кого угодно. С ее колоссальной восприимчивостью. Русские всегда брали на себя миссию какого-то духовного объединения... Русская идея о том, что спасти себя могу не индивидуально, а только в миру, вместе с этим миром. Исторически Россия – это, прежде всего, великая культура с ее вселенской миссией нахождения мостов между конфессиями, культурами, миссия духовного объединения во имя спасения всех, коллективного поиска выхода. Если это уйдет, то вместе с ним уйдет и Россия»⁹.

Сегодняшняя Россия находится в острейшей стадии затяжного кризиса, то есть в той «точке бифуркации», в которой с одинаковой вероятностью сочетаются «траектории» гибели и содержатся шансы спасения, преображения (др. греч. κρίσις – решение, поворотный пункт). Кризис – это хронотоп концентрации непредсказуемых проблемных ситуаций, вызванных вопиющим несоответствием целей и существующих средств их достижения. Ситуация кризиса в максимальной степени сензитивна к конструктивным идеям и замыслам, она готова востребовать инновационные проекты, способные вернуть систему в границы нормы. Дело в том, что переживающая кризис система уже содержит в себе (потенциально) проекты ис-

⁸ «Внимание его было поглощено мечтой об универсальном мессианизме России. Он отождествлял русскую национальную идею с воплощением самого христианства в жизни человечества, с осуществлением на земле Царства Божия в образе вселенской теократии. Но именно потому, что Россия была для него только народ Божий, народ мессианский, он отрицал всякие индивидуальные, особенные черты в русском народном характере. Индивидуальное, особенное у него потонуло в абсолютном, универсальном». – См.: Е. Н. Трубецкой. Старый и новый национальный мессианизм // Русская идея. – М., 1992. – С. 255–256.

⁹ «Мы все время, действительно, жертвовали собой во имя каких-то общих ценностей, идеалов. Сегодня от этого хотят отказаться. Говорят: хватит нам всех этих всемирных планов. Давайте замкнемся в своих национальных границах и будем решать свою проблему. Бог с ними! Вот уйти в себя – это и значит изменить русской идее» (из выступления В. М. Межуева на 7-м заседании «Русского клуба» // Научно-философские диалоги. – М.: Знание. Понимание. Умение. 2002).

целения – они «спрятаны» в той «точке бифуркации», благодаря которой система получает шанс перейти в новое состояние при минимальном изменении её базовых параметров. И еще одна важная деталь: предельная неустойчивость системы в ситуации кризиса снижает значимость силы воздействия, повышая при этом роль концентрированного и целенаправленного «укола», способного перевести систему в новое качество. Адресом такого «укола» в современной ситуации является «человеческий капитал» России, выращивание и сохранение которого должно быть не просто задачей, но спасительной миссией государства и всех социально-культурных институтов и здоровых сил общества. А это значит, что в сложившейся ситуации ключевым условием выживания России становится не столько строительство многомиллиардных «сколковых» или «шизофренические» усилия интегрироваться в «европейский дом» (уже давно переживающий агонию западноевропейского рационализма, постмодернизма и тупики капиталистической модели), сколько вхождение в свою собственную духовную традицию, обретение будущего в неразрывной связи с пониманием ошибок, трагедий и величия исторического прошлого (Д. Лихачев).

Отечественная история знает немало эпох, когда ключевую роль в национальном возрождении играла удивительная способность русской культуры конструктивно реагировать на «вызовы» времени, а также тип русского характера, который в труднейших ситуациях демонстрировал образец самоотверженного служения и высочайшего патриотизма. Своей историей, культурой, подвигом, самоотверженным подвигом служения миру и добру (и конечно, колоссальным и трагедийным опытом сотворенного за последнее столетие зла) российский народ заслужил право на достойное и осмысленное будущее (кстати, не обязательно сытое и благополучное). Мировая и отечественная история показывают, что миром двигают не только страсти, но и добродетели. В этом убеждении – источник нашей веры в возможность духовного преображения «человеческого материала» – этого ключевого фактора успешности модернизационного проекта и выживания России в агрессивном мире, стоящем на пороге тотального конфликта за базовые ресурсы жизнедеятельности.

Литература

1. Богданов Е. В. Об актуальности исповеди. Метафизика исповеди [Электронный ресурс] // Мат-лы Междунар. конф. – СПб., 1997. – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/bogdanov/confess_03.html
2. Данилов-Данильян В. И. Выступление на заседании Русского интеллектуального клуба // Научно-философские диалоги. – М.: Знание. Понимание. Умение, 2004. – № 1.
3. Соловьев В. С. Русская идея // Русская идея. – М.: Республика, 1992.
4. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. – М., 1998.
5. Фурсов А. Конец эпохи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.razumei.ru/lib/article/1968>.

Literatura

1. Bogdanov E. V. Ob aktual'nosti ispovedi. Metafizika ispovedi [Elektronnyj resurs] // Mat-ly Mezhdunar. konf. – SPb., 1997. – Rezhim dostupa: http://anthropology.ru/ru/texts/bogdanov/confess_03.html
2. Danilov-Danil'jan V. I. Vystuplenie na zasedanii Russkogo intellektual'nogo kluba // Nauchno-filosofskie dialogi. – M.: Znanie. Ponimanie. Umenie, 2004. – № 1.
3. Solov'ev V. S. russkaja ideja // Russkaja ideja. – M.: Respublika, 1992.
4. Florovskij G. Iz proshlogo russkoj mysli. – M., 1998.
5. Fursov A. Konec epohi [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.razumei.ru/lib/article/1968>.

УДК 304.5

*М. В. Белозёрова***ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье на основе историографических и архивных источников рассмотрен ряд аспектов формирования феномена толерантности в социально-исторической практике Западной Европы и России.

Ключевые слова: толерантность, мультикультурное общество, межкультурное взаимодействие.

*M. V. Belozeroва***PROBLEM OF TOLERANCE IN INTERNATIONAL COMMUNICATION:
METHODOLOGICAL ASPECT**

The paper dwells on the aspects of formation tolerance in social and historical praxis of Western Europe and Russia.

In the basic of tolerance we can find an “anthropological paradigm” to be exact, Buddhism in the East, Christianity in the West and Islam in the South of Eurasia. Those three religions don’t have any conflicts with other religious systems. They are the same in the negation of the tribal and the racial superiority.

In West Europe the tolerance begins to shape in Middle Ages, especially in period of religious and social wars (15–16th centuries) in Germany, England, France, Switzerland and other countries. These facts we can find in secular literature, for example in poetry of Hans Sachs. In these wars many people had died and the religious confrontation attended with achievement of religious tolerance.

The politic tolerance began to appear in the 18th century (Voltaire, John Locke, Charles Maurice de Talleyrand-Périgord, N. Novikov, I. Krylov and others).

Russia is the multicultural country. Every nation in all times had the religious and political tolerance.

But in the 21th century’s globalization, political modernization, migration, cultural unification revived chauvinism and xenophobia. That’s why the important goal of the society is the education of tolerance.

Keywords: tolerance, multicultural society, intercultural interaction.

Внимание к проблеме толерантности со стороны представителей различных сфер деятельности (политиков, деятелей культуры и искусства, ученых, духовенства) во многом определяется потребностями социальной практики. В условиях глобализации, затрагивающей все сферы жизнедеятельности человека, политической модернизации, быстрого развития коммуникаций, урбанизации и интеграционных процессов, смены мировоззренческих установок, усиливающихся миграционных потоков, культурной унификации и других событий и явлений возрастают риски проявления интолерантности, неприятия и противостояния в виде возрождающегося национализма, религиозного фундаментализма, шовинизма и ксенофобии. Перечисленные факторы, а также осознание этой угрозы политиками и международной общественностью определяют необходимость осуществления сознательной политики по формированию в обществе установок толерантности и делают одной из важных целей развития мирового сообщества формирование культуры толерантности или культуры поддержки разнообразия. Это, прежде всего, означает стремление к формированию толерантных установок в сфере этнических, конфессиональных и культурных отношений. Страна, позволяющая себе такое разнообразие, обладает значительным эволюционным резервом и множеством вариантов решений различных проблем в кризисных ситуациях.

Каковы же социально-исторические корни формирования феномена толерантности? Он, прежде всего, связан с так называемой «антропологической парадигмой», исторически основополагающими составляющими которой в мировой культуре стали буддизм, христианство и ислам соответственно на востоке, западе и юге евразийского мира. Религии, охватившие впоследствии огромные массы людей. У этих трех мировых религий не было непримиримых противоречий с другими религиозными системами, но они были едины в отвержении доктрины разрушения, племенного и расового превосходства.

В европейской, западной, традиции основополагающим антропологической парадигмы стало христианство. Учение Иисуса Христа показало его последователям, где истина и где ересь. Оно, оставляя за человеком право свободного выбора между добром и злом, учило внутреннему смирению, но не раболепию. Завещая: «Люби Бога твоего всем сердцем твоим» и «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», – Христос восстановил первичное – любовь к ближним, независимо от их расы и веры. Учение Иисуса Христа – это учение добра, а не доктрина ненависти. Именно с христианством неразрывно связано понятие «западной культуры». В духовной сфере главные ее достижения – изменение отношения человека к человеку, не проповедование ненависти к другим религиям и народам, отвержение расового превосходства, в материальной – культура определялась достижениями научно-технического прогресса.

История возникновения феномена толерантности уходит в Средневековье и связана с веротерпимостью Реформации. XV–XVI столетия были периодом крупнейших социальных потрясений и религиозных войн, охвативших практически все страны Западной и Восточной Европы. Так, в Германии, где и началась Реформация, в XV веке императорская и княжеская власть оказалась настолько слаба, что не могла противопоставить свои интересы римской церкви. Последняя в это время занимала достаточно сильные позиции и обладала значительными владениями в стране. Результатом стало обострение вражды всех социальных слоев и классов (князей, обедневшего дворянства, бюргерства, крестьянства) к католической церкви. При этом каждая социальная группа преследовала свои цели. Могущественные князья стремились к захвату обширных церковных владений и секуляризации церковного имущества для усиления своей власти и влияния. Рыцарство пыталось захватить церковное имущество, чтобы поднять свое материальное положение и выйти из долгов. В городах идеология народившейся городской буржуазии (бюргерства) с ее деловым, трезвым умом противоречила пышной церковной обрядности, богослужениям и таинствам. Крестьяне и городские низы видели в лице церкви крупного феодального эксплуататора. Среди населения распространялись идеи, что духовенство не должно иметь никаких особых прав и привилегий, церковные земли должны быть поделены между неимущими. Недовольство церковью органически переплелось с острыми социальными противоречиями внутри германского общества [14, с. 7].

Сложившаяся ситуация в обществе и протест против католической церкви нашли широкое отражение в светской литературе того времени, например, в творчестве одного из наиболее значительных немецких поэтов периода Реформации бюргера Ганса Сакса (1494–1576). Он получил права мастера сапожного дела в родном городе Нюрнберге, основал там школу мастерзингеров¹⁰. Захваченный реформаторским движением, Г. Сакс даже на некоторое время отошел от светской поэзии и до 1526 года сочинял, в основном, духовные и полемические произведения. В своем стихотворении «О Виттенбергском соловье, чья песнь слышна теперь везде» (1523) он следующими словами характеризовал «деятельность» римской церкви [10]:

¹⁰ *Мейстерзингеры* – средневековые немецкие поэты и певцы из горожан, преимущественно ремесленников.

*...Совместно с кем святой престол
Свой учиняет произвол.
То капелланы и прелаты,
Затем каноники, аббаты –
Все те, кто нас толкает в грязь,
Над словом божием глумясь.
Повадки их давно известны;
Любые средства им уместны
Для добывания деньжат:
Они молебствия творят
За деньги, мзду берут за воду,
Спасенье продают народу...
...Корыстолюбец поп не прост:
Тотчас же деньги пустит в рост
И вновь получит не без лишка...
...Есть у попов про всех товар –
Лишь покупай и млад, и стар!
Известно – каждый поп и инок
Дом божий превращают в рынок:
Дают реликвии доход,
А главное – в церквах идет
Продажа индульгенций бойко...
...Они из края в край пешком
Бредут – всегда с большим мешком,
В котором индульгенций ворох...
...Нет хищников жадней и злее...
Монахи. Племя их не зря
Веками кровь из нас сосало:
За деньги, яйца, свечи, сало,
За уток, кур, сыры, масла
Творили добрые дела
У нас монашеские братства –
За то и нажили богатство!..*

В то же время большим сочувствием проникнуты слова поэта об участии немецкого народа, который находился в фактическом «рабстве» у католической церкви:

*...Страдает от попов народ,
Не перечесть его невзгод:
Зимой и летом гнет он спину,
Чтоб отдавать им десятину,
Коль не заплатишь – проклянут,
Изгонят, свечи в след швырнут,*

*Другим чтоб было неповадно;
Трудиться разве не досадно
Крестьянину по целым дням,
Чтобы поповским холодам
Сидеть в трактирах было можно,
Кутить и пьянствовать безбожно?...*

Следствием социальных противоречий стали массовые движения (рыцарское восстание 1522–1523 годов, ряд непрерывных крестьянских движений в Германии), к которым присоединилось широкое религиозное движение, охватившее всю страну, и в котором сошлись различные общественные слои.

Сигналом для Реформации послужила деятельность одного из профессоров Виттенбергского университета в Саксонии Мартина Лютера (1483–1546) [14, с. 10], реформационные лозунги которого поддерживались практически всеми слоями населения. Уже упоминавшийся немецкий поэт Ганс Сакс, как и многие его соотечественники, в лице М. Лютера горячо приветствовал Реформацию, выводящую людей «на верный путь из мрака заблуждения». Он написал ряд стихотворений, поддерживающих М. Лютера и протестантизм. Лютера поэт называл «соловьем», «доктором славным». На идеях М. Лютера созрела программа другого видного деятеля Реформации Томаса Мюнцера (1490–1525), пропагандировавшего идеи утопического социализма, то есть общественный строй, при котором, по словам Ф. Энгельса, не было ни классовых различий, ни частной собственности [32]. Реформаторское движение в Германии (а впоследствии также и в других странах Западной Европы) усугублялось деятельностью уже существовавших религиозных сект, среди которых широкой популярностью пользовались анабаптисты («перекрещенцы»), проповедовавшие радикальную религиозную реформу и некоторые «коммунистические» идеи (например, теорию уничтожения неравенства между людьми, общности имущества и т. д.) [14, с. 12].

Однако мировоззренческие установки любой социальной группы или отдельного человека, любое убеждение – религиозное, политическое, культурное – может привести и зачастую приводит к суждению о непогрешимости идеи, об ошибочности взглядов, которые оспариваются, к нетерпимости и даже ксенофобии. В период Реформации именно религиозное мировоззрение вело к фанатизму, ярким примером которого может служить кальвинизм, который как протестантское течение в это время получило широкое развитие. Его приверженцы за свою веру и свои интересы готовы были идти на плаху и на костер (в России таким примером непримиримости могут служить раскольники после реформы Патриарха Никона в 50–60-е годы XVII века). В Европе кальвинисты были беспощадны ко всякой «ереси», как к учению католической церкви, так и еретикам. Но в этом они нисколько не уступали своим самым ярким идеологическим противникам – католикам [14, с. 31]. Кальвинизм вначале обосновался в Женеве, затем распространился и в других странах Европы – во Франции (гугеноты), Нидерландах, Шотландии. Но и реакция со стороны католической церкви не замедлила начаться. В 1542 году были восстановлены инквизиторские суды, в католических станах стала вводиться инквизиция, по Европе запылали костры.

Итоги Реформации известны. Восстания в Германии были жестоко подавлены, по данным исследований, они были «буквально потоплены в крови» [14, с. 20]. Борьба с протестантизмом велась в европейских странах как откровенно репрессивными мерами, так и сравнитель-

но умеренными формами его вытеснения. Следствием реформационного движения, длившегося не одно десятилетие и захватившего и другие страны Западной Европы, стал полный или частичный разрыв связей с римской католической церковью. Эти изменения сопровождались значительными человеческими жертвами как со стороны католиков, так и со стороны протестантов. Исход борьбы во многом зависел от конфессиональной принадлежности и ориентации правящих династий [25, с. 135–138, 260, 262]. Например, Австрия осталась в лоне католицизма. Что касается Германии, где и началась Реформация, то часть земель (например, Бавария) осталась католической, а другая стала протестантской. Например, гейдельбергские курфюрсты, правители Бранденбурга были приверженцами кальвинизма. Протестанты (гугеноты) и католики во Франции нашли компромисс между своими религиозными течениями, подписав Нантский эдикт (1598), которому предшествовало одно из самых кровавых событий истории человечества – Варфоломеевская ночь (24 августа 1572 года). По некоторым данным, тогда погибло около 40,0 тыс. человек. Некоторые исследователи даже связывают появление в мировой культуре термина «толерантность» с подписанием Нантского эдикта.

Тем не менее, в пределах одной страны в результате вначале религиозного противостояния, а затем достижения религиозной терпимости стало возможным существование двух религиозных идеологий – католицизма и протестантизма.

Следующим шагом в становлении толерантности стал кромвелевский период английской истории XVII века. В условиях политических разногласий должны были столкнуться и религиозные течения – англиканское и пресвитерианское, за которыми стояли различные политические направления. Первое – религия дворянства и аристократии. Второе – религия новой «республиканской» партии, отвечавшая «настроениям народа» [15, с. 42]. Результатом стало противопоставление как политических, так и мировоззренческих позиций «англиканства – монархизма – аристократизма» «пресвитерианству – республиканизму – демократии». В армию Кромвеля входили представители различных пуританских сект, среди которых своими убеждениями терпимости выделялись индепенденты и левеллеры. В то же время в массовых движениях в Англии, проходивших под религиозными лозунгами, проявлялся религиозный фанатизм. В результате, как и ранее в ходе реформаторского движения, в условиях религиозного плюрализма и религиозной толерантности был достигнут гражданский мир и созданы условия для установления общей атмосферы милосердия. После революции в Англии утвердилась «система классового компромисса», для которой характерны осторожность, умеренность установок, выдвижение на первый план морально-этических проблем и т. д. [15, с. 30].

В результате в XVI и XVII веках в Европе религиозная толерантность стала понятием из области права. По данным Ю. Хамберса, законодательные акты этого времени предписывали чиновникам и населению толерантное поведение в отношении религиозных меньшинств – лютеран, гугенотов, католиков [30].

Подобная ситуация была свойственна и Америке, куда в то же время со всех сторон Европы устремились представители различных сект, притесняемых и откровенно преследуемых со стороны католической, протестантской и других церквей.

Укоренение религиозной толерантности в европейских странах в полной мере способствовало началу всех других свобод, достигнутых в дальнейшем в обществе. В политическую практику понятие «толерантность» в Западной Европе было введено в XVIII веке. Оно свя-

зано с именами французских просветителей, прежде всего Ф.-М. А. Вольтера (1694–1778), и выражено его афоризмом: «Я не согласен с тем, что вы говорите, но пожертвую своей жизнью, защищая ваше право высказывать собственное мнение». Считается, что здесь обозначена классическая теория толерантности. Также понятие «толерантность» связано с именем политического деятеля Франции Ш.-М. Талейрана (1754–1838). Он при разных правительствах (революционном, при Наполеоне, при Людовике XVII) оставался министром иностранных дел. Согласно мнению некоторых исследователей, отличительной чертой дипломата при сохранении своих собственных принципов было умение учитывать настроения окружающих, относиться к ним с уважением и не ущемлять их интересы [9].

Некоторые исследователи соотносят появление термина «толерантность» с трудами английского мыслителя Дж. Локка (1632–1704), британского философа, одного из выдающихся представителей английского Просвещения и теоретика либерализма. В своих трудах [20; 21] он обосновывал необходимость веротерпимости, права на свободу совести в период ужесточения в Англии религиозных преследований. На титульном листе первого издания «Послания о веротерпимости» (опубликовано на латинском языке) было напечатано «*Epistola de Tolerantia; ad Clarissimum Virum T. A. R. P. T. O. L. A. scripta a P. A. P. O. I. L. A.*» [20].

В России идеи веротерпимости стали очень популярны среди русских просветителей с проникновением просветительских идей в XVIII столетии. Веротерпимость пропагандировалась на страницах журналов Н. И. Новикова (1744–1818) наряду с идеями гуманизма, «просвещенного абсолютизма». Другими русскими просветителями (И. А. Третьяковым, И. А. Крыловым, Д. С. Аничковым и др.) осуждалась религиозная нетерпимость, особенно, католической церкви, гонения с ее стороны, религиозные распри и войны, корыстолюбие и торговля индульгенциями [24, с. 221, 256]. В русской либеральной печати понятие «толерантность» стало употребляться с середины XIX века. Однако с 30-х годов XX века, оно исчезло из русской публицистики вплоть до начала 1990-х годов, пока вновь не появилось в публицистической и политической лексике. Но это понятие относилось исключительно к области медицины и означало невосприимчивость организма к антигену.

Мы не ставим задачей данной статьи рассмотрение собственно термина «толерантность», который в достаточной степени хорошо представлен в энциклопедической и научной литературе [2; 18; 19; 28 и др.], а также приведен в «Декларации принципов толерантности» (ЮНЕСКО) [11]. Но особо отметим, что в основе толерантности как социального явления, как установки сознания лежит готовность человека принимать убеждения и взгляды других людей, признавать способность личности к добровольному и сознательному формированию и развитию социальных установок, которые помогают воспринимать другого человека или социальную группу, их образ жизни, культуру и т. д. Толерантность подразумевает возможность человека/социальной группы преследовать/наказывать другого человека/другую социальную группу, вызывающие у него/них раздражение или неудовольствие, но он принимает сознательное решение не делать этого. Как социальный термин «толерантность» используется «...для характеристики ситуаций диалога культур, достижения консенсуса, рационального обоснования приоритетности поиска путей мирного и стабильного сосуществования в условиях многообразия...» [2, с. 3].

В этом смысле толерантность определяется тесными связями с общечеловеческими гуманистическими ценностями. На протяжении всей жизни человека происходит воспита-

ние и развитие толерантности по отношению к другому человеку, группе людей, их взглядам – мировоззренческим, политическим, идеологическим, религиозным, к национальной принадлежности, культурным ценностям и т. д. И, в конечном счете, речь уже идет не о толерантности одной или нескольких личностей, а о формировании культуры толерантности в обществе, что является актуальным и для Российской Федерации. Толерантность, отвечающая интересам России в целом и реализуемая через культуру, пропаганду, образ жизни и традиции сохранения мира в многонациональном, многоконфессиональном и многокультурном государстве, может содействовать поиску компромиссов, преодолению конфликтов, нетерпимости между представителями отдельных народов, предотвращению конфронтаций и локальных войн, которые в настоящее время приобретают все большую силу и, в свою очередь, ведут к растрачиванию интеллектуальных, нравственных, культурных и материальных сил народов, к ненависти и ксенофобии. Усиление негативных явлений в обществе ведет к тому, что установление добрососедских, миролюбивых и доверительных отношений между отдельными социальными или этническими группами представляется довольно сложным. Положение осложняется и существующими предрассудками, предубеждениями, стереотипами, в том числе и национальными. Они отчасти правдивы, отчасти «мифичны», но сформировались в определенных социально-исторических условиях и могут стать для людей своеобразной преградой во взаимопонимании, так как в достаточной степени устойчивы не только у этнических групп, имеющих давнюю историю конфликтов друг с другом, но и между этносами, имеющими общую историю или давнее сотрудничество. К примеру, у русских, украинцев и белорусов имеются свои стереотипы восприятия друг друга, у кавказских народов – свои и т. п. Что касается отношения европейцев к русским, то можно привести один из многих примеров – представления о русских и России французских и бельгийских студентов, проходивших стажировку в Кемеровском государственном университете, перед их приездом в нашу страну: «Русские много пьют водки, в России много милиционеров, которые следят за населением...» (это особенно беспокоило стажеров), «Россия и, особенно, Сибирь – это безлюдная тундра, где много снега и ездят на собачьих упряжках... существуют большие проблемы с транспортом (поездами, электричками)...» [22] и т. д. Некоторые из них представлены на рис. 1.

*La vodka**Le froid*

La greve des transports

Comment vit-on en Sibérie?

Comment se déplace-t-on en Sibérie?

*Рисунок 1. Некоторые представления
французских и бельгийских студентов-стажеров о русских и России*

Другой пример: отношение местного населения к мигрантам, которые воспринимаются как нежелательный элемент, занимающий рабочие места и усиливающий безработицу среди местного населения. Особое внимание обращается на обычаи мигрантов, которые противоречат местным традициям.

Поэтому во взаимодействии с представителями других этносов, религиозных конфессий, людей/социальных групп, имеющих культурные отличия, важно найти компромиссы, проявлять терпимость, учитывать видение «другой стороны».

В решении непростой задачи признания толерантных отношений большое значение имеет учет исторического опыта, в том числе и Российского государства, которое изначально формировалось как многонациональное, многоконфессиональное и поликультурное. Со-

ветские и российские историки отмечали высокую степень толерантности еще у восточных славян и, прежде всего, веротерпимость руссов по отношению к инаковерующим, будь то иноземцы или соплеменники. С точки зрения исследователя истории русской православной церкви А. В. Карташева, во многом это было связано с языческой идеологией, согласно которой все религии одинаково истинны и связывают людей с Богом. Она допускала существование стольких «национальных» божеств, сколько существовало «народов в мире» [13, с. 145–146, 264–265]. Исследователи древнерусской истории полагают, что веротерпимость русских по отношению к другим религиозным верованиям была их отличительной чертой в домонгольский период и объяснялась, прежде всего, внешними факторами: политическими и торговыми соображениями [13, с. 264–265]. По мнению И. Я. Фроянова, «именно веротерпимостью объясняется тот факт, что в Киеве еще за полвека до Крещения Руси сложилась христианская община и была построена соборная церковь» [29]. Согласно рассказу летописца, «закоренелый язычник» князь Святослав Игоревич не запрещал обращение в христианство своих соотечественников. Его сын, князь Владимир Святой, обменивался с Римским папой «посольствами» и даже благословил миссионерскую деятельность католической церкви в половецкой степи. В больших городах Киевской Руси (Киеве, Ладоге, Новгороде, Полоцке, Смоленске и др.) строились «латинские церкви» и при них служило иностранное духовенство. Другие иноверцы: половецкие купцы (были язычниками), камские болгары (магометане), армяне и иудеи жили в Киеве целыми колониями в особых кварталах и имели право отправления свободного публичного богослужения. Дружелюбием и веротерпимостью к европейцам можно объяснить установление в Киевской Руси праздника 9 мая в память перенесения мощей св. Николая Мирликийского в Бари под влиянием связей с Италией, а также влияние романского стиля на архитектуру храмов Владимиро-Суздальской земли, многие из которых строились итальянскими мастерами. Однако были еще и внутренние причины формирования толерантности русских в домонгольский период. Древнерусское государство Киевская Русь изначально развивалось как объединение славянских, финно-угорских и других племен. Это наложило отпечаток на всю дальнейшую историю, культуру, язык, межнациональные и профессиональные связи как русских, так и других народов внутри государства.

Процесс формирования мультикультурного российского государства шел на протяжении нескольких столетий, вплоть до начала XX века. Как в любом многонациональном государстве, российская имперская политика была направлена на культурную ассимиляцию национальных меньшинств. Однако в отличие от европейских и азиатских стран русское правительство не проводило политики геноцида не только по отношению к народам, добровольно вошедшим в состав Российской империи, но и насильственно присоединенным. Терпимость и толерантность российского государства проявлялась и в том, что почти все национальные окраины сохраняли традиционный образ жизни, национальную культуру, религию, систему местного самоуправления и судопроизводства, а национальная элита получала статус российского дворянства. Начиная с XVI века в феодальное сословие России включалась феодальная знать присоединенных народов, которая пользовалась общегосударственными льготами. Она сохраняла привилегии на своих этнических территориях по мусульманскому и обычному праву. Иноэтничные купцы и ремесленники также получали права и привилегии.

Как пример – отношение русской администрации к инородцам Сибири. Результатом добровольного присоединения коренного населения народов Алтае-Саянского экорегиона Сибири в XVII–XVIII веках стала политика патернализма по отношению к ним и толерантное от-

ношение высших органов власти к этносам, имевшим существенное отличие по традиционной культуре и заведомо стоящих на более низкой ступени социального развития. Толерантность обеспечивала стабильность границ Империи и этносоциальной и этноконфессиональной обстановки вплоть до распространения на данной территории буржуазных реформ 1860–1870-х годов [5; 8; 26; 27].

Другой пример – политика русской администрации по отношению к «завоеванным народам» в ходе Русско-Кавказских войн во второй половине XIX века – горцам Причерноморья (черкесам). Им, в достаточной степени агрессивным по отношению к завоевателям, было предложено переселиться к их военным и политическим союзникам и единоверцам в Турцию или остаться на родной земле, но уже в пределах России, и быть к ней лояльными. После переселения лиц высшего сословия и представителей духовенства для представителей низшего сословия (или «холопов») объявлялась личная свобода, и отводились земли для поселения [1, л. 1, 2, 6; 3].

То есть отношение русской администрации, а также представителей христианской православной культуры к мусульманским народам было далеко не однозначным, особенно в районах Кавказа (не только Причерноморья, но и, прежде всего, Северного Кавказа), присоединенных к России во второй половине XIX века. Однако в российской истории уже имелся опыт мирного сосуществования православия и ислама в Поволжье. Российское правительство и общественность были заинтересованы в создании мирных взаимоотношений и с кавказскими народами. Для решения этих проблем предпринимались определенные шаги. В частности, популяризация Корана как нравственно-юридического кодекса, охватывающего вопросы религиозно-нравственного, гражданского, уголовного и государственного права, объяснение роли в религиозной жизни и быту мусульман других основных источников мусульманского права, норм обычного права, преданий, юридических решений (фетва) законоведов, составленных для разъяснения и применения Корана и Сунетта [12].

Существовало множество примеров проявления толерантности на бытовом уровне. Один из видных представителей русской философской мысли начала XX века В. Ф. Эрн, рассматривая проблемы войны и мира, антагонизма Запада и Востока в статье «Великое в малом», замечает «“малые чудеса” в жизни российского организма», но «огромные по своему духовному содержанию». К таким он относил «неожиданные сближения между народами и народностями». В частности, речь шла о представителях армянской общины, проживавших в небольшом городке Северного Кавказа, к раненым русским солдатам, сражавшимся на фронтах Первой мировой войны. Для них община организовала лазарет. Такое отношение, по словам В. Ф. Эрна, стало в России «обычным делом». Он приводит и еще один факт: встречу двух священников – православного и армянского. Несмотря на ряд догматических и канонических расхождений двух разных исповеданий (православного и григорианского), встреча, по свидетельству философа, происходила «тактично», «с проявлением уважения друг к другу», «без вражды и мелкой розни» [33, с. 304–306]. В. Ф. Эрн объяснил это следующим образом: «Русский батюшка, забыв об учебниках, вспомнил столетия мученического пребывания армянского народа в христианской вере посреди бушующего моря мусульманства, а армянский священник видел на примере тех самых солдатиков, что лежат в лазарете, как льется русская православная кровь для освобождения христианской Армении...» [33, с. 307].

То есть корни дружбы, сотрудничества народов России были рождены и возвращены многовековой историей сосуществования сотен народов, когда на территории России

формировалась их историко-культурная общность, когда судьбы народов были неразрывно связаны с судьбой Отечества, объединяющего их, когда представители всех национальностей самоотверженно служили чести, достоинству и благополучию своей страны [7]. И современная Россия имеет шанс наследовать эти традиции и опыт межнационального и межкультурного сотрудничества и дружбы.

Значительная роль в формировании толерантных отношений в нашем обществе должна принадлежать этнографическому образованию. И здесь трудно переоценить значение учреждений образования и культуры. Значительная роль в просветительской работе принадлежит музеям как специализированным, этнографическим, так и краеведческим. В их экспозициях и фондах содержатся подлинные памятники традиционной культуры различных этносов. Многие музеи в своей работе используют различные формы просветительской деятельности, учитывающие возрастные особенности учащихся, – тематические экскурсии, театрализованные постановки, игровые занятия, написание эссе и т. д. В ходе этого посетители знакомятся с музейными экспонатами, а также с такими понятиями, как «этнос», «этническая история», «традиционная культура», «обычаи» и «обряды».

Если рассматривать ситуацию в сфере образования, то сегодня на профессиональном уровне этнографическим образованием занимаются только на специализированных факультетах университетов (исторические, международных отношений и т. п.). В то же время многие дошкольные учреждения, школы и учреждения дополнительного образования также пытаются передать этнографические знания детям. Программы преподавателей, как правило, индивидуальны и направлены на приобщение детей и подростков к народной культуре и фольклору. В данном случае этнографическое образование не имеет систематического характера, а знания, которые отбираются, интерпретируются и передаются в ходе занятий, зачастую имеют случайный характер. Это свойственно также средствам массовой информации и неформальным национальным общественным организациям, активно работающим в данном направлении. И здесь следует отметить об особой актуальности привития этнографических знаний детям всех возрастных категорий и молодежи, способствующих формированию культуры межнационального взаимодействия и культуры толерантности по отношению к представителям других этносов с их культурным разнообразием.

Но толерантность имеет и оборотную сторону. Подчеркнутое внимание к проблеме межэтнических отношений в целом и толерантности в частности зачастую «порождает» условия для обострения «межэтнических граней». Обращение к идее толерантности подчеркивает неоднородность этносов, во многом способствует их обособленности и, наконец, может принять односторонний характер и превратиться в средство агрессии одних этносов по отношению к другим в требованиях предоставления особых прав и привилегий этническим меньшинствам. Это нарушает права большинства населения государства, хотя и соответствует международным представлениям о правах национальных меньшинств. Как пример можно привести требования присвоить статус коренных малочисленных народов малочисленным этносам, предоставить возможность льготного поступления в высшие и средние специальные учебные заведения молодежи из их среды, налоговые льготы для развития предпринимательства или гарантированную долю от прибыли предприятий, находящихся на «этнической территории» [5; 6]. Открытое проявление этнических интересов стало объективной реальностью. Это способствует сохранению на местах межэтнической напряженности, перешедшей в очередной раз в латентное состояние. Еще одна проблема – религиозный

фундаментализм, главным образом, ассоциируемый с теми представителями ислама, которые в борьбе с глобализмом переступили через нравственно-этические нормы своей религии. В этой связи представляется, что толерантное отношение к «чужим» и «иным» должно иметь свои ограничения, свою меру. Оно не подразумевает идей, поведения, поступков, образцов и т. д., которые неминуемо ведут к деградации, разрушению общества и его духовно-нравственных основ. В то же время толерантность не предполагает обязательного отказа от критики, дискуссии, и тем более – от собственных убеждений.

Литература

1. Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. 348. Личный фонд Валуевского В. М. Оп. 1. Ед. хр. № 8. Л. 1, 2, 6.
2. Бардиер Г. Л. Социальная психология толерантности: автореф. ... д-ра психол. наук. – СПб., 2007.
3. Белозёрова М. В. К проблеме межэтнического взаимодействия на территории российского Причерноморья (на примере Большого Сочи) // Homo communicans II: человек в пространстве коммуникации. – Szczecin, Poland, 2012. – С. 46–52.
4. Белозёрова М. В. Мультикультурная политика и толерантность: проблемы формирования на федеральном и региональном уровнях // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 17, ч. 1. – С. 59–65.
5. Белозёрова М. В. Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири (1920-е годы – начало XXI века): автореф. ... д-ра ист. наук. – Томск, 2008. – 56 с.
6. Белозёрова М. В. Проблемы межнациональной напряженности и толерантность: XX столетие // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2008. – № 5. – С. 17–18.
7. Белозёрова М. В. Толерантность в России: за и против // Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность. – Кемерово, 2009. – С. 153–158.
8. Белозёрова М. В., Садовой А. Н. Проблемы интеграции автохтонного населения Саяно-Алтайского региона в рыночную экономику // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX века. – Томск, 2007. – С. 226–236.
9. Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. – М., 1986.
10. Брант С. Корабль дураков, Сакс Г. Избранное: пер. с нем. / редкол.: А. Аникст, Н. Балашов, Ю. Виппер и др.; предисл. Б. Пуришова; коммент. Е. Маркович и А. Левинстона. – М.: Художественная литература, 1989. – 478 с. – (Библиотека литературы Возрождения).
11. Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс]: утв. резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года. – Ст. 1.1. – Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/declar.html> (дата обращения: 22.07.2013).
12. Караулов 1-й Н. А. Основы мусульманского права // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1909. – Вып. 40.
13. Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. – М., 1992. – Т. 1.
14. Косминский Е. А. Крестьянская война и Реформация в Германии. Лекция 12-я: стенограмма лекции проф. Е. А. Косминского, прочитанной 5 апреля 1938 года. – М., 1938.
15. Креленко Н. С. «Пуританская» революция и английская общественная мысль XVII–XIX веков. – Саратов, 1990. – 112 с.
16. Кудрина Е. Л. Формирование толерантности как инновационное направление подготовки выпускников вузов культуры и искусств в обществе знаний // Информационное общество. – 2008. – № 5–6. – С. 89–91.

17. Кудрина Е. Л., Белозерова М. В. К проблеме формирования толерантности в системе высшей школы на примере Кемеровского государственного университета культуры и искусств // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2008. – № 5. – 103 с.
18. Левченко И. Н. Ценности толерантности и терпимости принимающего сообщества в условиях миграционной подвижности населения юга России: автореф. ... канд. социол. наук. – Ростов н/Д., 2006.
19. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме, критицизме [Электронный ресурс]. – Режим доступа (дата обращения: 12.09.2013).
20. Локк Дж. Опыт веротерпимости // Соч.: в 3 т. – М., 1988. – Т. 3. – (Филос. наследие. Т. 103). – С. 66–90.
21. Локк Дж. Послание о веротерпимости // Соч.: в 3 т. – М., 1988. – Т. 3. – (Филос. наследие. Т. 103). – С. 91–134.
22. Толерантность и стереотипы: мат-лы круглого стола Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств 16 ноября 2010 года. Презентация французских студентов-стажеров Кемеровского государственного университета [Электронный ресурс] // Текущий архив НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций КемГУКИ. – Загл. с этикетки диска.
23. Epistola de Tolerantia; ad Clarissimum Virum, Theologiae apud Remonstratenses Professorem, Tyrannorum Osorem Limborchium. Amstelodamensem, scripta a Pacis Amico. Persecutionis Osore, Iohanne Lockio, Anglo. Напечатан в 1685–1686 годах в Амстердаме. Труд включал работу Дж. Локка «Опыт веротерпимости» и его трактат «A Defence of Nonconformity» («Защита неконформизма»).
24. Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР: в 2 т. / под ред. Г. С. Васецкого, М. Т. Иовчука, А. Н. Маслина и др. – М., 1955. – Т. 1.
25. Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. – СПб., 2002. – 384 с.
26. Садовой А. Н. Народы Южной Сибири в XIX–XX веках. Этносоциальные аспекты патернализма: автореф. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2000.
27. Садовой А. Н. Основные факторы формирования протекционистской национальной политики в южно-сибирском регионе (XVIII–XIX века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы VI год. итог. сессии ИАиЭт СО РАН. – Новосибирск, 1998. – Т. IV. – С. 461–465.
28. Семашко М. А. Развитие термина «толерантность» в гуманитарных науках [Электронный ресурс]: электронный научно-педагогический журнал, 2007.
29. Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.allk.ru/books/363.html> (дата обращения: 16.11.2009).
30. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/797/836/1219/006_habermas_45-53.pdf (дата обращения: 18.04.2013).
31. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) Грузии. Ф. 545. Канцелярия по управлению Кавказскими горами. Оп. 1. Д. 63.
32. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. – М., 1989.
33. Эрн В. Ф. Сочинения. – М., 1991.

Literatura

1. Arhivnyj otdel administracii goroda Sochi. F. 348. Lichnyj fond Valujskogo V. M. Op. 1. Ed. hr. № 8. L. 1, 2, 6.
2. Bardier G. L. Social'naja psihologija tolerantnosti: avtoref. ... d-ra psihol. nauk. – SPb., 2007.

3. Belozjorova M. V. K probleme mezhjetnicheskogo vzaimodejstviya na territorii rossijskogo Prichernomor'ja (na primere Bol'shogo Sochi) // Homo communicans II: chelovek v prostranstve kommunikacii. – Szczecin, Poland, 2012. – S. 46–52.
4. Belozjorova M. V. Mul'tikul'turnaja politika i tolerantnost': problemy formirovaniya na federal'nom i regional'nom urovnjah // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2011. – № 17, ch. 1. – S. 59–65.
5. Belozjorova M. V. Problemy integracii i nacional'nogo samoopredelenija korennyh narodov Juzhnoj Sibiri (1920-e gody – nachalo XXI veka): avtoref. ... d-ra ist. nauk. – Tomsk, 2008. – 56 s.
6. Belozjorova M. V. Problemy mezhnacional'noj naprjazhennosti i tolerantnost': XX stoletie // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2008. – № 5. – S. 17–18.
7. Belozjorova M. V. Tolerantnost' v Rossii: za i protiv // Dialog kul'tur: globalizacija, tradicii i tolerantnost'. – Kemerovo, 2009. – S. 153–158.
8. Belozjorova M. V., Sadovoj A. N. Problemy integracii avtohtonnoho naselenija Sajano-Altajskogo regiona v rynchonuju jekonomiku // Regional'nye osobennosti upravlenija gosudarstvennym hozjajstvom Rossii XVIII – nachala XX veka. – Tomsk, 2007. – S. 226–236.
9. Borisov Ju. V. Sharl' Moris Talejran. – M., 1986.
10. Brant S. Korabl' durakov; Saks G. Izbrannoe: per. s nem. / redkol.: A. Anikst, N. Balashov, Ju. Vipiper i dr.; predisl. B. Purishova; komment. E. Markovich i A. Levinstona. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1989. – 478 s. – (Biblioteka literatury Vozrozhdenija).
11. Deklaracija principov tolerantnosti [Elektronnyj resurs]: utv. rezoljuciej 5. 61 General'noj konferencii JuNESKO 16 nojabrja 1995 goda. – St. 1.1. – Rezhim dostupa: <http://www.tolerance.ru/declar.html> (data obrashhenija: 22.07.2013).
12. Karaulov I. N. A. Osnovy musul'manskogo prava // Sbornik materialov dlja opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. – Tiflis, 1909. – Vyp. 40.
13. Kartashev A. V. Oчерки по истории Русской церкви. – M., 1992. – Т. 1.
14. Kosminskij E. A. Krest'janskaja vojna i Reformacija v Germanii. Lekcija 12-ja: stenogramma lekcii prof. E. A. Kosminskogo, pročitannoj 5 aprlja 1938 goda. – M., 1938.
15. Krenko N. S. «Puritanskaja» revoljucija i anglijskaja obshhestvennaja mysl' XVII–XIX vekov. – Saratov, 1990. – 112 s.
16. Kudrina E. L. Formirovanie tolerantnosti kak innovacionnoe napravlenie podgotovki vypusnikov vuzov kul'tury i iskusstv v obshhestve znanij // Informacionnoe obshhestvo, 2008. – № 5–6. – S. 89–91.
17. Kudrina E. L., Belozjorova M. V. K probleme formirovaniya tolerantnosti v sisteme vysshej shkoly na primere Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – Kemerovo: KemGUKI, 2008. – № 5. – 103 s.
18. Levchenko I. N. Cennosti tolerantnosti i terpmosti priniimajushhego soobshhestva v uslovijah migracionnoj podvizhnosti naselenija juga Rossii: avtoref. ... kand. sociolog. nauk. – Rostov n/D., 2006.
19. Lektorskij V. A. O tolerantnosti, pljuralizme, kriticizme [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.baikal-tolerance.ru/index.php?option=com_content&view=article (data obrashhenija: 12.09.2013).
20. Lokk Dzh. Opyt veroterpmosti // Soch.: v 3 t. – M., 1988. – Т. 3. – (Filos. Nasledie. Т. 103). – S. 66–90.
21. Lokk Dzh. Poslanie o veroterpmosti // Soch.: v 3 t. – M., 1988. – Т. 3. – (Filos. nasledie. Т. 103). – S. 91–134.
22. Tolerantnost' i stereotipy: mat-ly kruglogo stola Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv 16 nojabrja 2010 goda. Prezentacija francuzskih studentov-stazherov Kemerovskogo gosudarstvennogj universiteta [Elektronnyj resurs] // Tekushhij arhiv NII tolerantnosti i mezhkul'turnyh kommunikacij KemGUKI. – Zagl. s etiketki diska.
23. Epistola de Tolerantia; ad Clarissimum Virum, Theologiae apud Remonstratenses Professorem, Tyrannorum Osorem Limborchium. Amstelodamensem, scripta a Pacis Amico. Persecutionis

- Osore, Iohanne Lockio, Anglo. Napechatan v 1685–1686 godah. v Amsterdame. Trud vkljuchal rabotu Dzh. Lokka «Opyt veroterpimosti» i ego traktat «A Defence of Nonconformity» («Zashhita nonkonformizma»).
24. Ocherki po istorii filosofskoj i obshhestvenno-politicheskoj mysli narodov SSSR: v 2 t. / pod red. G. S. Vaseckogo, M. T. Iovchuka, A. N. Maslina i dr. – M., 1955. – T. 1.
25. Prokop'ev A. Ju. Germanija v jepohu religioznogo raskola 1555–1648. – SPb., 2002. – 384 s.
26. Sadovoj A. N. Narody Juzhnoj Sibiri v XIX–XX vekah. Etnosocial'nye aspekty paternalizma: avtoref. ... d-ra ist. nauk. – SPb., 2000.
27. Sadovoj A. N. Osnovnye faktory formirovanija protekcionistskoj nacional'noj politiki v juzhno-sibirskom regione (XVIII–XIX veka) // Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly VI god. itog. sessii IAI Et SO RAN. – Novosibirsk, 1998. – T. IV. – S. 461–465.
28. Semashko M. A. Razvitie termina «tolerantnost'» v gumanitarnyh naukah [Elektronnyj resurs]: elektronnyj nauchno-pedagogicheskij zhurnal, 2007.
29. Frojanov I. Ja. Nachalo hristijanstva na Rusi [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.allk.ru/books/363.html> (data obrashhenija: 16.11.2009).
30. Habermas Ju. Kogda my dolzhny byt' tolerantnymi? O konkurencii videnij mira, cennostej i teorij [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://ecsocman.hse.ru/data/797/836/1219/006_habermas_45–53.pdf (data obrashhenija: 18.04.2013).
31. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (CGIA) Gruzii. F. 545. Kanceljarija po upravleniju Kavkazskimi gorcami. Op. 1. D. 63.
32. Jengel's F. Krest'janskaja vojna v Germanii. – M., 1989.
33. Jern V. F. Sochinenija. – M., 1991.

УДК.930.2+314.02

А. Н. Садовой

АССИМИЛЯЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (на примере Черноморского побережья Кавказа)¹¹

В статье поднимается проблема выбора инструментария анализа взаимосвязи между этнодемографическими процессами и формами межэтнического (межкультурного) взаимодействия. Территориальные рамки исследования охватывают российскую часть побережья Черного моря – зону проведения Зимней Олимпиады 2014 года. На примере выборочного исследования двух этнических групп (украинцев, эстонцев) сформирована рабочая гипотеза, согласно которой ассимиляционные процессы в среде мигрантов в районе русского побережья Черного моря являются перманентным фактором воздействия на систему межэтнических (межкультурных) коммуникаций. Прогнозируются три возможных сценария развития ситуации.

Ключевые слова: Черноморское побережье Кавказа, этническая структура населения, демографические процессы, миграции, межкультурное и межэтническое взаимодействие, методика исследования.

¹¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Этнодемографический мониторинг развития туристической инфраструктуры на особоохраняемых природных территориях Северо-Западного Кавказа» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности».

A. N. Sadovoy

ASSIMILATORY ASPECTS OF THE CROSS-CULTURAL INTERACTIONS (on the example of the Black Sea coast of the Caucasus)

The problem of selecting tools for analyzing the relationship ethnic and demographic processes and forms of interethnic (intercultural) interaction is solved in the paper. The territorial scope of the study covers the Russian part of the Black Sea coast – the zone of the Winter Olympics in 2014. The working hypothesis is formed on the basis of a sample survey of demographic processes in the environment of the two ethnic groups: Ukrainians and Estonians. According to this hypothesis, the assimilation processes among migrants in this region are the determining factor and permanent effect on the system of interethnic (intercultural) communication. Three possible scenarios for the situation development are projected.

The first scenario is associated with a steady trend of the ethnic minorities number downward. As a result of this process, the system of inter-ethnic and inter-cultural interaction in the area will be determined by two ethnic groups – Russian and Armenian. Preservation of ethnic identity in areas densely populated by minorities depends on the family institute state, the traditional economic specialization, the ethnic entrepreneurship development level and positions in the urban sectors of the economy.

The second scenario is based on the trend of new ethnic enclaves form from labor migrants attracted to the creation of the Olympic infrastructure. Training of personnel to maintain sanitary conditions in the city was not foreseen in the urban infrastructure modernization programs. The migrants occupy this sector of the economy? Which is not prestigious for residents. According to the identified ethno-demographic trends in the region, it is expected that the assimilation process is not affected by this group for one or two generations. The reasons there are religious differences and a low threshold to adapt to the urban environment of migrants from rural national enclaves. At the same time the formation of ethnic specialization, may be a factor in the forced adaptation of migrants to the urban environment.

The third scenario is connected with the assumption that the “external” factor may become the dominant in the inter-ethnic relations system. We are talking about the formation of qualitatively “new” system of interaction between the frontier subjects of the Russian Federation and foreign countries (Georgia, Abkhazia, Ossetia, Turkey), represented by the “diasporas”. In this case, the system of inter-ethnic relations is transformed into a political dialogue.

The inter-ethnic communication development directions will be determined in the next decade. Every possible scenario includes the risk of inter-ethnic relations complications. This fact actualizes the problem of the ethnological monitoring organization and training in the field of social and applied anthropology for regional needs.

Keywords: Black Sea coast of the Caucasus, ethnic structure of the population, demographic processes, migrations, cross-cultural and interethnic interaction, research technique

В районе МО «Город-курорт Сочи», охватывающего более 100 км Черноморского побережья Кавказа, по переписи 2010 года, проживают 343,3 тыс. человек, представляющие 112 этносов [15, с. 52]. По этнической структуре район, на первый взгляд, не имеет принципиальных отличий от населения Краснодарского края [16]. В то же время прослеживаются существенные отличия в динамике и механизме (комплексе причинно-следственных связей) этнодемографических процессов. Специфика связана с историей заселения, во многом определяемой государственной стратегией развития рекреационного потенциала района. Это прослеживается по динамике изменения численности населения, *агломерации десят-*

ков населенных пунктов, получивших название муниципальное образование «Город-курорт Сочи» (табл. 1). Представленный временной ряд отражает ряд демографических тенденций, которые необходимо учитывать при анализе взаимосвязи этнических процессов и современной этносоциальной ситуации, сложившейся в районе.

Таблица 1

**Динамика изменения численности городского населения.
МО «Город-курорт Сочи» г. Сочи. 1887–2012 годы [2; 7]**

	1887	1897	1916	1926	1932	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2006	2010	2012
МО	0,1	1,3	13, 2	44,0	-	71,0	127,0	245,3	292,3	361,2	397,1	-	420,6	437,6
Город	-	-	-	14,6	17,0	49,8	81,9	203,1	245,6	314,8	328,8	329,5	343,3	360,3

Тенденция I. Согласно данным историографии, статус городского поселения Сочи приобрел 01.05.1898 года; города – в 1917 году. Начало формирования инфраструктуры в историографических источниках отнесено к первому («довоенному») десятилетию XX века [11; 21, с. 34, 62–77]. Согласно представленной динамике соотношения городского и сельского населения, процессы *урбанизации* охватили район значительно позднее, не ранее середины 1930-х годов. В связи с этим этнодемографические процессы, характерные для этого района, были на всех этапах истории детерминированы государственными программами развития его рекреационного потенциала. Программы реализовывались, в основном, в процессе создания городской инфраструктуры. Процессы сельскохозяйственного освоения района, осуществляемые переселенцами, имели четко выраженный вторичный характер. Сельский уклад жизни не определял систему межкультурных и межэтнических коммуникаций. Она формировалась в процессе урбанизации. Этнические процессы охватывали, в основном, «городскую среду».

Тенденция II. Половозрастная и этническая структура городского населения стабилизировалась только к 1970-м годам. Связано это с тем, что население города формировалось за счет привлечения к его строительству мигрантов. Темпы естественного воспроизводства населения города с 1880 по 1970-е годы уступали темпам миграционных процессов. За 70 лет, прошедших с начала курортного строительства, численность населения г. Сочи, по официальным источникам, увеличилась более, чем в 20 раз. Доля семей, проживающих в агломерации на протяжении трех и более поколений, теоретически не может превышать 10 % от общего состава населения. В этой связи можно предполагать, что механизм формирования в г. Сочи с 1930-х годов городской инфраструктуры (по динамике и общей направленности) аналогичен существующему в мегаполисах. Протекавшие здесь демографические процессы, однозначно, не характерны для прилегающих сельскохозяйственных районов. Так, несмотря на то, что в Краснодарском крае процессы урбанизации начались на столетие раньше (на рубеже XVIII–XIX веков), они так и не стали стержнем регионального развития. Край по завершении индустриализации (1939 год) продолжал сохранять статус аграрного рай-

она: доля сельского населения составляла 75,3 %. Согласно последним исследованиям, более 80,0 % прироста городского населения на Кубани в 1920–1940-е годы определялось как миграциями, так и преобразованием сельских населенных пунктов в города. При этом удельный вес естественного воспроизводства населения городов оставался незначительным [9]. Эта тенденция сохраняется вплоть до настоящего времени: Краснодарский край в 1990–2001 годы имел один из наиболее высоких в Российской Федерации показателей (коэффициент) миграционного прироста (113 %), что в условиях современного демографического кризиса стабилизирует социально-экономическую обстановку [17, с. 43].

Тенденция III. Характер межэтнического взаимодействия с 1930-х по 1990-е годы определялся формированием этнического ядра славянских групп населения, большая часть которых была представлена русскими [4, с. 174–183; 2, с. 46–52]. Автохтонное население побережья (убыхи, абадзехи) к концу XIX века эмигрировало. Незначительная часть оставшихся этнических групп (шапсуги) после завершения движения «мухаджиров» существенного воздействия на систему межэтнических отношений в течение всего XX века не оказывала. Проводимый в сети Интернет тезис о завершенном характере этнополитической консолидации «адыгских племен» к завершению Кавказской войны (конец XIX века) не подтверждается материалами переписи 2010 года. Предоставленная государством возможность самоопределения привела к выбору шапсугами статуса коренного малочисленного народа России (мира). Сохранили традиционные этнонимы кабардинцы и черкесы, проживающие на территории района.

В целом можно отметить, что специфика межкультурной коммуникации в этом районе определялась органичным сочетанием урбанизации и миграционных процессов. С увеличением числа этнических групп за счет переселенцев, межэтническое взаимодействие определялось уже не столько интеграцией мигрантов в формируемую систему межэтнических отношений (она было слишком динамичной), сколько их адаптацией к социальным проблемам, определяемым урбанизацией. В результате, начиная с 1920-х годов, сохранение относительно замкнутых этнических сообществ («этнографических групп») стало возможным только в сельских населенных пунктах, включенных в агломерацию. Условий для формирования «этнических кварталов» вплоть до конца XX века в этом районе не существовало.

Особый интерес представляет корреляция урбанизации и ассимиляционных процессов. Как в историографии, так и в общественном сознании традиционно представление, что городская среда на всех этапах истории является «плавильным котлом», стирающим этническую самоидентификацию. Не случайно за пределами Российской Федерации русский язык часто рассматривается не столько как этнический маркер, сколько как средство межэтнической коммуникации. Этноним Russian (русские) применяется для обозначения выходца из России, вне зависимости от его этнической самоидентификации. Если обратится к исследуемому району, то в бытовом сознании его обитателей широко распространены представления о «проблемном» характере этнической самоидентификации «русских». Представители этнических меньшинств часто рассматривают русских в качестве своеобразного конгломерата мигрантов из разных районов России, не имеющих представления о «своей» этнической истории и культуре. Городская культура перестает быть «русской»: она рассматривается в качестве последствия синтеза культур этнических меньшинств, вне зависимости от наличия в их этнической истории опыта государственного строительства, урбанизации, интеграции в мировую культуру и т. д. В этой крайне противоречивой ситуации ассимиляция перестает рассматриваться

в качестве последствий осознанной этнической самоидентификации. Этот процесс рассматривается в контексте «маргинализации» – признания мигрантами факта потери «этнического лица». Сложившаяся в общественном сознании ситуация не случайна. Представляемый через СМИ спектр оценок истории и социальных проблем «русского народа», как правило, не имеет под собой научной основы. Определяется это тем, что в российской историографии второй половины XX – начала XXI века история этнических меньшинств Российской Федерации исследована несопоставимо значительно глубже, чем этнические процессы в среде титульного этноса. Взаимосвязь социальных (идеологических) и гносеологических факторов этого социального феномена вскрыта проф. А. В. Гадло [10, с. 22–25]. Аналогичная ситуация характерна и для региональной историографии. Как правило, этнодемографические процессы остаются за пределами внимания исследователей. Это прослеживается как по ограниченному количеству публикаций, так и по крайне противоречивым данным по этнической структуре и системе расселения населения Черноморского побережья Кавказа. Одной из причин является узость источниковой базы. Приводимая в сети Интернет «абсолютная» численность этнических групп (до человека), как правило, основана на результатах переписей. Однако в среде профессиональных этнографов этот источник не считается информационно емким для полиэтничных районов с высоким уровнем мобильности населения.

Черноморское побережье Кавказа как пограничный район Российской Федерации принял в последние десятилетия несколько миграционных волн. Они были обусловлены как серией межэтнических конфликтов в бывших республиках СССР, так и оттоком населения из российской глубинки в результате распада социальной инфраструктуры. Система муниципальной статистики, основанная на институте прописки, не была сориентирована на столь динамичные процессы. Полевые материалы автора отражают, что поселковые администрации, как правило, не обладают данными по этнической и возрастной структуре подведомственной территории. Эта ситуация характерна как для отдаленных районов (Севера, Сибири и Дальнего Востока), так и для европейской части Российской Федерации. В качестве примера можно привести бассейн р. Мзымта, где формируется инфраструктура Зимней Олимпиады 2014 года. Из-за появления городков временного проживания тысяч строителей, прибывших с Северного Кавказа и Средней Азии, и скупки у местного населения земель поселковая администрация (Красная Поляна) не имеет возможности контролировать подведомственную территорию. Это проявляется в широко распространенной практике самовольного строительства, оказывающего воздействие на изменение этнического состава города за счет трудовых мигрантов. За последнее десятилетие вне контроля поселковых и районных администраций агломерации уже построены сотни жилых строений, доступ к которым ограничен частными охранными структурами. Если проблема социальных последствий этого феномена уже поднята на федеральном уровне, то ее этническая составляющая остается пока за пределами внимания органов муниципальной власти [6; 24].

Следующий методический аспект проблемы определяется традиционными для региональной историографии характеристиками Черноморского побережья Кавказа в качестве полиэтничного района. Признание факта мирного сосуществования *десятков* народов уже стало признанием взаимной «политической корректности» органов власти и национальных общественных организаций.

Таблица 2

Этнический состав населения агломерации Большой Сочи [25, 13, 8]

		1900		1989		2002		2010			
		п	%	п	%	п	%	Сочи	КП	Σ	%
1	Русские	20,3	61,5	254,2	70,37	268,1	67,5	249,1	3,7	252,8	72,7
2	Казаки							0,14		0,14	0,04
3	Украинцы	нд	нд	21,9	6,0	14,6	3,7	8,2	0,18	8,3	2,4
4	Белорусы	нд	нд	4,0	1,1	2,6	0,6	1,6		1,6	0,5
5	Черкесы	2, 1	6,4					0,2		0,2	0,06
6	Шапсуги							0,7		0,7	0,2
7	Адыгейцы			4,4	1,2	4,8	1,2	1,7		1,7	0,5
8	Кабардинцы							0,2		0,2	0,06
9	Абхазы			0,5	0,14			1,1		1,1	0,3
10	Азербайджанцы			0,8	0,2	1,0	0,3	0,9		0,9	0,26
11	Армяне	1, 3	3,9	52,6	14,6	80,0	20,2	46,8	0,1	46,9	13,5
12	Грузины	1,1	3,3	5,6	1,55	9,3	2,3	6,5	0,04	6,54	1,9
13	Осетины			0,5	0,14			1,0		1,0	0,3
14	Аварцы							0,2		0,2	0,06
15	Чеченцы							0,2		0,2	0,06
16	Эстонцы	0,2	0,6	0,6	0,16			0,2	0,02	0,22	0,06
17	Немцы			1,0	0,28	0,7	0,2	0,5		0,5	0,14
18	Евреи			1,2	0,4			0,4		0,4	0,12
19	Чехи	0, 8	2,4								
20	Поляки	0,3	0,9					0,2		0,2	0,06
21	Греки	5, 6	17,0	4,5	1,25	3,7	0,9	2,0	0,5	2,5	0,7
22	Сербы							0,17		0,17	0,05
23	Молдаване	1,0	3,1	0,9	0,25			0,5		0,5	0,14
24	Турки	0,3	0,9					0,13		0,13	0,04
25	татары			2,2	0,6	2,0	0,5	1,7		1,7	0,5
26	Мордва			0,6	0,16			0,2		0,2	0,06
27	Чуваши			0,8	0,2			0,4		0,4	0,12
28	Башкиры							0,2		0,2	0,06
29	Узбеки							0,3		0,3	0,08
Другие				4,9	1,4	10,1	2,3	1,8	0,13	2,2	0,53
Не указано								15,8	0,01	15,8	4,5
Общий состав		33,0	100	361,2	100	397,1	100	343,3	4,6	347,9	100

Однако, если современную систему межэтнической коммуникации рассматривать не как «штамп», а в качестве объекта научного исследования, то необходимо акцентировать внимание не столько на количественном, сколько на качественном составе населения. Интерес представляют этносы, взаимодействие которых на разных этапах исторического развития является гарантом политической стабильности. Это, хотя и сужает предметную область исследования, делает его результаты более репрезентативными. Проиллюстрируем данное положение. Из 112 этносов, зафиксированных в агломерации Большой Сочи переписью 2010 года, только 28 (25 %) имели численность более 100 человек (табл. 2).

Общая численность остальных 87 этнических групп составляет всего 2,2 тыс. человек (0,5 %), что позволяет утверждать: в системе межэтнических отношений на уровне агломерации эти этносы никакой роли не играют, даже в тех случаях, когда они представлены национальными ассоциациями. Планку 1 тыс. человек превысили только 10 этносов; 5 тыс. – 4 этноса; 10 тыс., не считая русских, только армяне. В историографии уже сформировались представления о том, что система текущего межэтнического взаимодействия начинает проявляться между представителями групп, превышающих 10 % от общей численности населения района (города). Помимо собственно русских эти пороговые значения превысили только два этноса: греки (в начале XX века) и армяне, начиная с 1990-х годов. Если же ставить вопрос в плоскость определения этноса (этносов), «ориентированного» на ассимиляцию меньшинств, то статистика опять же подсказывает, что этническим ядром могут выступать только два этноса: русские и армяне. В этой связи однозначная характеристика района в качестве полиэтнического достаточно условна. Она в большей степени имеет черты дуального взаимодействия.

Насколько информации о численном составе этнических меньшинств, содержащейся в официальных источниках и СМИ, можно доверять? С одной стороны, возникает вопрос об объективности данных переписи 2010 года, отражающих сведения об общей численности населения агломерации г. Сочи (343,3 тыс.). Связано это с тем, что с 1979 года, по официальным данным, численность населения увеличилась на 30 % (табл. 1). Однако за этот же период плотность застройки всех прибрежных районов агломерации, как и численности населения, росла более чем динамично. Только за последнее десятилетие в городе построено более 200 высотных строений. При анализе динамики изменения этнической структуры города возникают вопросы, связанные с информационной емкостью официальных источников. Так, по мнению экспертов, перепись 1989 года в части определения удельного веса армян в этнической структуре города более репрезентативна по сравнению с переписью 2010 года. Однако и перепись 1989 года трудно рассматривать в качестве объективного источника в силу исключительно высоких темпов мобильности группы в этот период. Принято считать, что наиболее отчетливо миграционный приток армян проявился уже после Спитакского (Ленинканского) землетрясения (07.12.1988 года). Это стихийное бедствие, охватившее 40 % территории Армении и оставившее без крова более 500 тыс. человек, объективно способствовало оттоку населения из республики. По данным СМИ, численность армянской общины в г. Сочи в это время выросла не менее, чем на 25%. В дальнейшем расширение представительства армян в структуре города связано с Карабахским конфликтом (1987–1994 годы.). Следующим районом «исхода» стала Абхазия, этносоциальная обстановка в которой была дестабилизирована в ходе абхазо-грузинских конфликтов 1992–1993, 1998, 2001 годов. Так, армянская община Абхазии в 1989 году составляла 76,5 тыс. человек; по переписи 2003 года – 44,9 тыс. чел. К 2011 году она сократилась уже до 41,9 тыс. человек.

В этой связи появляются вопросы, на которые в историографии нет ответов:

- чем объясняется «потеря» за 2002–2010 годы 33 тыс. человек?
- какова численность диаспоры армян, сформировавшейся из эмигрантов с территории бывших союзных республик?
- каково соотношение автохтонной (амшенской) группы армян, основавшейся на побережье в начале XX века, по отношению к эмигрантам с территории Армении и Абхазии?
- какое место занимает этническое предпринимательство армян в инфраструктуре города на всех этапах его истории?

Не случайно историю формирования диаспоры, этногенеза и культурогенеза армян этого района можно считать одним из наиболее перспективных объектов исследования.

Стоит отметить, что высокие темпы миграции (эмиграции) с территории Абхазии были характерны и для других этносов. Так, община русских в 1989 году, составляющая в Абхазии 74,9 тыс. чел., сократилась в 2003 году до 23 тысяч; в 2011 году – до 22 тыс. человек. Эти же процессы охватили и греков. Они сократили свое представительство в Абхазии с 14,7 тыс. до 1,5 тыс. (2003). Украинцы – с 11,6 тыс. человек (1989) до 1, 7 тыс. чел (2011). В результате миграции более 200 тыс. грузин этнический состав этого пограничного с МО Большой Сочи района кардинально изменился. Удельный вес абхазов в составе республики достиг 50,8 %.

Круг проблем межэтнического взаимодействия в сопредельных районах по своему внутреннему содержанию стал во многом идентичным:

- бизнес-структуры обоих районов, в основном, ориентированы на развитие рекреационного потенциала «своей» территории и объективно являются конкурентами;
- в этническом составе доминирует один этнос: в г. Сочи – русские; в Абхазии – абхазы;
- в каждом образовании представлены десятки этнических групп, из которых только несколько (армяне – в г. Сочи; грузины, армяне, русские – в Абхазии) имеют перспективу развития национально-культурной автономии;
- этнические группы, сформировавшиеся в начале XX века (молдаване, греки, украинцы, немцы, евреи), последовательно сокращают свое представительство в этнической структуре районов.

Возвращаясь к ассимиляционным аспектам межкультурного взаимодействия, следует особо отметить, что на территории бывшего СССР не так много районов, где ассимиляционные процессы стали причиной военных конфликтов и массовых миграций. Абхазия входит в этот перечень. Начиная с 1930-х годов, органами власти Грузии целенаправленно проводилась политика ассимиляции этнических меньшинств [1, с. 253]. Именно этот фактор, по мнению абхазских исследователей, стал основной причиной дестабилизации межэтнических отношений, затронувшей весь экорегион Кавказа. Вплоть до настоящего времени ситуация в республике неустойчива. Это проявляется по ряду латентных признаков. Так, вплоть до настоящего времени часть армянской общины г. Сочи, сохранившая свою собственность (дома, участки) в Абхазии, не ориентирована на возвращение в места традиционного проживания. Аналогичная мотивация характерна и для представителей общин русских, украинцев и греков. В этой связи возникает предположение о взаимообусловленности дестабилизации этнополитической обстановки и снижения динамики ассимиляционных процессов в среде представителей второго-третьего поколения мигрантов. Встает и вопрос, насколько связаны высокие темпы мобильности населения в этом районе с тенденциями, фиксируемыми с 1990-х годов в Краснодарском и Ставропольском краях [16].

Распространенная на Кавказе в 1990-е годы тенденция решения социально-политических проблем на основе насилия на фоне *перманентной стабильности* межэтнических отношений в русском Причерноморье наложила определенный отпечаток на характер современного межэтнического диалога. Сохранение мира в этом районе, несомненно, является достижением преемственности как региональной национальной политики на протяжении всего XX столетия, так и традиции взаимодействия христианских конфессий, включая диалог русской и грузинской православных церквей. Предоставление в дореволюционный период возможности переселения по признаку конфессиональной принадлежности (предпочтение отдавалась христианам) оказалось тем фактором, который сформировал условия мирного сосуществования в течение всего XX столетия. В то же время система взаимодействия на уровне приходов православных церквей может иметь латентный характер. Так, позиция грузинской общины в организации системы межэтнического диалога в российских СМИ фактически не отражена. На наш взгляд, это определяется не только характером русско-грузинских отношений на межгосударственном уровне, но и высокой мобильностью группы. В настоящее время на территории Сочи проживает 6,5 тыс. грузин, против 9,3 тыс. в 2003 году и 5,1 тыс. в 1989 году.

Следующая группа вопросов связана с методикой исследования этнических процессов и обуславливающими ее источниками информации. Ассимиляционные процессы определяются не столько численностью этнической группы, сколько характером ее расселения, состоянием социальных институтов, системой жизнеобеспечения, традиционной хозяйственной специализацией и степенью развития этнического предпринимательства. Эти аспекты в региональной историографии явно не исследованы в должной степени.

При отражении мест компактного проживания этнических меньшинств обычно используется четко определенный список источников. Для дореволюционного периода это переписи, списки населенных пунктов (по губерниям), метрические книги, записки путешественников и отчеты миссионеров, карты. На этой основе в настоящее время формируются топонимические словари и перечни населенных пунктов, содержащие информацию об истории их создания и этническом составе [7, 14]. Для историографии XX века характерно расширение круга источников за счет привлечения справочных материалов, поступающих в вышестоящие органы власти от поселковых администраций, полевых материалов этнографических исследований, социологических опросов, материалов СМИ, историографических источников.

Стоит отметить, что на каждую из приведенных групп источников можно опираться только на этапе формирования рабочих гипотез, не более. Связано это с тем, что выявление механизма (комплекса причинно-следственных связей) этнических процессов возможно только на основе статистической обработки массовых источников: первичных материалов переписей и социологических опросов (формализованных интервью, анкет), похозяйственных книг, материалов ЗАГСов. Введение в оборот этой группы источников определяет применение выборочного метода исследований и технических приемов статистической обработки. К сожалению, эти подходы абсолютно не типичны для отечественной этнологии и этнографии. Отсутствие в исследованиях разделов, посвященных оценке репрезентативности полученных выводов, обуславливается применением исключительно *описательных методов*. В результате формируются *устойчивые представления (стереотипы)* о содержании этнических процессов. Так, сокращение той или иной группы этнических меньшинств, стирание этни-

ческих различий, выявляемое при полевых исследованиях, однозначно, рассматривается в качестве индикатора взаимообусловленных этнических процессов – ассимиляции и аккультурации. Оба процесса также традиционно рассматриваются в качестве социальных последствий урбанизации и свойственных ей форм повседневной межэтнической (вариант межкультурной) коммуникации. Этническое предпринимательство считается исключительно формой адаптации мигрантов и их потомков (одно-два поколения) к городской среде [20]. Внешняя простота этих логических построений приводит тому, что под схожие «описательные схемы» можно подвести любую этническую группу. Все это превращает этнические процессы в городской среде в крайне не привлекательный объект исследования для специалистов, ориентированных на выявление устойчивых форм этнической культуры. В результате «пренебрежения» ассимиляционными процессами объективно сужается не только предметная область, но и инструментарий исследования. Формируется представление о линейном характере взаимосвязи между этническим составом и культурой населения для всех этапов его этнической истории. Ассимиляция при этом аспекте анализа рассматривается как процесс последовательной потери этнического самосознания, охватывающего *все группы резидентов*. Вклад мигрантов (нерезидентов) и их потомков в первом-втором поколении в процесс межкультурного взаимодействия, причины отказа от этнической самоидентификации, как правило, не являются объектом внимания российских этнографов.

Традиционные подходы, на наш взгляд, неприемлемы при исследовании этнических процессов на Черноморском побережье Кавказа. Связано это не только с исключительно высокими темпами мобильности населения, но и с проявляющейся в течение последних 150 лет этнической спецификой адаптационных механизмов. На ассимиляционные процессы оказало прямое воздействие несколько волн миграций. В силу этого выйти на региональную специфику этих процессов можно только на основе выборочного, поэтапного исследования, охватывающего несколько хронологических срезов. Его алгоритм уже апробирован в Сибири при проведении этнологических экспертиз [21; 23].

В рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности» Сочинским научно-исследовательским центром в 2012–2013 годах был сделан первый шаг в формировании методического обеспечения этнологического мониторинга [22, с. 33–37]. В качестве полигона для отработки методик был выбран район проведения Зимней Олимпиады 2014 года, охватывающий населенные пункты среднего и верхнего течения р. Мзымта. Выбор был определен не только полиэтническим составом населения, но и высокими темпами формирования инфраструктуры Олимпиады (транспортная сеть, гостиницы, спортивные объекты), вызывающими необратимые последствия в системе традиционных межкультурных коммуникаций. На первом этапе исследования решалась проблема формализованного описания этносоциальной обстановки в период, предшествующий реформам 1990-х годов. На основе делопроизводственной документации Краснополянского сельского совета (Адлеровский район г. Сочи) была сформирована электронная база данных по этнодемографической и социально-экономической структуре населения пяти населенных пунктов (Эсто-Садок, Медовеевка, Рудник, Чвижепсе, Кепша). База охватывает три хронологических среза (табл. 4), что позволяет выйти на определение общей направленности этнодемографических процессов.

Таблица 4

Структура электронной базы

	Населенный пункт	№ похоз. книг	Номера лицевых счетов	Число хозяйств	Число жителей
1958–1969 годы					
1.1.	Эсто-Садок	4	160–256	96	337
1.2.	Медовеевка	1	1–47	47	160
1.3.	Чвижепсе	7	281–324	43	148
1.4.	Рудник	3	133–155	22	72
1.5.	Кепша		49–140	91	291
ВСЕГО				299	1008
1973–1975 годы					
2.1.	Эсто-Садок	1-2	20–152; 3 без л. с.	135	339
2.2.	Медовеевка	3	288–228	43	107
2.3.	Чвижепсе	1	152–157; 7 без л. с.	32	91
2.4.	Рудник	5	1–19; 3 без л. с.	22	84
2.5.	Кепша		178–280; 15 без л. с.	102	350 (?)
ВСЕГО				334	971
1983–1986 годы					
3.1.	Эсто-Садок	1-2	1–131, 1 без л. с.	132	456
3.2.	Медовеевка		155–175, 9 без л. с.	29	61
3.3.	Чвижепсе	3	132–154	22	66
3.4.	Кепша	5,5a	176–270, 14–без л. с.	108	346
ВСЕГО				291	929
ИТОГО объем ЭБД по состоянию на 01.01.2013				924	2908

В процессе исследования был выявлен этнический и фамильный состав, сформирована поисковая система, позволяющая выйти на оценку мобильности населения, построены возрастные пирамиды и рассчитаны демографические показатели по каждой этнической группе и хронологическому срезу, обобщены социально-экономические параметры семей.

Сформированная база данных пока не вполне репрезентативна для характеристики ассимиляционных процессов, охватывающих все сельские населенные пункты агломерации Большого Сочи во второй половине XX столетия. В то же время она вполне адекватна для отбора и апробации инструментария, позволяющего максимально формализовать исследование ассимиляционных процессов, и прогнозирования изменений этносоциальной обстановки по выборочным полигонам. Проиллюстрируем это положение на примере двух этнических групп – украинцев и эстонцев.

Этап первый. Выявление «этнического ядра» проявляется в процедуре определения «резидентов» – семей, социальных институтов традиционно (на протяжении нескольких поколений) сохраняющих этническое сознание. Первым шагом являлось определение фамиль-

ного состава по каждой из этнических групп и их численного состава. Результаты обобщения информации, заложенной в созданной нами поисковой системе, отражались в табличной форме (табл. 5). Вторым шагом являлось определение в общем списке фамилий по этнической группе доли «резидентов» – фамилий, зафиксированных с 1958 по 1989 год и имевших в своем составе не менее 10 человек (табл. 5).

Таблица 5

**Полигон Мзымта. 1958–1986 годы. Фамильный состав украинцев и эстонцев.
Распределение по численному составу**

Численный состав/ поселки	Этоса- док	Медове- евка	Чви- жепсе	Кепша	Руд- ник	По не- скольким поселкам	Всего	% к общему числу укр. фамилий
Украинские фамилии								
до 2	3	2	4	6	-	-	15	22,7
2–4	4/2	2	1	5/1	1	3	16	24,3
4–6	1/1	4/3	2	5/3		3/1	15	22,7
6–10	1/1		2/2	6/6		2	11	16,7
10–20	2/2			2/2*		1/1	5	7,6
20–40		1/1				1/1	2	3,0
40 и более		1/1				1/1	2	3,0
Фамилий	11	10	9	24	1	11	66	100
Н носителей	52	93	28	95	5	108	381	100
Из них: украинцев	28	31	14	22	4	27	126	32,8
другие	24	62	14	73	1	81	255	67,2
Эстонские фамилии								
до 2	15						15	27,8
2–4	15	1		1			17	31,5
4–6	8					1	9	16,7
6–10	8	-	-	-	-	-	8	14,8
10–20	2/1			1/1			3	5,5
20–40	2/2						2	3,7
Фамилий	50	1		2		1	54	100
Н носителей	262	2	-	12		4	280	100
Из них: эстонцев	222	2	-	3		1	228	83,4
другие	40		-	9		3	52	18,6
По всем этническим группам								
Всего фамилий							542	
Н носителей							2242	

Примечание: Рассчитано по похозяйственным книгам поселкового совета п. г. т. Красная Поляна. МО «Город-курорт Сочи». 1958, 1975, 1986 годы. Общее число семей по группе/число семей со смешанным этническим составом.

Систематизированная в пофамильном списке информация анализировалась с позиции количественной и качественной оценки мобильности населения в целом и определенных нами в качестве примера двух этнических групп.

Мобильность населения в этом сельском районе оказалась неожиданно высокой: из 581 фамилии, выявленной по ЭБД, только 61 (10,5 %) представлена по всем хронологическим срезам. Представители 321 фамилии (55,2 %) фиксировались только в одном из временных интервалов. Собственно к резидентам можно отнести членов семей, отнесенных к 32 фамилиям – 5 % от общего числа фамилий в списке. Интерес представляет и динамика изменения этнического состава. Она свидетельствует как о распространенности межэтнических браков, так и о том, что к середине XX века украинские фамилии уже не несли функции этнического маркера. Доля лиц с этнической самоидентификацией «украинец» в смешанных семьях исключительно низка (табл. 6).

Таблица 6

Полигон Мзымта. 1958–1986 годы. Резиденты. Украинцы, эстонцы

	Показатели	Украинцы		Эстонцы	
		n	q (%)	n	q (%)
1	Кол-во фамилий по группе	66	100	54	100
2	Кол-во фамилий резидентов	8	12,1	8	14
3	Общее кол-во членов семей по группе	172	100	157	100
4	Из них: моноэтнических	38	30,1	94	59,9
5	со смешанным составом	134	134	63	40,1

Фамилии резидентов. Украинцы – Буковский, Буряк, Горб (Горбовы), Жеребной, Козакуло, Носовец, Плохотнюк, Пушкарь; Эстонцы – Беер, Керстен, Линтроп, Нахкур, Нугис, Оуман, Пикюк, Тобиас.

Таблица 7

Полигон Мзымта. 1958–1986 годы. Типология семей. Эстонцы

Эстонская группа семей	Типы	Эсто-садок	Кеп-ша	Этоса-док	ВСЕ-ГО	ИТО-ГО	Этоса-док	Кеп-ша	Эсто-садок	ВСЕ-ГО	ИТО-ГО	Эсто-садок	Кеп-ша	Эсто-садок	ВСЕ-ГО	ИТО-ГО
		1958					1973					1989				
		МЭ	С	С	С		МЭ	С	С	С		МЭ	С	С	С	
По составу	1	13	-	1	1	14	4	-	1	1	5	1	-	2	2	3
	2	12	1	13	14	26	20	1	20	21	41	14	1	14	15	29
	3	2	-	3	3	5	7	-	1	1	8	4	-	8	8	12
	4	1	-	-		1	-	-	-	-	-	-	-	3	3	3

Эстон- ская группа семей	Ти- пы	Эсто- садок	Кеп- ша	Эстоса- док	ВСЕ- ГО	ИТО- ГО	Эстоса- док	Кеп- ша	Эсто- садок	ВСЕ- ГО	ИТО- ГО	Эсто- садок	Кеп- ша	Эсто- садок	ВСЕ- ГО	ИТО- ГО
		1958					1973					1989				
		МЭ	С	С	С		МЭ	С	С	С		МЭ	С	С	С	
Кол- во поко- лений	1	1	-	1	1	2	10	1	6	7	17	8	1	5	6	14
	2	24	1	12	13	37	16	-	15	15	31	8	-	12	12	20
	3	3	-	4	4	7	5	-	1	1	6	3	-	9	9	12
	4	-	-	-	-		-	-	-	-	-	-	-	1	1	1
По дет- ности	1	1	-	1	1	2	13	1	6	7	20	8	1	7	8	16
	2	25	1	11	12	37	17	-	12	12	29	11	-	16	16	27
	3	2	-	4	4	6	1	-	4	4	5	-	-	3	3	8
	4	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1
По заян- тости	1	5	-	-		5	8	-	4	4	12	8	1	4	5	13
	2	20	-	2	2	22	7	1	4	5	12	4	-	8	8	20
	3	3	1	10	11	14	15	-	13	13	28	7	-	12	12	19
	4	-	-	5	5	5	1	-	1	1	2	-	-	3	3	3
Всего		28	1	17	18	46	31	1	22	23	54	19	1	27	28	47

Условные обозначения: МЭ – моноэтнический состав. С – смешанный этнический состав.

Причиной выступает идентификация детей как «русских». В то же время эта ситуация нетипична как для эстонцев, так и армянских, греческих и грузинских семей (мингрел), стремящихся сохранить у детей «этническое» самосознание. Прослеживается, что эти этнические группы не сориентированы на ассимиляцию. Однако незначительный удельный вес группы резидентов позволяет констатировать, что систему межкультурных коммуникаций здесь трудно рассматривать в качестве традиционной, то есть устойчивой в течение двух-трех поколений. Этнический состав полигона определялся не столько воспроизводством и ассимиляционными процессами в среде резидентных групп, сколько его постоянным «обновлением» за счет трудовых мигрантов.

Этап второй. Выявление взаимосвязи между сохранением этнической самоидентификации и состоянием института семьи. Осуществляется в процессе типологии семей по признакам: а) состава (1 – простая полная, 2 – простая неполная, 3 – сложная неполная, 4 полная); б) количеству поколений (1 – одно, 2 – два поколения и т. д.); в) детности (1 – бездетная, 2 – 1-2-летняя; 3 – трехдетная; 4 – 4 и более детей); г) занятости (1 – отсутствие постоянных мест работы; 2 – 1 член семьи работает; 3 – 2 работающих; 4 – 3 работающих и более).

Следующий шаг процедуры представляет расчет частот распределения типов семей по этническим группам и поселкам по каждому из хронологических срезов с дальнейшим обобщением информации (в табличной форме) и компаративным анализом по этническим группам. Проиллюстрируем информационный потенциал технического приема на примере эстонцев и украинцев (табл. 7, 8). Так, выявленное распределение семей отражает как общие тенденции, так и этническую специфику. Возможно, ситуация определяется уровнем территориальной компактности этнического ядра. Если украинские фамилии распределены по пяти населенным пунктам, то эстонские – сконцентрированы в границах населенного пункта Этно-садок.

Таблица 8

Полигон Мзымта. 1958–1986 годы. Типология семей. Украинцы

Украинская группа семей	Типы	Состав		ИТОГО	Состав		ИТОГО	Состав		ИТОГО
		МЭ	С		МЭ	С		МЭ	С	
Год		1958			1973			1989		
Код населенного пункта		К; М; Э; Ч; Р			К; М; Э; Ч; Р			К; М; Э		
По составу	1	3	6	9	4	2	6	1	3	4
	2	14	24	38	9	18	27	4	15	19
	3	1	3	4	1	1	2	-	4	4
	4	-	1	1		1	1	-	4	4
Кол-во поколений	1	5	3	8	11	6	17	3	4	7
	2	13	28	41	2	14	16	2	15	17
	3	-	3	3	1	2	3	-	7	7
	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
По детности	1	6	3	9	8	6	14	1	6	7
	2	9	20	29	5	11	16	3	14	17
	3	2	10	12	1	5	6	1	5	6
	4	1	1	2	-	-	-	-	1	1
По занятости	1	1	2	3	5	3	8	2	6	8
	2	6	18	24	3	4	7	3	7	10
	3	9	13	22	5	14	19	-	6	6
	4	2	1	3	1	1	2	-	7	7
Всего		18	34	52	14	22	36	5	26	31

Условные обозначения: МЭ – моноэтнический состав семьи. С – смешанный этнический состав. Код населенного пункта. К – Кепша; М – Медовеевка; Э – Эсто-садок; Ч – Чвижепсе; Р – Рудник.

При анализе распределения семей по составу у обеих групп прослеживается доминирование простой, полной, двухпоколенной семьи. Некоторое этническое отличие относится к началу 1980-х годов. Если в среде украинцев кризис не отразился на структуре семьи, то в эстонской группе, возможно, произошел вынужденный отход от традиционной практики выделения молодых семей: вырос удельный вес неполных сложных и трехпоколенных семей. Увеличение доли бездетных семей у украинцев в 1970-х годах, вероятно, определялось миграционными процессами: выездом молодых семей за пределы поселков. Для обеих групп характерно, что семьи с начала 1950-х годов не были сориентированы на расширенное воспроизводство: доминировала 1–2-детная семья. Этот тип распределения, не характерный для сельской местности, дает основания для рабочей гипотезы: урбанизация 1930-х годов обусловила более ранние сроки демографического перехода (контроля семей за рождаемостью). Достаточно интересны показатели занятости. Устойчивость эстонской группы во многом определялась относительно высокими показателями занятости трудоспособной части семей. В течение более чем 30-летнего периода этот показатель стабилен; источником семейного бюджета являлась заработная плата одного – двух членов, занятых в «социалистическом секторе» экономики. Несколько иная ситуация сложилась в среде украинцев. Миграция молодежи привела к увеличению удельного веса семей, формирующих свой бюджет на основе социальных выплат. Доминирование простых двухпоколенных семей привело к ограничению возможностей занятости. К концу 1980-х годов у украинцев фактически исчезли семьи, в составе которых работали более двух членов. Выявленная структура семей также подтверждает тезис, что для украинской группы характерна меньшая устойчивость в сравнении с эстонской. Начиная с 1970-х годов, она в большей степени подвержена ассимиляционным процессам, несмотря на относительно высокий удельный вес этой группы в этнической структуре агломерации Большого Сочи (табл. 2). Можно предположить, что ведущим фактором ассимиляционных процессов является отсутствие мотивации украинских семей к компактному проживанию, развитию этнических форм предпринимательства и сохранению многопоколенной семьи.

В заключение остановимся на наиболее существенных аспектах, затронутых в статье. В районе русского побережья Черного моря ассимиляционные процессы остаются перманентным фактором воздействия на систему межэтнических (межкультурных) коммуникаций. Специфика района заключается в том, что они затрагивают, в первую очередь, мигрантов. В связи с вышеизложенным прогнозируется три возможных сценария развития ситуации.

Первый связан с тенденцией сокращения численности этнических меньшинств. Ожидается, что система межэтнического и межкультурного взаимодействия в районе будет определяться двумя этносами – русскими и армянами. Сохранение этнической самоидентификации в районах компактного проживания меньшинств напрямую зависит от состояния института семьи, традиционной хозяйственной специализации, уровня развития этнического предпринимательства и позиций в городских секторах экономики.

Второй сценарий базируется на признании объективными предпосылок формирования новых для населения города этнических анклавов из числа трудовых мигрантов, привлечен-

ных к созданию олимпийской инфраструктуры. В процессе модернизации городской инфраструктуры не была предусмотрена подготовка кадров для поддержания ее в рабочем (санитарном) состоянии. Эту нишу в силу ее низкой престижности в настоящее время занимают мигранты. Согласно имеющимся в регионе прецедентам, следует ожидать, что на протяжении одного-двух поколений ассимиляционные процессы эту группу населения не затронут. Причина – выраженные конфессиональные отличия и низкий порог адаптации выходцев из сельских национальных анклавов Северного Кавказа и Средней Азии к среде «курортной столицы Российской Федерации». В то же время формирование этнической специализации может стать фактором форсированной адаптации трудовых мигрантов к новой для них среде.

Третий сценарий связан с предположением, что в системе межэтнических отношений «внешний» фактор воздействия может стать доминирующим. Речь идет о формировании качественно новой системы взаимодействия между пограничными субъектами Российской Федерации и зарубежными странами (Грузией, Абхазией, Осетией, Турцией), представленными в экономической инфраструктуре своими диаспорами. В этом случае система межэтнических отношений преобразуется в поле политического диалога.

Направление развития межэтнических коммуникаций в границах агломерации Большого Сочи определятся в ближайшее десятилетие. Проблема состоит в том, что каждый из возможных сценариев содержит риски осложнения межэтнических отношений. Это обстоятельство актуализирует проблему организации в этом районе системы этнологического мониторинга и подготовки кадров в области социальной и прикладной антропологии.

Литература

1. Ачугба Т. А. Этническая история абхазов XIX–XX веков. Этнополитические и миграционные аспекты. – Сухум, 2010.
2. Белозерова М. В. К проблеме межэтнического взаимодействия на территории российского Причерноморья (на примере Большого Сочи) // *Номо communicans II: человек в пространстве межкультурной коммуникации*. – Щецин, 2012. – С. 46–52.
3. Белозёрова М. В. Мультикультурная политика и толерантность: проблемы формирования на федеральном и региональном уровнях // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, 2011. – № 17, ч. 1. – С. 59–65.
4. Белозерова М. В. Некоторые аспекты формирования славянских групп населения на Северном Кавказе // *Славянский мир: диалог культур: сб. науч. ст.* – Кемерово; Омск, 2011. – Ч. 1. – С. 174–183.
5. Белозерова М. В. Проблема межнациональной напряженности и толерантность: XX столетие // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. – Кемерово: КемГУКИ, 2008. – № 5. – С. 15–18.
6. В Сочи будут выполнены все решения по сносу самостроев [Электронный ресурс] // Портал Южного региона. – Режим доступа: <http://www.yuga.ru/news/294209/> (дата обращения 01.04.2013).
7. Ворошилов В. И. Топонимы Российского Черноморья (история и этнография в географических названиях). – Майкоп: ОАО «Полиграфиздат» Адыгея, 2007. – 264 с.
8. Всесоюзная перепись 2010 года. Табл. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ru/census_and_researching/censusnational_census_2010/score_2010 (дата обращения: 01.04.2013).

9. Вшивцева Ю. В. Население Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны: историко-демографический аспект: автореф. дис. – Краснодар, 2010.
10. Гадло А. В. Проблемы этнической истории русского народа в отечественной науке второй половины XX века // Научная конференция. Этническая история народов России X–XX веков. Краткое содержание докладов. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 22–25.
11. История г. Сочи [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – Портал МО «Город-курорт Сочи». – Режим доступа: http://www.sochiadm.ru/about_the_city/history (дата обращения: 25.04.2013).
12. Кудрина Е. Л. Диалог культур: влияние на культурную политику в современных условиях // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2011. – № 17, ч. 1. – С. 33–41.
13. Перепись. Информационно-поисковый портал по Армавиру и Краснодарскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krai-ray.ru/city/sochi-informatsiya-o-gorode-i-istoriya> (дата обращения: 01.04.2013).
14. Половинкина Т. В. Сочинское Причерноморье. – Нальчик: Издат. центр «Эльфа», 2006.
15. Предварительные итоги Всерос. переписи 2010 года [Электронный ресурс]: сб. ст. – М., 2011. – Режим доступа: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/VPN-BR.pd (дата обращения: 01.04.2013).
16. Ракачев В. Этнодемографические изменения в Краснодарском крае, 1989–1999 годы [Электронный ресурс] // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». – № 55–56 (18.02–13.03.2002). – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2002/055/analit04.php> (дата обращения: 01.04.2013).
17. Савва М. В., Савва Е. В. Пресса, власть и этнический конфликт (взаимосвязь на примере Краснодарского края). – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2002.
18. Садовая П. А. К проблеме участия региональных социальных организаций в межкультурной коммуникации, социальной и культурной интеграции // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2012. – № 20. – С. 32–38.
19. Садовой А. Н. Коренные народы Аляски: проблемы межкультурной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 12. – С. 83–90.
20. Садовой А. Н. Черноморское побережье Кавказа. Этническое предпринимательство в системе межкультурных коммуникаций // Homo communications II: человек в пространстве межкультурной коммуникации. – Щецин, 2012. – С. 239–244.
21. Садовой А. Н. Этнологические экспертизы: к проблеме адекватного отражения современных этносоциальных процессов // Теоретические и практические аспекты социально-экономического и политического развития Республики Казахстан, Центральной Азии и стран СНГ на современном этапе. – Алматы: Изд-во «TST company», 2009. – С. 402–409.
22. Садовой А. Н., Белозерова М. В., Симонян Г. А. Отчет о научно-исследовательской работе «Этносоциальный и социально-экономический мониторинг развития туристической инфраструктуры на особоохраняемых природных территориях (на примере районов проведения Зимней Олимпиады Сочи – 2014)» // Текущий архив СНИЦ РАН. – Сочи, 2012.
23. Садовой А. Н., Поддубиков В. В. Этнологическая экспертиза в практике регионального управления: опыт Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 1(45). – С. 22–26.
24. Самовольное строительство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blogsochi.ru/category/tegi/samovolnoe-stroitelstvo-0> (дата обращения: 01.04.2013).
25. Сочи. Развитие города в цифрах (статистические материалы). – Сочи: Сочинский городской отдел статистики, 1991.

26. Тверитинов И. А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX века. – Майкоп: Полиграф-Юг, 2009.
27. Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2007 года: статистич. сб. / Росстат. – М., 2007.

Literatura

1. Achugba T. A. Etnicheskaja istorija abhazov XIX–XX vekov. Etnopoliticheskie i migracionnye aspekty. – Suhum, 2010.
2. Belozerova M. V. K probleme mezhjetnicheskogo vzaimodejstviya na territorii rossijskogo Prichernomor'ja (na primere Bol'shogo Sochi) // Homo communicans II: chelovek v prostranstve mezhkul'turnoj kommunikacii. – Shchecin, 2012. – S. 46–52.
3. Belozjorova M. V. Mul'tikul'turnaja politika i tolerantnost': problemy formirovanija na federal'nom i regional'nom urovnjah // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2011. – № 17, ch. 1. – S. 59–65.
4. Belozerova M. V. Nekotorye aspekty formirovanija slavyanskikh grupp naselenija na Severnom Kavkaze // Slavyanskij mir: dialog kul'tur: sb. nauch. st. – Kemerovo; Omsk, 2011. – Ch. 1. – S. 174–183.
5. Belozerova M. V. Problema mezhnacional'noj naprjazhennosti i tolerantnost': XX stoletie // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – Kemerovo: KemGUKI, 2008. – № 5. – S. 15–18.
6. V Sochi budut vypolneny vse reshenija po snosu samostroevo [Elektronnyj resurs] / Portal Juzhnogo regiona. – Rezhim dostupa: <http://www.yuga.ru/news/294209/> (data obrashhenija: 01.04.2013).
7. Voroshilov V. I. Toponimy Rossijskogo Chernomor'ja (istorija i jetnografija v geograficheskikh nazvaniyah). – Majkop: OAO «Poligrafizdat» Adygeja, 2007. – 264 c.
8. Vsesojuznaja perepis' 2010 goda. Tabl. 4 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ru/census_and_researching/censusnational_census_2010/score_2010 (data obrashhenija: 01.04.2013).
9. Vshivceva Ju. V. Naselenie Krasnodarskogo kraja nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriko-demograficheskij aspekt.: avtoref. kand. dis. – Krasnodar, 2010.
10. Gadlo A. V. Problemy jetnicheskoi istorii russkogo naroda v otechestvennoj nauke vtoroj poloviny XX veka // Nauchnaja konferencija. Jetnicheskaja istorija narodov Rossii X–XX vekov. Kratkoe sodержanie dokladov. – Sankt-Peterburg, 1993. – S. 22–25.
11. Istorija g. Sochi [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sait. – Portal MO “Gorod-kurort Sochi”. – Rezhim dostupa: http://www.sochiadm.ru/about_the_city/history (data obrashhenija: 25.04.2013).
12. Kudrina E. L. Dialog kul'tur: vlijanie na kul'turnuju politiku v sovremennyh uslovijah // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2011. – № 17, ch. 1. – S. 33–41.
13. Perepis'. Informacionno-poiskovyj portal po Armaviru i Krasnodarskomu kraju [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://kray-ray.ru/city/sochi-informatsiya-o-gorode-i-istoriya> (data obrashchenija: 01.04.2013).
14. Polovinkina T. V. Sochinskoe Prichernomor'e. – Nal'chik: Izdat. centr «Jel'fa», 2006.
15. Predvaritel'nye itogi Vseros. perepisi 2010 goda [Elektronnyj resurs]: sb. st. – M., 2011. – Rezhim dostupa: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/VPN-BR.pd (data obrashhenija: 01.04.2013).
16. Rakachev V. Jetnodemograficheskie izmenenija v Krasnodarskom krae, 1989–1999 gody [Elektronnyj resurs] // Jelektronnaja versija bjulletenja «Naselenie i obshhestvo». – № 55–56 (18.02–13.03.2002). – Rezhim dostupa: <http://demoscope.ru/weekly/2002/055/analit04.php> (data obrashchenija: 01.04.2013).

17. Savva M. V., Savva E. V. *Pressa, vlast' i jetniceskij konflikt (vzaimosvjaz' na primere Krasnodarskogo kraja)*. – Krasnodar: Kuban. gos. un-t, 2002.
18. Sadovaja P. A. K probleme uchastija regional'nyh social'nyh organizacij v mezhkul'turnoj kommunikacii, social'noj i kul'turnoj integracii // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2012. – № 20. – S. 32–38.
19. Sadovoj A. N. Korennye narody Aljaski: problemy mezhkul'turnoj kommunikacii // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. – 2010. – № 12. – S. 83–90.
20. Sadovoj A. N. Chernomorskoe poberezh'e Kavkaza. Jetniceskoe predprinimatel'stvo v sisteme mezhkul'turnyh kommunikacij // *Homo communications II: chelovek v prostranstve mezhkul'turnoj kommunikacii*. – Shchecin, 2012. – S. 239–244.
21. Sadovoj A. N. Jetnologicheskie jekspertizy: k probleme adekvatnogo otrazhenija sovremennyh jetnosocial'nyh processov // *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty social'no-jekonomicheskogo i politicheskogo razvitija Respubliki Kazahstan, Central'noj Azii i stran SNG na sovremennom jetape*. – Almaty: Izd-vo «TST company», 2009. – С. 402–409.
22. Sadovoj A. N., Belozeroва M. V., Simonjan G. A. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Jetnosocial'nyj i social'no-jekonomicheskij monitoring razvitija turisticheckoj infrastruktury na oso-boohranjaemyh prirodnyh territorijah (na primere rajonov provedenija Zimnej Olimpiady Sochi–2014)» // *Tekushhij arhiv SNIC RAN*. – Sochi, 2012.
23. Sadovoj A. N., Poddubikov V. V. Jetnologicheskaja jekspertiza v praktike regional'nogo upravlenija: opyt Kemerovskoj oblasti // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2011. – № 1(45). – S. 22–26.
24. Samovol'noe stroitel'stvo [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://blogsochi.ru/category/tegi/samovolnoe-stroitelstvo-0> (data obrashhenija: 01.04.2013).
25. Sochi. Razvitie goroda v cifrah (statisticheskie materialy). – Sochi: Sochinskij gorodskoj otdel statistiki, 1991.
26. Tveritinov I. A. Social'no-jekonomicheskoe razvitie Sochinskogo okruga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka. – Majkop: Poligraf-Jug, 2009.
27. Chislennost' naselenija Rossijskoj Federacii po gorodam, poselkam gorodskogo tipa i rajonom na 1 janvarja 2007 goda: statistich. sb. / Rosstat. – M., 2007.

УДК 902/904

С. В. Баиштанник

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КИЯ-ЧУЛЫМСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ В ПЕРИОД РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ

В статье на материалах археологических памятников начального (доандроновского) периода развитого бронзового века Кийско-Чулымского междуречья рассматривается взаимодействие населения данного района с археологическими культурами среднего течения р. Обь. Выделяются культурные комплексы, связанные с древними миграциями.

Ключевые слова: Мариинско-Ачинская лесостепь, эпоха бронзы, археологические памятники и культуры, культурное взаимодействие.

S. V. Bashtannik

NORTH-WEST INFLUENCE ON THE HISTORICAL AND CULTURAL PROCESSES IN THE KIA-CHULYM INTERFLUVE IN THE MIDDLE OF THE BRONZE AGE

In the article on the data of archaeological sites of the beginning (pre-Andronovo) period of Bronze Age, situated in Kia-Chulyum interfluves, it is considered interaction of population of this region with archaeological cultures, situated in the middle current of river Ob. Identified cultural complexes are related to ancient migrations.

Kia-Chulyum interfluves in whose territory archaeological sites, which we explore, are situated, occupies the western part of the Mariinsk-Achinsk forest-steppe, located at the junction of two types of landscape: mountain taiga and forest-steppe. The latitudinal strike of forest-steppe provided contacts between the population of middle current of river Ob (in the West) and population of middle current of river Yenisei (in the East). Cultural contacts between the North and the South carried by the rivers Kia and Chulyum, that flow from South to North.

There are ceramics decorated with prints of comb and pits discovered in the archaeological sites of Kia-Chulyum interfluves and dated as of the beginning (pre-Andronovo) period of Bronze Age. This pottery has no genetic precursors in the located here more ancient archeological sites. But at the same time it is full of analogies in materials of Bolshoy Lariak-I, II settlements of mid – third quarter of the 2nd millennium BC, located on the river Vakh (a right tributary of the river Ob). This pottery is the same in the settlement Samus IV and Tomskiy burial in the lower reaches of the river Tom, that allows to trace the path of the carriers of this ceramics to Kia-Chulyum interfluves.

The second cultural complex associated with the Stepanovskaya culture of the XVIII–XV Centuries BC (named after Stepanovo burial on the Vasyugan, left tributary of river Ob). This culture is characterized by pottery with an ornament in the form of horizontal or vertical, straight or wavy bands caused receding comb. These vessels were found by us on the settlement Ustie Kozhukha-1 on the river Kia (foothill of the Kuznetskiy Alatau). Analogies are known in materials of Samus IV site and Stepanovo burial. On these points the migration route is traced to south by the population preceding carriers of “comb-pits” pottery.

The third cultural complex associated with the migration to the southeast of the population Samus culture existed in the XVI–XIII Centuries BC in Tom valley. In the Mariinsk-Achinsk forest-steppe, on the north bank of the Utinka lake was investigated the farthest South-East site of this culture, the Utinka burial.

Keywords: Mariinsk-Achinsk partially wooded steppe, Bronze Age, archaeological sites and cultures, cultural interaction.

Кийско-Чулымское междуречье, на территории которого расположены изучаемые нами археологические памятники, занимает западную часть Мариинско-Ачинской лесостепи, располагаясь на стыке лесостепных и горно-таёжных ландшафтов северо-восточных склонов Кузнецкого Алатау. Мариинско-Ачинская лесостепь, простираясь своеобразным коридором с запада на восток, связывала две культурно-исторические провинции: Кузнецкую котловину и Среднее Приобье на западе с системой среднеенисейских межгорных котловин (Назаровская, Чулымская, Минусинская) на востоке. Ещё одним естественным путём сообщения и культурного взаимодействия были реки: через р. Кия и Чулым осуществлялись контакты со Средним Приобьем (рис. 1).

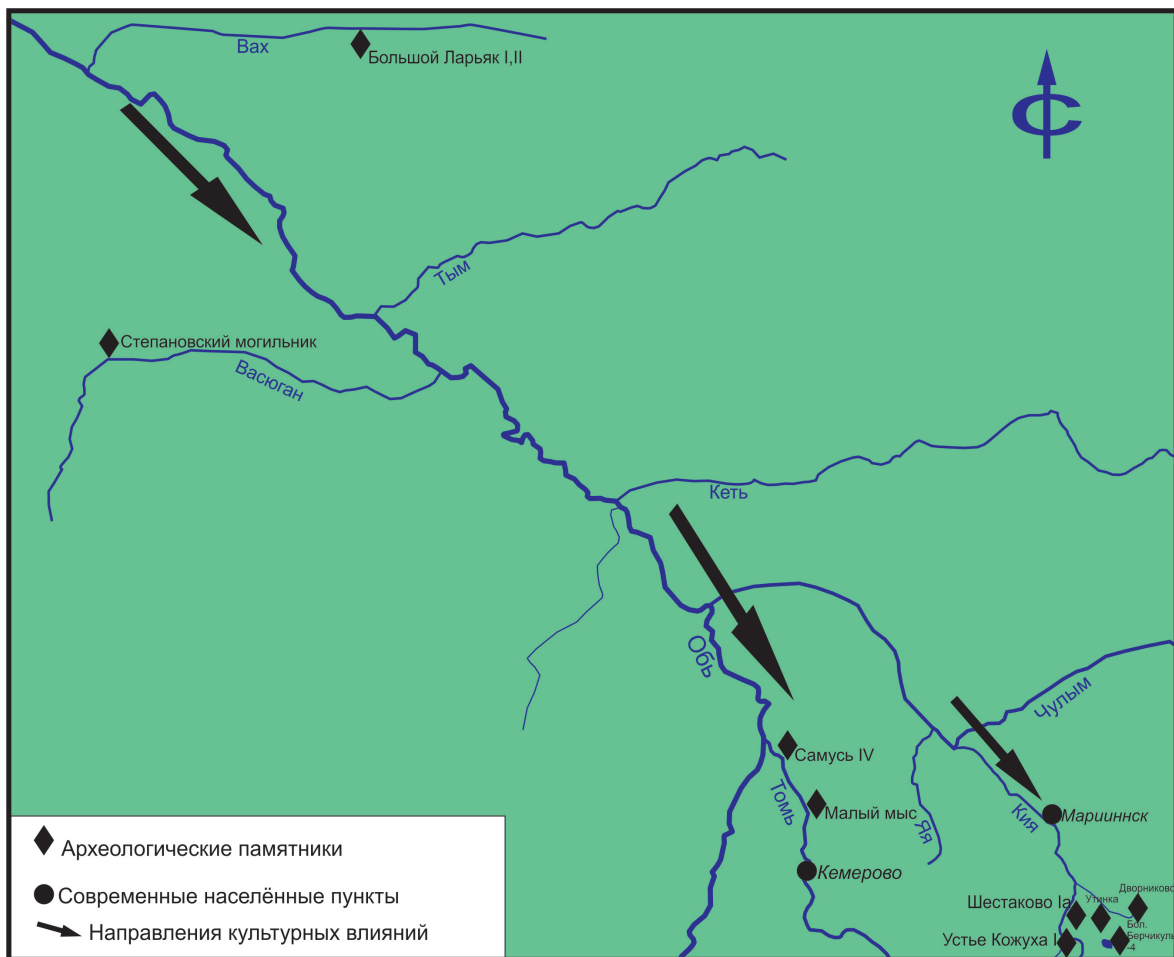

Рис. 1. Археологические памятники и направления культурных влияний

В каждой из этих провинций в эпоху бронзы формировались и развивались самобытные археологические культуры, контакты между которыми отражены в материалах археологических памятников рассматриваемого района.

На археологических памятниках эпохи бронзы наиболее массовым и важным для определения их культурно-хронологической принадлежности материалом является керамика, её форма, орнамент и технология изготовления.

На поселении Устье Кожуха-1, расположенном при впадении р. Кожух в р. Кию несколько выше выхода последней из горных теснин Кузнецкого Алатау в Мариинско-Ачинскую лесостепь, преобладает керамика, украшенная в гребенчато-ямочном стиле. Орнаментальная композиция характеризуется вертикальной последовательностью горизонтально расположенных рядов наклонённых вправо (/) оттисков, сделанных коротким трёхзубым гребенчатым штампом. Они разделены горизонтальными рядами (в количестве от одного до трёх) ямочных вдавлений. Орнамент чёткий, глубоко пропечатанный. Толщина стенок 8–10 мм, цвет коричневый. Дно, по сохранившимся фрагментам, плоское. Венчик прямой, плоский. Форма может быть реконструирована как слегка открытая банка (рис. 2а).

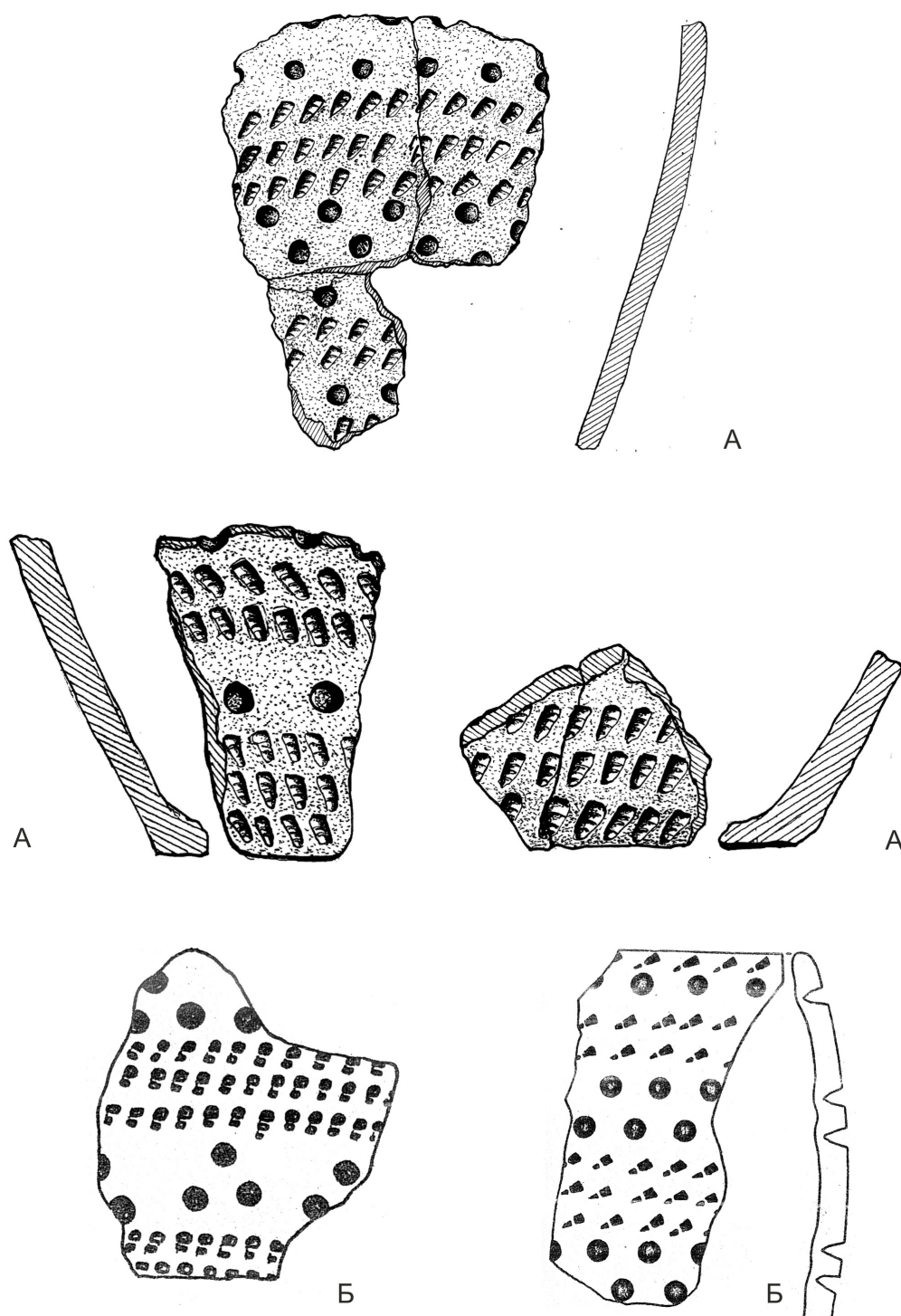

Рис. 2. Гребенчато-ямочная керамика. А – поселение Устье козюха-1. Б – большеларьякские памятники (по [Посредников, 1978, с. 15, рис. 1])

В изучаемом районе аналогичная керамика известна также по материалам поселений Шестаково-1а, Третьяково-2, Дворниково, Большой Берчикуль-4 [3, с. 10].

Однако в нём не найдено археологических памятников предшествующих эпох неолита и ранней бронзы, керамика которых с точки зрения орнамента могла быть генетической базой гребенчато-ямочной керамики. Здесь существовала прочерченная и отступающе-накольчатая орнаментация. Так, к развитому неолиту относится часть керамики поселения Смирновский ручей-1, расположенного в 4 км от Устья Кожуха-1 ниже по течению р. Кии. Здесь обнаружены фрагменты сосудов, украшенные волнообразными прочерченными линиями, а также сосуды, восполненные в отступающе-накольчатой технике. Позднееолитическая керамика поселения Большой Берчикуль-4 имеет митровидную форму с приострѣнным венчиком и по всей поверхности украшена оттисками «гусеничного» штампа [2, с. 160; 1, с. 87].

Складывается впечатление, что гребенчато-ямочный комплекс был принесѣн сюда уже в сложившемся виде. Какой же регион мог быть местом формирования этого комплекса?

Аналоги кожухскому сосуду обнаруживаются в керамике 1-й группы поселений Большой Ларьяк-I и Большой Ларьяк-II на р. Вах (правый приток р. Обь), относимой к развитой бронзе, конкретнее, к середине – третьей четверти II тыс. до н. э. (рис. 2б) [17, с. 65–93; 18, с. 15, рис. 1–1]. Южнее, в нижнем течении р. Томь, аналогичная керамика бытовала на поселении Самусь-IV и встречена в Томском могильнике на Малом мысе [5, с. 3].

Регионом, где известны наиболее ранние памятники с гребенчато-ямочной керамикой и где эта общность сформировалась, является Среднее Приобье. Бытование гребенчато-ямочной керамики в абсолютных датах укладывается в XVII–XII века до н. э., а большая доля ямочного элемента (2–3 горизонтальных ряда ямок) позволила Е. А. Васильеву отнести такую керамику к развитому этапу её существования [5, с. 6, 11–12].

В третьей четверти II тыс. до н. э. произошла подвижка носителей этой традиции на юг, они осваивают Томское Приобье, что свидетельствуется материалами поселений Самусь-IV и Томского могильника на Малом мысе. На этих памятниках пришлое население сменяет местное – носителей собственно самуськой культуры, которая заканчивает своё существование в XIII–XII веках до н. э. [14, с. 105; 6, с. 13]. Именно этим временем следует датировать распространение гребенчато-ямочной керамики на нижней Томи и далее на юго-восток в Кийско-Чулымском междуречье.

К проблеме датировки памятников с гребенчато-ямочной керамикой обращались многие исследователи. Так, В. А. Посредников полагал, что они появляются в Среднем Приобье на рубеже XV – начала XIV века до н. э. [16, с. 35], а М. Ф. Косарев относил такую керамику из поселения Самусь-IV к XIII веку до н. э., а из Томского могильника на Малом мысу датировал рубежом XIII–XII века до н. э. [14, с. 105–106]. Учитывая отдалѣнность Кийско-Чулымского междуречья от районов сложения гребенчато-ямочной общности, появление в нём носителей этой керамики можно датировать XIV–XIII веками до н. э.

О связях со Средним Приобьем свидетельствует также находка развала верхней части сосуда, украшенного совсем в другом стиле. Приведѣм его описание. Толщина стенок сосуда 8 мм, цвет коричневый. Реконструируемый диаметр по венчику – 30 см. По верху венчика с внутренней стороны нанесены наклонные насечки. Венчик прямой, под ним снаружи расположен горизонтальный ряд ямочных вдавлений, образующий на внутренней стороне сосуда выпуклости – «жемчужины». Частично захватывая ямочный пояс, ниже его проходит горизонтальная лента оттисков, сделанных слабо пропечатанной «шагающей» шестизубой

гребёнок. Лента оттисков опоясывает подустьевую часть сосуда по окружности. Вниз от неё нисходят вертикальные полосы шести-, семизубой «отступающей» гребёнки. Особенность её отпечатков в том, что крайние зубья давали более чёткий и глубокий отпечаток, чем средние. Они чередуются с неорнаментированной поверхностью. В основании этих полос лежит ещё одна горизонтальная лента, выполненная в той же технике (рис. 3) [12, с. 104–113].

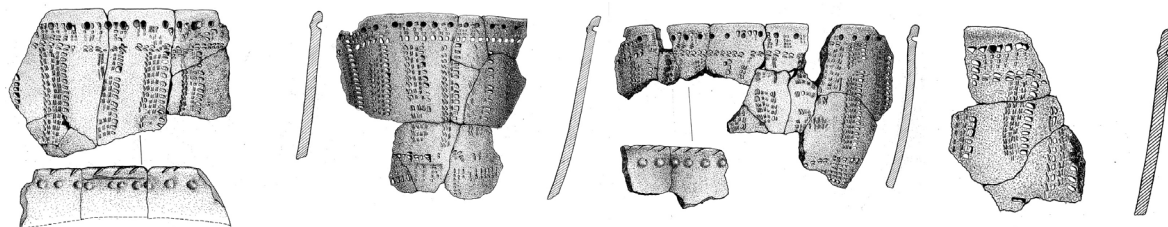

Рис. 3. Фрагменты сосуда степановской культуры. Поселение Устье Кожуха-1 (по [12, с. 111, табл. 2])

Аналоги такой орнаментации имеются в керамике степановской культуры Васюганско-Приобья (Степановский могильник) и Нижнего Притомья. В последнем случае речь идёт о самуськой керамике подгруппы 1 группы А, принадлежность которой к степановской культуре с точки зрения технологического-орнаментальных параметров была обоснована И. Г. Глушковым [7, с. 75] (рис. 4). Эти аналогии позволяют датировать сосуд начальным этапом развитой бронзы.

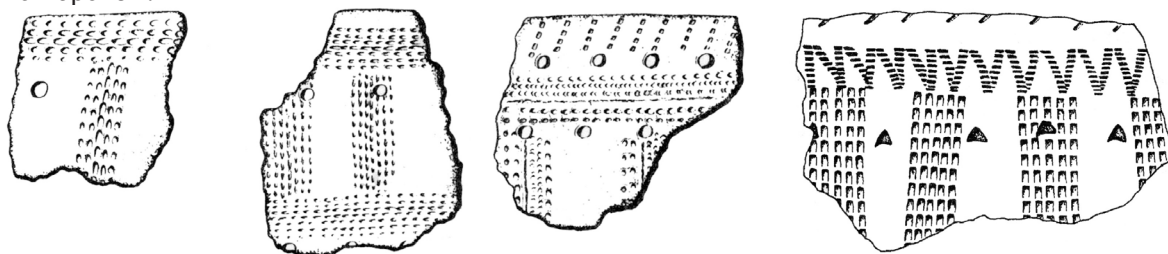

Рис. 4. Керамика степановской культуры

Степановская культура формируется в Васюганском Приобье в результате контактов местного энеолитического населения и пришедших из более западных районов Западной Сибири групп. Для этой культуры типична такая особенность орнаментации керамики, как отступающая гребёнка. Западная граница культуры проходила по южно-таёжным районам Прииртышья, северная – несколько севернее р. Васюган, восточная – по среднему течению Оби. Наиболее юго-восточным пунктом нахождения керамики этой культуры до недавнего времени считалось поселение Самусь-IV в низовьях Томи, на котором население степановской культуры уже обитало ко времени появления здесь в середине II тыс. до н. э. собственно самуського населения, которое фиксируется по уникальной керамике с антропо- и зооморфным орнаментом и характерным антропоморфным предметам мелкой пластики. Находки на Устье Кожуха-1 позволяют отодвинуть границу степановской культуры далее на юго-восток. Исследователь памятников степановской культуры Ю. Ф. Кирюшин датирует Степановский

могильник первой четвертью II тыс. до н. э. [8, с. 38], а культуру в целом – первой четвертью – серединой II тыс. до н. э. [10, с. 159], или конкретнее – XVIII–XV веками до н. э., стадияльно относя к периоду ранней бронзы. На поселении Самусь-IV степановское население обитало в первой половине II тыс. до н. э. [7, с. 75]. Поэтому появление степановской керамики в Кийско-Чулымском междуречье также стоит датировать этим временем.

О связях с Нижним Притомьем и Средним Приобьем свидетельствуют материалы разрушенного погребения на оз. Утинка. Как отмечают авторы раскопок, среди обнаруженной керамики достоверно реконструируется форма только одного сосуда – баночная, близкая к закрытой, слабо профилированная, со слегка намеченной шейкой и плоским дном. Второй сосуд сохранился в меньшем количестве фрагментов, но имел более раздутое тулово (рис. 5).

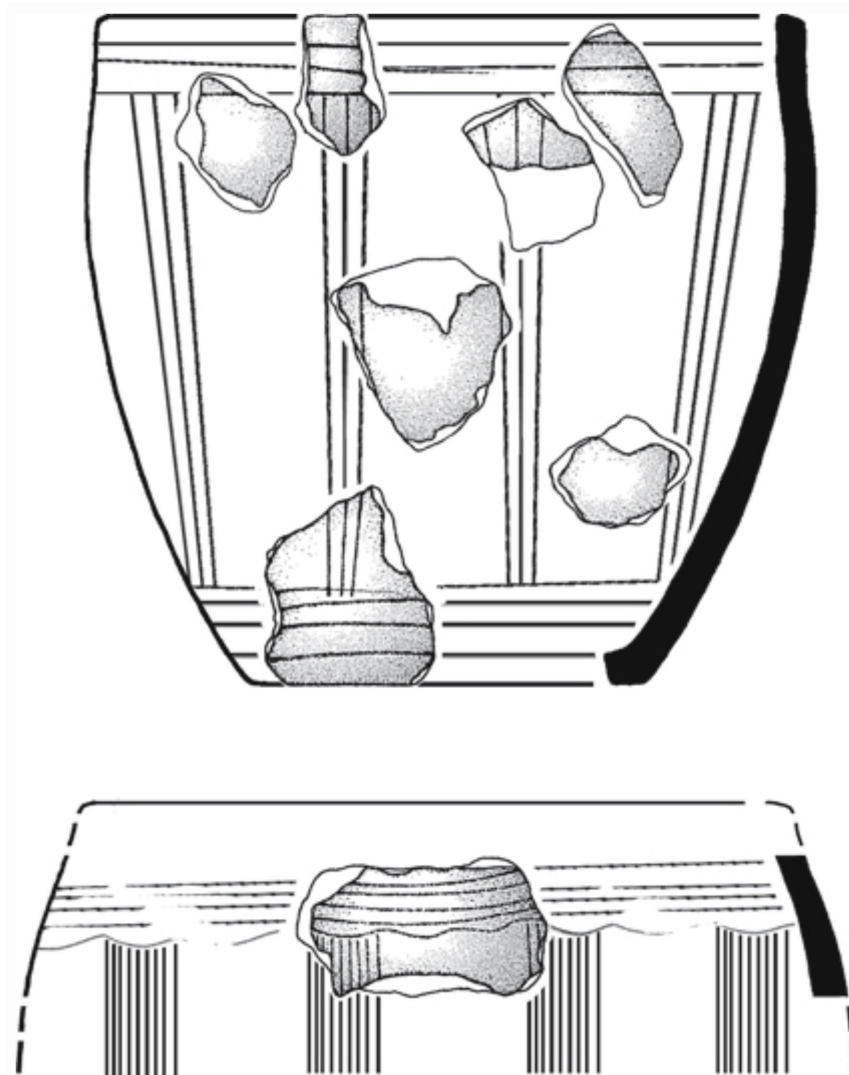

Рис. 5. Сосуды из Утинкинского погребения.
(по [4, с. 81–82, рис. 6])

Орнамент нанесён узким концом приострѐнной палочки и представляет собой горизонтальный фриз из нескольких линий в верхней части сосуда, такой же фриз в придонной части, а среднюю часть сосуда украшают вертикальные колонны таких же линий, тянущихся от приустьевого части ко дну сосуда. В керамической массе присутствует примесь дроблѐного гранита. По технологии, форме и орнаментации эта керамика напоминает ритуальную посуду самусьской культуры (керамика второй группы, по типологии М. Ф. Косарева [13, с. 57–58, рис. 11; 14, с. 97–99] или группы «В», по типологии В. И. Молодина и И. Г. Глушкова [15, с. 92]), которая широко представлена на эпонимном поселении Самусь-IV. Однако орнаментальная схема утинкинских сосудов по сравнению с керамикой Самусь-IV **упрощена: между вертикальными полосами отсутствуют антропо- и орнитоморфные изображения.** Исследователи погребения пришли к выводу о том, что эта керамика является либо собственно самусьской, либо создана населением, находившимся под непосредственным влиянием носителей этой культуры [4, с. 81–82, рис. 6].

С самусьской же культурой следует соотносить каменные наконечники стрел из серого риолита, обнаруженные в процессе исследования поселения Устье Кожуха-1. Оба имеют треугольную форму, со всех сторон обработаны мелкой пологой ретушью. Основание в одном случае округлое, в другом – прямое. Изготовлены на пластинах. Размеры 4х1,3х0,3 и 3,8х2,3х0,3 см. (рис. 6). Имеют аналогии среди наконечников стрел поселения Самусь-IV [15, с. 32–35, рис. 12–19, 20].

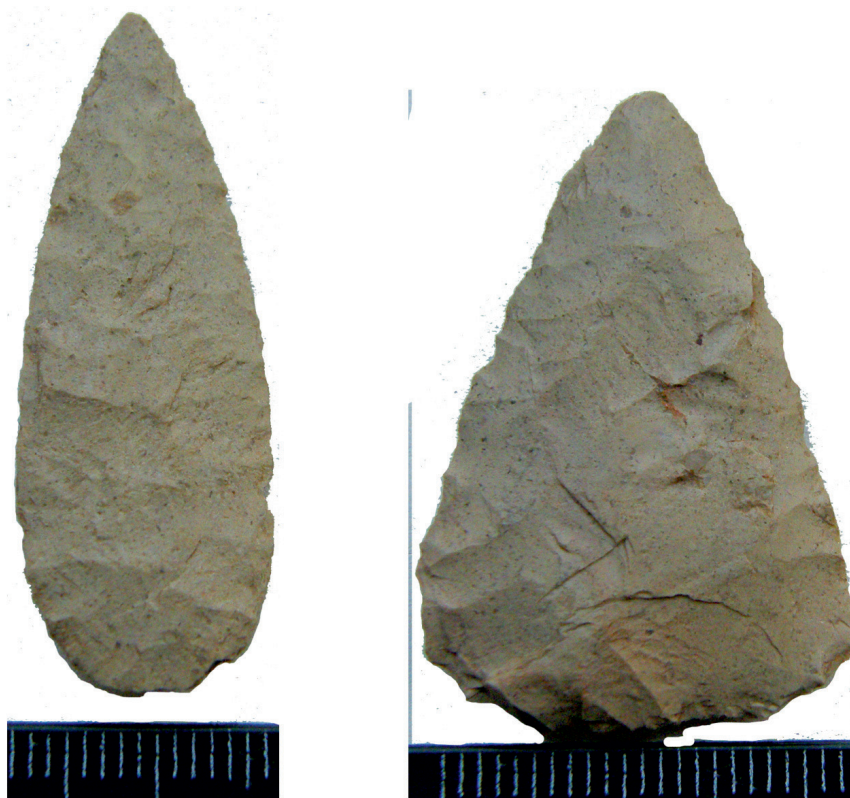

Рис. 6. Каменные наконечники стрел. Устье-Кожуха-1

Скребки (орудия для обработки кожи), обнаруженные в культурном слое Устья Кожуха-1, имеют подтреугольную форму с дугообразным лезвием и высокой спинкой, которая обработана в технике отжимной ретуши (рис. 7).

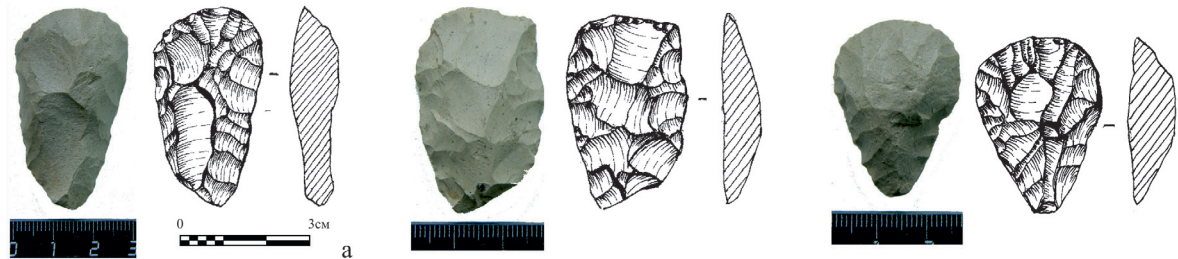

Рис. 7. Каменные скребки. Устье Кожуха-1

Подобный тип скребков широко известен в материалах Самусь-IV и могильника Ростовка под Омском и является эпохальным признаком каменной индустрии Обь-Иртышья в эпоху развитой бронзы [15, с. 30]. Таким образом, каменные изделия также свидетельствуют о контактах населения Кийско-Чулымского междуречья с районами, расположенными к северу и западу. Таким образом, Утинкинское погребение и поселение Устье Кожуха-1 маркируют крайнюю юго-восточную границу ареала самусьской культуры [11, с. 97–98].

Хронологические рамки существования самусьской культуры большинством исследователей определяются в пределах XVI–XIII веков до н. э. [14, с. 106; 15, с. 103; 9, с. 40], а время бытования собственно самусьского комплекса на поселении Самусь-IV относится к середине II тыс. до н. э. [7, с. 75] и этим же временем можно датировать самусьские древности Кийско-Чулымского междуречья. Появление самусьского населения на столь отдалённой от центра формирования этой культуры территории объясняется его заинтересованностью в минеральных ресурсах Кузнецкого Алатау. В самусьской керамике в качестве отощителя использовался дроблённый биотитовый и аляскитовый гранит, ближайшие выходы которого расположены в горах Кузнецкого Алатау [12, с. 105–106; 15, с. 91–92].

Таким образом, в Кийско-Чулымском междуречье, в контактной зоне горных ландшафтов северо-восточных склонов Кузнецкого Алатау и Мариинско-Ачинской лесостепи выделяются три культурных комплекса, появление которых связано с притоком населения из Томского и Среднего Приобья: степановский XVIII–XV веков до н. э.; самусьский XVI–XIII веков до н. э.; гребенчато-ямочный XV–XII веков до н. э.

Литература

1. Бобров В. В. Керамика поселения Смирновский ручей-1 // Проблемы археологии и этнографии Сибири. – Иркутск, 1982. – С. 87–88.
2. Бобров В. В. Неолитические памятники Ачинско-Мариинской лесостепи // Проблемы исследования каменного века Евразии. – Красноярск, 1984. – С. 159–162.
3. Бобров В. В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: дис. ... д-ра истор. наук в форме науч. доклада. – Новосибирск, 1992.
4. Бобров В. В., Волков П. В., Герман П. В. Утинкинское погребение // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 4 (44). – С. 76–84.

5. Васильев Е. А. Гребенчато-ямочная керамика Среднего Приобья // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та. – 1978. – С. 3–12.
6. Глушков И. Г. Керамика самусько-сейминской эпохи лесостепного Обь-Иртышья: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Новосибирск, 1986. – 18 с.
7. Глушков И. Г. Технологическая гончарная традиция как индикатор этнокультурных процессов (на примере керамических комплексов доандроновской бронзы) // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 63–76.
8. Кирюшин Ю. Ф. Степановский могильник эпохи раннего металла в Васюганье // Вопросы археологии и этнографии Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. – С. 26–39.
9. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таёжной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2004. – 295 с.
10. Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. – 183 с.
11. Ковтун И. В. Восточная периферия самуськой культуры и изображения медведей в западно-сибирской скульптурной миниатюре и металлопластике II тыс. до н. э. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3 (35). – С. 97–104.
12. Ковтун И. В., Баштанник С. В., Жаронкин В. Н., Фрибус А. В. Самусьское время Устья Кожуха-1, юго-восточный фактор и «гранито-агальматолитовый путь» // Историко-культурное наследие Кузбасса. – Вып. III. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – С. 104–113.
13. Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М.: Наука, 1974. – 219 с.
14. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 279 с.
15. Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.
16. Посредников В. А. Культурно-генетическое место комплексов поселения Самусь-IV и некоторых других памятников Приобья // Советская археология. – 1972. – № 4. – С. 28–41.
17. Посредников В. А. Большеларьское поселение II – археологический памятник Сургутского Приобья // Из истории Сибири. – Томск, 1973. – Вып. 5. – С. 65–93.
18. Посредников В. А. Керамика эпохи бронзы из Большого Ларьяка // Вопросы археологии и этнографии Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. – С. 13–25.

Literatura

1. Bobrov V. V. Keramika poselenija Smirnovskij ruchej-1 // Problemy arheologii i jetnografii Sibiri. – Irkutsk, 1982. – S. 87–88.
2. Bobrov V. V. Neoliticheskie pamjatniki Achinsko-Mariinskoj lesostepi // Problemy issledovanija kamennogo veka Evrazii. – Krasnojarsk, 1984. – S. 159–162.
3. Bobrov V. V. Kuznecko-Salairskaja gornaja oblast' v jepohu bronzy: dis. d-ra istor. nauk v forme nauch. doklada. – Novosibirsk, 1992.
4. Bobrov V. V., Volkov P. V., German P. V. Utinkinskoe pogrebenie // Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii. – 2010. – № 4 (44). – S. 76–84.
5. Vasil'ev E. A. Grebenchato-jamochnaja keramika Srednego Priob'ja // Jetnokul'turnaja istorija naselenija Zapadnoj Sibiri. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1978. – S. 3–12.
6. Glushkov I. G. Keramika samus'ko-sejminskoj jepohi lesostepnogo Ob'-Irtysh'ja: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. – Novosibirsk, 1986. – 18 s.
7. Glushkov I. G. Tehnologicheskaja goncharnaja tradicija kak indikator jetnokul'turnyh processov (na primere keramicheskikh kompleksov doandronovskoj bronzy) // Drevnjaja keramika Sibiri: tipologija, tehnologija, semantika. – Novosibirsk: Nauka, 1990. – S. 63–76.

8. Kirjushin Ju. F. Stepanovskij mogil'nik jepohi rannego metalla v Vasjugan'e // Voprosy arheologii i jetnografii Sibiri. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1978. – S. 26–39.
9. Kirjushin Ju. F. Jeneolit i bronzovyj vek juzhno-tajozhnoj zony Zapadnoj Sibiri. Barnaul: Izd-vo Altajskogo gos. un-ta, 2004. – 295 s.
10. Kirjushin Ju. F., Maloletko A. M. Bronzovyj vek Vasjugan'ja. – Tomsk: Izd-vo tomского un-ta, 1979. – 183 s.
11. Kovtun I. V. Vostochnaja periferija samus'koj kul'tury i izobrazhenija medvedej v zapadno-sibirskoj skul'pturnoj miniatjure i metalloplastike II tys. do n. je. // Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii. – 2008. – № 3 (35). – S. 97–104.
12. Kovtun I. V., Bashtannik S. V., Zharonkin V. N., Fribus A. V. Samus'coe vremja Ust'ja Kozhuha-1, jugo-vostochnyj faktor i «granito-agal'matolitovyj put'» // Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011. – Vyp. III. – S. 104–113.
13. Kosarev M. F. Drevnie kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ja. – M.: Nauka, 1974. – 219 s.
14. Kosarev M. F. Bronzovyj vek Zapadnoj Sibiri. – M.: Nauka, 1981. – 279 s.
15. Molodin V. I., Glushkov I. G. Samus'kaja kul'tura v Verhnem Priob'e. – Novosibirsk: Nauka, 1989. – 168 s.
16. Posrednikov V. A. Kul'turno-geneticheskoe mesto kompleksov poselenija Camus'-IV i nekotoryh drugih pamjatnikov Priob'ja // Sovetskaja arheologija. – 1972. – № 4. – S. 28–41.
17. Posrednikov V. A. Bol'shelar'kskoe poselenie II – arheologicheskij pamjatnik Surgut'skogo Priob'ja // Iz istorii Sibiri. – Tomsk, 1973. – Vyp. 5. – S. 65–93.
18. Posrednikov V. A. Keramika jepohi bronzy iz Bol'shogo Lar'jaka // Voprosy arheologii i jetnografii Sibiri. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1978. – S. 13–25.

УДК 008

В. А. Рябцева

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ СТАРООБРЯДЦЕВ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ

В статье рассмотрены основные этапы заселения старообрядцами Западной Сибири. В связи с непринятием новой веры старообрядцы вынуждены были постоянно мигрировать, спасаясь от преследований и репрессий царского правительства и официальной церкви, вследствие этого старообрядцы бежали на незаселенные, труднодоступные окраины России, одним из таких регионов стала Сибирь.

Ключевые слова: старообрядчество, Западная Сибирь, церковный раскол, репрессии, массовые переселения.

V. A. Ryabtseva

MIGRATORY FLOWS OF OLD BELIEVERS TO WESTERN SIBERIA

History of Siberia and its settling is closely connected with *staroobryadchestvo*. Because of not acceptances of the new belief, Old Believers were compelled to migrate constantly, escaping from prosecutions and repressions of the imperial government and official church. From continuous ruins of the old believe spiritual centers in the European part of Russia Old Believers ran to unpopulated, remote suburbs of Russia. Siberia with its huge open spaces, small number of the population and a weak submission to control to the authorities was one of such regions. Let's try to allocate the main stages in settling by Old Believers of Western Siberia:

The first stage (the 1660 s–1690 s) is connected with church transformations and split of orthodox society of Russia. This stage is characterized by stratification of orthodox culture on two currents: conservatives and new believers.

The second stage of settling by Old Believers of Western Siberia falls on an era of Petrovsky reforms (the 1720 s) is connected with Peter's I fiscal policy and Tarsky revolt.

The third stage (the 1740 s) is connected with "vygonka" of conservatives at the time of Anna Ioannovna. During this period the old believers' culture underwent especially strong persecutions from the authorities and new believers. Concentration of conservatives is noted at Demidov's mining plants in Siberia.

The fourth stage (the second half of the XVIII century) is connected with adoption of "Manifesto" of Catherine the Great, which main purpose was a development of new territories, including Siberia. In this context the Old Belief was considered as the most perspective layer of the colonial heritage.

The fifth stage (the middle – the second half of the XIXth century) is characterized by persecution strengthening on Old Believers and Old Believers' culture in the conditions of Nikolay I reactionary era.

The sixth stage received the name "Golden Age" of Old Believers. This period is marked, first of all, by the tolerant edict that was accepted on April 17, 1905 which brought them full religious freedom. Prosecutions of Old Believers stopped.

Thus, Old Believers became one of the most important factors of intensive development of Siberia in the XVII–XXth centuries. Governmental repressions only stimulated this process; the fugitives who were looking for conditions for summary religion and managing, went to the depth of the country, mastering the new, yet not rendered habitable territories.

Keywords: staroobryadchestvo, Western Siberia, church split, repressions, mass resettlements.

История старообрядчества теснейшим образом связана с заселением Сибири русскими.

Среди фундаментальных работ по истории Сибири, затрагивающих тему старообрядчества, выделяются научные исследования Н. В. Алексеенко, Ю. С. Булыгина, Н. Н. Покровского, Н. Г. Аполловой, Н. Ф. Емельянова, В. А. Липинской, Т. С. Мамсик. Среди современных ученых учитываются исторические исследования деятелей XIX – начала XX столетий: С. И. Гуляева, Г. Н. Потанина, А. Принтца, П. А. Словцова, Д. Н. Беликова, И. В. Щеглова, Н. М. Ядринцева, а также академический труд «История Сибири с древнейших времен до наших дней». Исследования выше представленных авторов и целого ряда других ученых дают единое представление о первоначальных этапах истории сибирского старообрядчества и его дальнейшем развитии.

Согласно многочисленным исследованиям, староверы на территории Западной Сибири появились уже в первые десятилетия после церковной реформы, которая была предпринята в 1650–1660-х годах патриархом Никоном и царём Алексеем Михайловичем, целью которой была объявлена унификация богослужебного чина Русской церкви с Греческой церковью и прежде всего – с Церковью Константинопольской. Богослужебная реформа вызвала разделение Русской церкви на старообрядцев (староверов) и новообрядцев (никониан). Поскольку государственная власть поддержала церковную реформу, старообрядцы до революции 1905 года официально именовались «раскольниками».

Тем самым сторонники староверия попадали под действие статей «Уложения» 1649 года, по которым за преступление против веры и церкви полагалась смертная казнь. Однако некоторое время правительство ограничивалось ссылкой с конфискацией имущества. Несмотря на репрессии, некоторые староверы оставались на своих землях, тем самым попадали в немилость царя Алексея Михайловича, который применял уже физическое пресле-

дование, на что старообрядцы часто отвечали массовыми самосожжениями. Известно и то, что в 1666 году произошло сожжение старообрядцев властями, действовавшими в рамках общерусского репрессивного законодательства. И эта казнь раскольников была не единственной.

Основная же масса старообрядцев, спасаясь от преследований и репрессий царского правительства, предпочла бегство в «пустыни», на незаселенные, труднодоступные окраины России – в Поморье и Заволжье, на вольный Дон и на Яик, в пограничные с Польшей уезды Черниговщины. Отдельные волны старообрядческой колонизации направляются на Урал и в Сибирь. Бежали старообрядцы и за русские рубежи – в Турцию, Австрию, Польшу и Швецию.

В результате этого процесса уже в конце XVII века складываются старообрядческие центры: Поморье, Северо-Запад, Керженец, Стародубье, Ветка и Дон.

Условно историю старообрядчества можно разделить на несколько основных этапов:

- 1) церковные преобразования и раскол православного общества России (60–90-е годы XVII века);
- 2) старообрядчество в эпоху петровских реформ (20-е годы XVIII века);
- 3) «выгонки» староверов во времена Анны Иоанновны (40-е годы XVIII века);
- 4) «Манифест» Екатерины Великой (вторая половина XVIII века);
- 5) реакционная эпоха Николая I (середина-вторая половина XIX века);
- 6) золотой век старообрядчества (начало XX века).

Старообрядческое движение складывалось таким образом, что ревнители старины были вынуждены постоянно мигрировать, укрываясь от преследований правительства. В разные периоды старообрядцы переселялись в несколько крупных регионов, в которых они могли сохранить свои традиции.

Стремление жить подальше от государственных и церковных властей влекло староверов в отдельные глухие места, в том числе в Сибирь, являвшуюся для них вольным краем с плодородными незанятыми землями, глухими лесами, богатыми зверем и рыбой. Поэтому старообрядческий поток в Сибирь не ослабевал и в периоды жестких репрессий, и во времена ослабления гонений. Освоение сибирских земель старообрядцами шло в русле общего переселенческого движения последовательно с запада на восток и от северных территорий [25, с. 195].

Авторы И. В. Щеглов [23] и С. А. Зеньковский [9] пишут, что старообрядцы появились в Сибири сразу после раскола Русской церкви. Его проповедником был протопоп Аввакум, отбывший ссылку сначала в Тобольске, а затем за Байкалом. О первых старообрядческих поселениях в Сибири известно немного. П. Смирнов указывает, что в это время «главным средоточием раскола была Тобольская область» [19, с. 35]. С. А. Зеньковский отмечает, что в Сибири с самого начала колонизации была сильна «северная традиция свободолюбия и самоуправления» [9, с. 396]. Пропаганда старообрядческого учения находила здесь самую благоприятную почву, так как «начальство было редко и далеко, духовенство немногочисленно, и желание правительства ввести новый обряд естественно воспринималось этим населением как попытка наложить на него новые узы, от которых они уходили из европейской части русской земли» [9, с. 396].

Далее более подробно рассмотрим основные этапы заселения старообрядцами Западной Сибири.

Первый этап совпал с периодом церковных преобразований и раскола православного общества России. Это этап характеризуется расслоением православной культуры на два течения: староверов и нововерцев.

В 1654 году Никон утвердил церковные изменения, которые были разосланы по церквям. Эти церковные изменения были закреплены церковными собраниями 1654–1655 годов. Нововведения не могли не вызвать резкий отпор со стороны русских людей. От сторонников старых обрядов царю посыпались челобитные, в которых осуждалась «новая незнаемая вера» как ересь: «учение ее – душевредное, ее службы, таинства – не таинства, пастыри – волки» [5, с. 21]. Реформы также натолкнулись на сильную оппозицию со стороны видных духовных деятелей того времени: епископа Павла Коломенского, протопопа Аввакума, Даниила из Костромы, Логина из Муромы и др. За это поборники церковной старины вскоре подверглись жестоким мучениям и казням по приказам Никона и царя.

Церковные изменения раскололи русский народ на два лагеря православия: господствующий и старообрядческий. Старообрядчество стихийно распространялось в центре страны и на ее окраинах, его последователи уходили на север к поморам, к Белому морю, на Печору и в Сибирь. В связи с этим большое количество старообрядцев прибыло в разное время в составе ссыльного населения. Первоначально их было много среди стрельцов, а затем и между ссыльными вообще.

В Сибирь противники нововведений проникали рано, практически сразу же после того как заканчивается первый период церковных реформ. Распространение старообрядчества в Сибири обычно датируют последней четвертью XVII века, связывая его с протопопом Аввакумом (Тобольск – 1653, Даурия – 1656 год).

А. Долотов полагал, что старообрядцы направлялись в Сибирь недобровольно. Одни из первых поселений староверов, по сведениям ученого, появились в 1665 году на территории современной Омской области [8]. Н. Н. Покровский согласен с мнением, что старообрядцы появились в Сибири уже в первые годы Раскола, но все-таки начало массового появления старообрядцев в регионе он относит к последней четверти XVII века [1].

Значительное же число сторонников «древней веры» переселилось на сибирские земли добровольно, сыграв весомую роль в их колонизации. Подобные переселения носили волнообразный характер и были спровоцированы, как правило, политикой официальной власти по отношению к населению. Первый большой приход староверов в Сибирь можно отнести к 70–80-м годам XVII века. Воеводы в эти годы писали царю, что «многие пахотные крестьяне из Устюжского и Усольского уездов, покинув свои тяглые жеребья впусте, выехали и выезжают в уезды сибирских городов в таком множестве, что в Устюжском и Усольском уездах учениласт великая пустота» [4, с. 4].

Второй этап заселения старообрядцами Западной Сибири приходится на эпоху петровских реформ.

С самого начала своего правления Петр I провозгласил принцип веротерпимости в государстве. Им широко воспользовались в России разные вероисповедания: римско-католическое, протестантское, магометанское, иудейское. И только старообрядцы оставались бесправными. Петр позволил старообрядцам открыто жить в городах и селениях, но обложил их двойным налогом. В частности, со староверов брали налоги за ношение бороды, взыскивали пошлину в пользу государства и новообрядческой церкви. Так же Петр I приказывал выдумывать на старообрядцев судебные дела, а духовенство ожесточенно требовало истреблять старооб-

рядцев как врагов православной церкви. Духовные власти разоряли старообрядческие скиты, монастыри и другие религиозные убежища, отбирали у староверов имущество и всячески их преследовали. Сторонники древлеправославной веры предпочитали жить тайно, так как если их находили, то моментально арестовывали и ссылали на каторгу.

В связи с этим в первой половине XVIII века увеличивается поток старообрядцев, которые покидают Европейскую часть России (Нижегородская и Архангелогородская губернии). Селились они в районах первоначального земледельческого освоения (в данном случае – в Томско-Кузнецком), строя свои поселения далеко от любознательных глаз. И это им удавалось. Г. Ф. Миллер во время странствия по Сибири обнаружил в Енисейском и Томском уездах, наиболее привлекавших беглецов, практически вдвое больше поселений, чем было зарегистрировано I и II ревизиями. С этим потоком связывается именование сибирских старообрядцев «кержаками» [2, с. 20–24; 3, с. 12–14].

В исследовании С. И. Гуляева «Записки о современном состоянии раскола в Тобольской губернии 1861 года» ученый определяет место, время и причины того, что старообрядцы массово появились в Западной Сибири. Одной из них являлось принятие Петром I суровых мер против старообрядцев, что вызвало массовое бегство «недовольных... особенно в 1682, 1683 годах ...на Урал, на рр. Туру, Исеть, Тобол, Миас, Ишим и далее до Томска и Кузнецка», где они «селились вдали от церквей... Учителя их расхаживали из места в место и укрепляли своих последователей в вере, обрядовом богослужении, старинных нравах и обычаях» [7]. Также «колонизация Томского края в начале XVII века, – замечает И. Покровский, – много обязана беглецам» [14, с. 227].

В 1722 году в г. Таре произошли события, вошедшие в историю России под названием «Тарский бунт». Поводом к восстанию послужил указ царя Петра I от 5 февраля 1722 года о престолонаследии, по которому правящий император по своей воле мог назначить себе любого наследника. Старообрядцы, обосновавшиеся в окрестностях города, призывали не присягать наследнику без имени, утверждая, что он – антихрист. Казаки и многие жители Тары отказались от присяги, объяснив свой отказ в «противном» или «отпорном» письме. Это положило начало карательным действиям через смертную казнь против «тарских бунтарей». Некоторые участники бунта покончили с собой самоубийством, а многие бежали от преследований.

После подавления Тарского бунта начался широкомасштабный розыск старообрядцев. Вследствие этого масса ишимских, тарских жителей, крестьян тюменских, ялutorовских деревень распространилась по всей Сибири. В это время старообрядчество настолько распространилось в Сибири, что 1722 году Петр I издал указ о ссылке раскольников вместо Сибири («ибо там и без них раскольников много») в Рогервик [23, с. 120]. Розыск охватил существенную территорию, в том числе кузнецкие и томские скиты. В 1724 году от данного розыска бежали в Кузнецкий и Томский уезды 119 душ из Тарского уезда, позднее в Кузнецкий уезд – 27 человек из Тарского уезда и 39 – из Ишимского дистрикта. Многие семьи были обнаружены сыщиками в деревнях Чаусского острога [2, с. 31–32; 3, с. 13].

Третий этап связан с «выгонкой» староверов во времена Анны Иоанновны. В этот период старообрядческая культура подверглась особо сильным гонениям со стороны властей и новоявленных.

Во второй половине 30-х годов XVIII века старообрядчество, в основном, сосредотачивается при горнорудных заводах Демидовых, сначала на Урале, затем в Западной Сиби-

ри. В 1723 году было открыто первое рудное месторождение в Алтайском горном округе – недалеко от Колыванского озера, и 1726 году А. Н. Демидовым был основан первый в Сибири медеплавильный завод. Открытие впоследствии множества медных рудников позволило Демидову построить еще несколько заводов. Дело в том, что недостаток рабочих рук на них компенсировался отправкой целых партий рабочих и мастеровых с Уральских заводов, где традиционно было много староверов. И. Н. Юркин отмечает практическую пользу этого сотрудничества с обеих сторон: «старообрядцы были умелыми и честными работниками, да к тому же еще и гонимыми – доброе отношение к себе они отрабатывали сторицей» [24, с. 31]. Кроме того, известным является факт принадлежности значительного количества приказчиков сибирских заводов Демидовых к староверию [24, с. 31].

В 40-е годы XVIII века образовались новые тайные поселения староверов – на Алтае, в районе Бухтармы. Беглецы получили наименование «каменщиков» (от выражения «бежать в камень», то есть в горы). Именно среди «каменщиков» широко бытовала распространенная в старообрядчестве легенда о земле Беловодье, где «жизнь беспечальная» и «ничем не омраченная вера». Известно, что легенды о стране Беловодье и поисках ее зародились именно в старообрядческой среде. Но оказывается, что у старообрядцев помимо легенд была конкретная книга с картами, подробно описывающая путь в эту благословенную землю. Называлась эта книга «Путешественник», и была она очень распространенной среди старообрядцев Обвы в 1840–1850 годах. В легендарной стране Беловодье по представлениям старообрядцев сохранилось древлеправославное благочестие в первозданном виде: с благоверным государем и святейшим патриархом во главе. С. И. Гуляев также уточняет, что жители Мурманского края уходили в Западную Сибирь, которая тогда считалась Беловодьем, и сосредоточивались в будущем Барнаульском округе [6].

Четвертый этап связан с принятием «Манифеста» Екатерины Великой, основной целью которого было освоение новых территорий, в том числе и Сибири. В этом контексте старообрядчество рассматривалось как наиболее перспективный пласт колониционного наследия.

Новая волна раскольников попала в Сибирь в начале царствования Екатерины II. Часть раскольников после реформы бежали на территорию Польши, где не было повинностей и рекрутства, и можно было свободнее жить. Старообрядцы расселились в Стародубской слободе и в Ветке, а часть ушли на Вятку к реке Керженец. Но крестьяне близлежащих губерний, узнав о том, что беглецам живется хорошо, тоже побежали в Польшу. И тогда помещики и военачальники стали направлять прошения Синоду о возвращении беглецов. Императрица Екатерина II, воспользовавшись «расстроеным состоянием» Польши, направляет в Ветку войско под командованием генерал-майора Маслова. И в 1764 году старообрядцев сослали в Сибирь.

Наиболее массовой была миграционная волна во второй половине XVIII века. Как отмечает Л. Р. Фаттахова, «заселение Сибири старообрядцами связано с “выгонкой” Ветки во второй половине XVIII века, когда более 20 тысяч староверов с семьями были высланы в Сибирь. С 1757 года они расселились большими группами в Забайкалье, где получили название “семейские”, и с 1763 года на Алтае в бассейне реки Алей, где их называли “поляками”. Незначительная часть ветковских старообрядцев была сослана в Томскую и Енисейскую губернии» [20, с. 32].

На территории Сибири большой популярностью пользовались южные округа – Барнаульский и Бийский. Именно сюда стремились, особенно после открытия Алтайского горного округа для поселения, переселенцы и из Европейской России, и из Тобольской губер-

нии, а также из северных округов Томской губернии. Причину этого Д. Н. Беликов считал в наличии плодородных земель, а также в желании староверов попасть в свою вероисповедную сферу, в которой они надеялись на получение материальной помощи.

Т. С. Мамсик выдвигал предположение, что движение на Алтай обуславливалось во второй половине XVIII – первой половине XIX века созданием там фермерского типа хозяйства и частных заводов, куда переселенцы могли устроиться на сезонную работу (и остальное время проводить в лесных убежищах в молитвах, занятиях промыслами и ремеслами), а во второй половине XIX века – нежеланием вступать в конкуренцию с торгово-ростовщическим капиталом купцов трактовой полосы. Помимо этого, в южных районах деятельным старообрядцам представлялась возможность вести выгодную торговлю сельскохозяйственной продукцией и иметь постоянный рынок наемной рабочей силы для своих хозяйств [10, с. 45–46]. По данным «Томских епархиальных ведомостей» (ТЕВ), в 1894 году из 31000 переселенцев, обосновавшихся на территории бывшего горнозаводского округа, раскольников насчитывалось 4000, в 1895 году из 24000–1500, в 1896 году из 38000–2500 [16]. Хотя большинство переселенцев оседало в южных округах, другие округа обделенными не оставались. По подсчетам Кудрявцева – сотрудника противораскольнического братства св. Димитрия Ростовского – из 3327 старообрядцев, проживавших в феврале 1898 года в 48 селениях Кузнецкого округа, 1102, или 33,12 %, – переселенцы из разных губерний, по преимуществу Вятской, Тобольской, Уфимской и Пермской (см. [13, с. 24]). «Переселенцы-старообрядцы основывали в Томском крае либо собственные деревни (например, д. Ново-Подзорная, Тамбарская, Благовещенская, Рубина, Приметкина Мариинского округа), либо отдельный “кержацкий край” (в противовес “сибирскому”, “казачьему”, “российскому”))» [17].

Пятый этап характеризуется усилением гонения на старообрядцев и старообрядческую культуру в условиях реакционной эпохи Николая I.

Царствование императора Николая I, в первый же день восшествия на престол получившего прозвище «Кровавый» (из-за жестокой расправы над декабристами), представляет грозную эпоху для старообрядчества. Царь поставил себе цель – уничтожить раскол во чтобы то ни стало. В период правления Николая I все старообрядческие скиты были закрыты и разграблены, их величайшие ценности были разворованы и уничтожены.

В 1855 году на престол взошел Александр II (сын Николая I), в царствование которого было отменено крепостное право. Но гонения и преследования старообрядцев продолжались.

Сибирь в 60-е годы XIX века пережила еще один мощный миграционный поток. Он был связан с земельной реформой 1861 года. Среди крестьян-переселенцев, несомненно, было много староверов. В это время в Западной и Восточной Сибири распространяется белокрыническое (австрийское) согласие.

Шестой этап получил наименование «золотой век» старообрядчества. Этот период ознаменован, прежде всего, тем, что был принят толерантный эдикт 17 апреля 1905 года, который принес им полную вероисповедную свободу. Преследования старообрядцев прекращаются. Начинается массовая регистрация общин, строительство церквей и моленных, открываются школы, создаются различные кружки и общества. Старообрядцы активно включаются в общественную жизнь. Но государственная вероисповедная политика продолжалась вплоть до начала XXI века. «В конце XIX – начале XXI века вероисповедная политика неоднократно претерпевала изменения в связи с глобальными историческими событиями, приводившими к корректировке позиции власти или смене государственных институтов вообще» [12, с. 116].

К 1912 году в Томской губернии было зарегистрировано 77 старообрядческих общин разных согласий, из них около 65 относилось к Барнаульскому, Бийскому и Змеиногорскому округам.

Миграционные процессы продолжались и в XX веке, но они носили уже частный характер.

Исследование миграционных процессов играет важную роль в изучении особенностей сохранения духовной культуры старообрядцев, которая нацелена на сознательный консерватизм в вопросах преемственности догматических принципов. На протяжении нескольких веков, несмотря на каноничность, традиционность культуры, трудные условия существования требовали от старообрядцев гибкости и мобильности, умения адаптироваться в постоянно меняющихся условиях духовной и социальной жизни. Несмотря на все это им удавалось сохранять не только бытовые, поведенческие, мировоззренческие нормы Средневековья, но и древний литургический канон, включающий в себя, наряду с обрядностью, и богослужбное монодическое пение.

Таким образом, староверие стало одним из важнейших факторов интенсивного освоения Сибири в XVII–XX веках. **Правительственные репрессии лишь стимулировали этот процесс:** беглецы, искавшие условия для свободного вероисповедания и хозяйствования, уходили в глубь страны, осваивая новые, еще не обжитые территории.

Литература

1. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVIII веке. – Новосибирск, 1991. – 339 с.
2. Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края // Научные записки Томского края. Сборник публичных лекций членов Западно-Сибирского общества сельского хозяйства. – Томск, 1898. – С. 20–24; 31–32.
3. Беликов Д. Н. Раскол в Сибири и в Томске // Изв. Император. Том. ун-та. – Томск, 1905. – Кн. XXV. – С. 12–14.
4. Беликов Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. – Томск, 1905. – С. 4.
5. Болонев Ф. Ф. Календарные обычаи и обряды семейских. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975.
6. ГААК.Ф.Д-163. Оп. 1. Д. 229. Л. 58.
7. ГААК.Ф.Д-163. Оп. 1. Д. 313. Л. 7.
8. Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. – Новосибирск, 1930. – С. 53, 54.
9. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века: Репринтное воспроизведение. – М.: Церковь, 1995. – 528 с.
10. Мамсик Т. С. Образ жизни крестьянина-беженца в XVIII веке (по материалам Сибири) // Образ жизни сибирского крестьянина периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск, 1983. – С. 45, 46.
11. Мамсик Т. С. Социально-психологические аспекты старообрядческих миграций по материалам Сибири XVIII–XIX веков // Алтарь России: Альманах. – Большой камень: Омега, 1997. – Вып. 1. – С. 35–38.
12. Насонов А. А. Механизм распространения мировых религий в Сибири (по материалам территорий современной Кемеровской области и сопредельных регионов) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 23. – С. 116.
13. Новиков И. Миссионерские известия по Томской епархии // ТЕВ. – 1898. – № 4 (отд. мисс.). – С. 24.

14. Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX веках, их открытие, состав и пределы. – Казань, 1913. – Т. 2. – С. 227.
15. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев. – Новосибирск, 1975. – 394 с.
16. Раскол в Томской епархии в 1895–96 году // ТЕВ. – 1897. – № 17 (отд. неофиц.). – С. 21–36.
17. Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской. – М., 1898. – С. 10.
18. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. – М., 1838. – Кн. 1., 589 с.
19. Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. – СПб., 1898.
20. Фаттахова Л. Р. Историко-этнографический очерк старообрядчества Кузнецкого уезда // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества: мат-лы Всерос. науч. конф. – Новосибирск, 1999. – С. 32.
21. Чистов К. В. Легенды о Беловодье // Тр. Карел. фил. АН СССР. – 1962. – Вып. 35. – С. 116–131.
22. Шильдяшев И. М. Религия в Сибири и агаистическое воспитание. – Новосибирск, 1982. – 207 с.
23. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 годы. – Иркутск, 1883. – 778 с.
24. Юркин И. Н. Тульское старообрядческое окружение Демидовых (к постановке вопроса) // Старообрядчество: история, культура, современность. – М., 1996. – Вып. 5. – С. 31.
25. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. – СПб.: Изд-во. И. М. Сибирикова, 1892. – XVI. – 720 с.

Literatura

1. Aleksandrov V. A., Pokrovskij N. N. Vlast' i obshhestvo. Sibir' v XVIII veke. – Novosibirsk, 1991. – 339 с.
2. Belikov D. N. Pervye russkie krest'jane-nasel'niki Tomskogo kraja // Nauchnye zapiski Tomskogo kraja. Sbornik publichnyh lekcij chlenov Zapadno-Sibirskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva. – Tomsk, 1898. – S. 20–24; 31–32.
3. Belikov D. N. Raskol v Sibiri i v Tomske // Izv. Imperator. Tom. un-ta. – Tomsk, 1905. – Kn. XXV. – S. 12–14.
4. Belikov D. N. Starinnyj raskol v predelah Tomskogo kraja. – Tomsk, 1905. – S. 4.
5. Bolonev F. F. Kalendarnye obychai i obrjady semejskih. – Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1975.
6. GAAK. F. D-163. Op. 1. D. 229. L. 58.
7. GAAK. F. D-163. Op. 1. D. 313. L. 7.
8. Dolotov A. Cerkov' i sektantstvo v Sibiri. – Novosibirsk, 1930. – S. 53, 54.
9. Zen'kovskij S. A. russkoe staroobryadchestvo: duhovnye dvizhenija semnadcatogo veka: Reprintnoe vosproizvedenie. – М.: Cerkov', 1995. – 528 с.
10. Mamsik T. S. Obraz zhizni krest'janina-bezhenca v XVIII veke (po materialam Sibiri) // Obraz zhizni sibirskogo krest'janina perioda razlozhenija feodalizma i razvitija kapitalizma. – Novosibirsk, 1983. – S. 45, 46.
11. Mamsik T. S. Social'no-psihologicheskie aspekty staroobryadcheskih migracij po materialam Sibiri XVIII–XIX vekov // Altar' Rossii: Al'manah. – Bol'shoj kamen': Omega, 1997. – Vyp. 1. – S. 35–38.
12. Nasonov A. A. Mehanizm rasprostraneniya mirovyh religij v Sibiri (po materialam territorij sovremennoj Kemerovskoj oblasti i sopredel'nyh regionov) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 23. – S. 116.
13. Novikov I. Missionerskie izvestija po Tomskoj eparhii // TEV. – 1898. – № 4 (отд. miss.). – S. 24.
14. Pokrovskij I. Russkie eparhii v XVI–XIX vekah, ih otkrytie, sostav i predely. – Kazan', 1913. – Т. 2. – S. 227.

15. Pokrovskij N. N. Antifeodal'nyj protest uralo-sibirskih krest'jan-starobrdjadcev. – Novosibirsk, 1975. – 394 s.
16. Raskol v Tomskoj eparhii v 1895-96 godu // TEV. – 1897. – № 17 (otd. neofic.). – S. 21–36.
17. Rasskazy o Zapadnoj Sibiri ili o gubernijah Tobol'skoj i Tomskoj. – M., 1898. – S. 10.
18. Slovcov P. A. Istoricheskoe obozrenie Sibiri. – M., 1838. – Kn. 1. – 589 s.
19. Smirnov P. S. Vnutrennie voprosy v raskole v XVII veke. – SPb., 1898.
20. Fattahova L. R. Istoriko-jetnograficheskij ocherk starobrdjadchestva Kuzneckogo uezda // Kul'turnoe nasledie srednevekovoj Rusi v tradicijah Uralo-Sibirskogo starobrdjadchestva: materialy Vseros. nauch. konf. – Novosibirsk, 1999. – S. 32.
21. Chistov K. V. Legendy o Belovod'e // Tr. Karel. fil. AN SSSR. – 1962. – Vyp. 35. – S. 116–131.
22. Shil'djashev I. M. Religija v Sibiri i ataisticheskoe vospitanie. – Novosibirsk, 1982. – 207s.
23. Shheglov I. V. Hronologicheskij perechen' vazhnejshih dannyh iz istorii Sibiri: 1032–1882 godah. – Irkutsk, 1883. – 778 s.
24. Jurkin I. N. Tul'skoe starobrdjadcheskoe okruzenie Demidovyh (k postanovke voprosa) // Starobrdjadchestvo: istorija, kul'tura, sovremennost'. – M., 1996. – Vyp. 5. – S. 31.
25. Jadrincev N. M. Sibir' kak kolonija. – SPb.: Izd. I. M. Sibirikova, 1892. – XVI. – 720 s.

УДК 008

Е. В. Веселовская

ВЛИЯНИЕ МАСС-МЕДИА НА РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

Статья посвящена изучению феномена «национальный характер» в его связи с традиционной культурой и медиакulturой. Оценивается влияние медиасреды как инструмента глобализации на целостность национального характера. Рассматривается специфика проявления национального характера в медиапродуктах разного типа.

Ключевые слова: национальный характер, традиционная культура, медиакultura, глобализация, средства массовой информации, медиапродукт.

E. V. Veselovskaya

INFLUENCE OF MASS MEDIA ON THE RUSSIAN NATIONAL CHARACTER

The analysis of definitions of the “national character” phenomenon available in scientific literature reveals its relation with people’s culture. It can be assumed that changes in cultural sphere will be more or less influence on some people’s national character. One of the most important changes at this stage, we believe, is rapid development of the media environment, creation of general information field and participation of representatives of different ethnic and cultural communities, threatening the ethno-cultural self identification of a person. The world of media, according to some researchers, opposes to traditional culture. This opposition, conflict is manifested, in particular, transmitting the different values.

In our opinion, a dramatic confrontation between traditional culture and media culture is somewhat exaggerated. Artifacts of any culture – traditional and popular – equally serve two important functions: providing the means of representation of the world view of society and, at the same time, the means of its formation. There were made certain stereotypes that media and communication adversely affect the minds of readers/listeners, imposing a false system of values. However, each media product is a part of media environment, perceived and evaluated by the audience in syntagmatic and paradigmatic relations with other media products.

On this basis, its rating evaluation is formed, which determines the very fact of its existence in media space. Media texts, reflecting fundamentally alien to the intended audience ideals, values, attitudes, and disregarding the interests, specifics of the national psychology and mentality, are doomed to failure.

National character as “concentrated expression of the historical path of the people and their culture” (S. Nikolsky, V. Filimonov) is a construct that is sufficiently resilient to external distress, which is provided mainly by the first component, history of the people, their past, which cannot be changed, in contrast to the second component, culture, that can evolve and change depending on a succession of factors. Therefore, mass media (even if we assume that it really promotes other people’s cultural values) does not represent a significant threat to the Russian national character.

In turn, media discourse (and discourse in general) is also capable to reflect the specifics of the national character. Therefore, different types and genres of media display different attitudes towards certain ethno-cultural characteristics, features of the national psychology. For example, information TV and radio broadcasts contribute to a lesser extent to their manifestation, rather than media products, pursuing the pragmatic goals.

Keywords: national character, traditional culture, media culture, globalization, media products.

Всплеск интереса к работам, посвященным изучению национального характера, происходит, как показывает история, в кризисные моменты развития общества. В настоящее время вопросы национальной психологии, менталитета народов, национального характера активно обсуждаются в научной литературе и публицистике, что можно считать тревожным симптомом. «Масштабные миграции из ближнего зарубежья, переселения больших масс людей в центральные города, всплеск бытового расизма и этнического национализма – всё это характерно для России последнего десятилетия. По этой причине можно предположить, что обсуждение этничности станет в ближайшие годы одним из наиболее значимых теоретических сюжетов...», – отмечает Н. Н. Крадин [7, с. 10].

В научных работах, посвященных национальному характеру, не избежать субъективности, что обусловлено спецификой предмета исследования, отличающегося высокой степенью абстрактности. При изучении этого феномена применимы далеко не все методы научного познания: он недоступен для непосредственного наблюдения, не подлежит экспериментальному исследованию, и даже обращение к методам сравнения и анализа (на основе чего создано множество трудов о национальном характере вообще и характере отдельных народов) имеет свои ограничения.

Национальный характер изучается рядом гуманитарных наук – философией, этнологией, культурологией, социологией, психологией и пр., в рамках самых разных научных концепций и подходов, но до сих пор сам факт существования данного явления признаётся не всеми учёными. А среди тех, кто не подвергает его сомнению, не все признают возможность его изменения в результате влияния неких факторов (в частности, теоретики этнического примордиализма, в работах которых отражён «взгляд на этническую группу как на изначально данное и неизменное объединение людей “по крови” с чётко проявленными постоянными признаками» [13]).

В научной литературе содержится целый ряд определений феномена «национальный характер». В контексте нашего исследования под национальным характером будет пониматься «итог (“концентрированное выражение”) исторического пути народа и его культуры, на основе чего он составляет отрефлексированное представление о самом себе и об окружающем мире, позволяющее создавать свою систему фундаментальных жизненных принципов, установок, правил, традиций» [9, с. 11]. Данное определение связывает национальный характер с tradi-

ционной культурой народа, подчёркивает его обусловленность историческим путём развития, актуализирует аксиологическую составляющую. Поскольку рассматриваемый феномен трактуется среди прочего и как «концентрированное выражение культуры народа», можно предположить, что изменения в культурной сфере будут в большей или меньшей степени влиять на природу национального характера того или иного народа.

Одной из наиболее динамично развивающихся отраслей современной культуры является медиакultura, под которой понимается «совокупность информационно-коммуникативных средств, материальных и интеллектуальных ценностей, выработанных в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности» [5, с. 8]. При этом следует отметить, что поступающие в наше распоряжение информационные ресурсы, средства массовой информации как позволяют выявлять и решать актуальные проблемы социокультурного характера, так и порождают новые.

В частности, формирование глобальной деревни, создание общего информационного поля и вовлечение в него представителей разных национальностей, социальных слоев, культурных сообществ создаёт угрозу для этнокультурной самоидентификации личности, сохранения целостности системы «фундаментальных жизненных принципов, установок, правил, традиций», в которой и реализуется национальный характер.

Медиасреду мы рассматриваем как один из важнейших инструментов глобализации, которая представляется в ряде научных трудов фактором разрушения не только национальной самобытности, но и самих наций, всей мировой истории и культуры: «В глобально целостной системе этносы не обогащают друг друга, а взаимопоглощаются, культуры не получают импульс для самораскрытия, а нивелируются. Везде то же самое надевают, едят, пьют, поют, везде Диснейленд и Макдональдс. Своеобразие народов уходит в прошлое, в традицию, в фольклор и существует как пережиток прошлого» [8]. В одной из статей историка М. Бойцова с красноречивым названием «История закончилась. Забудьте» [1] говорится: «...История в глобальном сообществе должна рисоваться прежде всего как отрицание и преодоление национальных, региональных и культурных историй... В эпоху глобализации история не только не нужна – она *мешает*».

Глобализация стирает границы между народами – границы, которые особенно важны для их самоидентификации. «При этом не различия между группами ведут к установлению границ, а создание границ устанавливает различия» [7, с. 15].

Мир медиа выступает, по мнению ряда исследователей, в оппозиции традиционной культуре. Эта оппозиция, конфликт, проявляется, в частности, в трансляции разных ценностей. Так, говоря о средствах массовой информации, П. Уоткинс подчёркивает «их разрушительное воздействие на общество, человеческую деятельность и окружающую среду»; главное же разрушительное воздействие медиа видится в «банализации зла» [12]. «Оттесняются из поля зрения современных людей такие извечные ценности культуры общения, как этикетность, церемониальность, символические ценности, сакральные смыслы. Прививка через СМИ чужеродных социокультурных ценностей становится общенациональной проблемой» [6, с. 11]. Отечественные учёные говорят о навязывании через СМИ ценностей чужой западной культуры, но и их зарубежные коллеги осуждают «возмутительное поведение СМАВИ (средств массовой аудиовизуальной информации), которые выступают в качестве сторонников насильственных, эксплуататорских и иерархических идеологий» [12].

Традиционная культура противостоит «инфонеопределённости, инфобеспределу, инфохаосу» [6, с. 11], но она, образно выражаясь, может только «обороняться», а не «нападать» в силу своей консервативности, статичности, которые являются её имманентными свойствами. Говорить о сколько-нибудь ощутимом развитии традиционной культуры народов в современном мире нельзя – одной из характерных её особенностей «является то, что происходящие в ней изменения идут слишком медленно и поэтому практически не фиксируются коллективным сознанием данной культуры» [10].

На наш взгляд, драматизм противостояния традиционной культуры и медиакультуры несколько преувеличен. «Медийная культура не во всём, как это принято считать, противостоит традиционной культуре. Часть её художественных форм уже давно составляет сферу традиционной культуры, потому что аккумулирует, хранит, ретранслирует наиболее ценные образцы медийных произведений, способы, методы их создания и распространения», – отмечает А. А. Гук [3, с. 11]. На самом деле, когда говорят о борьбе этих двух типов культур, как правило, имеют в виду борьбу культуры и бескультурия, противостояние разных идеологий, разных систем ценностей. Сравнение определений, данных в научной литературе медиакультуре и традиционной культуре, в некоторой степени это подтверждает. Так, определение медиакультуры, данное Н. Б. Кирилловой, вполне может использоваться и применительно к традиционной культуре: «комплексное средство освоения человеком окружающего мира в его социальных, интеллектуальных, нравственных, художественных, психологических аспектах» [5, с. 11]. К. Б. Соколов в качестве одной из функций традиционной культуры называет «утверждение определённой картины мира» [11, с. 14]. Но и массмедиа утверждают определённую картину мира – хотя можно допустить, что сами эти «картины» могут не совпадать.

Считаем необходимым подчеркнуть, что артефакты любой культуры – традиционной и массовой – в равной степени выполняют две важные функции: служат средством **репрезентации** картины мира социума и одновременно средством её **формирования**. Существует определённая традиция изучения феноменов традиционной культуры и медиакультуры: внимание исследователей традиционной культуры сосредоточено преимущественно на первой функции, тогда как в оценке медиакультуры наиболее выпукло, рельефно подаётся её формирующее значение. Сложились определённые стереотипы о том, что в медиареальности создаётся искажённая модель мира, выдаваемая за настоящую, утверждаются ложные ценности, что средства массовой информации и коммуникации крайне негативно воздействуют на сознание читателей/слушателей. При этом игнорируется тот факт, что последние активно участвуют в формировании контента, выступают не только в роли «потребителей» информации, но и её авторов, распространителей, что медиасреда очень зависима от их оценок, предпочтений, следовательно – опосредованно репрезентирует и их картину мира, их ценностные установки.

Поддерживая тезис о том, что черты национального характера могут быть раскрыты через «систему культурных, духовных ценностей» [2], обратимся к поиску материала, который эту систему ценностей будет отражать. «Массмедийный текст является своеобразной проекцией культурного пространства», – справедливо отмечает С. В. Иванова [4, с. 29]. И такой компонент культурного пространства, как национальный характер, тоже находит своё отражение в медийном дискурсе. «С одной стороны, массмедийный дискурс не может не отражать стремления к глобализации, которое характеризует современное общество. С другой стороны, любой массмедийный текст создаётся представителем того или иного лингвокультурного сообщества и не может не отражать ценностные установки этого сообщества, его культуру.

Даже задачи глобализации, обуславливающие сильнейшие интеграционные силы, не могут окончательно справиться с центробежными тенденциями, которые способствуют передаче этнокультурной специфики» [4, с. 32]. Примером проявления такой этнокультурной специфики считаются тематические предпочтения: «Тематика массмедийных текстов обусловлена социальными факторами, с одной стороны, но, с другой, испытывает влияние культурных традиций, что объясняет существование предпочтительных или, наоборот, табуизированных или же нежелательных тем для обсуждения» [4, с. 29].

«Национальный компонент» достаточно явно проявляется при сравнении медиатекстов одного вида (жанра), *созданных* представителями разных этнокультур и *адресованных* представителям разных этнокультур. Комплексы устойчивых ассоциаций возникают, когда мы слышим выражения «индийское кино», «бразильский сериал», «американский боевик», «грузинский фильм».

Даже при слепом копировании образцов чужой культуры получается несколько иной, новый продукт, отмеченный характерными этнокультурными особенностями. Так, многие телепрограммы российских телеканалов представляют собой «кальки», «слепки» программ американского телевидения. В первую очередь это касается ток-шоу и реалити-шоу, которые пользуются у российского зрителя огромной популярностью, гораздо большей, чем их американские аналоги у своей аудитории. Например, сложно оценить степень влияния на сознание миллионов молодых людей реалити-шоу «Дом-2», которое ежедневно выходит в эфир более 8 лет (канал ТНТ). Каждый выпуск ток-шоу «Пусть говорят» (1-й канал) воспринимается его обширной аудиторией как значимое событие социокультурной жизни. Российская телевизионная почва оказалась чрезвычайно благодатной для такого рода медиапродуктов, и причина тому видится в особых национальных чертах русского народа – соборности, сопричастности чужой беде, отзывчивости. Зачастую создание рейтинговых ток-шоу или реалити-шоу предполагает спекуляцию на данных качествах зрителя, поскольку преследует прагматические цели.

Напротив, информационные программы в меньшей степени способствуют проявлению этнокультурных особенностей. Выпуски новостей на телеканалах разных стран практически не будут отличаться друг от друга: это обусловлено целями программы (информировать, а не воздействовать), строгой регламентированностью жанра, зависимостью от официальной позиции руководства страны, социальными и политическими мотивами.

Наиболее ценным источником для изучения проявлений особенностей национального характера в медиадискурсе считаем материалы пабликов – публичных сообществ Интернет-пользователей, объединённых общими интересами, целями. Каждый подписчик паблика может размещать свою информацию (текст, видео, фото, аудиозапись) и оценивать чужие материалы. Автор выражает только свою точку зрения, позицию, оценку, но совокупность материалов даёт представление об общественном мнении относительно любого вопроса и представляет собой определённый срез социокультурной жизни и наиболее актуальных проблем. Контент подобных ресурсов сети Интернет создаётся самими пользователями, что даёт надежду на относительную объективность создаваемой картины, тогда как, например, материалы теле- и радиоканалов, печатных периодических изданий в первую очередь отражают чётко сформированную позицию руководства и владельцев данных СМИ.

Таким образом, разные виды медиа (печать, радио, телевидение, Интернет) и их жанры проявляют разные установки относительно определённых черт национального характера. Анализ проявления черт национального характера в медиатекстах разного типа требует рассмотрения в рамках отдельной статьи.

Каждый медиапродукт является частью медиасреды, воспринимается и оценивается аудиторией в синтагматических и парадигматических отношениях с другими медиапродуктами. На основе этого формируется его рейтинговая оценка, определяющая сам факт его существования в медийном пространстве. В связи с этим создатели медиатекстов оказываются крайне зависимыми от общественного мнения, от реакций аудитории. Медиатексты, отражающие принципиально чуждые целевой аудитории идеалы, ценности, установки и не учитывающие её интересы, специфику национального менталитета, обречены на неудачу. Именно этот факт служит своеобразной гарантией того, что «прививка через СМИ чужеродных социокультурных ценностей» [6, с. 11] не будет иметь большого успеха.

Таким образом, в оценке влияния массмедиа на русский национальный характер представляются важными следующие моменты:

1. Национальный характер как «концентрированное выражение исторического пути народа и его культуры» является конструктом, в достаточной мере устойчивым к внешнему воздействию, и устойчивость эта обеспечивается преимущественно первым компонентом – историей народа, его прошлым, которое нельзя изменить, в отличие от второго компонента – культуры, способной развиваться и меняться в зависимости от целого ряда факторов: политических, экономических, социальных, научно-технических. Сложно представить, что в рамках определённой исторической эпохи возможно ощутимое изменение совокупности психологических специфических черт, составляющих национальный характер, приращение и проявление новых черт, в большей степени характерных для другого этноса, вследствие культурного воздействия, которое он оказывает. Следовательно, масс-медиа (даже если предположить, что они действительно пропагандируют чужие культурные ценности) не представляют существенной угрозы для русского национального характера.

2. В целом медиасреда как инструмент глобализации не способствует проявлению национального характера любого народа. При этом разные виды медиа и их жанры отражают разные установки относительно определённых этнокультурных особенностей, особенностей национальной психологии.

Литература

1. Бойцов М. История закончилась. Забудьте // Культура. – 2005. – № 31–32.
2. Гнатенко П. И. Национальная психология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: amkob 113. narod.ru/gnt/gnt-2.html
3. Гук А. А. Традиционная и медийная культуры: аспекты взаимодействия // Традиционная культура и фольклорное наследие Сибири: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. (Кемерово, 17–18 мая 2012 года). – Кемерово: КемГУКИ, 2012. – С. 6–11.
4. Иванова СВ. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 1(24). – С. 29–33.
5. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. – М.: Академический Проект, 2006. – 448 с.
6. Коган В. З., Калачёв И. В., Ситников С. Г. Информация, интеллект, образование (опыт информологического анализа) // Социология информационных процессов / под общ. ред. проф. В. З. Когана. – Новосибирск: Веди, 2005. – С. 10–36.
7. Крадин Н. Н. Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований: сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Тишкин. – Барнаул: Азбука, 2009. – Вып. 5. – С. 9–19.

8. Кутырев В. А. Глобализация в свете культуры [Электронный ресурс] // Культуролог: теория культуры, культурология и философия современной культуры. – Режим доступа: <http://culturolog.ru/index.ph>
9. Никольский С. А., Филимонов В. П. Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 416 с.
10. Пархоменко И. Т., Радугин А. А. Культурология в вопросах и ответах [Электронный ресурс] // Библиотека по культурологии. Культурология. Теории, школы, история, практика. – Режим доступа: <http://countries.ru/library/terms/tradcult.htm>.
11. Соколов К. Б. Субкультурная стратификация и городской фольклор // Традиционная культура: научный альманах. – 2000. – № 1. – С. 10–17.
12. Уткинс П. Медиакризис [Электронный ресурс] / пер. Нины Жутовской // Сеанс. – № 32. – Режим доступа: <http://seance.ru/n/32kinotv/mediacrisis>
13. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб.: Лань, 1999. – 528 с.

Literatura

1. Bojcov M. Istorija zakonchilas'. Zabud'te // Kul'tura. – 2005. – № 31–32.
2. Gnatenko P. I. Nacional'naja psihologija [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: amkob113.narod.ru/gnt/gnt-2.html
3. Guk A. A. Tradicionnaja i medijnaja kul'tury: aspekty vzaimodejstvija // Tradicionnaja kul'tura i fol'klornoe nasledie Sibiri: mat-ly Mezhregion. nauch.-prakt. konf. (Kemerovo, 17–18 maja 2012 goda). – Kemerovo: KemGUKI, 2012. – S. 6–11.
4. Ivanova SV. Politicheskij media-diskurs v fokuse lingvokul'turologii // Politicheskaja lingvistika. – Ekaterinburg, 2008. – Vyp. 1(24). – S. 29–33.
5. Kirillova N. B. Mediakul'tura: ot moderna k postmodernu. – M.: Akademicheskij Proekt, 2006. – 448 s.
6. Kogan V. Z., Kalachjov I. V., Sitnikov S. G. Informacija, intellekt, obrazovanie (opyt informologicheskogo analiza) // Sociologija informacionnyh processov / pod obshh. red. prof. V. Z. Kogana. – Novosibirsk: Vedi, 2005. – S. 10–36.
7. Kradin N. N. Arheologicheskie kul'tury i jetnicheskie obshhnosti // Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij: sbornik nauchnyh trudov / otv. red. A. A. Tishkin. – Barnaul: Azbuka, 2009. – Vyp. 5. – S. 9–19.
8. Kutyrev V. A. Globalizacija v svete kul'tury [Elektronnyj resurs] // Kul'turolog: teorija kul'tury, kul'turologija i filosofija sovremennoj kul'tury. – Rezhim dostupa: <http://culturolog.ru/index.ph>
9. Nikol'skij C. A., Filimonov V. Prusskoe mirovozzrenie. Smysly i cennosti rossijskoj zhizni v otechestvennoj literature i filosofii XVIII – serediny XIX stoletija. – M.: Progress-Tradicija, 2008. – 416 s.
10. Parhomenko I. T., Radugin A. A. Kul'turologija v voprosah i otvetah [Elektronnyj resurs] // Biblioteka po kul'turologii. Kul'turologija. Teorii, shkoly, istorija, praktika. – Rezhim dostupa: <http://countries.ru/library/terms/tradcult.htm>
11. Sokolov K. B. subkul'turnaja stratifikacija i gorodskoj fol'klor // Tradicionnaja kul'tura: nauchnyj al'manah, 2000. – № 1. – S. 10–17.
12. Uotkins P. Mediakrizis [Elektronnyj resurs] / per. Niny Zhutovskoj // Seans. – № 32. – Rezhim dostupa: <http://seance.ru/n/32kinotv/mediacrisis>
13. Jacenko N. E. Tolkovyj slovar' obshhestvovedcheskih terminov. – SPb.: Lan', 1999. – 528 s.

УДК 008.2

*А. А. Гук***ИНФОРМАЦИОННАЯ И МЕДИЙНАЯ КУЛЬТУРЫ:
ГРАНИ СОПРЯЖЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

В статье речь идет о взаимодействии информационной и медийной культуры на современном этапе. Утверждается, что медийная культура является естественным продолжением информационной культуры, ее новым качественным состоянием, базирующимся на интенсивном использовании современных информационно-коммуникативных технологий. Именно они обеспечивают в настоящее время эффективность информационно-коммуникативных процессов, их массовый характер и индивидуальные запросы.

Ключевые слова: информационная культура, медийная культура, информационно-коммуникативные технологии, информационно-коммуникативные процессы, взаимодействие, традиционный текст, медиатекст.

*А. А. Гук***INFORMATION AND MEDIA CULTURE:
ASPECTS OF INTERFACE IN A CURRENT PERIOD**

Currently we are facing a new communicative situation. New communication technologies have significantly intensified and transformed the information processes in the society. They came into contact with the old means of making and distribution of information, giving the new quality to them. The new media culture stimulated traditional information culture to new challenges. The emergence of media culture seems to be quite natural stage of preceding cultural and historical development of society. The media, mediality have gradually increased their presence in culture, strengthened their influence on socio-cultural processes. It lasted long enough, as long as it took for this effect to become dominant. Media culture acquired its true meaning at the time when the society moved forward the problem of information, its diversification and intensification. The timing overlapped it with the intensification of screen forms of culture expansion, and computerization in all spheres of modern life. The intensification of social processes required not just conventionally designated forms of information with using the printed texts (words, numbers) but very specific, unique and documentally reliable information based on abilities of the image. It is not by accident in the late 60's, early 70's, television declared itself as a means of communication, combining the informational power of words and images. The two cultures have common and distinct features. Their common is that media and information culture are aimed at rationalizing and effective work with a variety of information. Their common function is to provide the consumer with the most comfortable and extremely effective situation for succeeding his information and communication goals. It is specific that in information culture frame, problems of general principles in functioning the information, forming the universal personal information culture are being solved, while media culture frame is focusing on the relations of this information with a definite technology and its creative possibilities. In relation to the functioning of information in society, the "information culture" concept is the broadest. However, the "media culture" concept comparing the "information culture" concept can also be seen as more extensive. The fact is that media culture is not limited to information function. It is a complex multifunctional phenomenon, solving the crucial task of recreation, psychological relaxation, nurturing certain qualities of media culture consumers. In this case, information interaction, though it is the base, but not the only function of media culture. Hence, in relation to culture, the media culture concept in general is broader than the concept of information culture.

Keywords: information culture, media culture, information and communication technologies, information and communication processes, interaction, traditional text, media text.

Понятие информационной культуры появляется в 70-е годы прошлого века. В нашей стране его начинают активно употреблять библиотечные работники, специалисты информационно-вычислительных центров и т. д. Позднее их круг расширяется: к изучению информационной культуры подключаются философы, педагоги и т. д. Именно в этот период понятие информационной культуры становится все более актуальным, а интерес к феномену информации постоянно растет. Причины данной тенденции заключены, на наш взгляд, в следующем:

1. Общество стало осознать тот факт, что оно накопило огромный массив информации (главным образом печатной) и ее количество продолжает расти. Необходимо было средство (технология), способное быстро перерабатывать эту информацию и оперативно обмениваться ею. Следствием этой потребности стало появление компьютеров и сети Интернет. По времени эти процессы совпадают. К тому же вербальные сообщения (тексты), будучи универсальным способом передачи информации, постепенно утратили свою значимость как коммуникативное средство. На первый план в коммуникативных процессах стали выдвигаться невербальные компоненты – изображение, звук и их совокупность.

2. Усложняющаяся картина мира способствовала появлению в культуре таких мощных научных направлений, как семиотика и теория коммуникации. Их центральной категорией стал текст или сообщение как информационные феномены по своей сущности. Отсюда интерес представителей этих научных направлений к изучению информационных процессов является вполне закономерным.

3. Знания только технологических возможностей новых информационных каналов было недостаточно. Нужно было осмыслить разнообразные способы функционирования информации, найти новые приемы эффективной работы с ней, то есть разработать определенные методики и формы функционирования. Этим на первых порах и занялись в основном библиотечные работники.

Культура в целом и информационная культура в частности с начала XX века постепенно обогащалась текстами иного плана, отличными от традиционных печатных. Их развитие интенсифицировало информационные потоки и заставило общество по-новому ставить задачи формирования информационной культуры общества и отдельной личности. Вектор этой культурной трансформации направлен, прежде всего, на увеличение значимости аудиовизуального элемента и, соответственно, аудиовизуальных текстов (сообщений).

В настоящее время мы имеем дело с новой коммуникативной ситуацией. Новые коммуникативные технологии существенно интенсифицировали и трансформировали информационные процессы в обществе. Они вступили во взаимодействие со старыми средствами производства и распространения информации, придав им новое качество. Появившаяся медийная культура стимулировала традиционную информационную культуру к решению новых задач. К этим новым задачам относятся: оптимизация поиска и выбора информационных источников, их эффективная оценка с точки зрения целесообразности, поиск алгоритмов свертывания заложенной информации и ее развертывания, использование методических приемов производства новой информации и т. д.

В сфере информационной культуры эти задачи уже поставлены и сформулированы, но механически перенести опыт их решения в медийную сферу не предоставляется возможным. Дело в том, что освоение медиатекстов требует уже новых знаний, умений, методик, овладение которыми предполагает формирование у личности особой медийной компетентности. Данная компетентность проистекает из особенностей информационно-коммуникативного

канала, в который погружен современный медиатекст. Именно канал (информационно-коммуникативная технология), его языковая и речевая система создают особую коммуникативную ситуацию вокруг освоения медиатекстов. И здесь также недостаточно понимания (знания) одних только технологических моментов и процессов. Важно еще освоить и понимать языковую систему, традиции речевой коммуникации медиатекстов с их потребителями.

При этом наработанный в сфере информационной культуры опыт по работе с информацией не должен игнорироваться, а, наоборот, активно использоваться в качестве методологического инструментария. Из сказанного следует, что *цель* настоящей статьи – представить различные аспекты взаимодействия информационной и медийной культур как процесса, имеющего общие и особенные признаки.

Изучению информационной культуры посвящено большое количество работ, она была в центре внимания исследователей различных научных направлений. Общая картина этих исследований представлена в трудах одного из ведущих специалистов в области информационной культуры и образования – проф. Н. И. Гендиной. Ею осуществлен ретроспективный анализ работ по информационной культуре, прослежена эволюция понятия «информационная культура», выявлены ее содержательные характеристики [3, с. 43–53].

Анализируя определения информационной культуры, представленные в справочных изданиях, Гендина Н. И. приходит к выводу о том, что единого универсального понимания этого феномена не существует и вряд ли оно будет выработано в ближайшее время. Дело в том, что информационную культуру изучают представители различных научных дисциплин, которые используют свой категориальный аппарат, свои методы исследования, часто не сопоставимые друг с другом. Кроме этого понятие «информационная культура» состоит из двух трудно определяемых терминов – «информация» и «культура», синтез которых дает не просто сумму смыслов, а совершенно новое качество. При этом Гендина Н. И. констатирует определенную близость в содержательной характеристике понятий «информационная культура» и «информационная грамотность», последнее из которых распространено на международном уровне. По ее словам, и в том, и другом определении присутствуют общие компоненты – «от умения вести поиск информации, анализировать и критически оценивать найденные источники до их творческого самостоятельного использования в целях решения многообразных задач, возникающих в учебной, профессиональной, досуговой или иной деятельности» [3, с. 53].

Необходимость решать задачи формирования информационной культуры, развития системы информационного образования подвигло школу, возглавляемую проф. Гендиной Н. И., разработать свою концепцию информационной культуры. В данной парадигме информационная культура рассматривается не вообще, а на уровне отдельного индивида, *личности*. Данный акцент на личности как первичной ячейки-носителя информационной культуры позволяет максимально адресно, точно и, главное, эффективно выстроить систему функционирования информационной культуры применительно к реально действующему человеку. Нам представляется, что такой подход является наиболее «работающим», потому что ориентирован на информационные нужды и запросы конкретного человека информационного общества. Отсюда концепцию информационной культуры проф. Н. И. Гендиной можно обозначить как *личностную*.

Согласно этой концепции информационная культура личности представляет собой «совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих

целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий» [3, с. 58]. То есть информационная культура личности рассматривается как атрибут общей культуры человека, в которую входят: 1) его наиболее общие представления о сфере функционирования информации; 2) конкретные умения и навыки по анализу, свертыванию, оценке и т. д. информации; 3) владение инструментарием, информационно-компьютерными технологиями.

Следует заметить, что в настоящее время этот инструментарий значительно расширился и не ограничивается только информационно-компьютерными технологиями. Помимо них активно используются и другие виды информационно-коммуникативных технологий – фотографические, видео, аудиальные и т. д. При этом личность оказывается погруженной в информационно-коммуникативную среду, насыщенную разнообразными текстами, освоение которых требует от него компетенций не только в отношении традиционных печатных текстов, но и текстов нетрадиционных (медийных).

Появление медийной культуры представляется вполне закономерным этапом предшествующего культурно-исторического развития общества [8, с. 8]. Медиа, медийность постепенно наращивали свое присутствие в культуре, усиливали свое влияние на социокультурные процессы. Это продолжалось достаточно длительное время, до тех пор, пока данное влияние не стало доминирующим. Свое истинное значение медийная культура обрела в тот момент, когда в обществе на первый план выдвинулась проблема информатизации, ее диверсификации и интенсификации. По времени это совпало с усилением экспансии экранных форм культуры, компьютеризации всех сфер современной жизни.

Интенсификация общественных процессов потребовала не конвенционально обозначаемых форм информации, которые возникали при использовании печатных текстов (слова, цифр), а предельно конкретной, уникальной и документально достоверной информации, базирующейся на возможностях *изображения*. Не случайно в конце 60-х – начале 70-х годов мощно заявило о себе телевидение как коммуникативное средство, объединившее в себе информационную мощь слова и изображения, возможности визуальных (фотография), аудиальных (радио, грампластинки и т. д.) и аудиовизуальных (кино) текстов – текстов нового типа, которые сегодня привычно называют медийными. Началась эра доминирования аудиовизуальной культуры или *новых медиа*, как их иногда обозначают (ТВ, видео, мультимедиа, Интернет).

Дальнейшим катализатором этого процесса стало развитие компьютерных технологий, которые интегрировали в себе коммуникативные возможности как традиционных печатных текстов, так и новых медийных текстов. Мультимедийные и сетевые средства компьютерных технологий сделали передачу информации необычайно разнообразной, действенной и при этом оперативной и глобальной, благодаря виртуальности своих сообщений.

Современная медийная культура представляет собой системное целое, глубоко укоренившееся в социальной среде, которое сформировало свое медийное пространство, функционирующее на основе знакового, символическо-медийного обмена. Как специфическая область культуры она включает в себя «культуру передачи информации и культуру ее восприятия; может выступать и системой уровней развития личности, способной воспринимать, анализировать, оценивать тот или иной медиатекст, заниматься медиаторством, усваивать новые знания посредством медиа» [5, с. 5].

Центральным ядром всей медийной культуры является экранная или аудиовизуальная культура, которые довольно часто конкурируют между собой. Так, например, в учебном пособии по культурологии аудиовизуальная культура определяется как «область культуры, связанная с получившими широкое распространение совр. техн. способами записи и передачи изображения и звука (кино, телевидение, видео, системы мультимедиа)» [7, с. 46]. Этому определению созвучно понимание медиакультуры западными учеными, которое приводится в работе Н. Кирилловой (см. [5, с. 3]). Очевидно, что медийная и аудиовизуальная культуры нетождественны. Медийная культура является более широким понятием, включающим в себя и печатные, и аудиальные, и визуальные, и аудиовизуальные информационно-коммуникативные средства вместе с текстами, ими продуцированными и распространяемыми.

Исследовательская парадигма в медийной культуре берет свое начало в 70-х годах прошлого столетия. Ее изучали представители различных научных направлений, включая педагогов, социологов, политологов, культурологов, журналистов, искусствоведов и, конечно, философов. В последнее время именно в рамках социальной философии осмыслены различные аспекты функционирования медиакультуры, подчеркнута ее теснейшая связь с социальными процессами современного общества.

Так, например, по мнению Е. И. Кузнецовой, медийная культура как социальный феномен может трактоваться в широком и узком смысле. В широком смысле это социальная среда, активно коммуницирующая посредством символического обмена, который реализует взаимодействие между различными подсистемами общества. В узком смысле медийная культура представляет собой «механизм культурной деятельности, актуально проявляющийся в каждом когнитивном акте, посредством медиальных и символических форм реализующий внутренние образные репрезентации, воспроизводящие на сенсорном уровне объекты внешнего мира, и формирующий те взаимосвязи, в которых единичное становится элементом целостной системы, обретая форму упорядоченности в процессе духовного постижения и толкования бытия, формирующего соединительную ткань социума» [6, с. 10–11].

Как считает другой представитель социальной философии, В. А. Возчиков, изучающий медийную культуру, ее осмысление должно исходить из следующих оснований: 1) это *доминирующая* культура информационного общества, обеспечивающая формирование социокультурной картины мира с помощью различных образов, генерируемых традиционными и электронными средствами массовой информации; 2) это культура-*универсум*, которая объединила в себе народную, массовую и элитарную культуры и их разновидности; 3) это *метасообщение*, в котором отражено мировоззренческое состояние общества в различные периоды его развития; 4) это *знак действия*, сила которого может быть направлена как на манипуляцию общественным сознанием, так и на развитие человека, приобщение его к лучшим достижениям науки, культуры, творчества; 5) это специфический *способ* освоения действительности, использующий различные знаковые коды, который обеспечивает наиболее адекватное отражение реальности [2, с. 10].

Несмотря на увеличивающийся контент гуманитарных исследований, посвященных медийной культуре, единого понимания этого феномена, объединяющего инструментарии различных наук, в настоящее время не существует. То есть мы имеем дело с ситуацией, аналогичной в сфере информационной культуры. Вместе с тем для дальнейшего развития информационного общества, его функционирования и управления необходимы целенаправленные действия по формированию особого типа культуры – медийной. Основным

механизмом ее формирования и воспроизводства является, естественно, медиаобразование, которое должно способствовать выявлению и реализации творческих потенций личности, выработке аналитического отношения к явлениям и фактам действительности. То есть речь идет о формировании «человека медиакультуры», об актуализации антропологической концепции медиакультуры, обеспечивающей, прежде всего, преемственность традиций существования в культуре на уровне личности.

Мы уже рассматривали отношения медийной культуры и культуры традиционной [1; 4], но взаимосвязи информационной и медийной культур впервые стали предметом нашего исследования. Чаще всего эти культуры рассматриваются изолированно друг от друга, хотя и то, и другое являются неотъемлемыми феноменами (элементами) единого процесса становления информационного общества. Более того информационное общество начинает осознаваться социумом как некое новое состояние лишь в связи с развитием медийной культуры, ее новых информационно-коммуникативных технологий.

У этих двух культур есть общее и особенное. *Общее* состоит в том, что и медийная, и информационная культуры направлены на рационализацию и эффективную деятельность с разнообразной информацией. Это их общее предназначение – обеспечить потребителю максимально комфортную и предельно эффективную ситуацию для достижения своих информационно-коммуникативных целей. *Особенное* же заключается в том, что в рамках информационной культуры решаются задачи общих принципов функционирования информации, формирования общей информационной культуры личности, тогда как в рамках медийной культуры акцент делается на связи этой информации с определенной технологией, с ее креативными возможностями.

Оба этих понятия отражают различное семантическое содержание, одно из которых может рассматриваться как узкое или широкое. Существует точка зрения, согласно которой понятие «информационная культура» шире понятия «медийная культура». Действительно информационная культура охватывает все явления, имеющие отношения к функционированию информации, в том числе и те из них, которые выступают в качестве медийных. Кроме них сфера информационной культуры включает в себя институты, процессы и их элементы, немедийные по своей природе, например, традиционный бумажный документооборот или обычное библиотечное обслуживание. В этом смысле, то есть по отношению к функционированию информации в социуме, понятие информационной культуры является самым широким. Однако понятие «медийная культура» относительно понятия «информационная культура» также может рассматриваться как более широкое. Дело в том, что медийная культура не ограничивается только *информационным* функционированием. Это комплексное полифункциональное явление, решающее задачи рекреации, психологической разрядки, воспитания определенных качеств у потребителей медийной культуры. Информационное взаимодействие при этом, хоть и является основной, но далеко не единственной функцией медийной культуры. Поэтому по отношению к культуре вообще понятие медийной культуры оказывается шире понятия информационной культуры.

Если визуально обозначить информационную и медийную культуры как круговые сферы, то совершенно очевидно, что это не рядоположенные культуры. В то же время эти культуры не поглощают друг друга и не являются тождественными. Остается единственный вариант – информационная и медийная культуры частично пересекаются и взаимодействуют друг с другом.

Возникает вопрос: насколько обширна эта общая зона единого функционирования обеих культур? Можно предположить, что объем этой общей зоны подвижен и зависит, прежде всего, от конкретно-исторического контекста. Еще пять десятилетий назад в период бурного развития телевидения эта общность информационной и медийной культур была относительно невелика. Но по мере увеличения удельного веса медийной культуры она постоянно возрастала и продолжает возрастать в настоящее время. Данная тенденция привела к тому, что сегодня на международном уровне предпочитают говорить о медийно-информационной грамотности как важнейшем элементе культуры личности. И тот факт, что медийное в этом зонтичном термине стоит на первом месте, является неслучайным. Данная позиция отражает реальную значимость медийного в современной социокультурной жизни и роль медийной информации в коммуникативных процессах.

Выводы:

1. Медийная культура представляет собой новое качественное состояние информационной культуры, ее развитие на основе современных информационно-коммуникативных технологий.
2. Общие принципы функционирования информационной культуры и ее ядра – печатных текстов – остаются актуальными и для медиакультуры. Однако медиатексты стремятся реализовать свою информационно-коммуникативную функцию виртуальным способом посредством передачи сигнала, а не материального носителя.
3. На современном этапе возникает неразрывный симбиоз, в котором информационное уже не может существовать вне медийного. Медийное как технологическое средство обеспечивает ту основу, на которой базируются современные информационно-коммуникативные процессы.
4. Соотношение информационной и медийной культур подвижно и зависит от динамики социокультурных процессов, происходящих в данный исторический период.

Литература

1. Веселовская Е. В. Медиаресурсы как инструменты межкультурного взаимодействия // Традиционная культура и фольклорное наследие Сибири: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. (Кемерово, 17–18 мая 2012). – Кемерово: КемГУКИ, 2012. – С. 11–16.
2. Возчиков В. А. Философия образования и медиакультура информационного общества: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 – социальная философия. – СПб., 2007.
3. Гендина Н. И., Колкова Н. И., Стародубова Г. А., Уленко Ю. В. Формирование информационной культуры личности: теоретическое обоснование и моделирование содержания учебной дисциплины. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2006. – 512 с.
4. Гук А. А. Традиционная и медийная культуры: аспекты взаимодействия // Традиционная культура и фольклорное наследие Сибири: мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. (Кемерово, 17–18 мая 2012). – Кемерово: КемГУКИ, 2012. – С. 6–11.
5. Кириллова Н. Б. От медиакультуры к медиалогии [Электронный ресурс] // Культурологический журнал, 2011/4(6). – Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/98.html&j_id=8
6. Кузнецова Е. И. Медиальность и медиакультура как факторы динамики социальной среды: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 – социальная философия. – Нижний Новгород, 2010.
7. Культурология XX век. Энциклопедия [Электронный ресурс]. – СПб.: Унив. кн., 1998. – Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/encycl/cultXXall1&2volumes.htm>
8. Кумелашвили Н. У. История медиакультуры: самоопределение от древности до Нового времени // Культура и цивилизация. – 2011. – № 1.

Literatura

1. Veselovskaja E. V. Mediaresursy kak instrumenty mezhkul'turnogo vzaimodejstvija // Tradicionnaja kul'tura i fol'klornoe nasledie Sibiri: mat-ly Mezhregional. nauch.-prakt. konf. (Kemerovo, 17–18 maja 2012). – Kemerovo: KemGUKI, 2012. – S. 11–16.
2. Vozchikov V. A. Filosofija obrazovaniya i mediakul'tura informacionnogo obshhestva: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.11 – social'naja filosofiya. – SPb., 2007.
3. Gendina N. I., Kolkova N. I., Starodubova G. A., Ulenko Ju. V. Formirovanie informacionnoj kul'tury lichnosti: teoreticheskoe obosnovanie i modelirovanie sodержaniya uchebnoj discipliny. – M.: Mezhregional'nyj centr bibliotechnogo sotrudnichestva, 2006. – 512 s.
4. Guk A. A. Tradicionnaja i medijnaja kul'tury: aspekty vzaimodejstvija // Tradicionnaja kul'tura i fol'klornoe nasledie Sibiri: mat-ly Mezhregional. nauch.-prakt. konf. (Kemerovo, 17–18 maja 2012). – Kemerovo: KemGUKI, 2012. – S. 6–11.
5. Kirillova N. B. Ot mediakul'tury k medialogii [Elektronnyj resurs] // Kul'turologicheskij zhurnal, 2011/4(6). – Rezhim dostupa: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/98.html&j_id=8
6. Kuznecova E. I. Medial'nost' i mediakul'tura kak faktory dinamiki social'noj sredy: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.11 – social'naja filosofiya. – Nizhnij Novgorod, 2010.
7. Kul'turologija XX vek. Jenciklopediya [Elektronnyj resurs]. – SPB.: Univ. kn., 1998. – Rezhim dostupa: <http://yanko.lib.ru/books/encycl/cultXXall1&2volumes.htm>
8. Kumelashvili N. U. Istorija mediakul'tury: samoopredelenie ot drevnosti do Novogo vremeni // Kul'tura i civilizacija. – 2011. – № 1.

УДК 008

*Н. С. Синецкий***АРАБСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ XXI ВЕКА**

В статье даётся характеристика арабской цивилизации, описан характер её взаимоотношений с Западом в контексте НТР, предлагаются сценарии вписывания арабской цивилизации в глобальные социокультурные процессы, делается вывод о необходимости существования как инновационных, так и традиционалистских цивилизаций.

Ключевые слова: арабская цивилизация, Запад, постиндустриальное общество, глобальные социокультурные процессы, инновационность, традиционализм.

*N. S. Sinetskiy***ARAB CIVILIZATION IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL
SOCIO-CULTURAL PROCESSES OF THE XXIST CENTURY**

The turn of the XX–XXI centuries is the time of scientific and technological revolution, which entails transition to post-industrialism and intensification of globalization of the world community. Scientific and technological revolution is a result of development of the Western civilization, therefore, globalization is strongly focused on the Western values and principles: technological, economic, political, cultural and others. In such situation clash of innovative Western civilizations and traditional eastern ones is inevitable. The socio-cultural practice around the world is determined by this trend, lining up in accordance with it, somewhere focusing on integration to the new global conditions, and somewhere opposing them. The Arab civilization is on the second path.

In such conditions deep intrinsic ideological differences between the West and the Arab East escalate and become especially important. We have analyzed these differences according to the following parameters: way of extension, means of cultural expansion, model of intercultural interaction, attitude to life and death, reproduction, attitude to identity and attitude to the individual. The Arab civilization can be called “mirror image” of the West in the meaning of antithesis of the objectives pursued by the two communities.

We also identify trends leading to change in the nature of the interaction between the Arab civilization and the West:

Oil revenues, being redistributed within the Arab society, more and more work on its islamization and rather aggressive Arab expansion to the West;

The mindset of the Western society is becoming more and more ecologically oriented, which catalyzes abandonment of oil in favor of environmentally friendly energy sources;

Scientific and technological progress has already formed a rather strong lobby that seeks the implementation of ways of energy generation, alternative to the oil ones, using administrative methods among the others;

Already till 2050, the scientific and technological revolution will provide significant extension of life of the representatives of the Western civilization, increase female fertility, deactualize traditional reproduction as a factor of the species survival, which will contribute mental and, more broadly, cultural gap between the West and the Arab East;

The forecasted rapid and significant population increase in the Arab countries makes growth of migration and thus tight inter-civilization contact with the West inevitable.

According to these trends, as well as the analysis of differences between the West and the Arab East, we can model the following scenarios of integration of the Arab civilization into the global socio-cultural processes:

Rational integration – openness of the Arab civilization for intercultural exchange and thus decrease of inter-civilization tension;

Open confrontation – intense inter-civilization conflict caused by the growing Arab expansionist activism;

Cultural conservation – tough isolation of the Arab civilization from the West, initiated by the West.

Keywords: Arab civilization, West, postindustrial society, global socio-cultural processes, innovativeness, traditionalism.

Ключевой особенностью рубежа XX–XXI веков является научно-техническая революция, повлёкшая за собой переход к постиндустриальному этапу общественного развития. Результаты научно-технологических прорывов оказывают влияние на условия жизни больших социальных групп, а нередко и человечества в целом, корректируя, таким образом, всю социокультурную систему.

Научно-техническая революция – результат развития Западного мира, и практически все научно-технологические изобретения и открытия, результаты которых впоследствии распространяются по всему миру, совершаются на Западе. Следовательно, и глобализация имеет ярко выраженную ориентированность на западные ценности и принципы: технологические, экономические, политические, собственно культурные и прочие. При этом неминуемо столкновение инновационных западных цивилизаций и традиционалистских восточных. Социокультурная практика во всём мире определяется этой тенденцией, выстраиваясь в соответствии с ней – где-то ориентируясь на вписанность в новые глобальные условия, а где-то – на противостояние им. Арабская цивилизация идёт по второму пути.

В таких условиях обостряются и становятся особенно важными глубинные, сущностные мировоззренческие различия между Западом и арабским Востоком. Проанализируем их,

выделив семь критериев, которые, по нашему мнению, наиболее существенны в контексте современных глобальных процессов.

Способ расширения. Условием жизнеспособности любой культуры является стремление к экспансии, к расширению географических границ своего ареала. Культура западного типа¹² удовлетворяет свою потребность в расширении путём глобализации, суть которой в международном объединении производств, торговли, систем образования, правовых систем и др. В этом смысле западную цивилизацию можно назвать искусственной, поскольку в природе нет примеров межвидового объединения. Культура западного типа – результат рационального выбора.

Культура арабской цивилизации отстаивает свою автономию по отношению к культуре западного типа. Она тоже стремится к глобализации, но по своему, альтернативному образцу. Арабский альтерглобализм выражается в расширении путём геоэкспансии, сопровождаемой нередко агрессивной презентацией своих ценностей за пределами собственного цивилизационного ареала. С одной стороны, обоснованность такой экспансии подтверждается, в частности, следующими строками Корана: «Ведите войну с теми, которые не веруют в Бога и в последний день, не воздерживаются от запрещённого Богом и Его пророком, и с теми из получивших писание, которые не исповедуют истинной веры. Воюйте до тех пор, пока они не заплатят дань собственноручно и не смирятся» (9:29) [4, с. 191]. С другой стороны, она объективируется ростом населения арабских стран, возрастающей потребностью в новых жизненных пространствах. Геоэкспансия культуры арабской цивилизации имеет некоторую аналогию с дарвиновской межвидовой борьбой, что более естественно, нежели международное объединение.

Инструменты культурной экспансии. Основным инструментом экспансии культуры западного типа – распространение достижений науки и разработанных на Западе технологий и продукции. Во всём мире используются компьютеры и сотовые телефоны, люди перемещаются на автомобилях, самолётах и других видах транспорта, большинство из которых изобретено на Западе. Для того чтобы создать сколько-нибудь конкурентный продукт промышленного производства, изготавливать его нужно с использованием разработанных на Западе технологий. Так элементы западного образа жизни, культуры западного типа встречаются практически в любой стране мира, в любой точке земного шара. С появлением Интернета, беспроводного радио и спутникового телевидения, по мере развития информационно-коммуникационных технологий, Запад получил возможность транслировать свои культурные ценности, своё мировоззрение, своё мышление на весь мир, фактически вовлекая в свою социокультурную систему все остальные страны.

Арабская цивилизация осуществляет свою культурную экспансию относительно архаичными методами просветительства и миссионерства. По всему миру работают центры арабской культуры, активно открываются медресе, спонсируемые арабскими правительствами, создаются специализированные интернет-сайты об исламе, транслируются про-

¹² Мы не отрицаем, что неправомерно говорить о единой западной культуре и, безусловно, признаём неоднородность Запада, однако задача построения любой типологии вынуждает несколько огрублять реальность. Бесспорен и тот факт, что культуры Запада существенно отличаются от культур Востока вплоть до противоположности. Поэтому, сравнивая культуры Запада и арабского Востока, мы будем использовать термин «культура западного типа».

светительские телепередачи религиозного содержания. Но основной алгоритм экспансии – миграция в инокультурные регионы, создание плацдармов собственной культуры (диаспор, культовых и образовательных учреждений, разного рода обществ, СМИ) (см. [18, с. 268]), вербовка сторонников и дальнейшая миграция.

Таким образом, оба типа глобализации являют собой тенденцию к завершению истории человечества как истории отдельных общностей и началу истории человечества как единого субъекта и актора истории, единой цивилизации. Глобализация по западному образцу предполагает объединение человечества в глобальную технократическую цивилизацию и превращение планеты в цельный, слаженно работающий механизм. Итог глобализации по арабскому сценарию нам видится в создании глобальной уммы, ведущей традиционалистский образ жизни в ожидании Конца Света и подчинившей себе немусульманское меньшинство.

Модель межкультурного взаимодействия. Основной принцип западных обществ – толерантность по отношению к тому, что не вписывается в рамки их мировоззрения. Весьма точно формула межкультурного взаимодействия выражена в афоризме Вольтера «Мне ненавистны ваши убеждения, но я отдаю жизнь за то, чтобы вы могли их свободно высказать». Именно на Западе (кроме Японии и Южной Кореи) активно проводится политика мультикультурализма.

Арабская цивилизация с религиозно детерминированной культурой, напротив, отличается нетерпимостью по отношению ко всему, что идёт с этой культурой вразрез. Например, в Саудовской Аравии единственная законодательно разрешённая религия – это ислам, любое внешнее проявление принадлежности к другой религии строго запрещено: недопустимо ношение нательных крестов христианами. В то же время арабские мигранты во Франции борются за предоставление права девочкам-мусульманкам носить хиджабы в школах [23], в Швейцарии выступают против запрета строительства минаретов [3], а в Дании устраивают погромы после публикации карикатур на пророка Мухаммеда [8]. Последняя крупная волна агрессии, сопровождавшаяся терактами, нападениями на американские посольства и убийствами американских дипломатов была после размещения на видеохостинге «YouTube» трейлера к фильму «Невинность мусульман», высмеивающего пророка Мухаммеда. Египетский суд заочно приговорил создателей фильма к смерти [19]. Президент же США Барак Обама хоть и назвал фильм отвратительным, но заявил, что, каким бы он ни был, он не может быть оправданием насилия и убийств [10]. В том же году не менее резонансное событие произошло в Москве, где в Храме Христа-Спасителя панк-группой «Pussy Riot» был проведён «панк-молебен». Против начавшегося судебного преследования участниц группы выступили многие известные принадлежащие к христианской религии западные политики, деятели культуры и искусства, среди которых федеральный канцлер Германии Ангела Меркель [20], министр культуры Франции Орели Филиппетти [6], музыканты Стинг [2], Пол Маккартни [14], Мадонна [5], группа «Red Hot Chili Peppers» [25] и многие другие.

Отношение к жизни и смерти. Источником представлений о жизни и смерти во многом является религиозное учение, на которое опирается культура. Культура западного типа – изначально христианская, однако религия на Западе играет в настоящее время, скорее, декоративную роль. Следовательно, настоящая жизнь человека – это земная жизнь, а есть ли что-то, на самом деле, после смерти, никому неизвестно. Неслучайно именно на Западе разрабатываются технологии радикального продления жизни, наиболее тщательно обеспечивает-

ся максимально высокое качество жизни (социальные программы, экологические стандарты, высокие медицинские технологии), создана самая развитая в мире индустрия отдыха и развлечений и т. д.

Ислам, на котором строится культура арабской цивилизации, представляет земную жизнь человека как подготовительный этап, как испытание перед жизнью вечной, в Аду или в Раю – зависит от того, насколько добросовестно человек следовал религиозным предписаниям в течение земной жизни. Можно сказать, что истинным рождением человека считается окончание его земной жизни. В некоторых случаях одобряется её досрочное прекращение, например, смерть за веру считается богоугодным делом.

Воспроизводство. Среднее количество детей в семьях экономически благополучных стран Запада – 1–2. Рождение ребёнка – обдуманый и взвешенный шаг. Обычно он тщательно планируется, потенциальные родители перед зачатием проходят серьёзное медицинское обследование, цель которого проанализировать состояние здоровья и при необходимости улучшить его. Будущую мать в период беременности скрупулёзно наблюдают врачи. Рождаемость контролируется при помощи различных механизмов: существуют методы планирования семьи, технологии и средства контрацепции, использование которых не порицается, а в определённой мере и поощряется обществом, и т. д. Кроме того, появляются альтернативные способы воспроизводства: экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное материнство, а в недалёком будущем не исключено и клонирование. Репродуктивное клонирование в настоящее время законодательно запрещено во всём мире. Но запрет этот связан, скорее, с несовершенством технологии, чем с какими-либо морально-этическими установками. Когда технологии достигнут должного уровня и сознание людей будет готово к восприятию данной практики, вполне возможно, что запрет будет снят. Терапевтическое клонирование разрешено во многих странах уже сегодня.

В арабском мире рождение ребёнка – не запланированное событие и взвешенное решение, а «дар Бога», а дары Бога, как известно, не планируются и не контролируются. Многодетность – общепринятое явление, она считается признаком благополучия семьи и поднимает статус её главы. Кроме того, считается, что чем больше детей в бедной семье, тем больше вероятность, что в будущем кто-то из продолжателей рода, в конце концов, вытащит семью из нищеты.

Таким образом, на Западе воспроизводство ориентировано на качество. Не имеет значения даже способ воспроизводства – вплоть до «ручной настройки» генов. На арабском Востоке признаётся только традиционный способ воспроизводства. Упор делается на количество, работают механизмы естественного отбора.

Отношение к идентичности. Высокая скорость и рост количества коммуникаций вынуждают западного человека ситуативно меняться, подстраиваясь под обстоятельства. Изменения затрагивают любые ипостаси человека: физические кондиции, внешний облик, имя, имидж, историю. Одним из основных факторов трансформации идентичности стало развитие информационно-коммуникационных технологий, давшее возможность дистанционных коммуникаций и виртуализации общения. Общаясь в Интернете, можно не иметь представления о том, каков собеседник на самом деле. Даже стиль фраз при реальном общении и при виртуальном может различаться. Представляясь в Интернете, можно публиковать любую информацию о себе (в том числе и вымышленную) и в любом объёме. Можно выбирать даже внешний облик, меняя его в зависимости от обстоятельств. Таким образом, посредством со-

временных информационно-коммуникационных технологий идентичность человека размывается до такой степени, что иногда не представляется возможным узнать даже пол того, с кем приходится вступать в коммуникацию.

Культура арабской цивилизации опирается на идентичность и на культивирование исторической преемственности. Этим объясняется, например, жёсткость позиции относительно чести рода, к которой отношение в арабской среде более чем трепетное. За нанесение ущерба репутации рода виновник может поплатиться жизнью, даже если это близкий родственник. В арабской общине действует круговая порука, в то время как в культуре западного типа дееспособный человек отвечает сам за себя.

Отношение к индивиду. На Западе основой общества является индивид. Каждый индивид воспринимается как личность. Культура западного типа нацелена на автономность личности. Ставка делается на существование и развитие человека вне зависимости от какой-либо общности, к которой он может принадлежать.

Носитель культуры арабской цивилизации – прежде всего, представитель общины, клана, диаспоры, семьи. Именно общинность является основой арабского социума.

Арабскую цивилизацию можно назвать «зеркальным отражением» Запада в смысле противоположности целей, преследуемых двумя общностями. Западной глобализации, стандартизации, транснациональности и технократии противопоставляется арабская геоэкспансия, ориентированность на традиционный уклад жизни, строгая идентичность и религиозность (как проявление традиционности).

Арабский регион играет важную стратегическую роль для всего мира. Роль эта обусловлена огромными запасами углеводородов. В условиях постиндустриализма и распространения передовой инновационной культуры роль арабского региона в мировой экономике, в основном, сводится к роли сырьевого придатка, основу экономики богатейших арабских стран составляют доходы от продажи нефти. Однако и зависимость Западной Европы от арабской нефти всегда была критически высокой [21]. По нашему мнению, именно данная зависимость в значительной степени обеспечивает лояльную миграционную политику Западной Европы в отношении арабских переселенцев. Мы допускаем, что это является негласным условием стабильных экономических отношений, так как во-первых, заработанные средства мигранты перечисляют семьям, оставшимся на родине, а во-вторых, в беднейших арабских странах частично снимается острота безработицы. И в том, и в другом случае, снижается социальное напряжение в арабских странах, не являющихся нефтедобывающими.

Однако, по ряду причин, поддерживать сложившийся статус-кво Западу более не представляется необходимым. Этому есть как политические, так и собственно экономические причины:

1. Нефтяные доходы, перераспределяясь внутри арабского социума, всё больше работают на его исламизацию и весьма агрессивную арабскую экспансию в ту же Европу. Иными словами, закуп арабской нефти катализирует, а возможно, интенсифицирует культурное противостояние, всё чаще проявляющееся в виде открытых столкновений представителей цивилизаций инновационного и традиционалистского типов [21].

2. Менталитет европейского общества становится всё более экологически ориентированным. Международное экологическое сообщество негативно относится к нефтяной энергетике в силу её опасности для окружающей среды. Многолетняя деятельность экологов заставляет правительства западных стран искусственно ограничивать потребление нефти как ресурса и стимулировать разработку альтернативной («зелёной») энергетики [13].

3. Научно-технический прогресс уже сформировал достаточно сильное лобби, добивающееся, в том числе административными методами, внедрения альтернативных генераторов энергии. Уже к 2012 году альтернативная энергетика в развитых странах обеспечивает до 20 % от потребности [12]. В целом Европа провозгласила курс на уход от нефтяной зависимости. Так, в Швеции принята программа полного отказа от нефти и нефтепродуктов уже к 2020 году [24], к 2050 году от нефти собирается отказаться Дания [15]. В Европе принята энергетическая политика, декларирующая развитие энергетики на основе возобновляемых источников [1].

4. Научно-техническая революция уже к 2050 году обеспечит существенное продление жизни представителей Запада, повысит детородный возраст женщин, деактуализирует традиционное воспроизводство как фактор видového выживания. Эти последствия НТР принципиально изменяют социокультурный уклад цивилизаций западного типа, ещё более отдалив их от традиционалистского арабского Востока. Здесь видится культурный парадокс, с которым социальным наукам, в том числе культурологии, ещё предстоит разбираться: традиционалистски воспитанная арабская молодежь столкнётся с инновационно ориентированными «стариками» Запада. В планетарном масштабе это видится как конфликт поколений наоборот, в котором непредсказуемые, ориентированные на будущее и вечную жизнь «отцы» вступят в полемику с ретроградными, умудрёнными религиозными догмами, готовыми к смерти «детьми».

5. Прогнозируемый быстрый и значительный рост населения арабских стран [11] делает неизбежным рост миграции, а значит, плотное межкультурное соприкосновение с Западом. Вряд ли есть сомнения в конфликтности такого соприкосновения. В предыдущие эпохи относительно медленных коммуникаций, территориальной определённости этносов, классических способов разрешения споров – проблемные области локализовывались в местах пограничного соприкосновения конфликтующих сторон. Именно границы, закреплённые не только на географической карте, но и в национальном сознании были зонами непосредственного контакта разных культур, политических устройств, хозяйственных укладов и т. д. Именно на границах постоянно воспроизводился, то затухая, то ярко вспыхивая, конфликт противоположностей – Востока и Запада. В XXI веке наблюдается диффузия цивилизаций и культур, вызывающая уже не пограничные, но внутренние конфликты, разрушающие оба мира изнутри. Исходя из описанных трендов, можно прогнозировать возможные сценарии вписывания арабской цивилизации в глобальные социокультурные процессы:

1. Разумная интеграция

Наиболее оптимистичный из предполагаемых нами сценариев. Один из характерных трендов современности – мобильность и космополитичность элит. Исключением не являются и арабские элиты, образ жизни которых зачастую существенно отличается от образа жизни рядовых представителей арабской цивилизации. Арабские элиты обычно получают зарубежное образование, как правило, в странах Запада, у многих из них формируется западный тип мышления и по возвращении на родину они стремятся к воспроизведению западного образа жизни внутри своего сословия. Опора на традицию служит, по большей части, для легитимации их статуса на родине. Однако зыбкость этого положения мы наблюдали на примере Арабской весны, одна из важнейших культурологических причин которой состоит во взаимном непонимании элит и населения. Для того чтобы устранить это непонимание, от арабских элит, в мировоззренческом плане ориентированных на Запад, требуется серьёзная работа, направленная

на изменение сознания населения своих стран, заключающееся, прежде всего, в повышении толерантности по отношению к культуре западного типа и её ценностям. Результатом может стать открытость для межкультурного обмена и, как следствие, снижение межкультурного напряжения. Данный сценарий в настоящее время видится нам мало реалистичным, поскольку ослабление традиционалистского начала в культуре арабской цивилизации и сознании её представителей означает ослабление основного фактора легитимации власти элит. Выход из данной ситуации пока не найден.

2. Открытая конфронтация

Учитывая стремительный рост численности населения арабских стран и экспансионистскую активность, характерную для арабской культуры, а также межкультурную толерантность западных обществ и социальные гарантии западных стран, можно предположить превращение носителей культуры западного типа (в первую очередь, европейцев) в национальные и культурные меньшинства, что будет означать арабизацию и исламизацию Запада. В таких условиях вполне вероятно возникновение затруднений в следовании инновационно-модернизационному пути развития человечества. Однако такое развитие событий наверняка приведёт к острому конфликту между цивилизациями. Не исключён и вариант полномасштабного вооружённого столкновения. Уже сегодня тревогу вызывают такие симптоматичные факты, как рост праворадикальных настроений в Европе и распространение теории Еврабии как негативного сценария политического и культурного сближения Европы и арабских стран. Во Франции серьёзной поддержкой пользуется Националистическая партия, набравшая на президентских выборах 2012 года 18 % голосов, заняв общее третье место [16]. Для того чтобы сглаживать остроту противоречий, необходима проработка комплекса политических мер, среди которых важное место занимает культурная политика, направленная на ассимиляцию мигрантов и на лояльное отношение к ним местного населения. На реализацию такой политики потребуются десятилетия, но начинать следует уже сегодня.

3. Культурная консервация

В связи с увеличением потока мигрантов в экономически развитые страны Запада, последний будет вынужден принимать реальные меры самозащиты. Вероятнее всего потребуются ужесточение иммиграционного законодательства и корректировка правового статуса мигрантов. Итог – жёсткая изоляция арабской цивилизации от Запада неким подобием советского «железного занавеса», только занавес этот будет создан извне. Предпосылки для подобных шагов, выраженные в общественном мнении и инициативах некоторых политических деятелей Запада, есть уже сегодня [7; 9].

Подводя итог вышесказанному, мы можем сделать вывод, что с точки зрения технократичной, инновационной и объективно наиболее продвинутой и влиятельной сегодня культуры западного типа арабская цивилизация, будучи традиционалистской, остаётся на исторической периферии в условиях перехода к постиндустриализму. В представлении инновационных цивилизаций традиционалистские общности являются в современном мире социокультурными аутсайдерами [22, с. 230]. Однако то, что на первый взгляд кажется аутсайдерством, является проявлением иной ориентированности цивилизации, иных целей её культуры, иного видения мира её представителями. Сама же арабская цивилизация ощущает себя «полной сил и энергии», готовой к победам. Тем более, основную долю населения арабских стран составляет молодёжь. Свои победы арабская цивилизация видит в распространении своего культурного уклада как можно дальше за пределы собственного ареала.

Существование и сохранение как инновационных, так и традиционалистски ориентированных цивилизаций стратегически важно для человечества. Инновационные цивилизации играют роль движущей силы прогрессивного развития человечества, его эволюции, а цивилизации традиционалистского типа, в числе которых и арабская, выполняют охранительную функцию, страхуя вид *homo sapiens* от непредвиденных неудач на инновационном пути развития, которые могут грозить эволюционной катастрофой и прекращением существования человечества как биологического вида.

Литература

1. Богучарский М. Е. Энергетическая стратегия Европейского Союза на современном этапе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.flm.su/?actions=main_content&id=828
2. Британский певец Стинг вступился за Pussy Riot [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/society/25/07/2012/661680.shtml>
3. В Швейцарии запретили строить минареты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/religy/30nov2009/minarety.html>
4. Коран / Д. Н. Богуславский (пер. с араб. и ком.). – İstanbul: Çağrı yayinlari, 2004. – 813 с.
5. Мадонна назвала приговор Pussy Riot «бесчеловечным» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2012/08/19/madonna/>
6. Министр культуры Франции вступилась за Pussy Riot [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2012/08/09/aurelie/>
7. Новикова Е. Европейский кризис миграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2011/04/12/evropejskij-krizis-migratsii/>
8. Новые публикации карикатур на Мухаммеда принесли новые беспорядки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mobus.com/55865.html>
9. Норвегия и проблема миграции. Норвежцы против чеченцев: жёсткий ответ [Электронный ресурс] [А. Шмулевич – интервьюер]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article21313.htm>
10. Обама назвал «Невинность мусульман» оскорблением Америки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2012/09/26/insult/>
11. ООН: Прогноз населения Земли к 2050 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etoday.ru/2009/03/un-population-prediction-2050.php>
12. Отказ от нефти и газа экономически выгоден [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://primeinfo.com.ua/interest/103-otkaz-ot-nefti-i-gaza-ekonomicheski-vygoden.html>
13. Покровский А. «Зелёная» энергетика как символ нового экономического цикла [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://podrobnosti.ua/analytics/2010/12/23/741768.html>
14. Пол Маккартни написал письмо в поддержку Pussy Riot [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2012/08/16/mamunia/>
15. Правительство Дании ставит цель к 2050 году полностью отказаться от использования угля, нефти и газа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oilru.com/news/204901/>
16. Президентские выборы во Франции – 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/story/629386.shtml>
17. Садыхова А. А. Основные концепции и подходы к пониманию исламизации и реисламизации в отечественной и зарубежной науке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/151/6720.php>
18. Синецкий С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего: монография. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – 288 с.

19. Создатели фильма «Невинность мусульман» приговорены в Египте к смерти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.news-egypt.ru/sozdateli-filma-qnevinnost-musulmanq-prigovoreny-v-egipte-k-smerti.html>
20. Степовик М. Меркель считает неадекватным приговор по делу Pussy Riot [Электронный ресурс] / М. Степовик, [Е. Жуков – редактор]. – Режим доступа: <http://www.dw.de/%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B5%D0%BB%D1%8C-%D1%81%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5%D1%82-%D0%BD%D0%B5%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%BC-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80-%D0%BF%D0%BE-%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%83-pussy-riot/maca=rus-rss-ru-news-4383-xml-mrss>.
21. Феллер В. Арабская нефть: сценарий кризиса 2009–2020 [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://vf.narod.ru/scenario/arab/arab2.htm>
22. Флиер А. Я. Культурология 20–11: авторский сб. эссе и ст. – М.: Согласие, 2011. – 560 с.
23. Франция развернула политическую борьбу против хиджаба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://islam-today.ru/article/8797/>
24. Швеция планирует стать первой страной, которая полностью откажется от нефти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://press.try.md/item.php?id=70100>.
25. Red Hot Chili Peppers активно поддержали Pussy Riot на гастролях в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://piter.tv/event/na_koncerte_hot_chilli_p/

Literatura

1. Bogucharskij M. E. Jenergeticheskaja strategija Evropejskogo Sojuza na sovremennom jetape [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.flm.su/?actions=main_content&id=828
2. Britanskij pevec Sting vstupil'sja za Pussy Riot [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://top.rbc.ru/society/25/07/2012/661680.shtml>
3. V Shvejcarii zapretili stroit' minarety [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.newsru.com/religy/30nov2009/minarety.html>
4. Koran [Tekst] / D. N. Boguslavskij (per. s arab. i kom.). – İstanbul: Çağrı yayinlari, 2004. – 813 s.
5. Madonna nazvala prigovor Pussy Riot «beschelovechnym» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://lenta.ru/news/2012/08/19/madonna/>
6. Ministr kul'tury Francii vstupilas' za Pussy Riot [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://lenta.ru/news/2012/08/09/aurelie/>
7. Novikova E. Evropejskij krizis migracii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://expert.ru/2011/04/12/evropejskij-krizis-migratsii/>
8. Novye publikacii karikatur na Muhammeda prinesli novye besporjadki [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.mobus.com/55865.html>
9. Norvegija i problema migracii. Norvezhcy protiv chechencev: zhjostkij otvet [Elektronnyj resurs] / R. Konopl'jov, [A. Shmulevich – interv'juer]. – Rezhim dostupa: <http://www.apn.ru/publications/article21313.htm>
10. Obama nazval «Nevinnost' musul'man» oskorbleniem Ameriki [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://lenta.ru/news/2012/09/26/insult/>
11. OON: Prognoz naselenija Zemli k 2050 godu [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.etoday.ru/2009/03/un-population-prediction-2050.php>
12. Otkaz ot nefti i gaza jekonomicheski vygoden [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://primeinfo.com.ua/interest/103-otkaz-ot-nefti-i-gaza-ekonomicheski-vygoden.html>

13. Pokrovskij, A. «Zeljonaja» jenergetika kak simbol novogo jekonomicheskogo cikla [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://podrobnosti.ua/analytics/2010/12/23/741768.html>
14. Pol Makkartni napisal pis'mo v podderzhku Pussy Riot [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://lenta.ru/news/2012/08/16/mamunia/>
15. Pravitel'stvo Danii stavit cel' k 2050 godu polnost'ju otkazat'sja ot ispol'zovanija uglja, nefti i gaza [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.oilru.com/news/204901/>
16. Prezidentskie vybory vo Francii – 2012 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://top.rbc.ru/story/629386.shtml>
17. Sadyhova A. A. Osnovnye koncepcii i podhody k ponimaniyu islamizacii i reislamizacii v otechestvennoj i zarubezhnoj nauke [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.pandia.ru/text/77/151/6720.php>
18. Sineckij S. B. Kul'turnaja politika XXI veka: ot precedenta Istории k proektu Budushhego: monografija. – Cheljabinsk: Jenciklopedija, 2011. – 288 s.
19. Sozdateli fil'ma «Nevinnost' musul'man» prigovoreny v Egipte k smerti [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.news-egypt.ru/sozdateli-filma-qnevinnost-musulmanq-prigovoreny-v-egipte-k-smerti.html>
20. Stepovik M. Merkel' schitaet neadekvatnym prigovor po delu Pussy Riot [Elektronnyj resurs], [E. Zhukov – redaktor]. – Rezhim dostupa: <http://www.dw.de/%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%B5%D0%BB%D1%8C-%D1%81%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5%D1%82-%D0%BD%D0%B5%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%BC-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80-%D0%BF%D0%BE-%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%83-pussy-riot/a-16176069-1>
21. Feller V. Arabskaja neft': scenarij krizisa 2009–2020 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://vf.narod.ru/scenario/arab/arab2.htm>
22. Flier A. Ja. Kul'turologija 20–11: avtorskij sb. jesse i st. – M.: Soglasie, 2011. – 560 s.
23. Francija razvernula politicheskiju bor'bu protiv hidzhaba [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://islam-today.ru/article/8797/>
24. Shvecija planiruet stat' pervoj stranoj, kotoraja polnost'ju otkazhetsja ot nefti [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://press.try.md/item.php?id=70100>
25. Red Hot Chili Peppers aktivno podderzhali Pussy Riot na gastroljah v Rossii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://piter.tv/event/na_koncerte_hot_chillli_p/

УДК: 069:001.12:371.65(571.17)

Е. Е. Леонов, А. М. Мкртчян

СОСТОЯНИЕ СЕТИ ШКОЛЬНЫХ МУЗЕЕВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА НАЧАЛО XXI ВЕКА (2000–2012 ГОДЫ)

Статья посвящена актуальной проблеме – развитию сети школьных музеев в Кемеровской области. Авторы приводят характеристику школьных музеев, описывают их количественное соотношение и особенности культурно-образовательной деятельности. Особое значение имеют данные о количестве школьных музеев, которые позволяют проследить их представленность в рассматриваемом регионе.

Ключевые слова: школьные музеи, Кемеровская область, культурно-образовательная деятельность, паспортизация, экспозиция, названия школьных музеев.

E. E. Leonov, A. M. Mkrtchyan

CONDITION OF THE NETWORK OF SCHOOL MUSEUMS OF KEMEROVO REGION IN THE BEGINNING XXIst CENTURY (2000–2012)

The role of school museums steadily increases in modern educational process. In work of any school museum there are features. They gain big recognition as the establishments which are engaged in patriotic education of younger generation. In the territory of the Kemerovo region school museums appeared in the 50th of the XX century. Now it is the extremely difficult to restore completely history of school museums as systems as didn't remain uniform data on development of museums in concrete regions. In the Kemerovo region communication between station of young naturalists (now – the regional center of children's and youthful tourism and excursions) which supervises their work is historically traced. Emergence of school museums is closely connected with active development of tourism, namely with carrying out local history actions of various level. In the 1960th. forums, meetings and seminars at which organizers share experience including on the basis of examples from school museology are held. In the 1970th the new stage in their development, connected with carrying out tourist and local history actions within the country (for example, expeditions "My Fatherland" and "My Homeland is the USSR") and certification of all museums begins. At the end of the XXth century, work of school museums was directed on increase of the general level of exposition and excursion work that was system of their work which, in many respects, remained in at the present stage of activity. In the 1980s the quantity of school museums increases that is connected with increase in number of tourist and local history actions. For 1990 in the territory of the Kemerovo region 450 school museums are. Because of crisis in the early nineties many museums were closed that is connected with that they were put in self-survival conditions. At the beginning of the XXth century they endure a stage of revival during which many new museums open.

Revival and mass development of school museums is explained by interest of the government of the Russian Federation in their development as they play an important role in younger generation development. The form of work of school museums of the Kemerovo region is typical, not having differences from other regions. His head is responsible for work of a museum, attracting an asset and council of a museum. Coordinates work of school museums territorial administrations of education and the instructive-methodological centers, often with support of establishments of additional education. Each city of the Kemerovo region in which work of school museums is carried out, has the plan of work and an autonomy. For 2011 384 school museums in the territory of the Kemerovo region are.

As a whole development of school museums of the Kemerovo region is directed on opening at least one museum at each school. School museums represent a uniform network, having analysed which we came to a conclusion that level of their work increases that shows prospect of further development.

Keywords: school museums, Kemerovo region, cultural educational activity, certification, exposition, names of school museums.

Школьные музеи играют важную роль в современном образовательном процессе. Их значение возрастает в связи с увеличением интереса к их коллекциям и формам работы. Работа любого школьного музея имеет свои особенности. Помимо поисковой работы каждый музей выбирает направление деятельности самостоятельно. Это может быть как работа краеведческого направления широкого профиля, так и внутренняя краеведческая деятельность (поиск информации по истории своей школы). За последние годы школьные музеи получают всё большее признание как учреждения, занимающиеся патриотическим воспитанием подрастающего поколения.

Школьные музеи на территории Кемеровской области появились в XX веке. И историческое развитие школьных музеев в Кузбассе проходило в тех же хронологических рамках,

что и школьных музеев России, переживая синхронные по всей стране периоды спада и развития. Сохранилось немного документальных свидетельств о начальном этапе развития школьных музеев в Кемеровской области. Отдельные факты об образовании музеев можно разыскать только в самих учреждениях.

В Кемеровской области исторически сложилась связь между музеями образовательных учреждений и областной станцией юных туристов (ныне – Областной центр детского и юношеского туризма). В летописи этого учреждения дополнительного образования и обнаружилось немало интересных деталей, раскрывающих историю школьных музеев.

Известно, что массовый рост школьных музеев начался во второй половине 50-х годов XX века. Особенно активно образование школьных музеев шло в начале 1960-х годов и было связано с проведением Всесоюзных, Всероссийских и местных краеведческих мероприятий [14, с. 15–16].

В Кемеровской области на этом этапе обнаруживается тесная связь краеведения и туризма. Так, ранние упоминания о школьных краеведческих музеях и Ленинских комнатах встречаются в записях о проведении семинаров туристских организаторов. На одном из семинаров, проведённом в ноябре 1963 года по итогам туристского лета, «были доведены до туристских организаторов условия конкурса на лучший школьный краеведческий музей, Ленинскую комнату» [4, с. 20]. В рамках этих традиционных семинаров туристские организаторы области делились опытом работы в школьных краеведческих музеях и уголках, проводились смотры на лучший школьный музей, обсуждалась роль школьных уголков и музеев в учебно-воспитательном процессе. В августе 1969 года проводился самостоятельный форум «Друзья ветра и солнца», который был посвящён только школьным музеям. Эта же запись позволяет делать выводы о том, какие существовали разновидности школьных музеев в то время: краеведческие музеи, музеи боевой славы, историко-мемориальные музеи, музеи трудовой и уже тогда – шахтёрской славы. Помимо этого в отдельную категорию выделялись Ленинские комнаты [4, с. 38].

Образование новых школьных музеев также было связано с туризмом. Так, в одной из записей отмечается, что в 1964 году, после проведения Всекузбасских олимпийских игр по туризму, в школах городов Прокопьевска, Киселёвска, Анжеро-Судженска и других были созданы краеведческие уголки [4, с. 21–22].

Новый виток в развитии школьных музеев также связан с массовыми туристско-краеведческими мероприятиями в стране: экспедициями «Моё Отечество», «Моя Родина – СССР» и т. д., проводившимися в 70-е годы. В рамках третьего этапа экспедиции «Моя Родина – СССР» в 1977 году отдельно ставился вопрос о «расширении сети школьных музеев и улучшении их деятельности» [4, с. 54]. В Кемеровской области открываются новые музеи, в середине 1970-х годов начинается массовая паспортизация. Многие школьные музеи получили в то время свои первые свидетельства и звания музея образовательного учреждения и сохраняют их до сих пор.

К концу XX века в школьных музеях Кемеровской области сложилась система работы, которая была направлена на повышение уровня экспозиционной и экскурсионной работы. Именно эта система была положена в основу будущего развития сети школьных музеев области.

На 1990 год по Кемеровской области насчитывалось 450 школьных музеев [9, с. 1–35]. В 1990-е годы школьные музеи пережили очень сложный период. Общероссийская сме-

на ориентиров сказались на общем состоянии школьных музеев, которые были поставлены в условия самовывживания. Многие из них вынуждены были прекратить своё существование в этот период.

В последние годы XX века школьные музеи возрождаются. Период 1997–2001 годов условно можно назвать стадией возрождения школьных музеев. В это время начинается массовое открытие школьных музеев по всей Кемеровской области. Например, в г. Кемерово за 4 года было открыто 15 школьных музеев [15, с. 3–152].

Такой подъём школьного музейного дела объясняется заинтересованностью правительства РФ в развитии патриотического воспитания, в том числе и на базе музеев образовательных учреждений. Развитие школьных музеев в качестве приоритетного направления послужило стимулом к их массовому открытию и последующему развитию.

С начала XXI века наблюдается тенденция увеличения количества музеев не только в г. Кемерово, но и на территории всей Кемеровской области. В 2006 году насчитывается 360 школьных музеев, в 2007 году – 393 музея и 25 музейных комнат [9, с. 1–35].

К концу 2010 года на территории Кемеровской области, по данным Департамента образования и науки Кемеровской области, насчитывается 410 школьных музеев в 884 школах, 22 музейных уголка и 22 музейные комнаты [9, с. 1–35]. Количество школьных музеев составляет 46,3 % от общего количества школ области. Из 410 школьных музеев: 50 % – комплексно-краеведческие, 20 – историко-краеведческие, 13 % – военно-исторические [7, с. 1–72]. Кроме того, около 10 % музеев находится не в школах, а в других образовательных учреждениях: детских садах, школах-интернатах, учреждениях дополнительного образования [7, с. 1–72]. К 2011 году их насчитывается 372 (см. табл. 1). На 1 января 2012 года на территории Кемеровской области 384 музея, 86 музейных уголков, залов, комнат, в том числе 1 виртуальный музей и 1 выставочная экспозиция, паспортизировано из них 287 музеев [9, с. 1–35].

Из всего количества паспортизированных музеев на конец 2010–2011 учебного года присвоены имена выдающихся соотечественников 86 музеям, из которых 54 музея представляют г. Кемерово и 32 – города Кемеровской области [10, с. 1–30]. На начало 2011 года в школьных музеях Кемеровской области хранится более 193 тыс. экспонатов основного фонда и более 86 тыс. экспонатов научно-вспомогательного фонда [9, с. 1–35].

Форма работы школьного музея в Кемеровской области является типичной и особых отличий от работы школьных музеев других регионов не имеет. Формирует и организует работу школьного музея руководитель, который привлекает обучающихся к работе в составе актива музея и различным краеведческим мероприятиям школьного, территориального и областного уровней.

Координируется работа школьных музеев территориальными управлениями образования и инструктивно-методическими центрами при поддержке специалистов различных учреждений дополнительного образования: домов детского творчества, центров дополнительного образования детей и др. Общая координация работы со школьными музеями по Кемеровской области осуществляется областным центром детского и юношеского туризма и экскурсий (далее ОЦДЮТЭ). Именно на методический отдел этого учреждения возлагаются обязанности по паспортизации школьных музеев, организации методической помощи руководителям музейных объединений, проведению областных семинаров и мероприятий для педагогов, изучению и обобщению опыта работы музеев образовательных учреждений.

В каждом городе и районе разрабатывается свой план мероприятий работы с музеями, предусматривающий проведение семинаров и конференций для педагогов, организацию краеведческой и исследовательской работы школьников, различные массовые мероприятия на базе школьного музея. Существуют различные формы организации работы с руководителями школьных музеев: методические объединения (например, городское методическое объединение руководителей школьных музеев в г. Анжеро-Судженске, методическая гостиная для руководителей школьных музеев г. Мыски), тематические и обучающие семинары, круглые столы (круглый стол «Формы работы школьного музея» в Промышленновском районе, круглый стол «Успехи и затруднения руководителей школьных музеев и музейных уголков» в Яшкинском районе). Семинары охватывают все стороны деятельности школьного музея. Некоторые из них носят информационный характер (например, подготовка к паспортизации, обмен опытом патриотической и др. работы). Распространены и семинары практические, обучающие. Они также имеют разные формы (семинар-практика, семинар-учёба) и посвящены разным проблемам (экскурсионная деятельность, поисковая работа, экспозиционная деятельность). Существуют и такие необычные формы обучения руководителей школьных музеев, как мастер-классы, например, мастер-класс «Рабочая методика проведения экскурсии в школьном музее» (Топкинский район), мастер-класс «Технология проведения музейного праздника» (Яшкинский район). Также к числу наиболее распространённых мероприятий относятся конкурсы, презентации, смотры и смотры-конкурсы школьных музеев и уголков. Они проводятся, как правило, 1–2 раза в год (в г. Киселёвске – раз в три года) и имеют своей целью не только выявление лучшего школьного музея, но и оценку деятельности музеев в целом, по итогам смотров нередко музеи направляются на паспортизацию или присвоение какого-либо звания. Помимо этого во многих территориях устраиваются различные акции и дни открытых дверей.

Проводятся различные мероприятия и для активистов школьных музеев. В первую очередь это различные слёты и конкурсы по разным направлениям: поисковому (Городской конкурс краеведческих находок в г. Прокопьевске), экскурсионному (конкурсы экскурсоводов проводятся практически во всех территориях), экспозиционному (Городской конкурс рисунков на лучшую военную экспозицию в г. Прокопьевске), конкурс буклетов «Наш музей» (г. Мариинск). Проводятся олимпиады – городская олимпиада по основам музейного дела для активистов музеев образовательных учреждений города Киселёвска, городская олимпиада юных музееведов и экскурсоводов в г. Кемерово, муниципальный конкурс музееведов «Я родился в Кемеровском районе».

Как уже говорилось выше, школьные музеи организуют исследовательскую деятельность обучающихся. Соответственно, существует довольно большой комплекс мероприятий, во время которых эта исследовательская деятельность проводится и затем представляется. К первым можно отнести поисковые акции и мероприятия (по сбору информации), встречи с участниками каких-либо исторических событий, с писателями, художниками и т. д., в том числе и весьма оригинальные, например, историческая реконструкция (историческая реконструкция захоронения и обнаружения Елыкаевского клада «Тайны Елыкаевского клада» в Кемеровском районе). К числу вторых относятся слёты, форумы, краеведческие конференции и чтения, краеведческие викторины, открытые уроки и лекции, проводимые активистами школьных музеев.

Помимо этого существует комплекс мероприятий на областном уровне, проводимый областным центром детского и юношеского туризма и экскурсий. В качестве примера мас-

совых мероприятий можно привести ежегодный семинар для руководителей школьного музея. В рамках семинаров рассматриваются различные аспекты деятельности музеев образовательных учреждений (вопросы учёта и хранения экспонатов, подготовка к паспортизации, поисково-собираТЕЛЬская работа), происходит обмен опытом музейных педагогов. ОЦДЮТЭ неоднократно проводил конкурсы на лучшую организацию работы школьных музеев по патриотическому воспитанию учащихся. В рамках конкурса школьные музеи области предоставляли материалы, портфолио, презентации по своей деятельности и достижениям. Также областной центр организует и проводит областной этап паспортизации.

Мероприятия по паспортизации централизованно возобновились с 2008 года с целью лучшего регулирования деятельности музеев. Паспортизация проходит ежегодно в два этапа: городской (районный) – с октября по январь и областной – с марта по май. Результаты этих мероприятий и дают основную информацию о состоянии школьных музеев, особенностях их функционирования, их проблемах и достижениях. Музеи, успешно прошедшие областную паспортизацию, представляются к присвоению звания «Музей образовательного учреждения» с вручением соответствующего свидетельства. Данная процедура осуществляется Федеральным центром детско-юношеского туризма и краеведения (ФЦДЮТиК) г. Москвы. Музеи, получившие свидетельства в советское время, сохраняют их за собой.

Однако не на всей территории Кемеровской области процесс паспортизации проходит одинаково. В г. Киселёвске с 1990-х годов паспортизацию школьных музеев проводят самостоятельно, автономно, передавая все документы в Москву напрямую, минуя областной центр.

Также, помимо присвоения звания «Музей образовательного учреждения», в ряде районов и городов существует практика присвоения других званий на муниципальном уровне: «Народный музей» (г. Кемерово, Новокузнецк, Юрга, Киселёвск), «Отличный школьный музей» (гг. Юрга, Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Новокузнецк, Прокопьевск, Киселёвск), «Школьный музей» (г. Юрга, Беловский район, Кемеровский район, Юргинский район, Мариинский район), «Отличный музей» (Новокузнецкий район), «Лучший школьный музей» (Кемеровский район).

В экспозиционной работе школьных музеев Кемеровской области имеются свои особенности. Основной экспозицией для школьного музея является история образовательного учреждения. Помимо этого практически во всех музеях общеобразовательных учреждений существуют экспозиции, посвящённые Великой Отечественной войне и ветеранам. Нередко оба этих раздела (история школы и история военная) тесно связаны между собой. Военная тематика остаётся популярной и в определённой степени востребованной, потому что возрождённые в конце XX века школьные музеи не просто сосредоточились на прошлом учреждения, но и на внутренних проблемах развития. Поэтому школьные музеи собирают и хранят информацию о выпускниках, в том числе о тех, которые служили в армии, были участниками локальных военных конфликтов.

То, что около половины школьных музеев находится не в городах, а в сельских районах, также накладывает свой отпечаток на специфику их работы и выбор тем для экспозиций. Во многих образовательных учреждениях сёл и деревень появляются экспозиции, посвящённые русскому крестьянскому быту. Это напрямую связано с доступностью предметов, которые могут стать экспонатами. Кроме того, в школьном музее в сельской местности с большей

вероятностью появится экспозиция «История села», чем масштабная экспозиция «История города» – в музее городской школы.

Особый интерес вызывает специфика названий школьных музеев Кемеровской области (было проанализировано около 300 названий):

- 61 музей имеет в своём названии слова «школьный музей», «музей истории ОУ», «музей ОУ»;
- 53 музеям присвоено имя какого-либо выдающегося соотечественника;
- в 50 случаях в названии музея присутствует сочетание «музей боевой, трудовой, школьной славы» (в том числе музей афганской славы, музей славы воинов-интернационалистов и музей участников локальных войн);
- 33 музея носят название «Память»;
- в 16 случаях встречается «музей истории отрасли хозяйства, сферы деятельности, предприятия» (в том числе, народного образования и истории пионерии и комсомола);
- 16 музеев отражают в своём названии историю села, района, города, края;
- 16 музеев носят название «Исток»;
- 14 названий указывают на национальную культуру (в том числе, русскую культуру и крестьянский быт);
- в 13 случаях в названии употребляется слова «Кузбасс», «Кемерово», «Россия», «Сибирь», название населённого пункта;
- в 12 названиях присутствуют слова «малая Родина», «Родина»;
- 12 музеев носят имя какого-либо боевого подразделения;
- в названии 11 музеев присутствуют слова «искусство» и «культура»;
- в 8 названиях встречается слово «Поиск»;
- названия 8 музеев посвящены природе родного края и естественным наукам;
- в 6 названиях употребляются слова «наследие», «поколение», «семья»;
- 5 музеев носят название «Музей шахтёрской славы»;
- 4 музея носят название «Вехи истории» или «Это нашей (школьной) истории строки»;
- в 3 названиях упоминается краеведение;
- в 3 названиях встречается слово «подвиг»;
- в 3 названиях присутствует слово «патриот»;
- 2 музея носят название «Отечество» [3].

Таким образом, можно отметить, что школьные музеи Кемеровской области развиваются, о чём свидетельствует уровень их работы, который прослеживается через участие в семинарах и различных конкурсах. Именно на базе школьных музеев в образовательных учреждениях организуется значительная часть исследовательской и краеведческой работы. Школьные музеи Кемеровской области представляют собой единую сеть, проследив особенности которой, можно сделать вывод, что специфика работы соответствует требованиям к музеям образовательных учреждений. Это значит, что они имеют перспективу дальнейшего развития.

В заключение стоит отметить, что школьные музеи в Кемеровской области развиваются, следуя принципу «музей в каждой школе» (несмотря на то, что показатель количества музеев в школах не достиг максимального уровня). Это показывает интерес к музеям в образовательных учреждениях, а также желание местных властей следовать традициям развития малых музеев в каждом регионе.

Таблица 1

**Количественный состав школьных музеев Кемеровской области (по данным ГАОУ ДОД КО
«Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий»)**

Территория	Количество музеев
Анжеро-Судженский городской округ	11
г. Белово	15
Беловский район	14
г. Берёзовский	3
Гурьевский район	7
Ижморский район	5
Калтанский городской округ	3
г. Кемерово	68
Кемеровский район	16
г. Киселёвск	20
Крапивинский район	7
Краснобродский городской округ	1
г. Ленинск-Кузнецкий	10
Ленинск-Кузнецкий район	7
Мариинский район	11
г. Междуреченск	7
г. Мыски	6
г. Новокузнецк	46
Новокузнецкий район	9
г. Осинники	6
г. Полысаево	1
г. Прокопьевск	22
Прокопьевский район	10
Промышленновский район	10
г. Тайга	5
г. Таштагол	12
Тисульский район	3
г. Топки	7
Тяжинский район	8
Чебулинский район	2
г. Юрга	14
Юргинский район	4
Яйский район	6
Яшкинский район	8
Итого	384

Литература

1. Горбунов В. С. Школьные музеи г. Кемерово в 1998–1999 учебном году // Вестник воспитания: офиц. справ.-инф. издание НМЦ. – Кемерово, 1999. – № 2. – С. 40–46.
2. Горбунов В. С. Школьный музей и воспитание патриотизма // Воспитание школьников. – 2007. – № 5. – С. 3–21.
3. Евтушенко С. В. Школьные музеи Москвы: перспективы развития // Материалы научно-практических семинаров музейных работников по теме «Музей и дети» в гг. Москве и Сыктывкаре 1995 года. – М., 1996. – С. 110–121.
4. История музейного дела в СССР: сб. ст. – М., 1957. – 192 с.
5. Леонов Е. Е. Исторический аспект появления и развития школьных музеев в России: периодизация, проблемы, особенности работы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2011. – № 17, ч. 2. – С. 39–49.
6. Леонов Е. Е., Тараканов А. В. Особенности методики проведения экскурсий // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2012. – № 21. – С. 64–74.
7. Летопись областной станции юных туристов и общества юных краеведов-путешественников «Кузбасс» со дня его образования (Кемерово). – 72 с.
8. Музей и школа: пособ. для учителя / Е. Г. Ванслова, А. К. Ломунова, Э. А. Павлюченко и др.; сост. Э. А. Павлюченко; под общ. ред. Т. А. Кудриной. – М., 1985. – 224 с.
9. Отчёт Департамента образования и науки Кемеровской области о состоянии сети школьных музеев Кемеровской области за 2010 г. – Кемерово, 2011. – С. 1–35.
10. Отчёт управления образования г. Кемерово о состоянии сети школьных музеев г. Кемерово за 2009–2010 учебный год. – Кемерово, 2011. – С. 1–30.
11. Очерки истории музейного дела в России. – М., 1960. – 166 с.
12. Положение о школьном музее // Преподавание истории в школе. – М., 1975. – № 2. – С. 12–14.
13. Свод музеев образовательных учреждений Кемеровской области 2010–2011 учеб. год. – Кемерово: ОЦДЮТЭ, 2011. – 60 с.
14. Туманов В. Е. Школьный музей: метод. пособие. – М., 2002.
15. Школьное музееведение: метод. мат.-лы в помощь руководителям школьных музеев / авт.-сост. В. С. Горбунов; под ред. Н. А. Черновой. – Кемерово: МОУ ДПО «НМЦ», 2004. – I ч. – 164 с.
16. Школьные музеи г. Кемерово: Путеводитель. – Юрга, 2008. – 152 с.
17. Яхно Ю. Б. Школьный музей как составляющая открытого образовательного пространства [Электронный ресурс] // Информационный портал конференций, 20.01.2008. – Режим доступа: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php/article=53> (дата обращения: 20.03.2009).

Literatura

1. Gorbunov V. S. Shkol'nye muzei g. Kemerovo v 1998–1999 uchebnom godu // Vestnik vospitaniya: ofic. sprav.-inf. izdanie NMC. – Kemerovo, 1999. – № 2. – S. 40–46.
2. Gorbunov V. S. Shkol'nyj muzej i vospitanie patriotizma // Vospitanie shkol'nikov. – 2007. – № 5. – S. 3–21.
3. Evtushenko S. V. Shkol'nye muzei Moskvy: perspektivy razvitiya // Materialy nauchno-prakticheskikh seminarov muzejnyh rabotnikov po teme «Muzej i deti» v gg. Moskve i Syktyvkare 1995 goda. – M., 1996. – S. 110–121.
4. Istoriya muzejnogo dela v SSSR: sb. st. – M., 1957. – 192 s.

5. Leonov E. E. Istoricheskij aspekt pojavlenija i razvitija shkol'nyh muzeev v Rossii: periodizacija, problemy, osobennosti raboty // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij. – 2011. – № 17, ch. 2. – S. 39–49.
6. Leonov E. E., Tarakanov A. V. Osobennosti metodiki provedenija jekskursij // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij. – 2012. – № 21. – S. 64–74.
7. Letopis' oblastnoj stancii junyh turistov i obshhestva junyh kraevedov-puteshestvennikov «Kuzbass» so dnja ego obrazovanija (Kemerovo). – 72 s.
8. Muzej i shkola: posob. dlja uchitelja / E. G. Vanslova, A. K. Lomunova, Je. A. Pavljuchenko i dr.; sost. Je. A. Pavljuchenko; pod obshch. red. T. A. Kudrinoj. – M., 1985. – 224 s.
9. Otchjot Departamenta obrazovanija i nauki Kemerovskoj oblasti o sostojanii seti shkol'nyh muzeev Kemerovskoj oblasti za 2010 g. – Kemerovo, 2011. – S. 1–35.
10. Otchjot upravljenija obrazovanija g. Kemerovo o sostojanii seti shkol'nyh muzeev g. Kemerovo za 2009–2010 uchebnyj god. – Kemerovo, 2011. – S. 1–30.
11. Oчерки истории музеев в России. – М., 1960. – 166 s.
12. Polozhenie o shkol'nom muzee // Prepodavanie istorii v shkole. – М., 1975. – № 2. – S. 12–14.
13. Svod muzeev obrazovatel'nyh uchrezhdenij Kemerovskoj oblasti 2010–2011 ucheb. god. – Kemerovo: OCDJUTJE, 2011. – 60 s.
14. Tumanov, V. E. Shkol'nyj muzej: metod. posobie. – М., 2002.
15. Shkol'noe muzeevdenie: metod. mat-ly v pomoshh' rukovoditeljam shkol'nyh muzeev / avt.-sost. V. S. Gorbunov; pod red. N. A. Chernovoj. – Kemerovo: MOU DPO «NMC», 2004. – I ch. – 164 s.
16. Shkol'nye muzei g. Kemerovo: Putevoditel'. – Jurga, 2008. – 152 s.
17. Jahno Ju. B. Shkol'nyj muzej kak sostavljajushhaja otkrytogo obrazovatel'nogo prostranstva [Elektronnyj resurs] // Informacionnyj portal konferencij, 20.01.2008. – Reshim dostupa: <http://www.den-zadnem.ru/page.php/article=53> (data obrashhenija: 20.03.2009).

УДК 008

И. И. Горлова, Т. В. Коваленко

ДУХОВНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ПРИКЛАДНЫЕ ЗАДАЧИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье проанализированы проблемы духовного неравенства в контексте прикладных задач культурной политики, измерение которого возможно через сочетание статистических и социологических количественных методов.

Теория и практика культурной политики, определяющей состояние системы культуры в обществе, является действенным механизмом решения проблемы духовного неравенства, которое, наряду с неравенством материальным, представляется одной из наиболее актуальных проблем текущего социокультурного развития. Современный уровень культурологических исследований эмпирического порядка позволяет измерять и диагностировать проблему неравенства с использованием единообразных индексов, отражающих гносеологический, творческий, аксиологический, коммуникативный и эстетический потенциалы человека, получившие общее название «социально-нравственный потенциал личности».

Последнее стало концептуальным основанием исследования 5 регионов Российской Федерации, проведенного сотрудниками Государственного института искусствознания в 90-х годах XX века. Приведенный в настоящей статье анализ сведений респондентов – 679 жителей городов Юга Рос-

сии – выявил достаточно высокий уровень духовного неравенства (коэффициент Джини составляет около 0,34). Таким образом, планирование культурной политики, как на федеральном, так и на региональном уровне, следует осуществлять с учетом этого обстоятельства, концентрируя усилия в конкретных проблемных зонах.

Авторами обоснованы необходимость «мониторинга» регионального развития духовной жизни, который может стать основой для выработки стратегий современной культурной политики и ее региональных инвариантов. Логически дедуцированные в рамках программно-целевого подхода, сформулированные задачи культурной политики могут стать основой для целого ряда конкретных эмпирических исследований: социологических, психологических и культурологических, увеличивая таким образом результативность самой культурной политики, как целенаправленной деятельности.

Ключевые слова: культура, культурная политика, неравенство, духовное развитие, социально-нравственный потенциал, регион, индекс, количественные методы, мониторинг, система, программно-целевой подход.

I. I. Gorlova, T. V. Kovalenko

SPIRITUAL INEQUALITY AND APPLICATION OF CULTURAL POLICY OBJECTIVES

The paper analyzes the problem of inequality in the context of the spiritual applications of cultural policy, measurement of which is possible through the combination of statistical and sociological quantitative methods.

Theory and practice of cultural policy, which determines the state of the system of culture in society, is an effective mechanism for addressing the problem of spiritual inequality, which together with the inequality of material, it is one of the most pressing problems of the current socio-cultural development. The present level of cultural studies empirical order, allows you to measure and diagnose the problem of inequality with uniform indices reflecting epistemological, creative, axiological, communicative and aesthetic potential of a person, known as the “social and moral potential of the individual.”

The last was the conceptual basis of the study of 5 regions of the Russian Federation, conducted by the State Institute of Art in the 90 years of the twentieth century. It is shown in this paper, the analysis of information respondents, 679 inhabitants of the cities of the South of Russia, has revealed a high level of spiritual inequality (Gini coefficient of about 0.34.) Thus, the planning of cultural policy, that the federal and regional level, should be considered with this in mind, concentrating efforts in specific problem areas.

The authors justified the need for “monitoring” the regional development of the spiritual life, which can be the basis for developing strategies of contemporary cultural policy and its regional invariants. Logically deduced within the framework of program-oriented approach to formulate the problem of cultural policy can become the basis for a number of specific empirical research: sociological, psychological and cultural, thus increasing the effectiveness of the most cultural policy as a purposeful activity.

Keywords: culture, cultural policy, inequality, spiritual development, social and moral potential, region, zipcode, quantitative methods, monitoring, system, target-oriented approach.

Культурная политика является существенным явлением в жизни любого современного общества, являясь мощным рычагом влияния на общественное мнение, управления социальными процессами и состоянием общества вообще, необходимым условием эффективного руководства жизнью социума. Теоретические и прикладные исследования культурной политики способствуют установлению формальных границ творческой деятельности, ее направлений и приоритетов. Именно культурная политика определяет степень влияния различных субъектов культурной жизни общества на процессы, происходящие в этой сфере, она же во многом влияет на взаимоотношения участников культурного процесса. Культурная политика обеспечивает

преимущество культурного развития, исключает революционные сломы традиций, норм культуры, нравственности; учет многосубъектности и многообъектности культурного процесса при регулирующей роли государства, стремление к согласованию интересов, культурной самобытности народов страны в рамках единого культурного пространства; содействие принципам демократии и открытости, при которых достигается общедоступность культурных ценностей и благ, ликвидируется дискриминация граждан в отношении культуры на почве социального происхождения, места проживания, гарантируется право гражданина на пользование национальной духовной сокровищницей, формировавшейся в течение веков; реализацию принципа соблюдения государством правовых, экономических гарантий в сфере культуры, в том числе многоканальности ее финансирования, а также принципа единого культурного пространства, предполагающего единство и многообразие федеральных, региональных, муниципальных программ социокультурного развития, согласованность интереса центра и провинций. В конечном итоге именно культурная политика в большой степени определяет состояние всей сферы культуры в данном обществе [1].

Происходящие в современной России изменения социального и институционального порядка актуализировали обращение научного сообщества к проблеме неравенства. Однако чаще всего ее рассматривают в аспекте материальном, экономическом, реже социальном. Заметим, что материальное неравенство уже давно стало объектом пристального внимания экономистов, социологов, политологов и др. – по многим причинам, в том числе и из-за возможной опасности социальных катаклизмов (каковые часто провоцируются сложившимся в обществе слишком большим разрывом между бедными и богатыми). Измерения материального неравенства, характеризующего население, не сталкиваются с какими-либо методическими трудностями – обычно они проводятся на основании данных (статистических либо социологических) о доходах населения [7].

Но не менее важной, а в некотором контексте даже более важной, представляется проблема духовного неравенства, которое само по себе является очевидным, но трудно измеримым. Ученые отмечают, что с конца 80-х годов XX века в российском обществе началось резкое снижение ценностей духовной культуры. Результаты комплексных социальных исследований свидетельствуют, например, о том, что «...ценности познания, искусства, творчества не имеют высокого престижа даже среди студентов». Налицо отчуждение широких масс молодежи от ценностей мировой и отечественной культуры. Общий упадок культуры признают около 85 % молодых людей, а среди творческой молодежи – 96 % [2, с. 15]. Это, вне всякого сомнения, следствия процесса расслоения общества, но уже не по материальному, а по духовному принципу.

Таким образом, изучение проблем *духовного неравенства* в дискурсе современности носит ярко выраженный актуальный характер, если рассматривать их через призму процессов, происходящих в последнее десятилетие в нашей стране. Нынешний период истории России характеризуется резкой сменой направления ее развития. В сфере культурной жизни это выразилось в серьезной трансформации всей системы норм и ценностей.

К решению задач преодоления неравенства, так или иначе, должна быть привлечена культурная политика, координирующая усилия всех институтов по социализации и инкультурации человека, поскольку ее основная цель – трансформация норм и стандартов социальной адекватности людей в образы и образцы социальной престижности; пропаганда норм социальной адекватности как наиболее престижных форм социального бытия, как кратчайшего и наибо-

лее надежного пути к социальным благам и высокому общественному статусу, как отмечает А. Я. Флиер [8, с. 19].

Исходной теоретической задачей здесь выступает проблема определения равномерности последствий «культурного» потребления. То есть для оказания целевой финансовой или организационной поддержки культурному развитию тех или иных территорий и регионов необходимо сопоставлять их развитость в культурном отношении или выявлять степень духовного неравенства.

Это наиболее сложная прикладная задача культурной политики может быть решена при помощи *единообразных индексов*, позволяющих оценивать развитость в культурном отношении различных объектов: территорий, национальных, этнических и субкультурных групп населения. При этом можно опираться на результаты отраслевых статистических наблюдений, характеризующих деятельность учреждений культуры или на результаты социологических опросов, характеризующих культурное развитие населения. Вообще же наиболее продуктивным способом выступает контаминация двух видов первичных индикаторов, как статистических, так и социологических [4, с. 92].

В отечественной гуманитарной традиции был разработан специальный социологический инструментарий, позволяющий *количественно измерять* степень освоения человеком той или иной системы – будь то система социальных норм и правил, система искусства или другая [6; 5]. При этом измерения осуществляются в так называемой «шкале отношений» (то есть выражаются в числовой форме), а получаемые результаты не зависят от произвола исследователя, который составляет социологическую анкету (так как результаты инвариантны относительно тех конкретных вопросов, которые включены в анкету, – лишь бы вопросы эти хотя бы косвенно отражали освоение респондентом данной системы). Последняя особенность данного метода делает перспективным его применение в кросс-культурных исследованиях – для сопоставления различных культурных регионов (стран) по тому, насколько равномерно их население приобщено к системе культуры, социальным нормам и т. п. [3].

В качестве примера измерений, проведенных с использованием данного метода, приведем социологическое исследование, осуществленное Государственным институтом искусствознания в 1993–94 годах, охватившее 20 городов и 18 сел пяти регионов Российской Федерации. Всего было опрошено 6000 человек, представлявших городское и сельское население каждого региона в возрасте от 10 лет и старше (подробнее см. [10]). В анкету данного исследования были включены вопросы, касающиеся различных характеристик респондентов – развитости их основных личностных потенциалов: гносеологического, творческого, аксиологического, коммуникативного и эстетического. Затем была использована комбинация всех этих потенциалов, которая была названа *социально-нравственным потенциалом* человека. Вычисление значения этого потенциала для каждого респондента основывалось на 79 вопросах, относящихся к весьма различным аспектам духовного мира личности (см. также [6, с. 374–375]):

- 3 индикатора отражали факторы, обуславливающие привлекательность трудовой деятельности для данного индивида;
- 2 индикатора были связаны с активностью индивида во время конфликтных ситуаций в коллективе, в котором он работает или живет;
- 7 индикаторов отражали трудовые успехи респондента;
- 2 индикатора были посвящены участию индивида в общественной жизни;
- 2 индикатора отражали коммуникативность индивида при преодолении сложных жизненных ситуаций;

- 2 индикатора касались отношения индивида к ценностям семейной жизни;
- 1 индикатор описывал отношение индивида к свободному времени;
- 16 индикаторов свидетельствовали о реально предпочитаемых индивидом формах проведения досуга;
- 4 индикатора характеризовали представления индивида о хорошо сложившейся жизни;
- 3 индикатора были посвящены представлениям индивида о путях выхода страны из кризиса;
- 2 индикатора имели дело с представлениями индивида об идеале дальнейшего развития страны;
- 30 индикаторов отражали информированность индивида в сфере искусства, науки и политики;
- 5 индикаторами характеризовался художественный вкус индивида в области различных видов искусства (кино, литературы, музыки, театра, изобразительного искусства).

Каждый индикатор мог принимать либо положительное, либо отрицательное значение (то есть фиксировался в дихотомической форме: 0 либо 1). После агрегирования информации по всем респондентам были построены распределения населения (отдельно для городских жителей и для сельских) по степени духовного развития: доля населения (N , %), обладающего заданными значениями (α) названного потенциала. На рис. 1а показано одно из таких распределений, относящееся к городскому населению Юга России (679 респондентов – жителей Краснодарского края и Республики Адыгея). Как нетрудно видеть, это распределение (равно как и аналогичные распределения для городского и сельского населения других регионов) имеет типичную для подобных ситуаций асимметрично-колоколообразную форму, с явно выраженным максимумом и «хвостом», далеко простирающимся в область высоких значений потенциала.

Рис. 1b представляет то же распределение, но в «кумулятивной» форме, которая лучше характеризует *неравномерность* изучаемого распределения. Эта кривая, обычно именуемая *кривой Лоренца*, была построена следующим образом: по оси абсцисс отложена доля населения (*Population*), начиная с носителей самых высоких значений данного потенциала, а по оси ординат (*Potential*) – суммарная, или «накопленная», часть потенциала, отвечающая этой доле населения. Так, «верхушка» нашего распределения – 10 % самых развитых (в изучаемом отношении) жителей региона – имеют, в сумме, около 20 % всего «потенциального богатства», 20 % жителей – 32 %, 30 % жителей – 48 % и т. д.; разумеется, 100 % населения являются обладателями всех 100 % «потенциального богатства». Там же проведена биссектриса – прямая под углом 45° , которая соответствует ситуации абсолютно равномерного распределения – когда 10 % жителей являются обладателями 10 % «потенциального богатства», 20 % – обладают 20 % его, 30 % – соответственно 30 % и т. д.

Площадь (показанная на рисунке 1b штриховкой) между этой биссектрисой и реальной кривой есть *мера неравномерности* изучаемого распределения, а отношение данной площади к площади прямоугольного треугольника, образуемого биссектрисой и осями координат, – имеет имя *коэффициента Джини* (см. [7, с. 417–420]). Для показанного распределения величина этого коэффициента составляет около 0,34. Это – свидетельство весьма существенной неравномерности, характеризующей население региона. Аналогичные оценки были выполнены для всех изучавшихся регионов.

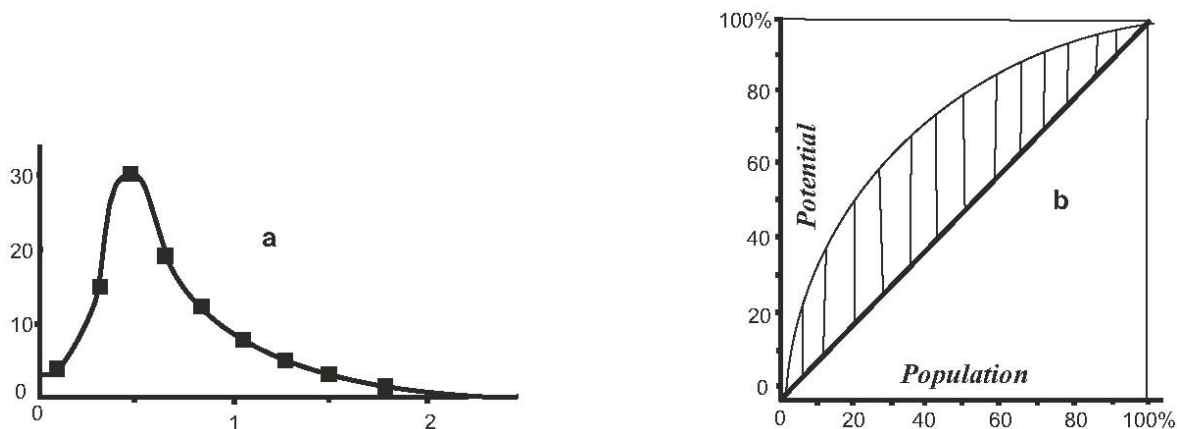

Рисунок 1. Распределение городского населения Юга России по значениям социально-нравственного потенциала по данным В. М. Петрова [6] в обычной форме (а), в «кумулятивной» форме (кривая Лоренца) (b).

По-видимому, желательно регулярно изучать население каждого региона (а также страны в целом) – с точки зрения неравномерности распределения духовного богатства, а также других характеристик духовной жизни. Такой «мониторинг» мог бы быть полезным для многих целей культурной политики, включая и предупреждение о возможных опасностях, подстерегающих социальную систему. А связь между обозначенной неравномерностью и такими характеристиками населения, как агрессивность, стремление к достижениям и др., должна стать одной из проблем современной культурологии. Именно в таком ключе проанализированы региональные варианты культурного развития европейских стран в исследованиях Л. Харрисона, где на широком историческом материале, включая современность, показано, что культура способна стимулировать радикальные перемены в социуме, приводя его к стагнации или даже к гибели всей системы. Хотя политика, в нашем случае культурная, способна ее спасти (подробнее см. [9]).

* * *

Обрисованными проблемами не исчерпываются задачи, стоящие перед культурной политикой и ее научной базой – культурологическими исследованиями. Но именно эти задачи, несомненно, следует рассматривать как мейнстримные для проблематики социокультурного развития российских регионов. Будучи логически дедуцированы в рамках программно-целевого подхода, задачи эти могли бы стать «центрами кристаллизации» для широкого поля конкретных эмпирических исследований: социологических, психологических и культурологических. Такие исследования могут служить эффективным инструментом научно обоснованной культурной политики, осуществляемой как на федеральном, так и на региональном уровне.

Литература

1. Китов Ю. В. Культурная политика: к проблеме межотраслевого взаимодействия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 4. – С. 52–58.
2. Лутовинов В. И., Радионов Е. Г. Современная молодежь: основные ценности, позиции, ориентиры // Вопросы педагогики. – 1998. – № 3. – С. 13–17.
3. Петров В. М. Ориентиры культурной политики: информационное общество // KANT: Социально-гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 8–17.
4. Петров В. М., Мажуль Л. А. Инструментарий государственной социальной и культурной политики – индексы личностных потенциалов // Проблемы информационной культуры: сб. науч. ст. – Краснодар, 1999. – Вып. 8. – С. 74–99.
5. Петров В. М., Яблонский А. И. Математика социального неравенства: гиперболические распределения в изучении социокультурных процессов. – М.: Либроком, 2013. – 64 с.
6. Петров В. М. Количественные методы в искусствоведении: учеб. пособие. – М.: Академический проект, 2004. – 432 с.
7. Теория статистики / ред. Р. А. Шмойлова. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 560 с.
8. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие. – М.: Академический Проект, 2000. – 496 с.
9. Харрисон Л. Главная истина либерализма: как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. – М.: Новое издательство, 2008. – 279 с.
10. Художественная жизнь современного общества. Т. 2: Аудитория искусства в России: вчера и сегодня / отв. ред. Ю. У. Фохт-Бабушкин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 212 с.

Literatura

1. Kitov Ju. V. Kul'turnaja politika: k probleme mezhotraslevogo vzaimodejstvija // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2011. – № 4. – S. 52–58.
2. Lutovinov V. I., Radionov E. G. Sovremennaja molodezh': osnovnye cennosti, pozicii, orientiry // Voprosy pedagogiki. – 1998. – № 3. – S. 13–17.
3. Petrov V. M. Orientiry kul'turnoj politiki: informacionnoe obshhestvo // KANT: Social'no-gumanitarnye nauki. – 2013. – № 1. – S. 8–17.
4. Petrov V. M., Mazhul' L. A. Instrumentarij gosudarstvennoj social'noj i kul'turnoj politiki – indeksy lichnostnyh potencialov // Problemy informacionnoj kul'tury: sb. nauch. st. – Krasnodar, 1999. – Vyp. 8. – S. 74–99.
5. Petrov V. M., Jablonskij A. I. Matematika social'nogo neravenstva: giperbolicheskie raspredelenija v izuchenii sociokul'turnyh processov. – M.: Librokom, 2013. – 64 s.
6. Petrov V.M. Kolichestvennye metody v iskusstvoznanii: ucheb. posobie. – M.: Akademicheskij proekt, 2004. – 432 s.
7. Teorija statistiki / red. R. A. Shmojlova. – M.: Finansy i statistika, 2001. – 560 s.
8. Flier A. Ja. Kul'turologija dlja kul'turologov: ucheb. posobie. – M.: Akademicheskij Proekt, 2000. – 496 s.
9. Harrison L. Glavnaja istina liberalizma: kak politika mozhet izmenit' kul'turu i spasti ee ot samoj sebja. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2008. – 279 s.
10. Hudozhestvennaja zhizn' sovremennogo obshhestva. – T. 2: Auditorija iskusstva v Rossii: vchera i segodnja / отв. red. Ju. U. Fohht-Babushkin. – SPb.: Dmitrij Bulanin, 1997. – 212 s.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ ART STUDIES

УДК 78.071.1:398

Т. В. Лескова

ФОЛЬКЛОРНО-ЖАНРОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В КАНТАТЕ НА НАРОДНЫЕ ТЕКСТЫ А. В. НОВИКОВА

Кантата А. Новикова отразила тенденцию фольклоризма в его хоровом творчестве, став показательным явлением для современного этапа развития дальневосточного фольклорного направления. В музыкально-стилевом воплощении народных текстов (из сборника П. В. Киреевского) у композитора наблюдаются разные подходы. Стилевой «сплав» выразительных средств приводит к своеобразной фольклоризованной полистилистике.

Ключевые слова: композиторский фольклоризм, фольклорно-поэтические прообразы, переинтонирование фольклора, фольклорно-жанровое моделирование, полистистика.

T. V. Leskova

FOLK GENRE MODELING THE CANTATA ON THE FOLK TEXTS BY A. V. NOVIKOV

Cantata of A. Novikov (1987), written on the folk words, reflected a tendency of folklorism in his choric works and became a significant phenomenon for modern stage development of folk art direction on The Far East of Russia. A. Novikov's expressional principles of folk poetry texts (verbal texts were adopted from the collection of P. V. Kireevsky's work) were reviewed on the stage musical microsyntax, similar to the constructive regularity of folk, and the whole composition of cantata's parts, where they appeared as the intermutation of professional music. The composer observed different methods in musical style realization of texts. Not having quoted the folk melodies, he simulated the folk genre with different degree of approximation to the traditional invariant: from the genre style parallelism of the words and music (on the first part) to the complete review of folk genre prototype. Style "fusion" of the expressive means for the folk and non-folk content (on the second, forth parts), modern methods of interpretation (in the final) adduced to the peculiar folk polystylistics and imparted to cantata the features of choric concert.

Keywords: composer folklorism, folk poetry prototypes, a folklore reintoning, folk genre modeling, polystylistics.

В профессиональной музыке Дальнего Востока России значительной оказалась тенденция композиторского фольклоризма [6, с. 7–9; 3, с. 9–11]. Она проявилась и в хоровом творчестве ведущего дальневосточного композитора конца XX – начала XXI века **Александра Вячеславовича Новикова** (1952–2009). Композитор, окончивший Новосибирскую консерваторию (класс профессора Ю. П. Юкечева) и являвшийся хормейстером по первому образованию (класс П. И. Широкова в Хабаровском училище искусств), был основательно знаком с русским фольклором, а также изучал инациональные музыкально-поэтические источники, в частности, фольклор коренных народов Дальнего Востока России и стран АТР, например, Японии.

Фольклорные прообразы широко представлены в его Кантате на народные слова для женского хора *a'cappella* (1987), анализируемой в предлагаемой статье, и целом ряде других его произведений¹³. Данная статья посвящена выявлению особенностей композиторской трактовки русских вербальных фольклорно-текстовых прообразов, приёмов фольклорно-жанрового моделирования, которые в целом в музыке А. В. Новикова смыкаются с приёмами сложного переинтонирования фольклора (термин И. Земцовского).

В поиске фольклорно-текстовых прообразов Кантаты для женского хора *a'cappella* А. В. Новиков обратился к классике русской фольклористики XIX века – авторитетному изданию русских народных песенных текстов, собранных П. В. Киреевским. После смерти собирателя песни в 1860–1874 годах в значительном объёме были опубликованы П. А. Бессоновым. Многие из них вошли в книгу Бессонова «Калики перехожие» (1861–1864). Впоследствии песни ещё много раз доиздавались, в том числе – в советское время в виде «Собрания народных песен П. В. Киреевского. Записки П. И. Якушкина» [5], к отдельным текстам из которого и обратился композитор А. В. Новиков в Кантате.

Композитор избрал разные по функционально-бытовому статусу тексты: обрядово-календарные, свадебные и необрядовые (количественно преобладающие) – тексты лирической протяжной, плясовой песен, детских считалок, побасенок. Драматургическая логика пятичастного цикла Кантаты основывается на стержневом смысловом принципе их расстановки: от лирики к юмору, а в музыкальном плане – на определённых принципах композиторской интерпретации фольклорных текстовых первоисточников. Приёмы обращения с ними в статье определяются как метод фольклорно-жанрового моделирования.

Первая часть Кантаты «Что ж ты, Машенька», написанная на текст протяжной лирической песни, погружает в мир тихой девичьей грусти. Мелодико-фактурный стиль композитора полностью соответствует жанру фольклорно-текстового первоисточника. Среди типологических свойств лирической протяжной песни в хоровой партитуре отметим развертывание напевной мелодики, её цикловой, «волновой» характер. В процессе варьирования исходной попевки расширяется её звуковой объём и общий диапазон фактурного развития, организованного композитором по принципу подголосочной полифонии (пример 1; см. нотные примеры в конце статьи).

Фольклорность созданной композитором модели характеризуется диатоничностью, ладовой переменностью, тональной многозначностью (*c/f/b-moll* в первых тактах), «раскачиванием» нижнего голоса по звукам тоники и вводного большесекундового тона (*c–b*). Хроматизация лада в конце первого раздела (тт. 7–10) и во втором разделе («Прежде, Маша, пела, песни распевала») создаёт близкие фольклорным явления полиладовости и политоникальности. Только у композитора они преподнесены в обострённом интонационно-ладовом виде, к примеру, на основе 9-ступенного звукоряда в первом разделе. Не нарушая параллелизма с фольклорно-жанровым первоисточником, композитор усиливает субъективно-лирические тона народнопоэтического прообраза. Вступительная роль первой части подчеркнута её скромной (даже в кульминациях) динамикой, неспешным темпом, что также согласовывается с лирической образностью текстово-музыкального единства.

¹³ Среди них – хоровые произведения: «Три песнопения из Екклесиаста» для баса, хора и симфонического оркестра на библейские тексты (2009), Кантата «Андрей Полисадов» для баса, хора, органа и литавр на стихи А. Вознесенского (1984), Два хора («Незнакомые женщины», «Эворон») для хора и фортепиано на стихи А. Самара (1983), Два хора «Глупое сердце», «До свиданья, друг мой, до свиданья» на стихи С. Есенина для женского хора, Пять считалок «Сидели два медведя» для детского хора; опера «Верую!» (1985), вокальный цикл «Чёрная калина» (1994) и др.

Фольклорно-поэтическая основа второй части «Чикилики-микилики» жанрово двойственна. Крайние разделы строятся на основе текста детской считалки: «Чикилики-микилики, летели голубилики по кусту, по мосту, по белому укусту». Композиторская музыкальная тема включает элементы фольклорной и нефольклорной семантики. Так, изобразительность проступает через равномерность ритмической пульсации мелодии, создающей образ быстрого сложенного движения (смысловый импульс – слово «летели»). Однако многократно повторяемый в речитации звук «с», малосекундовые чётко ритмизованные мотивы «d-es» (на слова «по кусту, по мосту...») ассоциируются с обрядово-заклинательной манерой заговоров [4, с. 2]. Благодаря музыке в детском, необрядовом по истокам тексте возникает подтекст обрядовой семантики. Выразительно фактурное секундово-терцовое гетерофонное расслоение «стержневых» звуков (например, «с»), всякое отклонение от которых, особенно повышение интонации, в быстром темпе создает ощущение психологического напряжения, несвойственного детской считалке (пример 2а).

Контрастный образ в среднем разделе («Вьется в небе сокол, летает высоко») создан на основе свадебной поэтики. Музыкальная трактовка такова, что фольклорный текст начинает ассоциироваться с центральным событием – венчанием в свадебной игре, где фольклорное и церковное начала органично взаимодействуют. Такая конкретная семантика рождается на основе моделирования жанра, близкого церковной музыкальной традиции. Аккордово-гармоническим трехголосным складом (с терцовым параллелизмом двух средних, затем верхних голосов), большей консонантностью вертикали и напевностью мелодики, чем в первом разделе, композитор создал стиль канта, торжественного песнопения, ассоциирующегося с богослужебной практикой (пример 2б). Музыкальное решение, в жанровом плане отличающееся от прообраза, привело к переосмыслению текста, к большей строгости, возвышенности свадебной лирики (ремарка композитора «празднично»).

В свободно развитой динамической репризе («Чикилики-микилики») по мере продвижения к кульминации расширяется диапазон хоровых партий в гетерофонии, появляются многозвучные пульсирующие вертикали. Завершающая – мажорный радостный аккорд E-dur – **своей восклицательной интонацией и яркостью неожиданной модуляции вносит игровое начало и создаёт подтекст обрядности не столько в её конкретике (семейного или иного обряда), сколько в её акциональной направленности на разрешение противоречия, напряжённости, достижение гармонии.** К этому окончанию стягиваются обрядово-семантические линии из 1-го и 2-го разделов части.

Третья часть «Подблюдная» основана на традиционных текстах подблюдных песен. Их символические иносказательные образы в начале («Сидит кошечка на вокошечке, // ой люли, люли, на вокошечке. // Я-е котичек, дай за лапочку, // ой люли, люли, дай за лапочку...») и среднем разделе («Ходит груздочек по ельничку, слава! // Ищет груздочек бебяночку, слава! // Дворянскую дочь...») создают некий условный лирический сюжет. Поэтические образы кота и кошки, груздочка и бебяночки ассоциативно согласуются с центральными фигурами свадебного обряда – женихом и невестой, одновременно наделённые и величальным смыслом («дворянская дочь»). В композиторской музыке гадательный смысл «не прочитывается»: музыка воспроизводит обрядность иной семантики – свадебной. Она же характерна для основной музыкальной темы, что проявляется в плавности мелодических линий, подголосочном стиле фактуры (пример 3). Для припева и среднего раздела характерна жанровость канта, как и в предыдущей части ассоциируемых с венчанием.

Четвёртая часть и финал Кантаты являются «шуточной проекцией» серьезных тем: темы неравного брака («Комарочек») и темы конфликта взрослых и детей («Эни-бэни»). Обе комические иллюстрации-зарисовки созданы на тексты детского фольклора: потешки, побасенки («...Уж как задумал комарочек... да женитца... ён на мухе-ти да... на горюхе-ти... Ох, как муха-та да не невеста...») и на текст считалки на «неведомом» детском языке («Эни-бэни, эни рэкс, фин-дэр, фин-дэр, фин-дэр жэкс...»). Связывая все части Кантаты в единое целое, композитор и в этих заключительных частях создаёт ряд деталей, ассоциирующихся со свадебной обрядностью, ощущаемой во вступительных интонационных мелодических «раскачках» (примеры 4а, 5а), слышимых и в прежних частях произведения.

Музыке вступления четвёртой части «Комарочек» присуща полижанровость свадебного фольклора: торжественные припевы свадебной лирики с её традиционной текстовой формулой: «Э-ой-ли, лёли-лей» и яркость плясовой ритмоформулы суммирования (3-й такт примера 4а) свадебных плясовых, гостевых или застольных песен. Посредством опевания основных звуков вступительного тезиса рождается контрапункт – ритмоостинатная «выющаяся», интонационно гибкая мелодическая фигурация (пример 4б), отобразившая жужжание комара и распеваемая затем на слоги «ша-ра-ла-ли дон ти-ри-лин».

Финал «Эни-бэни» выделяется из всей Кантаты своей театральностью. Хоровая фактура построена по принципу диалога. Вступающие вновь партии персонифицированы и «говорят» от лица старших и младших «детей» или от лица «взрослых» (композиторская ремарка «назидательно») и «детей» (ремарка «хитро» и др.). Персонификация возникает из темброво-тесситурного контекста партий (к примеру, низкие тембры – «взрослые» и т. п.), из самой новизны интонационного материала вступающих голосов (тт. 5, 9, 15, 17 и др.), из переключек манер исполнения: пение – речь (тт. 23–30, 36–37 (пример 5б) и др.). Пение больше ассоциируется с «образом добра», речь – с шутливой наступательностью, желанием напугать, прогнать. В разделе А (тт. 1–22) вступают новые «участники». Это – «язвы», «хитрованы», «зануды» (таковы ремарки автора), «состязающиеся» в разнотемном полифоническом «диалоге». Звучание полифонической фактуры имеет здесь звукоизобразительный эффект: гетерофонное переплетение голосов, вследствие близкого их расположения, воспринимается как комичная неразбериха, сумятица, гомон.

Благодаря «росту» хоровой фактуры, средствам микроостинато, комбинаторики, алеаторики, принципу относительно строгой (А), а затем и свободной интонационной деривации [1] в разделе А₁ (тт. 23–55), динамичный процесс «общения сторон», эффект спора и в целом – атмосфера игры предстают как бы воочию. Эти динамические качества в народном поэтическом прообразе скрыты. Правда, в считалках психологическая напряжённость к концу нарастает, выражаясь в возрастании громкостных параметров и интонационной напряжённости детской речи. Композитор обозначает эти подтексты: динамичность его музыки делает образ рельефным, увлекательным, характеристичным.

Музыкальное формообразование частей Кантаты базируется на авторской редакции текстов: перестановках слов и строк, сокращениях до атрибутивных для традиционного жанра смыслообразующих, ярких в образном отношении стихов и народнопоэтических элементов. Заметим, что для хорового письма А. Новикова в целом характерен словесно-текстовый лаконизм. На основе своей текстовой редакции в первой – третьей частях композитор создаёт репризные формы, характерные для профессиональной музыки. Благодаря внутренней строгости разделов, в частях «Что ж ты, Машенька» и «Подблюдная» складываются варианты гетерострофические формы (термин Берберова).

1-я часть «Что ж ты, Машенька»					2-я часть «Чикилики-микилики»				
Разделы простой 3-ч. формы					Разделы сложной 3-ч. формы				
А		В		А ₁	А		В	А ₁	
Вариантная строфичность		Вариантная строфичность		Реприза	Простая 3-частная форма		Трио	Сокр. динамич. реприза	
1-я строфа	2-я строфа	1-я строфа	2-я строфа	Вар-т строфы	Вариантно-периодические структуры		Период	Вариантная периодичность	
тт. 1–10	11–26	27–38	39–60	61–72	1–14	15–21	22–25	26–39	40–56
а	а ₁	б	б ₁	а ₂	а	б	а ₁		а ₂

Схема 1. Строение 1-й и 2-й частей Кантаты А. Новикова

3-я часть «Подблюдная»						
Разделы простой 3-ч. формы						
А			В			А ₁
Вариантная строфичность		«Припев»-заключение	Вариантная строфичность		«Припев»-заключение	Реприза-кода
1-я строфа	2-я строфа	Вариантная периодичность	1-я строфа	2-я строфа	Вариантная периодичность	Вар-т начальн. строфы
1–4	5–9	10–18	19–22	23–28	29–33	34–41
а	а ₁	б	м	м ₁	п	а ₂

Схема 2. Строение 3-й части Кантаты А. Новикова

Музыкальный микросинтаксис (мотивно-фразовое строение в границах музыкальной темы, периода) интегрирует фольклорные и профессиональные музыкальные приёмы. Среди первых, «фольклорных» – развитие-«прораствание» вариантно-попевочных структур мелодики в первой и третьей частях (примеры 1, 3), а также периодические структуры, восходящие к периодичности текста и близкие сквозному развитию внутри разделов второй части (пример 2а). Среди вторых – методы их преобразования: усложнение ладогармонических, фактурно-ритмических средств.

Моделирование форм в четвёртой и пятой частях Кантаты также вбирает фольклорную основу и принципы профессионального выстраивания формы в опоре на современные техники композиторского письма. Музыкальная композиция обеих частей строится по принципу фольклорной текстовой композиции свадебных или хороводных песен. В народной традиции они иногда исполняются дважды (трижды) с начального повторяемого блока строф, окончание которого всякий раз отлично по смыслу. Музыкальный материал частей «Комарочек» и «Эни-бэни» организован А. Новиковым по сходному принципу двукратного начала (А) с последующей динамизацией образа во втором разделе (А₁). В крупном плане строение обеих частей напоминает также о вариантной строфичности.

4-я часть «Комарочек»

А			А ₁			Кода
1-й раздел-«строфа»			2-й раздел-«строфа»			
7+7+7+7+7	5+7+5	11+11	7+7+7+7+7	4+4	1,5+1,5+1,5+1,5	
1–35	36–52	53–74	75–109	110–117	118–123	124–159
a+a+a+a+a	b+b ₁ +b ₂	c+c ₁	a ₁ +a ₁ +a ₁ +a ₁ +a ₁	d+d ₁	e+e+e+e	b ₂ /c ₂

Схема 3. Строеение 4-й части Кантаты А. Новикова

Организация музыкального тематизма внутри разделов (микроуровень) в четвёртой части характеризуется вариантным развитием исходного тезиса-попевки, что приводит к возникновению периодических структур, например, в нижнем голосе (см. три нижние строки схемы 3). Их изложение напоминает принцип свободно трактованных композитором полифонических вариаций на *basso ostinato*. На протяжении части сама басовая тема (партия Alto 2) несколько раз интонационно меняется (см. нижнюю строку схемы 3), сохраняя исходный жанровый и ритмоинтонационный инвариант плясовых песен. В хоровых партиях (кроме Alto 1) последовательно проведён принцип полифонического наложения микроостinato, разных по протяжённости и тематизму, что отчасти роднит эту технику с изоритмией мотета (в схеме 4 приведено начало раздела А; тт. 1–35).

4 часть «Комарочек» (начало)

Sopr. 1					5	+	6	+	5
					c	+	d	+	c
Sopr. 2			11		+		11		
			b		+		b ₁		
Alto 1									свободный голос
							k		
Alto 2	7	+	7	+	7	+	7	+	7
	a	+	a	+	a	+	a	+	a
Такты	1		14		19		25		35

Примечание: цифрами указана протяжённость микроостинатной фигуры (7+7); на нижней строке указаны такты вступления голосов.

Схема 4. Строеение начального раздела 4-й части Кантаты А. Новикова

Помимо отмеченных признаков, композиция такого рода напоминает свободно построенную фольклорную сюиту, коленную структуру, встречающуюся чаще в традиционной танцевальной музыке.

В пятой части «Эни-бэни» при помощи полифонических приёмов А. Новиков также моделирует фольклорную импровизационность в развитии тематизма. Принцип микроостinato, проведённый достаточно чётко в разделе А, далее, в разделе А₁, выдержан менее последовательно. Причины этого – образные задачи финала, например, показ процесса шуточной динамики спора и др.

5 часть «Эни-бэни»

А								А1	Кода
Разделы-«строфы»									
1-й								2-й	
Группы периодичностей, микроостинато, минимализм, комбинаторика								+алеаторика	
1–4	5–8	9–12	13–14	15–16	17–18	19–20	21–22	23–44	45–55
a	a/b	c+d/b	e/f/g	c1/b1/g/h	i/k/l/m/c	c1/l1/m1/k1/i1	i/k/l/m/n		

Примечание: в нижней строке схемы голоса отделены значком «/» и выписаны в порядке их вступления: Alto 2, Alto 1, Sopr. 2, Sopr. 1, солирующее сопрано. Буквами латинского алфавита (a – n) отмечен процесс интонационной деривации.

Схема 5. Строение 5-й части Кантаты А. Новикова

Отметим, что в четвёртой и пятой частях слияние микроформ приводит к образованию единой, так называемой драматургической формы (термин В. Холоповой). Композиция, особенно на заключительных этапах, подвижна свободным преобразованием, интонационной деривацией материала внутри разделов, согласно их смысловому развитию: отображению назойливого жужжания комара («Комарочек») и, можно сказать, шутливо-аллегорического спора «поколений», приобретающего всё более взаврадашний и безудержный характер («Эни-бэни»). В финале композитор работает в технике, близкой минимализму, фактурно, интонационно разрабатывая исходное мотивное звено, а также комбинаторике и алеаторике (пример 5б). Организованные как формы профессиональной музыки, они не всегда слушаются, воспринимаются именно в качестве таковых. Композитор как бы «преодолеывает» их принцип: «тема – развитие», «ядро – развёртывание» (Л. Мазель, Е. Ручьевская). Композиция двух последних частей, а также внутри разделов всех остальных частей свободно «выливается» в формы с равным распределением смысла и выразительности (Е. Назайкинский), как это типично для фольклора. Развитые вышеуказанными средствами музыкально-динамические свойства тематизма в результате создают эффект фольклорной импровизации.

С образными задачами Кантаты связана композиторская работа в области фонетики, манеры произнесения, как самостоятельных выразительных средств хорового исполнительства. Прозрачность подголосочно-полифонической фактуры способствует отчетливому произнесению текста, приводит к образной конкретности, запечатлению искреннего внутреннего волнения (в № 1), развитию «лирического сюжета» (в № 3). Полифонизация текстов, выдвижение на первый план определённых фонем (шипящих, свистящих, «цокающих» и др.) в остальных частях вуалирует их смысловую конкретность. Их разнообразная семантика, например, «пугающая», «жужжащая» и др., вырастает из самого характера хорового интонирования и эффекта звучания. Это помогает созданию шуточных иллюстративных деталей: полета, скольжения (№ 2), гудения комара (№ 4), неразберихи спорщиков (№ 5).

Подобная звукотембровая, звукофонетическая и фактурная (гомофония, гетерофония) «игра» вносит в эти части оттенок концертности. Свойство концертности проявляется: 1) в детализации музыкальной ткани, диалогичности хоровой фактуры, партий, голосов; 2) в линейно-интонационной свободе и расслоении голосов, образующих, как правило,

контрастную полифонию/гетерофонию; 3) в обращении композитора к смыслово ненагруженным вербальным текстам (*чикилики, ша-ра-ла-ли дон...*, *эни-бэни* и др.); 4) в превалировании собственно музыкальных закономерностей развития над сюжетно-смысловыми. Последняя тенденция усилена композитором к концу кантатного цикла, в котором, на наш взгляд, происходит переход от собственно кантаты к хоровому концерту.

Подытоживая наблюдения над композиторским моделированием фольклорно-жанровой стилистики, отметим ещё одну общую для этого процесса тенденцию. В каждой части Кантаты исходным пунктом музыкально-стилевого развития является такой тематический материал, который близок конкретному типологическому комплексу фольклорного жанра. При этом композиторская жанровая модель может совпадать или не совпадать с жанром словесно-текстового первоисточника. В первой и третьей частях Кантаты стиль музыкального материала в целом не противоречит фольклорности, означая жанровый параллелизм композиторской музыки фольклорным текстам (в первой части) и жанровый синтез [2] на основе метода ассоциаций [1] (в третьей части). В остальных частях композиторское фольклорное моделирование свободно совмещается в единовременности и/или последовательно с музыкальным материалом нефольклорного плана. Во второй части внедрение нефольклорного начала минимально, и в музыкально-стилевом переосмыслении текстов можно отметить жанровый синтез с тенденцией к жанровой деформации [2] к концу части. В преобразовании музыкального материала двух последних частей Кантаты угадывается принцип жанровой деформации [2]. Но он решён композитором на основе метода деривации – таких преобразований, которые оказываются несводимыми к исходному звену варьирования [1, с. 293, 296, 298]. В ритмоинтонациях «Комарочка» А. Новиков не отступает от начального музыкального инварианта свадебных плясовых песен, что в стилево-м плане объединяет всю часть и позволяет определить деривацию как строгую [1]. В «Эни-бэни» стилевое единство отсутствует: уже в начальных построениях совершается «модуляция» из сферы фольклорного в сферу нефольклорного, что согласуется со свободной деривацией [1]. Наши наблюдения сведём в схему 6.

Что ж ты, Машенька	Чикилики-микилики		Подблюдная	Комарочек	Эни-бэни
Жанровый прообраз фольклора					
Лирическая протяжная	Считалка	Свадебная	Подблюдная	Детская побасенка	Считалка
Музыка композитора: сфера фольклорного					
Лирическая протяжная	Магическое заклинание	Кант	Свадебная+ кант	Свадебная лирика	
Музыка композитора: сфера нефольклорного					
	Звуковая картина полёта	Церковное песнопение-величание	Церковное песнопение-величание	Изобразительность, концертность	Сценка, концертность
Ф	Нф	Фн	Ф+Фн	Нф	Н

Примечание: сферы музыкальной стилистики: Ф – фольклоризованной, Н – нефольклорной, Фн, Нф – смешанной с преобладанием одного из качеств.

Схема 6. Стилиевые сферы фольклорного и нефольклорного в Кантате А. Новикова

Фольклорная полижанровость прообразов усилена моделированием интекста смешанного, гетеролексического, по М. Арановскому, фольклорного-нефольклорного типа. Стиливые совмещения, особенно выразительные на гранях фольклорного и нефольклорного начал, оказались близки полистилистике. Причём, распределение стиливых областей фольклорного и нефольклорного подчиняется закономерности, которую можно сопоставить с конфигурацией кометы. Так, первая часть Кантаты (фольклорное) подобна «голове» кометы, остальные части (фольклорное – нефольклорное) – яркому фольклорно-полижанровому и полистилистическому «хвосту». Принцип стиливой модуляции от фольклорного интекста – к полистилистике ещё раз кратко закрепляется в финале Кантаты.

Итак, в Кантате музыкально-поэтические прообразы фольклора ассимилированы с иностиливыми вкраплениями. Это позволяет говорить о перекрёстном взаимодействии двух тенденций – полистилистики и композиторского фольклоризма или о своеобразной фольклоризованной полистилистике.

На примере Кантаты А. Новикова попытаемся обозначить роль фольклорного интекста в полистилистическом произведении. Во-первых, одна из его наиболее общих функций – в создании особенного этнического, в данном случае русского, колорита, в этностиливой индивидуализации содержания произведения.

Во-вторых, элементы фольклора способствуют расширению семантико-содержательного ряда произведения, ассоциативно распространяясь, например, на исполнительский хоровой коллектив. Фольклорность музыкального интекста способствует созданию особого облика хора. Он воспринимается как носитель «фольклорного», традиционного сознания, как коллектив, вовлечённый в атмосферу обрядового, театрализованного действия, и тем самым персонафицированный (о чём подробнее речь велась выше).

В-третьих, фольклорная архаика и «современность», то есть технически сложный «фон», современный облик композиторского почерка А. Новикова, словно отражаются друг от друга, взаимно оттеняя, колорируя (а иногда и острая, что относится к современным композиторским средствам) контрастную стиливую область, усиливая, резче проявляя эти контрасты.

В-четвёртых, сочетания фольклорного и нефольклорного формируют образно-семантические сферы и тем самым – драматургические контуры целого. В Кантате А. Новикова оно было охарактеризовано как стиливая модуляция от фольклорного к нефольклорному. Это приводит к своеобразной «разомкнутой» полистилевой драматургии, в чём проявляется неординарность композиторского решения стиливого облика цикла в целом.

Литература

1. Арановский М. Г. Музыкальный текст. Структура и свойства. – М.: Композитор, 1998.
2. Жоссан Н. Ю. Проблема претворения русских народных жанров в сочинениях кантатно-ораториального типа (на материале отечественной музыки 60–80-х годов): автореф. дис. ... канд. иск. – М., 1998.
3. Лескова Т. В. Некоторые жанрово-стилевые тенденции профессиональной музыки Дальнего Востока 1960–90-х годов. – Хабаровск: ХГИИК, 2003.
4. Никитин А. А. Вступительная статья: [о творчестве дальневосточного композитора А. Новикова] // Новиков А. Кантата для женского хора а'cappella на народные слова. – Хабаровск: КНОТОК, 2004. – С. 2.
5. Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записки П. И. Якушкина. – Л.: Наука, 1986. – Т. 2.
6. Соломонова Н. А. Размышляя о юбилее... // Музыкальная культура Дальнего Востока: мат-лы региональн. науч.-практ. конф. – Хабаровск, 2001. – Вып. 2. – С. 3–12.

Литература

1. Aranovskij M. G. Muzykal'nyj tekst. Struktura i svojstva. – M.: Kompozitor, 1998.
2. Zhossan N. Ju. Problema pretvorenija russkih narodnyh zhanrov v sochinenijah kantatno-oratorial'nogo tipa (na materiale otechestvennoj muzyki 60–80-h godov): avtoref dis. ... kand. isk. – M., 1998.
3. Leskova T. V. Nekotorye zhanrovo-stilevyje tendencii professional'noj muzyki Dal'nego Vostoka 1960–90-h godov. – Habarovsk: HGIK, 2003.
4. Nikitin A. A. Vstupitel'naja stat'ja: [o tvorchestve dal'nevostochnogo kompozitora A. Novikova] // Novikov A. Kantata dlja zhenskogo hora a' cappella na narodnye slova. – Habarovsk: KNOTOK, 2004. – S. 2.
5. Sobranie narodnyh pesen P. V. Kireevskogo: zapiski P. I. Jakushkina. – L.: Nauka, 1986. – T. 2.
6. Solomonova N. A. Razmyshljaja o jubilee... // Muzykal'naja kul'tura Dal'nego Vostoka: mat-ly region. nauch.-prakt. konf. – Habarovsk, 2001. – Vyp. 2. – S. 3–12.

НОТНЫЕ ПРИМЕРЫ

1

1 ч. «Что ж ты, Машенька»

Музыкальный пример 1: 1 ч. «Что ж ты, Машенька». Музыкальный фрагмент для сопрано и альт.

2а

2 ч. «Чикилики-микилики» (основная тема)

Музыкальный пример 2а: 2 ч. «Чикилики-микилики» (основная тема). Музыкальный фрагмент для альт и сопрано.

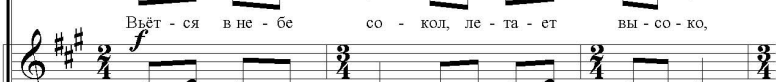
Sopr.
ки - ли - ки - ми - ки - ли - ки, ле - те - ли го - лу - би - ли - ки ле

Alt.
кус - ту, по мос - ту, по бе - ло - му у - кос - ту, по

26

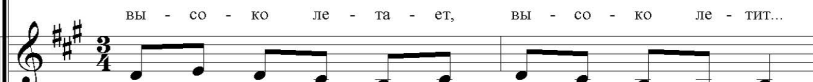
2 ч. «Чижики-мижики» (середина)

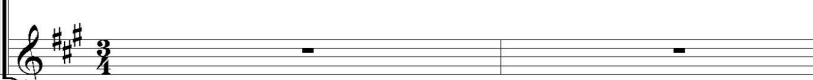
Soprano
Вьёт - ся в не - бе со - кол, ле - та - ет вы - со - ко,

Alto 1
Вьёт - ся в не - бе со - кол, ле - та - ет вы - со - ко,

Alto 2
Вьёт - ся в не - бе со - кол, ле - та - ет вы - со - ко,

Sopr.
вы - со - ко ле - та - ет, вы - со - ко ле - тит...

Alt. 1
вы - со - ко ле - та - ет, вы - со - ко ле - тит...

Alt. 2
вы - со - ко ле - та - ет, вы - со - ко ле - тит...

3

3 ч. «Подблюдная»

Soprano
Ся - дит ко - шеч - ка на во - ко - шеч - ке,

Alto
Ся - дит ко - шеч - ка на во - ко - шеч - ке,

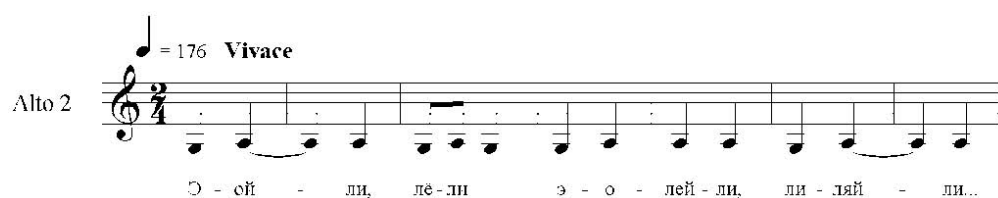
Sopr.
ой, лю - ли, лю - ли, на во - ко - шеч - ке.

Alt.
ой, лю - ли, лю - ли, на во - ко - шеч - ке.

4а

4 ч. «Комарочек» (начало)

Alto 2 $\text{♩} = 176$ **Vivace**

О - ой - ли, лё - ли э - о - лей - ли, ли - ляй - ли...

4б

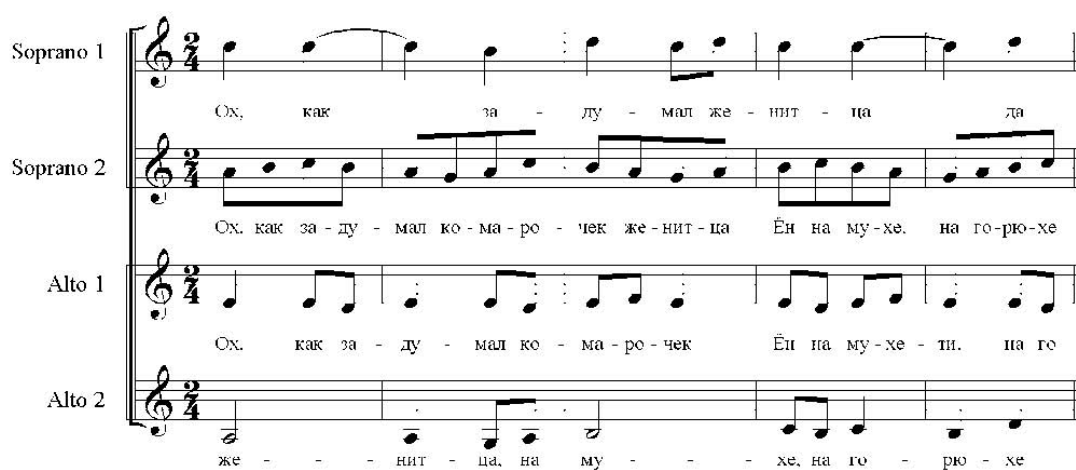
4 ч. «Комарочек» (развитие)

Soprano 1
Ох, как за - ду - мал же - нит - ца да

Soprano 2
Ох, как за - ду - мал ко - ма - ро - чек же - нит - ца Ён на му - хе. на го - рю - хе

Alto 1
Ох, как за - ду - мал ко - ма - ро - чек Ён на му - хе - ти. на го

Alto 2
же - - - нит - ца, на му - - - хе, на го - рю - хе

5а

5 ч. «Эни-бэни»

Alto 2 ***mf*** Назидательно

Э - ни бэ - ни, э - ни бэ - ни. Э - ни бэ - ни,

Alt. 1 ***mp*** Хитро

Э - ни бэ-ни, э-ни рэкс, фан-дэр фин-дэр фан-дэр жэкс, э-ни бэ-ни рэкс, бэ-ни рэкс

Alt. 2

э - - - ни бэ - - - ни. Э - ни бэ - ни

56
5 ч. «Эни-бэни»

f subitissimo p Шёпотом

Soprano 1: э - ус дэ - ус кос-мо-дэ - ус, бакс, бакс

Soprano 2: э - ни э - ни бэ - ни, э - ни бэ - ни, бэ - ни рэкс

Soprano 3: фан-дэр фин-дэр жэкс, фан-дэр фин-дэр жэкс, фан-дэр фин-дэр жэкс

Alto 1: э - - - ни, э - ни бэ - ни рэкс

Alto 2: э - ни бэ - ни рэкс, э - ни бэ - ни рэкс,

УДК 781.6

Н. И. Верб

**ОБРАЗЫ ПРИЗРАКА И ЕГО ЖЕРТВЫ КАК ПРЕТВОРЕНИЕ
АРХЕТИПИЧНОГО В МУЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОПЕРНОГО ЖАНРА)**

Статья посвящена рассмотрению различных способов музыкальной реализации архетипичных образов призрака и его жертвы в оперном жанре на примере отдельных сцен «Дон Жуана» В. А. Моцарта, «Ундины» Э. Т. А. Гофмана, «Бориса Годунова» Мусоргского и «Катерины Измайловой» Шостаковича. Внимание уделяется нескольким аспектам: драматургии, оркестровке, интонационной сфере, особенностям музыкальных решений характеристик героев.

Ключевые слова: архетип, образы художественного произведения, архетипичные образы призрака и его жертвы.

N. I. Verba

**IMAGES OF A GHOST AND HIS PREY AS IMPLEMENTATION OF AN
ARCHETYPE IN MUSIC (BASED ON THE OPERA GENRE)**

The archetype is the actual problem in the contemporary humanitarian knowledge. For the first time this term was used by K. G. Jung. Soon it became widely used in literature and cultural studies. It is possible to discover established sound and rhythmic formulas in musical art. They reflect certain human feelings, assign semantics and can serve as a kind of symbols of one or another emotional state of man.

The examples of the application of images of a Ghost and his prey in the Opera genre are investigated in this article. The author refers to scenes from “Don Giovanni” by Mozart, “Undine” by Hofmann, “Boris Godunov” by Musorgsky and “Katerina Ismailova” by Shostakovich. The attention is paid to several aspects: the dramatic composition, the orchestration, the intonation sphere, the peculiarities of musical characteristics of heroes.

The intertextual parallels between the images of Kuhleborn, Comandor, and Boris Timofeyevich prove a similar direction of creative thought of composers, who, independently from each other, turned to the same rhythm intonational structures, accumulated and established in the sphere of the collective unconscious exactly as attribute signs coming from the Ghost.

Music model of ghost victims' behaviour also differs by commonality of dramatic, expressive and intonation creative approaches. In this case the presence of intertextual connections also explained an archetypal position of heroes. As evidence, the author explores the music characteristics of Bertalda, Huldbrand, Katerina, Leporello, Tsar Boris in the scenes with ghosts.

The phenomenon of kinship considered scenes is associated, according to our opinion, with the unity of “genetic” and cultural historical components of the archetype problem. The archetypal image can naturally produce similar music reaction in the minds of different composers. Its further implementation and final processing associated with the activation of a musical, professional and intellectual cultural erudition of the author. This erudition one way or another is based on knowledge and experience, including the scope of the collective (or rather, cultural) of the unconscious.

Keywords: archetype, the images of the works of art, archetype images of the Ghost and his prey.

Одной из актуальных областей приложения исследовательских сил в современном гуманитарном знании являются *архетип* и связанная с этим феноменом проблематика поиска, а также идентификации его в различных видах искусства. Как известно, впервые этот термин был употреблен К. Г. Юнгом – выдающимся швейцарским психоаналитиком и исследователем мифологии [21; 22; 23]. Из названной сферы термин вскоре переключался в смежные и со временем стал широко использоваться в литературоведении, культурологии и искусствознании. Гуманитарная наука активно разрабатывает проблему архетипа: к настоящему времени создано множество как отдельных статей, так и масштабных исследований, посвященных архетипам в мифологии, литературе, поэзии, изобразительном искусстве, кино, рекламе, психологии [2; 3; 6; 10; 17]. Однако до сих пор в его толковании в художественном произведении исследователи допускают вариативность – амплитуда определений весьма велика [4; 9; 12; 13; 16] и вбирает в себя понимание архетипа не только как изначального, «доопытного» первообраза человеческой психики, но и как мифологического, принадлежащего культуре, то есть производного от первого. Терминологическую дистанцию обозначил еще сам Юнг, поднимая вопрос о первичности-вторичности архетипа и мифа: «Термин “архетип” зачастую истолковывается неверно, как некоторый вполне определенный мифологический образ или мотив. Но последние являются не более, чем *сомнительными репрезентантами*: было бы абсурдным утверждать, что такие переменные образы могли бы наследоваться. Архетип же является *тенденцией* (курсив наш. – Н. В.) к образованию таких представлений мотива – представлений, которые могут значительно колебаться в деталях, не теряя при этом своей базовой схемы» [21, с. 31]. Таким образом, согласно Юнгу, мифологические мотивы, которые суть не что иное, как продукт человеческой деятельности, являются вторичными по отношению к архетипу как праобразу. По мнению исследователей, вопрос о сосуществовании двух ментальных уровней: биогене-

тического и культурно-исторического – представляет собой один из существенных вопросов в теории архетипа и мифа [4]. Так, один из современных ученых, рассматривающих теорию Юнга, подчеркивает: «В каком соотношении находятся унаследованные генетически образцы поведения, восприятия, воображения и наследуемые посредством культурно-исторической памяти – это вопрос, к которому с различных сторон подходят этнологи, лингвисты, психологи, этнографы, историки» [15, с. 21].

В музыковедении также неоднократно предпринимались попытки выявить обладающие архетипическими свойствами структуры на разных уровнях музыкального текста [1; 7; 19]. С одной стороны, отыскать архетипы, как таковые, в музыке чрезвычайно трудно – этот термин подразумевает под собой зрительно-пространственное, звуковое, вербальное и поведенческое (мотивное) наполнение, обладающее большой степенью универсальности, поэтому механический перенос данного термина из психологии, философии, литературы в сферу музыки представляется некорректным. С другой – в музыкальном искусстве можно обнаружить некие устоявшиеся звуко-ритмоформулы, которые, в силу отражения определенных человеческих чувств, обладают закрепленной за ними семантикой и могут служить своеобразными *знаками* того или иного эмоционального состояния человека. Важно подчеркнуть, что такие «знаки» в силу своей повторяемости и, как следствие этого, узнаваемости приобретают близкие с архетипом в литературном и, шире, – мифологическом и культурном – смыслах свойства носителей «внемузыкальной» информации.

Музыкальные «архетипы», как и схожие феномены в других сферах культуры, также актуализируют вопрос о первичности и вторичности, то есть о своей обусловленности либо имманентными музыкальному искусству «генетическими» свойствами, либо востребованностью и закрепленностью в музыкальной практике, то есть результатом функционирования культурно-исторического фактора. Иными словами, чем объясняется наличие схожих интонационно-ритмических (драматургических, тембровых и т. д.) решений одного образа у разных композиторов: существованием ли изначальных звуковых первообразов, или же постоянством их воплощения в музыкальной литературе, продуцирующем интертекстуальные переклички между художественными версиями?

Для того, чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, рассмотрим примеры воплощения в музыкальной ткани опер образов призрака и его жертвы. По-видимому, нет нужды подчеркивать укорененность названных «паттернов» в человеческом сознании и культуре: их существование в воображении людей, а затем и в художественном пространстве объясняется извечным стремлением объяснить многомерность и непостижимость мира, его загадочность, таинственность и принципиальную неограниченность вещным, зримым ракурсом. Запечатленные в различных произведениях сцены общения человека и существа из параллельного измерения зачастую имеют выраженный этический аспект: призрак нередко является обличителем своей жертвы, выступает в качестве «персонифицированной совести». Симптоматично, что подобные сцены в сюжетно и стилистически разных операх обнаруживают близость интонационных, драматургических и выразительных средств.

На протяжении всей оперы Гофмана «Ундина» образ дяди героини – белого призрака Кюлеборна – является то Хульдебранду, то родителям Ундины, то Бертальде с предупреждениями и угрозами. Музыкальная характеристика этого действующего лица довольно однообразна и

даже статична: партия зиждется на «вдалбливающих» и повторяющихся речевых интонациях, широких интервальных ходах, преимущественно оканчивающихся нисходящими (часто октавными) «спадами». Один из самых ярких «сольных» номеров Кюлеборна – Ария с хором из второго акта [24, s. 138–139] – иллюстрирует призыв Кюлеборна к сородичам встать на месть людям (пример 1¹⁴):

Пример 1

Ihr Freund aus See'n und Quel-len, ihr Freund aus See'n und Quel-len, ver-

bru - der-tes Ge - schlecht, die ihr in freud' - gem Schwel-len,

die ihr in freud' - gen Schwel-len zu schwin - gen liebt die sie - ges-star-ken

Wel-len, auf, zur Ra - che, zur Ra - che, auf, auf zu Rach' und Recht.

Интонационный портрет сопровождающего Кюлеборна Хора водяных духов [24, s. 25–26] весьма близок тому, который характеризует их владыку: здесь те же повторяющиеся, декламационные интонации в оstinatном ритме, производящие впечатление неумолимой силы (пример 2¹⁵):

¹⁴ Поскольку о клавири «Ундины» Гофмана на русском языке нам ничего не известно, то здесь и далее русский текст либретто будет приводиться по русскому переводу с немецкого Е. В. Ланда и В. А. Дымшица [17]. Музыкальному примеру 1 соответствует следующий текст: «Родня, настали сроки, / Все сколько ни на есть, / Пороги и потоки, / Ключи, ручьи, / Ужасны и жестоки, Вставайте все на месть!».

¹⁵ Текст в музыкальном примере 2 следующий: «Раскаты волн, бурунов пенье, / Валов невиданных кипенье. / Они кипят, встают как стены, / Белеют гребни их от пены. / Они то вверх, то вниз стремятся, / Их песни вековечно длятся! / В бой! На сушу рвись скорей! / Берег – наш, засовы сбей! / С окон, створок, / Словно морок, окружаем луг водой!» (сцена 3).

Пример 2

Chor de Wassergeister

p

Tenor

Sie wachen auf, sie schäumen kuhn _____ Sie

p

Bass

Sie wachen auf, sie schäumen kuhn _____ Sie

p

T

wachen auf, sie schäumen kuhn Dass weiss im Schaum die Haup-ter

p

B

wachen auf, sie schäumen kuhn Dass weiss im Schaum die Haupter bluhn Dass

T

Bluhn Dass weiss im Schaum die Haup-ter Bluhn _____

B

weiss im Schaum die Haup-ter bluhn Sie he-ben sich sie tau-chen

Важно отметить, что схожий интонационно-ритмический рисунок с большим «удельным весом» декламационности присущ практически всем появлениям хора водяных духов на протяжении оперы. Тот же набор выразительных средств, повторимся, свойственен и партии Кюлеборна в целом. По-видимому, подобная «стабильность» в музыкальном отображении сути этих персонажей объясняется стремлением композитора подчеркнуть такие их архетипичные черты, как угроза, опасность, месть, страх, музыкально-психологическим эквивалентом, или даже своего рода интуитивным лейтсимволом которых становятся остинатные «долбящие» интонации. Чтобы полнее уяснить их семантику, приведем еще фрагмент из партии Кюлеборна [24, s. 190–191], в котором налицо – явная угроза, вклинивающаяся в любовный дуэт Хульдбранда и Бертальды из третьего акта (пример 3¹⁶).

¹⁶ Текст в музыкальном примере 3 следующий. Кюлеборн: «Близки вы к гибели своей». – Бертальда: «О этот голос как из ада». – Хульдбранд: «Я обниму тебя любя». – Бертальда: «Своей судьбе счастливой рада». – Кюлеборн: «Не радость, горе ждет тебя». – Бертальда: «О ужас!». – Хульдбранд: «Кобольд, прочь отсюда! / Зачем смущаешь наш покой!». – Кюлеборн: «Ты не ищи жены, покуда / Жене принадлежишь другой».

Пример 3

Largo

Bertalda *p*

Weich dump - fer Ton, ich

Huldbrand

Kuleborn *f*

Ja, zum Ver - der - ben euch ge - sellt.

8

B. zitt - re, zitt - re, schwan - ke

H. Bist ja im Arm mir, hol - de —

K.

13

B. O gunst' ges Schick - sal, ja ich dan - ke,

H. Braut.

K.

18 *Largo*

B. *O Schick-sal ja, ich dan-ke.*

H.

K. *f*

Danck' nicht, du fuhist schun win dirs graut.

24 *Tempo I*

B. *Ent - setz - lich, ent - setz - lich, ent - setz - lich.*

H. *Ko-bold fleuch' von hinneu, der mirdie*

K.

30 *Largo*

B.

H. *Ruhder Veste stort!*

K. *Viel mehr lass ab vemeitlen Min-nen, du derschon andremWeibge - horen.*

В контексте проблематики архетипичного в музыкальном искусстве необходимо подчеркнуть, что подобные ритмоинтонации обладают названным спектром значений не только лишь в пределах оперы Гофмана, но – шире – становятся универсальным музыкальным «знаком» угрозы, исходящей от лица из потустороннего мира, ярким примером чему выступает

партия Командора в прославленной опере почитаемого Гофманом Моцарта. Обращает внимание наличие во всем известном фрагменте [25, р. 273] не только «размашистой» интервальной основы и решительной ритмики вокальной строчки, но и остиной пунктирной «тревожной» пульсации струнных, сопровождающих роковые реплики Командора и заставляющих вспомнить своего рода «лейтритм» Хора водных духов (пример 4):

Пример 4

Il Commendatore

Don Gio - van - ni! a ce - nar te - co

min - vi - tas - ti! e son ve - nu - to!

В интонационном облике партии Командора нетрудно усмотреть музыкальную «плоть» будущего Кюлеборна и водных духов. Разумеется, общность ритмоинтонаций, подкрепленных родственностью самих образов (потусторонних, враждебных человеку), можно рассматривать не только как следствие огромного пиетета Гофмана к Моцарту и доскональное знание автором «Ундины» наследия создателя «Дон Жуана». Рассматриваемые нами мелодические и ритмические «формулы» закреплялись в музыкальной сфере коллективного бессознательного при помощи огромного числа так называемых арий мести из традиционных для того времени

архетипичного образа призрака, доказывают сходное направление творческой мысли композиторов, которые, независимо друг от друга, обратились к одним и тем же ритмо-интонационным оборотам, накопившимся и закрепившимся в сфере коллективного бессознательного именно как атрибутивные признаки исходящей от призрака угрозы.

Мы рассмотрели обращения призраков к своим жертвам, однако для полноты картины необходимо сменить «фокус зрения» и обратиться к музыкальным моделям поведения их жертв. Подчеркнем, что претворение этих образов в различных операх также отличается общностью драматургических, интонационных и выразительных подходов композиторов. Интертекстуальные нити и в этом случае, повторимся, объясняются архетипичностью положений и состояний героев.

Очередным ярким доказательством этого тезиса выступают следующие примеры. Пожалуй, в музыкальной литературе найдется немало фрагментов, живописующих страх человека, и воплощение этой сильной эмоции в звуках имеет такую же амплитуду нюансов, как, собственно, и отображаемое ими чувство: тремоло, как аналог дрожи, прерывистые интонации с обилием пауз, «топтанье» на одной ноте, или повторяющиеся однообразные мотивы, символизирующие застылость, зомбированность страхом.

Опера Гофмана «Ундина» располагает такой сценой. В уже рассматривавшийся выше любовный дуэт Бертальды и Хульдбранда из третьего акта неожиданно вклинивается голос Кюлеборна. Его угрожающе произнесенные слова, пророчащие горькую судьбу забывшимся влюбленным, обуславливают ощутимую, вполне реальную «дрожь» в партии Бертальды, переданную интонационными, тембральными, ритмическими и динамическими средствами. Данный фрагмент [24, с. 190] характеризует не только Бертальду, но и Кюлеборна, как виновника ее страха (пример 6¹⁷):

Пример 6

The musical score for Example 6 is presented in three staves. The top staff is for Kuleborns Stimme (voice), the middle for Bertalda (voice), and the bottom for the Piano (Pc.). The key signature is G major (one sharp) and the time signature is common time (C). The tempo is marked 'Largo'. The lyrics are: 'Ja, zum Ver - der - ben euch ge - sellt. Welch'. The piano part includes dynamic markings: *ff* (fortissimo), *f* (forte), and *pp* (pianissimo). The piano part also includes articulation markings: 3 (triplets) and tr (trills).

¹⁷ Текст в музыкальном примере 6 следующий: Кюлеборн: «Близки вы к гибели своей». – Бертальда: «Он тащит прочь со страшной силой, / Я трепещу!».

dump - fer Ton, ich zit-tre, zit-tre, schwan-ke

Ob.

pp

В оперной музыке найдется немало примеров сцен с призраками, демонстрирующие творческие решения, близкие тому, которое нашел Гофман. Один из таких примеров – явление Катерине призрака Борис Тимофеевича в упоминавшейся выше «Катерине Измайловой» Шостаковича [20, с. 173–174]. Здесь немало перекличек с рассматриваемым эпизодом «Ундины»: оркестровое тремоло, пульсация, будто передающая биение встревоженного сердца, прерывистые, паузированные фразы-выдохи, однообразная, будто «зомбированная» страхом мелодика (пример 7):

Пример 7

Катерина Львовна

Страш - ный сто - ит Бо - рис Ти - мо - фе - ич. -

ff *p*

p

- Страшно, Сережа, спа - си, спа - си, спа - си ме - ня!

p

Интертекстуальные связи, объединяющие эти ситуации, объясняются одной основной рассмотренных эпизодов: эмоции страха перед потусторонним композиторы выражают схожими выразительными средствами. Холодящий кровь призрак вызывает близкие реакции у «живых» персонажей. Приведем еще один яркий пример из «Дон Жуана» Моцарта [25, р. 273–274], в котором используется названный традиционный комплекс выразительных средств. Этот фрагмент живописует перепуганного от встречи со статуей Командора Лепорелло (пример 8):

Пример 8

Leporello

Ah pad-ron, ah pad - ron! Ah pad-ron! Siam tu - tti

p

Don Giovanni Il Commendatore

mor - ti! Van - ne, di - co! Fer - ma un ro!

fp

В этом же смысловом поле находится и фрагмент из оперы «Борис Годунов» М. П. Мусоргского [14, с. 111]. Вспомним душевные страдания царя, которому не дает покоя призрак убитого царевича Димитрия. Мучения Бориса, его ужас перед воображаемым призраком выражаются в музыкальной ткани весьма схожими вышерассмотренным средствами: тревожный до нервно срывающегося говорок вместо пения в вокальной партии, перманентное тремоло оркестра, волнообразная динамика в пределах нюанса *p*, будто живописующая накатывающий на Бориса страх (пример 9):

Пример 9

Борис
(говорком) Вон... вон там... что это? там в углу...

fpmp *a piacere*

Allegro ♩ = 72 Ко-лышется... растет...

pp < > < > < >

близится... дрожит и сто- - - - - нет

Чур, чур!

Резюмируя результаты проведенного экскурса, подчеркнем, что феномен родства рассмотренных сцен обуславливается, на наш взгляд, двуединством «генетической» и «культурно-исторической» составляющих проблемы архетипа, поскольку образ, в особенности архетипичный, может *естественно* порождать схожие звуковые реакции в сознании различных авторов, а дальнейшая его реализация и окончательное оформление (в партитуре, например) связаны с задействованием музыкального, профессионального и, шире, – общего интеллектуально-культурного багажа творца, так или иначе опирающегося на знания и опыт, то есть обра-

ценностью композиторов к сфере коллективного (точнее, – культурного) бессознательного – некоей психологической структуре, являющейся «аккумулятором неосознанно передающегося из поколения в поколение человеческого опыта» [8, с. 221]. Этот живительный источник образов и адекватных им средств запечатления, эта «вполне объективная историческая (логическая, художественная, праксеологическая) память, в которой хранятся золотые слитки человеческого опыта – нравственного, эстетического, социального» [11, с. 141], и является причиной общности целого ряда сцен из разных опер, реализующих архетипичные образы призрака и его жертвы.

Литература

1. Арановский М. Г. Музыкальный текст. Структура и свойства. – М.: Композитор, 1998. – 343 с.
2. Архетипические образы в мировой культуре: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 1998. – 110 с.
3. Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: Материалы Международной заочной научной конференции 19–24 апреля 2010 г. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – 290 с.
4. Большакова А. Ю. Архетип, миф и память литературы // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: Материалы Международной заочной научной конференции 19–24 апреля 2010 г. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. С. 7–14;
5. Верба Н. И. «Ундины»: от Фуке к Гофману. Опыт анализа феномена «архетип» (на примере образа главной героини) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 22, ч. 2. – С. 124–138.
6. Доманский Ю. В. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте. – 2-е изд., испр., доп. – Тверь: Тверской государственный университет, 2001. – 94 с.
7. Кирнарская Д. К. Музыкальные способности. – М.: Таланты–XXI век, 2004. – 493 с.
8. Козлов А. С. Коллективное бессознательное // Современное зарубежное литературоведение (Страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: энциклопедический справочник / ред.-сост.: И. П. Ильин, Е. А. Цурганов. – М.: Интрада, 1996. – С. 210–211.
9. Кушниренко А. А. Семантика компонентов архетипического комплекса литературного произведения // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: Материалы Международной заочной научной конференции 19–24 апреля 2010 г. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – С. 30–31;
10. Литературные архетипы и универсалии: Научное издание. – М.: Российский гуманитарный университет, 2001. – 433 с.
11. Марков В. Литература и миф: проблема архетипов (к постановке вопроса) // Тыняновский сборник. IV Тыняновские чтения. – Рига: Зинатне, 1990. – С. 140–146.
12. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. – М.: РГГУ, 1994. – 134 с.
13. Мелетинский Е. М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // Литературные архетипы и универсалии: Научное издание. – М.: Российский гуманитарный университет, 2001. – С. 73–150.
14. Мусоргский М. П. Борис Годунов: Народная музыкальная драма в 4-х действиях с прологом (в обработке и инструментовке Н. А. Римского-Корсакова): Клавир. – СПб.; М.: Bessel & C, 1909. – 215 с.
15. Руткевич А. Жизнь и воззрения К. Г. Юнга // Юнг К. Г. Архетип и символ. – М., 1991. – С. 5–15.
16. Телегин С. М. Термин «мифологема» в современном российском литературоведении // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: Материалы Международной

- заочной научной конференции 19–24 апреля 2010 г. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – С. 14–16;
17. Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе XX века (архетип, мифологема, мотив): Материалы юбилейной конференции, посвященной 100-летию Томского государственного педагогического университета. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2002. – 153 с.
 18. Фуке Фридрих дела Мотт. Ундина. – М.: Наука, 1990. – 554 с.
 19. Холопова В. Икон. Индекс. Символ // Музыкальная академия. – 1997. – № 4. – С. 159–162;
 20. Шостакович Д. Д. Катерина Измайлова: Опера: Клави́р // Шостакович Д. Д. Полн. собр. соч.: в 42 т. – М.: Музыка, 1985. – Т. 22. – 330 с.
 21. Юнг Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 299 с.
 22. Юнг Г. Воспоминания, сновидения и размышления. – Киев: Air Land, 1994. – 196 с.
 23. Юнг Г. О психологии восточных религий и философий. – М.: Медиум, 1994. – 253 с.
 24. Hoffmann E. T. A. Undine: Zauberoper in drei Akten / von E. T. A. Hoffmann; im Klavierauszug neu bearbeitet von H. Pfitzner. – Leipzig: C. F. Peters: [S. a.]. – 246 s.
 25. Mozart W. A. Don Giovanni: An Opera in Two Acts: Vocal Score. – New-York: G. Schirmer, Inc. – 300 p.

Literatura

1. Aranovskij M. G. Muzykal'nyj tekst. Struktura i svojstva. – М.: Композитор, 1998. – 343 с.
2. Arhetipicheskie obrazy v mirovoj kul'ture: Tezisy dokladov Vserossijskoj nauchnoj konferencii. – SPb.: Gosudarstvennyj Jermitazh, 1998. – 110 s.
3. Arhetipy, mifologemy, simvoly v hudozhestvennoj kartine mira pisatelja: Materialy Mezhdunarodnoj za- ochnoj nauchnoj konferencii 19–24 aprelja 2010 g. – Astrahan': Izdatel'skij dom «Astrahanskij univer- sitet», 2010. – 290 s.
4. Bol'shakova A. Ju. Arhetip, mif i pamjat' literatury // Arhetipy, mifologemy, simvoly v hudozhestvennoj kartine mira pisatelja: Materialy Mezhdunarodnoj za- ochnoj nauchnoj konferencii 19–24 aprelja 2010 goda. – Astrahan': Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2010. – S. 7–14.
5. Verba N. I. «Undina»: ot Fuke k Gofmanu. Opyt analiza fenomena «arhetip» (na primere obraza glavnoj geroini) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 22, ch. 2. – S. 124–138.
6. Domanskij Ju. V. Smysloobrazujushhaja rol' arhetipicheskikh znachenij v literaturnom tekste. – 2-e izd., ispr., dop. – Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2001. – 94 s.
7. Kirnarskaja D. K. Muzykal'nye sposobnosti. – М.: Talanty–XXI vek, 2004. – 493 s.
8. Kozlov A. S. Kollektivnoe bessoznatel'noe // Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (Strany Zapad- noj Evropy i SShA): koncepcii, shkoly, terminy: jenciklopedicheskij spravochnik / red.-sost. I. P. Il'in, E. A. Curganov. – М.: Intrada, 1996. – S. 210–211.
9. Kushnirenko A. A. Semantika komponentov arhetipicheskogo kompleksa literaturnogo proizvedenija // Arhetipy, mifologemy, simvoly v hudozhestvennoj kartine mira pisatelja: Materialy Mezhdunarodnoj za- ochnoj nauchnoj konferencii 19–24 aprelja 2010 goda. – Astrahan': Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2010. – S. 30–31;
10. Literaturnye arhetipy i universalii: Nauchnoe izdanie. – М.: Rossijskij gumanitarnyj universitet, 2001. – 433 s.
11. Markov V. Literatura i mif: problema arhetipov (k postanovke voprosa) // Tynjanovskij sbornik. IV Tyn- janovskie chtenija. – Riga: Zinatne, 1990. – S. 140–146.
12. Meletinskij E. M. O literaturnyh arhetipah. – М.: RGGU, 1994. – 134 s.
13. Meletinskij E. M. O proishozhdenii literaturno-mifologicheskikh sjuzhetnyh arhetipov // Literaturnye arhetipy i universalii: Nauchnoe izdanie. – М.: Rossijskij gumanitarnyj universitet, 2001. – S. 73–150.

14. Musorgskij M. P. Boris Godunov: Narodnaja muzykal'naja drama v 4-h dejstvijah s prologom (v obrabotke i instrumentovke N. A. Rimskogo-Korsakova): Klavir. – SPb.; M.: Bessel &C, 1909. – 215 s.
15. Rutkevich A. Zhizn' i vozzrenija K. G. Junga // Jung K. G. Arhetip i simvol. – M., 1991. – S. 5–15.
16. Telegin S. M. Termin «mifologema» v sovremennom rossijskom literaturovedenii // Arhetipy, mifologemy, simvol v hudozhestvennoj kartine mira pisatelja: Materialy Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchnoj konferencii 19–24 aprelja 2010 goda. – Astrahan': Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2010. – S. 14–16;
17. Transformacija i funkcionirovanie kul'turnyh modelej v russkoj literature XX veka (arhetip, mifologema, motiv): Materialy jubilejnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. – Tomsk: Izd-vo TGPU, 2002. – 153 s.
18. Fuke Fridrih de la Mott. Undina. – M.: Nauka, 1990. – 554 s.
19. Holopova V. Ikon. Indeks. Simvol // Muzykal'naja akademija. – 1997. – № 4. – S. 159–162.
20. Shostakovich D. D. Katerina Izmajlova: Opera: Klavir // Shostakovich D. D. Poln. sobr. soch.: v 42 t. – M.: Muzyka, 1985. – T. 22. – 330 s.
21. Jung G. Arhetip i simvol. – M.: Renessans, 1991. – 299 s.
22. Jung G. Vospominanija, snovidenija i razmyshlenija. – Kiev: Air Land, 1994. – 196 s.
23. Jung G. O psihologii vostochnyh religij i filosofij. – M.: Medium, 1994. – 253 s.
24. Hoffmann E. T. A. Undine: Zauberoper in drei Akten / von E. T. A. Hoffmann; im Klavierauszug neu bearbeitet von H. Pfitzner. – Leipzig: C. F. Peters: [S. a.]. – 246 s.
25. Mozart W. A. Don Giovanni: An Opera in Two Acts: Vocal Score. – New-York: G. Schirmer, Inc. – 300 p.

78.083.28

П. О. Тончук

ФУГА КАК СИМВОЛ «ФАУСТОВСКОЙ» КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ ЖАНРА

В данной статье представлена попытка осмысления с позиций музыкознания философской концепции О. Шпенглера, обозначившего фугу в качестве символа западноевропейской (фаустовской) культуры. «Фаустовская» фуга впервые рассматривается в контексте эволюции жанра как культурный архетип, успешно проявляющий себя в различных типах музыкальных культур.

Ключевые слова: фаустовская культура, фуга, философия, полифония, архетип.

Р. О. Tonchuk

A FUGUE AS THE SYMBOL OF THE “FAUST’S” (WEST EUROPEAN) CULTURE AND THE PROBLEM OF THE GENRE EVOLUTION

The theoretical basis of the following article uses the concept of Spengler who derived eight particular so called “high cultures” in his famous work “Decline of the West.” According to Spengler's concept the Western type is defined as “faustian” which is symbolized by art of a fugue.

However despite the inevitable death of faustian culture, a fugue continues to rivet the attention of performers worldwide as well as the attention of composers. The reasons of such longevity remain mysterious for musicologists.

According to the theory of music, a fugue is a polyphonical work of art consisted of relatively independent voices. Every single voice in a fugue, according to strict rules, repeats a short melody. This strictly regulated genre initially deserved a “sophisticated” status.

So, may be Spengler was wrong, introducing the idea of a fugue's strong affiliation with one of his cultural types? To get an answer to this question, this article reveals the most prominent landmarks of this genre's evolution. We'll attempt to trace this genre's expansion behind the boundaries of culture which engendered it.

This very article illustrates that “faustian fugue” cristallized in masterpieces of Bach and his contemporaries and served as a representation of the whole Western culture for Spengler, also contained the original “proto sample” to this days, inspite of the transition to the modern spheres. We used the theories of cultural concepts developed by Stepanov and Bolshakova's theory of cultural archetypes. This research gave us an opportunity to confirm the existence of a “fugue archetype” which is the successive evolution based on the genre.

Though it is necessary to emphasize such a landmark of the archetype's existence as a possibility of its “nationalization” or simply its transition into a different national culture.

In this context the famous quotation of Glinka about the aspiration “to solemnize the official marriage of Western fugue and Russian musical tradition” appears to be quite symbolic. We also stress the importance of the suggestion of Taneev, who opined that one specific feature of Russian style must be a harmonic unity of different Russian and european elements represented in a Russian fugue.

In a subsequent development of a fugue two obvious multidirectional tendencies are defined. On the one hand composers go beyond the frontiers of their national culture reflecting collisions common to the whole humankind. On the other hand, the national element of a fugue's genre is accentuated which is caused by its expansion further into the cultural space outside Europe, the Eastern world. Fugues of Eastern composers can be characterized by one common feature, its realization of polyphonetical genre harmonized with conditions of the culture that has a musical tradition of a prevailing monody.

The fugue's genre, is not only originated in western culture but also serving as one of its symbols in accordance with Spengler's words, proved to be thriving and flourishing in completely different conditions.

Therefore, Spengler, who condemned the fugue's genre to unavoidable death, underlined the universalism of that genre capable of reflecting modern realia.

Keywords: “Faust’s culture”, fugue, philosophy, polyphony, archetype.

Как известно, О. Шпенглер, отрицавший существование единой истории человечества, в своей книге «Закат Европы» выделил восемь культурно-исторических типов, среди которых западноевропейский обозначен как «фаустовский». Каждый из них прошел собственный жизненный цикл: рождение, юность, зрелость, старость и, наконец, смерть, после которой культура перерождается в цивилизацию. Современная философу «фаустовская» культура, по его мнению, находилась именно на этом, посткультурном этапе цивилизации. Символом «фаустовской» культуры О. Шпенглер обозначил искусство фуги, противопоставляя античной *аполлоновской* душе «*фаустовскую*» душу, прасимволом которой является чистое беспредельное пространство, а «телом» – западная культура, расцветшая на северных низменностях между Эльбой и Тахо одновременно с рождением романского стиля в X столетии. Аполлоновским является изваяние нагого человека; фаустовским – искусство фуги» [13, с. 277]. При этом, не являясь музыкантом, он не дает ни характеристики, ни собственного понимания этого ключевого для данного труда жанра, лишь подразумевая его в рассуждениях о душе «фаустовской» культуры, утверждая, что «органные фуги, кантаты и “Страсти” Шюца, Гаслера и Баха создали образ протестантского Бога» [13, с. 281].

Но если цивилизация, по О. Шпенглеру, – есть смерть культуры, а вместе с ней и ее души, то почему же по сей день fuga продолжает привлекать внимание не только исполнителей,

но и композиторов? Более того, в курсе полифонии, обязательном для большинства музыкальных специальностей, основным разделом является изучение фуги, предполагающее умение не только анализировать, но и сочинять образцы данного жанра.

Показательно также, что в XX веке происходит всплеск интереса к полифонии в целом и к фуге в частности. Назовем имена П. Хиндемита, Д. Шостаковича, Р. Щедрина, С. Слонимского и других авторов. В стремлении найти причины «жизнестойкости» фуги мы, к своему удивлению, не обнаружили в русскоязычном музыкознании попыток осмыслить положения О. Шпенглера фуге, выступающей у него в качестве символа всей западноевропейской цивилизации. Имеется лишь ряд небольших статей, посвященных общим проблемам связи музыки с философией О. Шпенглера¹⁸ и, более широко – вообще с фаустовской темой в музыке¹⁹. Относительно зарубежного музыкознания картина фактически аналогичная. Непосредственно философский аспект фуги как в отечественном, так и в зарубежном музыкознании рассматривался лишь с позиций пифагорейской философии²⁰.

При этом необходимо отметить ряд работ философского и культурологического плана, посвященных общей проблеме музыки в трудах О. Шпенглера²¹.

Изложенное обусловило актуальность сопряжения философских изысканий О. Шпенглера с музыкально-теоретическими и музыкально-историческими наблюдениями в сфере изучения данного жанра с учетом современных философских концепций – теории культурных концептов Ю. С. Степанова и культурных архетипов А. Ю. Большаковой.

Предварительно напомним, что с позиции музыкальной теории фуга – это полифоническое, то есть многоголосное произведение, где все голоса относительно самостоятельны. Сам термин происходит от латинского *fuga* – бег, погоня. Каждый голос фуги, в соответствии со строгими правилами, поочередно повторяет тему – короткую мелодию, проходящую через все произведение. Эти проведения темы как бы «догоняют» друг друга.

Согласно А. Н. Должанскому, строение фуги подобно тезису с доказательством. При этом музыкальным воплощением тезиса является тема, а фуга в целом представляет собой раскрытие его смысла. В композиционном плане в фуге выделяется экспозиция, где тезис подвергается сомнению, и свободная часть, где происходит его дальнейшее осмысление и

¹⁸ См., например: А. Майкапар. Освальд Шпенглер: суждение о музыке // Музыкальная жизнь. – 1989. – № 24. – С. 28–29; в работе К. Александровой (Место искусства в теории культурно-исторических циклов О. Шпенглера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oswald-spengler.narod.ru/monster.htm>) речь идет даже не о музыке, а в целом обо всех видах искусства.

¹⁹ Об этом, например: Фауст-тема в музыкальном искусстве и литературе. – Новосибирск: НГК им. М. И. Глинки, 1997. – 289 с.

²⁰ См., например: Dentler H.-E. Johann Sebastian Bachs «Kunst der Fuge»: Ein pythagoreisches Werk und seine Verwirklichung. – Mainz u. a.: Schott, 2000. – 200 s. В более узком плане – исследования числовой символики фуги содержатся в следующих работах: Лобанова М. Н. Музыкальный стиль и жанр: история и современность. – М.: Сов. композитор, 1990. – 312 с.; Бодки Э. Интерпретация клавирных произведений И. С. Баха / пер. А. Майкапар. – М.: Музыка, 1989. – 388 с.; Вязкова А. Тайны смысла в цикле И. С. Баха «Искусство фуги» // «Вестник» РАМ им. Гнесиных. – 2009. – № 2.

²¹ См., например: Федякин С. Р. Бах и Закат Европы [Электронный ресурс] // Завтра: Электрон. журн. – № 15(45). – Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/denlit/045/81.html>; Walcker-Mauer Gerhard. Faust und Bachsche Fuge [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gewalcker.de/gewalcker.de/PDF_public/Faust+Bach.pdf

утверждение. В итоге fuga определяется А. Н. Должанским как «высшая музыкальная форма последовательного раскрытия и утверждения единой художественной идеи, воплощенной в теме» [4, с. 151–162]. Исходя из этого, ее содержание можно выразить так: изложение мысли, рассмотрение ее под разными углами зрения, сомнения, проверка мысли «на прочность» и, наконец, утверждение мысли.

Технологию реализации этого движения мысли можно отразить через композицию, предполагающую наличие семи разделов: 1) тема – *propositio* (изложение); 2) ответ – *aetiologia* (причина); 3) тема в обращении – *inversio* (противоположное); 4) измененные или фугированные проведения темы – *similia* (подобное); 5) проведения темы в других голосах, в уменьшении и в увеличении – *exempla* (примеры); 6) канонические стреттные проведения темы – *confirmatio* (утверждение); 7) кадансирующее проведение темы вместе с имитациями в других голосах на органном пункте в басу – *conclusio* (заключение) [8, с. 68].

При этом непосредственно схема фуги в принципе одна, но имеет множество форм своего проявления.

Фуга – это и жанр, и форма. Ее истоки – в позднесредневековых западноевропейских жанрах мотет и месса. Расцвета fuga достигла в XVIII веке, в эпоху барокко, в творчестве Иоганна Себастьяна Баха.

Таким образом, fuga – это строго регламентированный жанр, требующий точного расчета и соблюдения множества правил. Б. Асафьев называет ее одной из самых рациональных и стройных форм, указывая на безусловную упорядоченность процесса формообразования в фуге [1, с. 111]. Жанр, изначально заслуживший интеллектуальный статус, подтверждает его возможности в выражении философского содержания. Ведь положение, известное со времен Сократа, гласит: «Настоящая мысль может пребывать только в диалоге, только в игре понятий, то есть в самом философствовании» (см.: [17]). Мыслители XVII века также часто писали свои труды в форме дискуссии, обсуждения. Таким образом, диалогическое или полифоническое начало, характерное для философии, способствовало возникновению жанра фуги. Не случайно в качестве философской предпосылки возникновения жанра называют также философию Нового времени, когда расцветающая вера человека в возможность рационального познания мира проецировалась на музыкальное искусство, никогда не развивавшееся изолированно, чутко улавливавшее и вдохновлявшееся этими идеями.

Подобные качества фуги не могли остаться незамеченными представителями философской мысли. Философы пишут о том, что fuga космична, ее бег – это вечный бег планет, а основная идея – «величайшая попытка человечества создать космические модели на Земле» [16]. Фактически о том же, но в рамках категорий музыкальной науки говорят теоретики музыки: «Фуга <...> представляет собой зенит тенденций рационального и художественного, концентрацию собранных, как в фокус, принципов формообразования, развитых в различных жанрах и формах» [9, с. 217].

Исполнители утверждают, что в фуге И. С. Баха представлены не только разные времена, но и разные состояния, одновременно звучащие в разных голосах. Известно, что И. С. Бах учил «смотреть на инструментальные голоса как на личности, а на многоголосное инструментальное сочинение как на беседу между этими личностями» [10]. Каждое звучание – значимо, каждая тема, мотив, а то и нота – это «оживление смыслов» [18]. По утверждению С. Федякина, И. С. Бах воплотил то же отношение к миру, что (согласно М. М. Бахтину) показал Достоевский в своих романах. Отдельный голос у него – воплощение одиночного сознания, а многоголосие – «равное участие разных сознаний в общей жизненной драме» [18].

Называя математику «отражением и чистейшим выражением идеи фаустовской души» [13, с. 165], Шпенглер считал, что искусство фуги представляет собой «полную параллель к аналитической геометрии» [13, с. 336]. А музыковеды не сомневаются в том, что путем высокой точности контрапункта Бах стремился к достижению «музыки сфер», которую пифагорейцы усматривали в движении светил [14]. Удивительная математическая точность, продуманность всех числовых соотношений в музыке Баха поражала многих исследователей.

Таким образом, fuga действительно отражает многие черты, присущие «фаустовской» душе, а следовательно, и «фаустовской» культуре. Поэтому выбор ее в качестве символа западноевропейской культуры можно назвать закономерным и убедительным.

И все же, как могло случиться, что fuga – душа «фаустовской» культуры – по сей день продолжает оставаться в орбите творческих устремлений не только исполнителей, но и композиторов? В чем ошибался О. Шпенглер, отождествляя fugу с одним конкретным типом культуры? И ошибался ли он? Чтобы ответить на этот вопрос, проследим основные вехи в эволюции fugи. При этом нет необходимости ориентироваться на традиционные для изучения курса полифонии этапы: барокко, классицизм, романтизм, XX век, где объектом рассмотрения являются особенности тематизма, голосоведения, вертикальных перестановок голосов, тональных планов, формообразования и т. д. В контексте настоящей статьи целесообразно проследить миграцию жанра за пределы породившей его культуры.

Предварительно подчеркнем, что для современных исследований характерно рассмотрение художественного творчества в прямой связи с этнопсихологией, ментальностью, социологией. Но, в сущности, и О. Шпенглер в своем труде фиксирует ментальность, в основе которой лежит совокупность идей, эмоций, представлений и образов того или иного культурного общества. В этом аспекте его «душа культуры» может быть рассмотрена с позиций ментально-психических образований – **концептов**, в виде которых «культура входит в ментальный мир человека» [11, с. 42–43].

«Фаустовская» fuga, являющаяся для О. Шпенглера олицетворением всей западноевропейской культуры – это именно та fuga, которая сложилась в творчестве И. С. Баха и его современников, fuga, уходящая своими корнями в западноевропейскую культуру и возросшая на ее почве, передающая религиозно-философское содержание в предельно обобщенном, логически выверенном виде, не допускающем проявлений сиюминутных эмоций или мимолетных жизненных впечатлений. Однако «фаустовская» fuga не заключена в границы определенной исторической эпохи. Как далеко в дальнейшем композиторы ни уходили бы от первоначального образа fugи, какой бы современной по музыкальному языку и образным сферам она ни становилась, в ее глубине все же таится тот самый «исходный протообразец», который обозначила в своих трудах А. Ю. Большакова, раскрывая соотношение понятий архетип-концепт-культура, что соотносится с такими признаками культурного архетипа как «первичность и производность по отношению к дальнейшей линии развития <...> универсальность и вариативная повторяемость» [2, с. 48]. Архетипы – это «базовые концепты, задающие координаты, в которых человек воспринимает и осмысливает мир и осуществляет свою жизнедеятельность» [2, с. 48]. Однако архетип не есть просто «концепт». Его глубинная инвариантность позволяет обозначить архетип как некую *константу*, которая, в свою очередь, представляет собой базовый устойчивый «*концепт*, существующий *постоянно* или, по крайней мере, очень *долгое* время» [11, с. 84–85]. При этом уже в творчестве одного автора «архетип» как художественный концепт проявляет склонность к бесконечным варьированиям [2, с. 49].

Исходя из обозначенной концепции, можно определить «фаустовскую» фугу как «инвариантное ядро <...> видоизменяющееся в соответствии с конкретной исторической ситуацией, в сопротивлении ей и в адаптации к ней» [2, с. 48] и говорить о существовании в ее лице **архетипа фуги**, на основе которого затем происходила вся дальнейшая эволюция жанра. При этом необходимо подчеркнуть (отмеченное А. Ю. Большаковой) наличие такой важной вехи в существовании любого архетипа, как возможность его «национализации» – то есть перенесения на новую почву, в иную национальную культуру.

Для этого воспользуемся подсказкой самого Освальда Шпенглера, отдельно выделявшего новую зарождающуюся культуру – русскую, в основе которой лежит особая русская душа [13, с. 183].

Для русско-сибирской культуры (в представлении Шпенглера) характерно восприятие пространства как бесконечной поверхности. Прообраз такого представления – степь, уходящая за горизонт. Представитель русской культуры по-другому воспринимает небо. По мнению философа, для европейца небо – небосвод, то есть уходящая ввысь бесконечность, для русско-го небо – небосклон, уходящий за горизонт (см.: [6, с. 332]).

Симптоматично, что даже в фугах И. С. Баха мы можем проследить своеобразное предвидение этой новой культуры. Вспомним знаменитую фугу *dis-moll* из первого тома «Хорошо темперированного клавира». Удивительно, насколько ярко ощущается в ней связь с русской протяжной песней, отражающей ту самую, уходящую за горизонт степь²². Так, выдающийся русский пианист А. Рубинштейн говорил: «В фуге восьмой есть сходство с характером русской народной музыки. Она так мелодична, что её можно было бы пропеть²³ в четыре голоса²⁴. И это далеко не единственная «русская» тема в баховских фугах²⁵.

В этом контексте глубоко символичной видится известнейшая фраза М. И. Глинки о стремлении связать «фугу западную с условиями нашей музыки узами законного брака», высказанная им в письме к К. А. Булгакову в ноябре 1856 года и ставшая практически афоризмом. Таким образом, пишет Г. Аминова, М. И. Глинка оставил потомкам «программу» создания национальной музыки в соответствии с едиными для разных народов законами [15].

Но мастером отечественной фуги мы по праву считаем С. И. Танеева, воспринимавшего себя преемником дела, начатого М. И. Глинкой. Он полагал, что специфическим качеством русского стиля должно быть гармоничное сочетание национально-русского и европейского

²² Безусловно, приведенное утверждение достаточно субъективно и основано на восприятии с позиций представителя именно русской культуры. Но такое восприятие является довольно распространенным. Нередко педагоги предостерегают музыкантов от подчеркнуто «русского» исполнения этой фуги, рекомендуют избегать переинтонирования, изменения мотивной структуры и артикуляции в теме и ее развитии. Думается, в данном случае мы имеем дело не просто со своеобразным межъязыковым омонимом. Речь идет, скорее, о проблеме адекватной интерпретации музыкального текста чужой культуры.

²³ «Б. Яворский также полагал, что эта фуга гораздо лучше звучала бы в вокальном исполнении» (Носина В. Б. Символика музыки Баха и ее интерпретация в «Хорошо темперированном клавире» И. С. Баха. – М.: ГМПИ им. Гнесиных, 1991. – С. 27.)

²⁴ Кавос-Дехтерева С. Ц. А. Г. Рубинштейн. Биографический очерк 1829–1894 гг. и музыкальные лекции (курс фортепианной литературы) 1888–1889. – СПб.: Изд-во Стасюлевича, 1895. – 284 с.

²⁵ См., например: Фуга *c-moll*, из II тома «Хорошо темперированного клавира».

классического начал, возможное, например, в форме «русской фуги» или «православной кантаты». Как и М. И. Глинка, С. И. Танеев призывает соотечественников усвоить «опыт древних контрапунктистов» [12, с. 73–74].

Содержание фуг С. И. Танеева раскрывается в свете идей русской религиозной философии. Фундаментальным ее принципом является принцип верующего разума. «Русская философия органически не приемлет идею самоуничтожения культуры, конца мира как “завершения внутренне необходимого развития”, предсказанного О. Шпенглером <...> порожденную духом фатализма. Русская философия не покидает своего новозаветного духовного поля» [15]. По мнению Г. Аминовой, в этом заключается суть и философии музыки Танеева, поскольку для него, как и для многих других русских мыслителей той эпохи, корень произошедшего кризиса европейской культуры есть следствие патологической трансформации духовных ценностей человека, «кризиса духа» [15].

Однако о глубоком кризисе духовности свидетельствует следующая веха в развитии фуги, отразившая способность жанра показать не только высоту идеалов, но и объективно отразить современную эпоху, философию нашего времени, которое, в соответствии с концепцией О. Шпенглера, определяется как стадия погибшей культуры – цивилизация.

Фуга этого периода оказалась как бы на распутье. С одной стороны, она – за пределами национального культурного поля. Композиторы стремятся отражать в своих фугах общечеловеческие коллизии. Не случайно А. Н. Должанский основное содержание цикла «24 Прелюдии и фуги» Д. Д. Шостаковича характеризует как «Мир в середине XX века. Мир после войны» [3, с. 222]. Ре-бемоль мажорная фуга Д. Шостаковича – это зловещее торжество механистичности, неукротимая нечеловеческая энергия, сметающая все на своем пути.

В этом русле нашли отражение характерные для XX века процессы урбанизации, демонстрация роли техники в жизни человека, определенное нивелирование духовной составляющей. О различных проблемах, связанных с этими явлениями, размышляли многие философы²⁶.

С другой стороны – напротив, происходит усиление национального начала фуги, обусловленное ее выходом за пределы Европы – в культуру Востока. Фуги А. Хачатуряна (Армения), Г. Мушеля (Узбекистан), Ф. Бахора (Таджикистан), Дин Шан Дэ, Чжао Фэна, Чен Мин Чжи (Китай)²⁷ и др. при всем их различии можно объединить одним признаком, вытекающим из принадлежности к восточной культуре. Это реализация полифонического жанра в условиях культуры, музыкальные традиции которой не предполагали многоголосия, то есть были монодийными. Жанр, не только зародившийся в западноевропейской культуре, но даже являющийся, по Шпенглеру, ее символом, органично проявил себя в принципиально иных условиях.

²⁶ Вновь вспомним О. Шпенглера и принадлежащий ему труд «Человек и техника» (см.: Шпенглер О. Человек и техника // Культурология XX век. – М., 1995. – С. 454–492), а также работу Х. Ортега-и-Гассета «Восстание масс» (М.: Аст, 2008. – 352 с.)

²⁷ Попутно отметим, что для китайских композиторов так же, как и ранее для русских, характерно стремление не только к созданию опусов, но и к теоретическому осмыслению жанра и его возможностей в условиях китайской музыкальной культуры. Так, Дин Шан Дэ принадлежит труд «Очерки по технике фуги», Чжао Фэн написал «Азбуку фуги», Чен Мин Чжи создал «Новую теорию изучения фуги».

Но что же происходит с архетипом, «фаустовской» фугой, ее сущностными параметрами? В связи с этой проблемой необходимо вспомнить о структуре архетипа (по А. Ю. Большаковой), содержащей пассивный и актуальный слои. Пассивный – уходит своими корнями в многовековую память человечества и связан с конкретным историко-культурным контекстом, тогда как актуальный выявляет «определенные свойства исходного образца, в зависимости от контекста новой эпохи» [2, с. 50]. Именно актуальный, то есть новейший и самый активный слой архетипа составляет основной его признак, утверждает исследователь. Таким образом, проецируя данные положения на предмет рассмотрения, уместно говорить не о потере каких-то свойств «фаустовской» фуги, а об актуализации ранее скрытых сторон, заложенных в ней как в архетипе жанра.

В результате на примере фуги мы видим, что отрицаемая О. Шпенглером преемственность между чужеродными культурами не только возможна. Она (преемственность) позволяет понять, что фуга – это своего рода характеристика самого процесса мышления.

В заключение подчеркнем, что Освальд Шпенглер, в силу фатальности своей концепции «приговоривший» фугу к исчезновению вместе с умирающей душой «фаустовской» культуры, тем не менее, указал нам на универсальный жанр, способный отразить реалии современности.

Литература

1. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. – 2-е изд. – Л.: Музыка, 1971. – 376 с.
2. Большакова А. Ю. Архетип – концепт – культура // Вопросы философии. – 2010. – № 7. – С. 47–57.
3. Должанский А. Н. 24 Прелюдии и фуги Д. Шостаковича. – Л.: Сов. композитор, 1963. – 276 с.
4. Должанский А. Н. Относительно фуги // Советская музыка. – 1959. – № 4. – С. 151–162.
5. Кавос-Дехтерева С. Ц. А. Г. Рубинштейн. Биографический очерк 1829–1894 годов и музыкальные лекции (курс фортепианной литературы) 1888–1889. – СПб.: Изд-во Стасюлевича, 1895. – 284 с.
6. Лега В. П. История западной философии. Ч. 2: Новое время. Современная западная философия: учеб. пособие. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – 469 с.
7. Лосев А. Ф. Основной вопрос философии музыки. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 315–335.
8. Мальцев С. О психологии музыкальной импровизации: учеб. пособие. – М.: Музыка, 1991. – 88 с.
9. Мюллер Т. Ф. Полифония: учебник. – М.: Музыка, 1988. – 335 с.
10. Розенов Э. И. С. Бах и его род: Биографический очерк. – М., 1911. – 72 с.
11. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
12. Танеев С. И. Из памятной книжки. 1875, 1877, 1879 годы // Сергей Иванович Танеев. Личность, творчество и документы его жизни. Труды Гос. института муз. науки. История русской музыки в исследованиях и материалах / под ред. проф. К. А. Кузнецова. – М.; Л., 1925. – Т. 2.
13. Шпенглер О. Закат Европы. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 638 с.
14. Dentler H.-E. Johann Sebastian Bachs «Kunst der Fuge»: Ein pythagoreisches Werk und seine Verwirklichung. – Mainz u. a.: Schott, 2000. – 200 s.
15. Аминова Г. Философия музыки С. И. Танеева [Электронный ресурс] // Израиль XXI. – 2011. – № 30. – Ноябрь. – Режим доступа: <http://www.21israel-music.com/Taneyev.htm> (дата обращения: 20.05.2013).
16. Казиник М. С. Интервью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://forum.muzcentrum.ru/forum10/topic239/?PAGEN_1=10 (дата обращения: 20.05.2013).

17. Узелац М. Рождение философии музыки А. Ф. Лосева из духа неоплатонизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uzelac.eu/Strane_studije/30_UzelacMRozdenijeFilosofMuzikeAFLoseva.pdf (дата обращения: 23.05.2013).
18. Федякин С. Р. Бах и Закат Европы [Электронный ресурс] // Завтра: Электрон. журнал. – № 15(45). – Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/denlit/045/81.html> (дата обращения: 24.05.2013).
19. Temple R. The philosophy of the fugue. A Personal View [Electronic resource]. – Режим доступа: http://www.romanianculture.org/downloads/THE_PHILOSOPHY_OF_THE_FUGUE.pdf (дата обращения: 27.05.2013).
20. Walcker-Mauer Gerhard. Faust und Bachsche Fuge [Electronic resource]. – Режим доступа: http://www.gewalcker.de/gewalcker.de/PDF_public/Faust+Bach.pdf

Literatura

1. Asaf'ev B. V. Muzykal'naja forma kak process. – 2-e izd. – L.: Muzyka, 1971. – 376 s.
2. Bol'shakova A. Ju. Arhetip – koncept – kul'tura // Voprosy filosofii. – 2010. – № 7. – S. 47–57.
3. Dolzhanskij A. N. 24 Preljudii i fugi D. Shostakovicha. – L.: Sov. kompozitor, 1963. – 276 s.
4. Dolzhanskij A. N. Otnositel'no fugi // Sovetskaja muzyka. – 1959. – № 4. – S. 151–162.
5. Kavos-Dehtereva S. C. A. G. Rubinshtejn. Biograficheskij ocherk 1829–1894 godov i muzykal'nye lekci (kurs fortepiannoj literatury) 1888–1889. – SPb.: Izd-vo Stasjulevicha, 1895. – 284 s.
6. Lega V. P. Istorija zapadnoj filosofii. Ch. 2: Novoe vremja. Sovremennaja zapadnaja filosofija: ucheb. posobie. – 2-e izd., dop. i pererab. – M.: Izd-vo PSTGU, 2009. – 469 s.
7. Losev A. F. Osnovnoj vopros filosofii muzyki. Filosofija. Mifologija. Kul'tura. – M.: Politizdat, 1991. – S. 315–335.
8. Mal'cev S. O psihologii muzykal'noj improvizacii: ucheb. posobie. – M.: Muzyka, 1991. – 88 s.
9. Mjuller T. F. Polifonija: uchebnik. – M.: Muzyka, 1988. – 335 s.
10. Rozenov Je. I. S. Bah i ego rod: Biograficheskij ocherk. – M., 1911. – 72 s.
11. Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Akademicheskij Proekt, 2001. – 990 s.
12. Taneev S. I. Iz pamjatnoj knizhki. 1875, 1877, 1879 gody // Sergej Ivanovich Taneev. Lichnost', tvorchestvo i dokumenty ego zhizni: Trudy Gos. instituta muz. nauki. Istorija russkoj muzyki v issledovanijah i materialah / pod red. prof. K. A. Kuznecova. – M.; L., 1925. – T. 2.
13. Shpengler O. Zakat Evropy. – Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. – 638 s.
14. Dentler H. -E. Johann Sebastian Bachs «Kunst der Fuge»: Ein pythagoreisches Werk und seine Verwirklichung. – Mainz u. a.: Schott, 2000. – 200 s.
15. Aminova G. Filosofija muzyki S. I. Taneeva [Elektronnyj resurs] // Izrail' XXI. – 2011. – № 30. – No-jabr'. – Rezhim dostupa: <http://www.21israel-music.com/Taneyev.htm> (data obrashhenija: 20.05.2013).
16. Kazinik M. S. Interv'ju [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://forum.muzcentrum.ru/forum10/topic239/?PAGEN_1=10 (data obrashhenija: 20.05.2013).
17. Uzelac M. Rozhdenie filosofii muzyki A. F. Loseva iz duha neoplatonizma [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.uzelac.eu/Strane_studije/30_UzelacMRozdenijeFilosofMuzikeAFLoseva.pdf (data obrashhenija: 23.05.2013).
18. Fedjakin S. R. Bah i Zakat Evropy [Elektronnyj resurs] // Zavtra: Elektron. zhurnal. – № 15(45). – Rezhim dostupa: <http://www.zavtra.ru/denlit/045/81.html> (data obrashhenija: 24.05.2013).
19. Temple R. The philosophy of the fugue. A Personal View [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.romanianculture.org/downloads/THE_PHILOSOPHY_OF_THE_FUGUE.pdf (data obrashhenija: 27.05.2013).
20. Walcker-Mauer Gerhard. Faust und Bachsche Fuge [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.gewalcker.de/gewalcker.de/PDF_public/Faust+Bach.pdf

УДК 7.04 ББК

Г. Д. Булгаева

К ПРОБЛЕМЕ ВОССОЗДАНИЯ ПРОЕКТА ЭКСТЕРЬЕРА И ИКОНОСТАСА ТОМСКОЙ ЗАВОДСКОЙ ЦЕРКВИ XVIII ВЕКА

Вопрос реконструктивного метода актуален в связи с восстановлением, реставрацией исторических архитектурных памятников в соответствии со стилем и исторической средой постройки. Провинция с течением времени представляет собой собирательницу предметов и памятников регионального, а порой и общегосударственного значения. Тесные взаимоотношения Центра и периферии ярко отразились в церковном искусстве.

Ключевые слова: реконструкция, программа, иконография, иконостас, метод, историческая среда.

G. D. Bulgueva

ON RECONSTRUCTION PROJECT OF THE EXTERIOR AND THE ICONOSTASIS OF THE TOMSK FACTORY CHURCH OF THE XVIII CENTURY

Basis of a reconstruction of the project of appearance and iconostasis of the first church of Tomsk plant of steel is not only on documents in which the iconographic content of the monument is presented. In archive data on pigments are the paints used in decoration of an exterior of the temple, the project with the coloristic solution of an iconostasis remained. The author of the project is Ivan Chernitsyn, well-known disciple of inventor I. I. Polzunov. Except the above project, Chernitsyn is an author of projects of churches of Barnaul in honor of prophet Ioann Predtechka and the Icon of Our Lady of the Sign. The remained description of the finished iconostasis is important for reconstruction. Full coincidence of the main characteristics, confirms reliability, accessory and implementation of this project. The iconostasis of Tomsk factory church according to the drawing, had the frame system, the closed, metric type. Work is based as on the remained monuments of an iconography of the specified period which are in museums and temples of Siberia.

The iconographic contents, despite the small volume of an iconostasis, considerable. Over a local row are located by Dvunadesyatye Prazdniki. The apostolic rank, was moved by a peculiar way on an Imperial Gate. Here, together with it is general traditional Evangelists, are located Jesus Christ's ten more next followers. From both parties from the Imperial gate icons are put: "Coming of the Holy Spirit on Apostles" and "In three persons of the Holy Trinity". Both plots have a direct bearing on an event in honor of which the church is consecrated. However lack of an icon of the Theotokos in a local row is included into disagreement with the standard traditions of the last centuries. The iconography of curbstones is dictated by the above-located plots. To "Trinity" there corresponds the image of an event explaining and subsequent to it as the Genesis speaks. On a curbstone, below an icon of a local row are represented: "Abraham hospitality" and "phenomenon of Angels Lota". Under image of Pentecost the Babel plot is placed. In Church these events are opposed each other. Plots of other curbstones reveal the main events from life above the standing sacred.

The art solution of an iconostasis is presented in I. Chernitsyn's project. The general background of an iconostasis is light green. The carving of the frames bordering games, is filled with curls of the wrong form, and as wavy motives. Frames are covered with mosaic gold. Capitals of columns are made also this way. The columns located between icons, coloristic are marbled. Over the Imperial and diaconal Gate cherubs are placed. In the course of work on capitals of columns there appear angels. The stylistic solution of an iconostasis is made within baroque, however "marble" columns, strict partitioning of ranks by eaves point to classicism influence. Reconstruction of the project of appearance and iconostasis of Tomsk factory church, thanks to archival documents, is the most complete idea of decorative furniture of a complex.

Keywords: Reconstruction, program, iconography, iconostasis, method, historical environment.

Изменение отношения современного общества к предметам, представляющим историческую и художественную ценность, очевидно. Сегодня важны не только сами материальные памятники, но и те значения, которыми они наделяются. В связи с этим создание теоретической или практической модели памятника становится наиболее актуально. Цель в данном случае обуславливается восполнением утраченных смыслов, важных для национальной культуры в целом [2].

В реконструкции-воссоздании практически воплощаются научные изыскания конкретной области исследования. Для ее создания подключается целый ряд дисциплин, фактов, которые напрямую или косвенно подтверждают верность данной реконструкции. Целью любой реконструкции является создание целостного, достоверного знания о предмете, ансамбле, эпохе. Критерием же является только достоверность новой формы. «Реконструкция-воссоздание есть полностью творческая деятельность, ограниченная лишь многими исходными условиями» [2, с. 83]. Методологической базой при воссоздании утраченных памятников является воссоздание по аналогии, но научный поиск индивидуален. Соответственно каждая работа данного направления несет в себе самостоятельный методологический подход [4].

Научные выводы и графическая реконструкция данного исследования базируются на архивных документах, как текстового, так и изобразительного характера. Кроме того привлечены аналоги иконных и иконостасных образцов указанного периода. Однако это не исключает вариативности результата.

История создания Духосошественской церкви безусловно связана с постройкой Железномоторского завода. В 1771 году на реках Томь и Чумыш в Кузнецком уезде был пущен в действие Томский железоделательный завод. Его планировка отличалась четкостью, симметричностью и рациональностью размещения производственных зданий и корпусов. Инициатором постройки Томского завода Кузнецкого заказа стал знаток минералогии, выпускник Московского университета Василий Чулков (1746–1807). Недалеко от медного месторождения на левом берегу реки Томь-Чумыш Чулков предложил построить железоделательный завод. В 1770–1771 годах под руководством Дорофея Федоровича Головина он был построен и получил название Томского [5].

В тот же период в Колываново-Вознесенское горное правление присылается документ с просьбой о постройке в Томском заводе церкви [11, л. 176]. Вначале в ответ издается указ о перенесении церкви деревянной 1753 года из ближайшего монастыря Рождества Христова. Последний упразднен в 1769 году. Но затем, под влиянием доводов, приводимых заводской конторой и горным начальством, определено «при железномоторском заводе небольшую деревянную церковь во имя Сошествия Св. Духа построить казенным коштом» [11, л. 180]. Указанную церковь строили и украшали шесть лет – 1771–1777 годы.

Обнаружен проект плана и фасада «вновь строящейся церкви при Томском заводе» [12, л. 1]. В плане храм представляет собой вытянутый прямоугольник с пятигранной апсидой, папертью и крыльцом. Средняя часть храма условно разделена колоннами на две равные части. Храм венчают три купола: над алтарем, центральной частью и глава со шпилем, венчающая колокольню, которая возведена над трапезной. Фасад церкви прост, однако в нем присутствуют элементы стиля барокко: изящные двухуровневые перила вокруг здания, а также форма двойных куполов. При этом строгие формы наличников и колон по периметру церкви, на колокольне и у входа говорят о влиянии классицизма. Постройка была небольшой, длиной около 25 метров.

Отдельно несколько документов посвящены красочному сырью, которое использовали при «выкрашивании» экстерьера данной церкви. Командующий при Томском заводе Новокузнецкого заказа маркшейдер Беккер просит отпустить для вышеуказанных целей масло, кроме этого докладывает о «найденной здесь на ближайших рудных копях желтой охры, также и обращенной из нее через огонь в красную». Найденный пигмент командующий отсылает для апробирования в горнозаводскую лабораторию и, в случае пригодности, просит разрешения консистории в его использовании [11, л. 344 об.] В следующем документе приводится смета необходимых красок и материалов: «...Показали по тем разметам масло конопляного тридцать пудов... положи в крепкую посуду закупорить, и привезя объявить при репорте, белил три пуда, парусины ветхой на запоны при раскрашивании людях один пуд... глины красной добываемой при нижнесузунском заводе сорок пудов... сузунской конторы отправить до сего назначенного, охру желтую сколько востребуется добывая с томской заводской конторы с рудных копей употребить на окрашивание наружной стены необожженную и посему послать указ подлинно подписанной ирман Иван Черницын» [11, л. 346]. Из вышеприведенного видно, что пигменты доставлялись из разных мест. Красную охру в большом количестве направляли с Сузунского завода [11, л. 357].

Далее документы раскрывают историю зеленой краски, найденной в Змеиногорском руднике в тот же период. По лабораторным исследованиям того времени выявлено, что один пуд данной краски содержит: серебра 14 золотника, свинца 1, **меди 11 фунтов. Этот пигмент** в количестве 3 пудов 35 фунтов пересылается на томский завод для раскрашивания ставней [11, л. 357, 372]. Кроме того в тех же целях активно используют белила, которые целенаправленно закупаются [11, л. 369].

Немаловажно упоминание об использовании растительного масла в качестве связующего при изготовлении красок. Данный факт свидетельствует о качестве применяемых красок и способе их изготовления. Стены храма были выкрашены масляной краской, приготовленной на месте.

В итоге изучения архивных документов выявлено, что при украшении экстерьера заводских церквей использовали как привозное, так и местное красочное сырье. Кроме того, цветовая палитра ограничивалась белой, желтой, красной и зеленой краской. Однако непосредственное использование красной охры при раскрашивании экстерьера церкви Томского завода не прослеживается. Из вышеприведенных документов видно, что основной цвет стен – желтый. Зеленой краской раскрасили ставни окон. В тех же целях использовали и белую краску. Кроме того, белилами покрыли «...вверху и в низу перила, у паперти наугольники, около крыльца – награду столбы и другие...» [11, л. 366]. В соответствии с вышеприведенными выводами выполнена цветная реконструкция церкви Томского завода (рис. 1).

На выполнение живописных работ в храме подрядяется А. Сумкин. По свидетельству архивных документов, тобольский купец Александр Сумкин приезжает в Барнаул и выполняет ряд работ как в храмах ведомства Колываново-вознесенского горного начальства, так и г. Енисейска [10, л. 138].

В январе 1774 года А. Сумкин заключает договор о написании иконостаса и хоругви по сочиненному чертежу в церковь при Томском заводе Кузнецкой конторы. «...на дело иконостаса лесу кедрового или иновоего потребное число заготовила (контора)...», все недостающее было куплено на ирбитской ярмарке [11, л. 232]. А. Сумкин пишет иконостас своими красками и покрывает в пристойных местах золотом [11, л. 331 об.]. В соответствии с архивными данными в обязанность иконописца, подрядившегося писать иконостас, входило выполнение

живописных работ, золочение «пристойных мест», в том числе резьбы, и ее раскрашивание, а также установка иконостаса в храме. Сумкин в вышеописанном случае уезжает в Барнаул до установления иконостаса. Однако этим выполнение икон для рассматриваемой церкви не заканчивается. Помимо иконостаса тобольский купец пишет, но уже в Барнауле в указанную церковь образы Святителя Николая и Великомученицы Екатерины [11, л. 363].

Рисунок 1. Церковь Томского завода

В архивном деле о постройке данной церкви сохранилось описание содержания иконостаса. Индивидуальной особенностью Царских врат является размещение в них кроме Благовещения всех двенадцати апостолов и двух Евангелистов-апостолов от семидесяти. Местный ряд также имеет свои отступления от общепринятого канона. Прежде всего, в глаза бросается отсутствие иконы Богоматери с левой стороны Царских Врат. На этом месте помещена храмовая икона «Сошествия Святого Духа на Апостолов». Замена образа Спасителя на икону Святой Троицы не является принципиальной. Такой подход используют при создании иконостасов Троицких церквей (например, Троицкий собор Троице-Сергиевой Лавры). При этом если учесть, что Праздник Пятидесятницы (Сошествия Святого Духа на апостолов) также называют Троицей, то данная замена вполне уместна и соответствует церковным канонам.

Размещение на дьяконских (пономарских) дверях ветхозаветных первосвященников восходит к ранней иконографической традиции, генетически связанной с символикой Святой Скиннии и прообразом священства [13]. Однако эта тенденция сохраняется и в XVIII веке. Такие же иконографические сюжеты расположены на оборотной стороне дьяконских врат иконостаса тобольской кладбищенской церкви. Храм «Семи отроков Ефеских» был построен и освящен в 1774–1776 годах на Завальном кладбище г. Тобольска [3, л. 19]. На протяжении всей истории своего существования в храме не прекращались церковные службы. Соответственно иконостасные образы так же могут быть родными, созданными к моменту освящения храма. Такое предположение выдвинуто искусствоведом М. Н. Софроновой, что подтверждает стилистический анализ незаписанных икон местного ряда данного иконостаса, выявленный тем же исследователем [8].

Второй ряд иконостаса церкви Томского завода относительно традиционен. Над Царскими Вратами встала икона с сюжетом Тайной Вечери, а по обе стороны от нее были размещены образы двенадцатых праздников. История появления в иконостасе центрального образа восходит к XVII веку, являясь результатом западного влияния. Изначально, в русской традиции в наверху Царских Врат размещалась иконография Евхаристии – момент благословения и преподания Спасителем Хлеба и Вина апостолам. К XVIII веку акцент смещается с самого момента таинства Евхаристии на более широкий промежуток времени – совершения Тайной Вечери, куда входит омовение ног, беседа с учениками и другие события. Образцом данной иконографии стал образ Леонардо да Винчи, однако и он имел большое количество интерпретаций. Образцами для реконструкции праздничного чина стали единичные иконы двенадцатых праздников, выявленные в храмах Алтайской епархии. Таких образов, стилистически датируемых XVIII – **началом XIX века немного. В этот ряд встает образ Крещения из Преображенской церкви г. Горноалтайска и Рождества Богородицы Покровского храма г. Каменьна-Оби.** Обе церкви были открыты одними из первых (после периода гонений) в 1980-х годах прошлого века. Первая икона имеет аналоги, как в стилистическом, так и в композиционном плане, в собраниях храмов г. Тобольска и г. Иркутска [8]. В последней иконе влияние барокко просматривается не только в форме доски и жестах изображенных, но и одеждах фигур первого плана. Однако различные стилистические и художественные решения говорят о невозможности размещения данных памятников в одном иконостасе. Это свидетельствует о многообразии стилистических форм, воплощенных в иконостасных комплексах алтайских церквей.

В реконструкции уделяется значительное внимание художественному решению остова иконостаса и его иконографическому содержанию. Композиции иконы представлены в рамках общих тенденций, характерных для сибирской иконописи второй половины XVIII века. Они сохраняют общие иконографические принципы, однако значительно меняется компоновка. Положение фигур, ракурсы, внешняя динамика противостоит внутренней статичности. Святые как бы замирают в причудливых позах. Однако с противопоставлением принципов иконописи предыдущего столетия прослеживается определенная приемственность традиций, в частности технико-технологического аспекта.

Программное содержание тумб соответствует иконографической связи с расположенными выше образами. Под Троицей помещен ветхозаветный сюжет «Приходящие к Лоту ангелы» и «Встреча ангелов с Авраамом». Изначально именно этот (последний) иконографический извод послужил основой для создания иконы Троицы. Исторически данные события следуют друг за другом. После гостеприимства Авраама Ангелы пришли к его племяннику Лоту, жившему благочестиво в развратных городах Содоме и Гоморре, чтобы возвестить о гибели

этих городов и вывести из них Лота. Под образом Пятидесятницы помещен ветхозаветный сюжет о Вавилонском столпотворении. Здесь иллюстрируется взаимосвязь двух событий. И в том и в другом случае происходит процесс наделения группы людей знанием разных языков. Однако в Ветхом Завете эта мера выполнена для разъединения общности людей, а в момент рождения Христианской Церкви – для сплочения и объединения разных народов. Эта тема также отражена в богослужебных текстах [7]. Под образами апостолов и мучеников расположены сюжеты их жития и кончины. Однако уже спустя около 40 лет вместо иконы мучеников Адриана и Наталии указывается образ апостола Андрея [1]. Не исключена вероятность записи изображения с изменением сюжета или полной замены иконы.

Сочинение чертежа не всегда выполнялось самим иконописцем. Проекты иконостасов могли спустить из управления горными заводами. Вероятно, так и было в вышеописанном случае. В Государственном архиве Алтайского края сохранился проект иконостаса церкви ново-строящегося железнотомского завода, выполненного Иваном Черницыным. В 1774 году Иван Иванович также сочиняет проект церкви Иоанна Предтечи, построенной на Нагорном кладбище Барнаула, и план нового деревянного здания Знаменской церкви 1778 года. И. И. Черницын родился в 1748 году в семье потомственного дворянина, горного служителя Колываново-Воскресенских заводов. В 1764 году определен в ученики к И. И. Ползунову. С 1771 по 1773 год служил при заводе в чине берггешворенна [1].

Иконостас, сочиненный И. И. Черницыным, по своему архитектурному построению, вероятно, являлся рамочным, что полностью соответствует общестилевым тенденциям эпохи. В качестве основы иконостаса, предположительно, должна была служить единая монотонная плоскость, на которой располагаются иконы. Каждая икона имела свое обрамление. Иконостас сомкнутый. Композиционно он тяготеет к метрическому типу. Этому соответствуют соразмерность и расположение иконных образов, а также строгое членение общей формы иконостаса карнизами и декоративно эмитированными под мрамор колоннами.

Стилистическое решение данного иконостаса представлено в проекте довольно подробно. Автор прорисовал элементы резьбы Царских Врат, херувимов, украшающих навершие диаконских дверей, а также рам вокруг икон. Характер декора отличается витиеватой динамичностью. Узор наполнен волнообразными изгибами, его лейтмотивом является завиток и скрученный листок. Ассиметричный орнамент расположен в рамках местного и праздничного рядов. Общий зеленый фон стал объединяющим для всего остова. Кроме того, этот цвет в христианской традиции символизирует праздник Сошествия Святого Духа. Ряды иконостаса строго поделены двойными, золочеными карнизами, которые расположились на колоннах, выкрашенных под мрамор. Капители колон также украшены золоченой резьбой (рис. 2). Образы ряда, расположенного под местным, размещены в вытянутых многогранниках. Это предполагает компоновку двух указанных в описи сюжетов в одной раме. Аналогичное решение прослеживается в образах тех же рядов из иконостасов XVIII века храмов г. Иркутска [6].

Сохранилось краткое описание уже выполненного иконостаса: «...во исполнении оногo, Ея императорского Величества указу означенной иконописец Сумкин упомянутой иконостас за всех пристойных около местных и двенадесятих праздников образов... местах, так же и карнизы золотом покрыл и между теми местными и двенадесятими праздников образами стал бы на подобие мрамора красками раскрасил, а в капителях вместо позолоты херувимов написал», а по свидетельству командующего здесь маркшейдера Бейера, оказалось, что тот иконостас «...реченным Сумкиным вызолочен и раскрашен хорошим искусством» [11, л. 317]. Из вышеприведенного документа видно, что в барочный иконостас внедряются элементы

классицистического стиля. Об этом свидетельствует имитация мраморных столбов. Кроме того иконописец вносит изменения в декор иконостаса, выполняя в красках изображения херувимов на месте резьбы капителей.

Рисунок 2. Иконостас, сочиненный И. И. Черницыным

В итоге реконструкция памятников является и самостоятельным произведением, и результатом научной творческой деятельности ученого. Именно в реконструкции дается возможность полностью восполнить утраты реставрируемого произведения, опираясь на аналоги и другие факты. Реконструкция является результатом реставрационных и искусствоведческих работ. Она является уже иллюстративным материалом, представляющим общий вид утраченного памятника. Реконструкция может носить вариативный характер, но, так или иначе, каждая форма обусловлена фактами или определенными закономерностями, приводимыми автором. В данном исследовании проделаны анализ и попытка графической реконструкции сложного, малоизученного явления – внешнего и внутреннего вида заводских церквей XVIII века Юга Сибири. Намечены характерные черты и основные тенденции развития данного явления. Работа основана как на исторических и архивных данных, так и на сохранившихся памятниках иконописи указанного периода, которые находятся в музеях и храмах Сибири.

Выявление колористического решения экстерьера заводских церквей позволяет использовать данные сочетания в современной практике архитекторов, реставраторов, искусствоведов и специалистов смежных отраслей. Наиболее актуально это исследование в рамках восстановления и реставрации памятников храмового зодчества. Кроме того результат данной реконструкции позволяет создать целостное, достоверное знание (впечатление) о предмете, ансамбле, эпохе, а также восполнить пробел в историческом изучении региональных памятников.

Литература

1. Алтайские горные офицеры XVIII–XIX веков: сб. док. – Барнаул: Управление архивного дела Алтайского края, 2006. – 496 с.
2. Бобров Ю. Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. – М., 2004. – С. 136.
3. ГУТО Гос. архив г. Тобольска. Ф. 156. О. 3. Д. 418.
4. Иконостас. Происхождение – Развитие – Символика / ред.-сост. А. М. Лидов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 559–599, 752.
5. История земли Кузнецкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nk-info.ru/kuzbass/3685.html>
6. Крючкова Т. А. Иркутское барокко. – М., 1993. – С. 357.
7. Минея Праздничная // Донской монастырь: Репринтное воспроизведение издания 1914 года. – М.: Издательский отдел Московской Патриархии, 1993. – С. 238.
8. Софронова М. Н. Становление и развитие живописи в Западной Сибири в XVII – начале XIX веках: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. – Барнаул, 2004.
9. ЦХАФ. АК. Ф. 26. О. 1. Д. 1134.
10. ЦХАФ. АК. Ф. 1. О. 1. Д. 465.
11. ЦХАФ. АК. Ф. 1. О. 1. Д. 484.
12. ЦХАФ. АК. Ф. 50. О. 11. Д. 75.
13. Шалина И. А. Боковые врата иконостаса: символический замысел и иконография // Иконостас. Происхождение – Развитие – Символика / ред.-сост. А. М. Лидов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 559–599, 752.

Literatura

1. Altajskie gornye oficery XVIII–XIX vekov: sb. dok. – Barnaul: Upravlenie arhivnogo dela Altajskogo kraja, 2006. – 496 s.
2. Bobrov Ju. G. Teorija restavracii pamjatnikov iskusstva: zakonomernosti i protivorechija. – M., 2004. – S. 136.
3. GUTO Gos. arhiv g. Tobol'ska. F. 156. O. 3. D. 418.
4. Ikonostas. Proishozhdenie – Razvitie – Simvolika / red.-sost. A. M. Lidov. – M.: Progress-Tradicija, 2000. – S. 559–599, 752.
5. Istorija zemli Kuzneckoj [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.nk-info.ru/kuzbass/3685.html>
6. Krjuchkova T. A. Irkutskoe barokko. – M., 1993. – S. 357.
7. Mineja Prazdnichnaja // Donskoj monastyr': Reprintnoe vosproizvedenie izdanija 1914 goda. – M.: Izdatel'skij otdel Moskovskoj Patriarii, 1993. – S. 238.
8. Sofronova M. N. Stanovlenie i razvitie zhivopisi v Zapadnoj Sibiri v XVII – nachale XIX veka: dis. ... kand. iskusstvovedenija: 17.00.04. – Barnaul, 2004.
9. CHAF AK. F. 26. O. 1. D. 1134.
10. CHAF AK. F. 1. O. 1. D. 465.
11. CHAF AK. F. 1. O. 1. D. 484.
12. CHAF AK. F. 50. O. 11. D. 75.
13. Shalina I. A. Bokovyje vrata ikonostasa: simvolicheskij zamysel i ikonografija // Ikonostas. Proishozhdenie – Razvitie – Simvolika / red.-sost. A. M. Lidov. – M.: Progress-Tradicija, 2000. – S. 559–599; 752.

УДК 85.373

И. В. Шестакова

**ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПУТИ:
ФИЛЬМ «ИЗ ЛЕБЯЖЬЕГО СООБЩАЮТ» В. ШУКШИНА**

На материале короткометражной киноленты В. Шукшина рассматриваются ее жанрово-стилевые особенности, семиотические и социально значимые аспекты. В статье выявляется связь литературного сценария и фильма.

Ключевые слова: искусство, жанр, монтаж, мотив, рассказ, образ, сценарий, текст, фильм.

I. V. Schestakova

**THE PROBLEM OF CHOICE:
THE FILM “THEY TELL FROM LEBYAZHYE” BY V. SHUKSHIN**

The article describes the genre and style peculiarities, in details semiotic and socially relevant aspects of the debut short film of V. Shukshin “They Tell from Lebyazhye.” Particular attention is paid to connection of the literary script and the film. The creative evolution of writer, director, actor V. Shukshin is interesting as a chart of the film artist’s way, and we will try to find out its origins. After seeing the movie “They Tell from Lebyazhye,” many colleagues and critics considered it untimely and even boring. Despite a very modest place, which is the first picture V. Shukshin in studies of his work, it was not a «pass» on the contrary, and became a landmark for the director himself. The work on the script and the film reflected the very long and painful search, very difficult choice of the way in the film, which is routed through imitation, diverse influences, by overcoming the stereotypes, cliches, preserved from the past and is produced under the pressure of ideological censorship, or simply in the pursuit of audience success. Not avoiding their power, V. Shukshin shows a remarkable talent, finding the established schemes, surprise move, rotating the threads of an ulterior motive. He takes off without any claim to forming the shapes. Traditional in its structure corresponds to the number of pictorial content of shown stories woven from the reliable everyday situations. And he made no mistake in choosing the actors, who were later invited to his other films, so that in the debut work, he, in fact, formed the ensemble of «his» artists.

Keywords: art, genre, splicing, motive, narrative, character, picture play, text, film.

Творческая эволюция сценариста, режиссера, актера интересна как диаграмма пути кинохудожника, и мы попытаемся выяснить ее истоки. В 1956 году состоялся дебют В. Шукшина в кино: в фильме С. Герасимова «Тихий Дон» он сыграл в крошечном эпизоде. Летом следующего года режиссер М. Хуциев предложил сыграть главную роль в его картине «Два Федора». После этой работы посыпались приглашения сниматься, и студент-дипломник сыграл ролив кинолентах И. Гурина «Золотой эшелон» и Ю. Егорова «Простая история». Это была не просто проба актерских способностей, но и знакомство с методами работы опытных режиссеров.

Ко времени работы В. Шукшина над дипломным проектом во ВГИКе отечественный кинематограф уже вошел в эпоху выдающихся достижений, возродивших традиции 1930-х годов и поставивших его на уровень мировых стандартов: киноэпопея «Тихий Дон», кинодрамы «Летят журавли», «Судьба человека», «Баллада о солдате», экранизация «Идиот» и многие другие. Так что найти свое место, свою манеру начинающему режиссеру было чрезвычайно трудно. Судя по письмам тех лет, Шукшин пытается сориентироваться в много-

образии художественных направлений. Его явно волнуют исторический масштаб в сочетании с этнографической достоверностью казачьего быта в экранизации «Тихого Дона». Несомненно, под влиянием этого события в кино Шукшин пишет в конце 1950-го – начале 1960-х годов свою сибирскую казачью эпопею «Любавины» с возможным расчетом на кинопостановку. Постепенно вырисовываются определенные художественно-тематические предпочтения начинающего режиссера: Сибирь, простые люди, неяркий, неброский, близкий к натуре типаж, традиции режиссеров 1930-х годов: братьев Васильевых, Г. Козинцева и Л. Трауберга, Я. Протазанова.

Работа над дипломным проектом, как показывает биограф Шукшина В. Коробов [2], продвигалась долго и трудно, одновременно с интенсивными съемками в качестве актера у разных режиссеров и напряженным литературным трудом. В результате двухлетних исканий был написан сценарий для фильма «Посевная кампания». Он начинался коротким прологом «в спальном вагоне» поезда, проезжавшего мимо «Березовского района»: газетка попала в руки пассажира, который читал вслух, зевая и «с комической важностью», информацию с передовицы о том, что в районе успешно завершена посевная кампания. «Мужчина небрежно кинул газету на столик», занялся «картишками» с соседкой, а «камера стремительно наехала на нее, на газетку... И так же стремительно отъехала от двери» кабинета секретаря райкома, что позволило состыковать две сцены [2, с. 202].

В фильме, который будет назван «Из Лебяжьего сообщают», этот вступительный фрагмент опущен [1]. В первом кадре на весь экран – газета «Заря коммунизма», крупно – строки об успешном окончании сева в с. Лебяжье. Смысл бывшей монтажной склейки в сценарии «объясняет» спокойный, ровный закадровый голос: «Всего несколько строк, за которыми стоят тяжелый труд, драматические судьбы, горе и радость многих людей». И «документ», и закадровый голос, минуя «игривый» зачин сценарной версии, задают строгий, деловой настрой фильма на «правду факта». Сцена в приемной секретаря райкома также сокращена в пользу все той же строгой деловитости. Комический эпизод с «чубатым» посетителем, который хотел показать Сене Громову, «как надо с секретарями разговаривать», закончившийся конфузом, исключен. От него остался лишь анекдот с коленчатыми валами, разыгранный с другим персонажем – Евгением Ивановичем, который ведет и завершает сцену в приемной.

Переделка сцен, купюры, замены персонажей привели к эскизности, небрежности построения кадра, которые Шукшин на защите дипломной работы объяснил желанием достичь «хроникальной достоверности» [7, с. 50]. Действительно, документализм в литературе и кинематографе утверждал принципы достоверности, правды факта в противовес условной прилизанности и откровенной лакировке действительности в искусстве предшествующего периода.

Существенно отредактирован в фильме эпизод в кабинете секретаря райкома, исключена довольно продолжительная сцена с бригадой артистов, выступающих с концертами на полевых станах и требующих отдыха. Изъят телефонный монолог секретаря, в котором он в духе комедийных «начальников» распекал «жирного» поставщика продуктов в полевые бригады, обещая сделать из него «шашлык». В фильмовой версии секретарь со знаковой «сибирской» фамилией Байкалов, явный потомок героев романа «Любавины», сразу вводит второго секретаря Ивлева в курс дела: в селе Лебяжье не засеяны еще три тысячи гектаров, а метеосводка обещает затяжные дожди, нужны люди, машины. В производственный диалог включается председатель колхоза, который не хочет отдавать своих людей, ему самому нужны рабочие руки и машины.

В разгар яростного спора в кабинет входит молодая женщина: производственные проблемы отступают на второй план, уступая место семейной драме. Все фигуры эпизода сняты в поясных и крупных планах, акцентирующих характерологический и психологический аспекты развития действия. Причем камере явно тесно в замкнутом пространстве. Она мечется из угла в угол, от одной группы персонажей к другой, выхватывая и укрупняя лица. Не хватает общего плана, который бы связал и предварил развязку запутанной сюжетной ситуации. Оригинальный новеллистический пуант последней заключается в том, что миловидная женщина, торгшаяся в деловой разговор, явилась к секретарю райкома с жалобой на мужа-подлеца – врача Наумова, – изменившего ей с другой женщиной, которая, как выясняется позднее, оказывается женой второго секретаря – Ивлева.

Психологические нюансы неловкого положения, вытекающего из необходимости публичного обсуждения интимного вопроса, рассредоточены между персонажами, каждый из которых по-своему переживает эту неловкость. Обманутая жена занимает наступательную решительную позицию, изображая при этом святую невинность и трогательную беззащитность. Байкалов, руководитель нового, «оттепельного» времени, сознавая бессмысленность «партийного» вмешательства в личную жизнь, пытается быть деликатным, обещает зайти к ней домой, поговорить с мужем. У «чубатого» председателя остывает яростный пыл в решении производственных проблем, и он невольно соглашается на требование Ивлева прислать людей на помощь в хозяйстве. Но центром эпизода должен стать Ивлев. Он ретируется с председателем в дальний угол кабинета как будто для продолжения делового разговора, в то же время с мучительным напряжением прислушивается к диалогу у стола Байкалова. Последний, проводив Наумову, спрашивает у Ивлева мнение о ее муже – докторе Наумове. Ивлев, стараясь не выдать себя, стоит за плечом первого секретаря. Он положительно отзываясь о работе врача и как будто небрежно уходит от ответа о его бытовом поведении. И все-таки герой не выдерживает роли лица, не причастного и равнодушного к судьбе семьи Наумовых. Уже покинув кабинет Байкалова, он возвращается и с неожиданной настойчивостью и невольным волнением просит товарища обязательно навестить Наумовых и разобраться в ситуации. Байкалов за минуту до этого уже узнал причину волнения Ивлева из анонимного письма, сообщавшего о том, что его жена «отдалась» доктору, но вновь проявляет предельную деликатность. Не желая еще более расстраивать своего сотрудника, которому предстоит решение сложных деловых проблем, он утаил записку и пообещал исполнить просьбу.

Таким образом, оригинальный сюжетный ход давал возможность актеру-Шукшину вернуть психологический рисунок роли, но неподвижность камеры, бедность выразительных приемов помешали использовать его в полной мере. В теоретической части дипломного проекта он оправдывает скупость средств как сознательный выбор режиссера и считает «специфические» кинематографические приемы (ракурс, монтаж, ритм) не самоцелью: «их вытеснит характер, авторское исследование жизни, раздумье о судьбе, о времени» [7, с. 50].

Проблема характера в сценарии и в фильме решается Шукшиным противоречиво. Авторская характеристика Байкалова и Ивлева – совершенно отвлеченная, схематичная, сплошь составленная из публицистических штампов соцреалистического образа положительного героя: «несгибаемые партийцы, по гроб влюбленные в свое дело... упорные и бескорыстные бойцы переднего края великой мировой борьбы за коммунизм», «образцы человеческой породы, которую выковала партия за много лет кропотливой работы», они «накрепко спаяны... скупой мужской дружбой» и т. п. [6, с. 206]. С одной стороны, эта тирада выглядит как ритуальная формула верности автора любого научного и художественного труда марксистско-ленинской методологии и принципам социалистического реализма, но едва ли она уместна в середине

текста сценария. Поэтому, с другой стороны, внедрение этой риторической фигуры в сцену встречи «несгибаемых партийцев» с «замученными» на пашнях артистами, коих они призывают к дальнейшим «фронтовым» подвигам, отзывается лукавой пародией на искусство, штампуемое подобные образы руководителей. По крайней мере, характеры героев не имеют с последними ничего общего. Они, скорее, следуют другой тенденции, сложившейся на рубеже демократических 1950–1960-х годов в «колхозном» кинематографе. Образцовый председатель, как правило, из народных низов, энергичный, твердый и бесцеремонный в отношении к народу и властям. Образцовый секретарь райкома, напротив, умудренный, уравновешенный, деликатный. И тот, и другой – обязательно с личной драмой.

Шукшин только что снялся в фильме С. Ростоцкого «Простая история» с образцовыми типами колхозных руководителей, и, возможно, этот опыт использовал в своей дипломной работе. «Чубатый» председатель, хотя и эпизодический образ, тем не менее демонстрирует в коротком фрагменте весь набор перечисленных выше характеристик. Также в образе секретаря Байкалова – знакомые по другим фильмам черты. Но актер, играющий эту роль (В. Макаров), проявляет в портрете своего героя печать конкретных обстоятельств жизни и труда советского функционера: ссутулившийся под бременем постоянной ответственности за хозяйство большого района, измотанный проблемами очередной кампании, заботами и потоком идущих через его кабинет людей, он сохраняет душевное равновесие и находит силы вникать и в хозяйственные нужды, и в сердечные дела. В фильме держится с достоинством истинного интеллигента в любой ситуации, убеждает, советует, просит. Более сложный и противоречивый характер намечен в образе второго секретаря Ивлева, которого играет сам режиссер. Еще молодой, обуреваемый эмоциями, которые едва сдерживает волевым усилием, точный, без суеты в деле и нетерпеливый в житейских обстоятельствах.

Стремление кинематографистов нового поколения оживить, очеловечить образы руководителей, наделить их личной судьбой неизбежно приводило к двуплановости действия фильма и развития образа главного героя. Так, в «Простой истории» Ростоцкого «председательская» деятельность героини, образ которой создает Н. Мордюкова, разворачивается в несколько остранинной, почти комедийной тональности. Ее героиня словно играет в председателя, и все другие персонажи ей подыгрывают. В то же время в последовательно серьезной и драматичной тональности развивается лирическая линия сюжета. Всякое упоминание о личной жизни и судьбе председателя создает ритмический и эмоциональный контрапункт. Останавливается суетливый бег по колхозным делам, героиня «замирает», отдаваясь внутреннему волнению, действие продолжается в замедленном темпе, в затемнении экрана, под ведущую мелодию песни о любви.

Эту двуплановую конструкцию с тем же интонационным контрапунктом повторяет Шукшин в своем фильме. С момента вступления «семейной» темы действие раздваивается: «колхозная» и «личная» сюжетные линии монтируются параллельно. Первую ведет комедийная пара Сеня и Женя. Портрет Сени (Л. Куравлев) в сценарии почти гротескный: высокий, но в подростковой вельветовой курточке, с круглыми глазами, сильно заикающийся в тревоге за простую машины в Лебяжьем. Его антипод Женя (Н. Граббе) – откровенно сатирический персонаж, работник прилавка, пьяница, критикует власти, не верит в коммунизм, за что наказан Сеней, который пинками спускает его с лестницы «Чайной».

В контрастной модальности разворачивается «личная» тема, в которую Шукшин вносит не столько традиционно «лирический», сколько «аналитический» пафос. Супружеские ссоры, измены, ставшие едва ли не обязательным мотивом кинематографа новой волны, означали, в первую очередь, раскрепощение табуированной в советском искусстве камерной темы: вы-

свобождение этой «пресловутой» темы из идеологических схем и трафаретов шло трудно и медленно. В кинолентах «Урок жизни» Ю. Райзмана и Е. Габриловича, «Неоконченная повесть» Ф. Эрмлера, «Испытание верности» И. Пырьева ссора супругов, возникающая на «производственной» почве, перерастает в ситуацию нравственного выбора.

Шукшин охотно отзывается на эту потребность широкого зрителя, но при этом на малом пространстве короткометражного фильма предпринимает, как и обещал в теоретической части дипломного проекта, «авторское исследование жизни, раздумье о судьбе, о времени» [7, с. 50].

Свое исследование явления он начинает с сатирического образа Евгения Ивановича, морально безответственного и на службе, и в личной жизни. Завязывающий «камерную тему» злостный алиментщик ищет защиты в райкоме партии. Получив отпор, он в разговоре с Сеней ругает «заевшегося» секретаря, переходя с личности на обобщение: «они – власть», и затем к заключению, что с такой властью «мы к коммунизму не придем». Так, «личная» тема этого персонажа переключается в сферу политической демагогии, развиваясь в плане общественно-производственной линии сюжета. Захмелевший Женя невольно выдал задушевное страстное желание: Сеня не совсем верно его понял. Евгений Иванович не только не против коммунизма, он жаждет его скорого прихода, так как именно коммунизм дает полное материальное равенство: каждому – по потребности, а также общих жен и детей и, следовательно, – никаких алиментов. Женю раздражает, что процесс идет слишком медленно: «равенства» нет. «Законы» требуют расплаты за обобществление жен, и коммунист Байкалов не желает их отменять. А за горькую утрату веры в скорое пришествие коммунизма какой-то «чудак», не знающий вкуса «личной жизни», спустил его с лестницы.

Следующим «субъектом», ищущим в райкоме управы на изменника-мужа, является Наумова (И. Радченко), образ которой внешне тоже не выходит из рамок примелькавшихся на экранах обывательниц. В рамках этого же стереотипа строится сцена посещения секретарем семьи Наумовых. Споткнувшись о громыхнувшие пустые ведра в темном общем коридоре, Байкалов входит в ярко освещенную уютную комнату, обстановка которой намекает на конфронтацию в семье «мещанского» и «духовного» начал: с одной стороны, модный буфет с фарфоровыми безделушками, патефон, наигрывающий модную мелодию, напротив – этажерка с книгами. Посредине – круглый стол, покрытый белой скатертью – зона возможного семейного мира. Казалось бы, что здесь «исследовать», можно только констатировать еще одну причину развода на почве различных духовных интересов супругов. Именно так трактует этот эпизод в «теплом гнездышке» Ю. Тюрин [3, с. 69].

Однако эту однозначную трактовку разрушает и здесь некий диссонанс. Наумова уходит за водой, оставляя секретаря одного в комнате, за стеной которой в тишине звучит женский голос, напевающий колыбельную. Байкалов, уставший от забот и недосыпания, уютно прикрывшись головой на столе между романом «И один в поле воин» и чайным прибором, сладко засыпает. В сценарии герой видит сон: милая, ласковая Наумова заботливо укладывает Ивана Егорыча на кровать. Пробуждение и в сценарии, и в фильме дает остро почувствовать зрителю одиночество, бесприютность «несгибаемого борца» на трудовом фронте, лишенного домашнего покоя и заботы близких. К чему ссоры, развод, что еще нужно человеку – вернувшийся к реальности секретарь не может понять явившегося с позднего свидания с чужой женой доктора Наумова, который по принципу «сытый голодного не разумеет» твердо стоит на разводе. По сценарию немного позднее мы вновь видим, как Байкалов уже за полночь сидит в кабинете, «сгорбатился – не то думает, не то читает», затем резко срывается с места, едет на «Победу» к дому Ивлева – спасать его семью.

Далее в фильме секретарь райкома сталкивается с Ивлевым у калитки Наумовых. Тот ждет развязки с надеждой, что измена жены – только слухи. Позднее время, «затемнение» располагают к откровенному разговору двух соратников. Ивлев готов внять просьбе старшего друга не спешить, подумать, во что бы то ни стало вернуть жену, любимую женщину. Сопровождающая сцену песня о разлуке традиционно задает лирическую интонацию. Но подоспевший к дому Ивлева, чтобы поддержать его в трудной ситуации объяснения с женой, Байкалов видит, как она уже покидает дом с чемоданом в руках. В сценарии Шукшин пытался психологически усложнить и драматизировать сцену ухода жены Ивлева из дома. Она возвращается, снова идет к двери, ожидая оклика мужа, который бы примирил супругов. Но уязвленная изменой мужская гордость, страх прослыть в общественном мнении «рогатым мужем» делают ситуацию разрыва необратимой. Так вскрывается еще одна неявная причина непрочности тыла на пути к трудовым победам, и в этом плане женатый Ивлев и одинокий Байкалов – как начало и конец одной личной судьбы.

Обобщающим поэтическим образом всей камерной линии фильма становится необыкновенно выразительная по своему нравственному смыслу, эмоциональной насыщенности и зрелищности метафора преданной и забытой любви в супружеских отношениях, исключаяющая любое оправдание их разрыва: в сцене колодца Ивлев «подхватил бадью, поставил на сруб, наклонился и стал жадно пить. <...> Потом вылил из нее всю воду. Оба стояли и смотрели, как льется на землю, в грязь, чистая вода. – Вот так и любовь, Ваня... Черпанет иной человек целую бадью, глотнет пару раз, а остальное в грязь выливает. А ее тут на всю жизнь бы хватило...» [6, с. 217].

Еще одной удачной режиссерской находкой можно считать завершающие фильм кадры: Ивлев и Сеня едут в секретарской машине в с. Лебяжье. Крупным планом страдальческое лицо Ивлева, глядящего в заднее окно автомобиля. Счастливый Сеня рассказывает смешную историю о том, как он нашел коленчатые валы. И снова – на весь экран лицо Ивлева с широкой белозубой улыбкой, глядящего вдаль через переднее стекло машины. Двумикий Янус, печальный лик которого обращен в прошлое, а веселый – в светлое будущее – образ, выражающий душевный перелом, преодоление мучительного кризиса, связанного с крушением семьи.

В отличие от сценария фильм заканчивается лаконичной сценой: Байкалов за столом в своем кабинете разговаривает по телефону с Ивлевым, спрашивает о его настроении и ждет его к утру следующего дня...

Посмотрев фильм, многие коллеги и критики посчитали его несовременным и даже скучным. Несмотря на весьма скромное место, которое занимает первая картина Шукшина в исследованиях его творчества, она не была «проходной», напротив, стала этапной для самого режиссера. Работа над сценарием и фильмом отразила весьма долгие и мучительные поиски, очень непростой выбор своего пути в кинематографе, который прокладывался через подражания, многообразные влияния, через преодоление стереотипов, штампов, сохранившихся от прошлого и вырабатывавшихся под прессом идеологической цензуры или просто в погоне за зрительским успехом. Не избежав их власти, Шукшин проявляет недюжинный талант, находя в известных, наработанных схемах неожиданный ход, поворот темы, скрытый мотив. Он снимает без всяких претензий на формотворчество. Традиционный в своем строении образный ряд соответствует содержанию показанной истории, сотканной из повседневных и достоверных житейских ситуаций. Не ошибся он и в подборе актеров, которых впоследствии приглашал в другие свои фильмы, так что уже в дебютной работе он, по сути, сформировал ансамбль «своих» исполнителей.

Литература

1. Из Лебязьего сообщают [Видеозапись]: короткометражный фильм / автор сценария и режиссер В. Шукшин; киностудия «Мосфильм», 1960. – М.: Крупный план, 2006. – 35 мин.
2. Коробов В. И. Василий Шукшин. – М.: Современник, 1988. – 286 с.
3. Тюрин Ю. Кинематограф Василия Шукшина. – М.: Искусство, 1984. – 319 с.
4. Шестакова И. В. Монтажная техника в литературном сценарии В. Шукшина «Живет такой парень» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 18. – С. 83–89.
5. Шестакова И. В. Проблема жанра фильма В. Шукшина «Живет такой парень» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 21. – С. 230–237.
6. Шукшин В. М. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. О. Г. Левашовой. – Барнаул: ООО «Издательский Дом «Барнаул», 2009. – Т. 1: Рассказы 1958–1964. Посевная кампания. Живет такой парень / под ред. О. А. Скубач. – 368 с.
7. Шукшин В. Жизнь в кино: сб. док. / сост. Коротков И. А., Огнева Е. В., Фомин В. И. – Барнаул: Изд-е ГМИЛИКА, ОАО «Алтайский Дом печати», 2009. – 352 с.

Literatura

1. Iz Lebjazh'ego soobshhajut [Videozapis']: korotkometrazhnyj fil'm / avtor scenarija i rezhisser V. Shukshin; kinostudija «Mosfil'm», 1960. – M.: Krupnyj plan, 2006. – 35 min.
2. Korobov V. I. Vasilij Shukshin. – M.: Sovremennik, 1988. – 286 s.
3. Tjurin Ju. Kinematograf Vasilija Shukshina. – M.: Iskusstvo, 1984. – 319 s.
4. Shestakova I. V. Montazhnaja tehnika v literaturnom scenarii V. Shukshina «Zhivet takoj paren'» // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 18. – S. 83–89.
5. Shestakova I. V. Problema zhanra fil'ma V. Shukshina «Zhivet takoj paren'» // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 21. – S. 230–237.
6. Shukshin V. M. Sobr. soch.: v 8 t. / pod obshh. red. O. G. Levashovoj. – Barnaul: ООО «Izdatel'skij Dom «Barnaul», 2009. – T. 1: Rasskazy 1958–1964. Posevnaja kampanija. Zhivet takoj paren' / pod red. O. A. Skubach. – 368 s.
7. Shukshin V. Zhizn' v kino: sb. dok. / sost. Korotkov I. A., Ogneva E. V., Fomin V. I. – Barnaul: Izd-e GMILIKa, ОАО «Altajskij Dom pečati», 2009. – 352 s.

УДК 745

Е. Н. Черняева

ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ЭСКИЗАХ КОСТЮМОВ ЖУРНАЛОВ МОД 1930-х ГОДОВ

В статье рассматривается проблема трансформации образа советского человека в искусстве 1930-х годов. На примере эскизов костюмов в журналах мод выявлены тенденции в изменениях женских образов, направленные на утверждение нового эстетического идеала.

Ключевые слова: художественный образ, советский человек, костюм, мода, авангард.

E. N. Chernyaeva

DEPICTING OF THE IMAGE OF THE SOVIET MAN IN THE COSTUME SKETCHES OF FASHION MAGAZINES OF THE 1930S

One of the main questions to study the 1930s period is to consider the world of the individual in the context of its self-identity. The issue of forming the image of the Soviet man is interdisciplinary in nature and is the subject of research both in terms of cultural studies from the standpoint of art. The first attempts of historical and anthropological studies in this area have been made in the West. Domestic researchers turned to the phenomenon of “Soviet man” later, the peak of the research activity on the subject fell at the turn of the XX–XXI centuries. For art image, the Soviet man is of interest as an artistic image that expresses a kind of ideal. Determination of the ideal image as an example to follow, it is the purpose of post-revolutionary art. The first ideal of the new Soviet woman, quite naturally, was the heroine, born in the fire of revolution and civil war. Such selfless revolutionary new Soviet woman depicted in works of literature, cinema, in theater performances. A similar image was broadcast in Soviet propaganda posters. In fashion magazines of the 1930s. revealed the coexistence of two completely opposite to each other types of female characters that T. Dashkova very tentatively called “workers and peasants’ type and artistic style.” Since the mid-1930s there have been significant changes in both, the way of the Soviet people, and in the examples of its presentation in the fashion magazines. There is a kind of rapprochement and even merge of “artistic” and “workers and peasants’ types of female images. This change has touched the female characters in the pages of fashion magazines. Thus, after the early 1930s, fashion took another turn, changes have affected not only the silhouette, but changed the aesthetic ideal. The ideal image of Soviet women was formed under the influence of several trends: the militarization of all spheres of life in anticipation of the coming world war and the outlined femininity, which was formed as a response to fatigue after the First World War and the Civil War, as an attempt to look through the results show a happy life in the Soviet Union.

Keywords: art image, the Soviet people, costume, fashion, avant-garde.

Последние десятилетия характеризуются повышенным интересом исследователей различных сфер гуманитарного знания к социокультурной ситуации России 1930-х годов. Этот интерес естественен и вполне объясним: именно тогда происходили ключевые события XX века, связанные с формированием образа нового человека, которые положили начало необратимым процессам, последствия которых мы ощущаем до сих пор. Первые исследования этой эпохи проводились по устаревшим схемам, поскольку долгое время исследователи были подвержены публицистическому пафосу обличения. Современный период исследований данной эпохи можно охарактеризовать как период спокойного научного анализа, свободного от сиюминутной конъюнктуры.

Одним из основных вопросов изучения указанного периода является рассмотрение мира личности в контексте ее самоотождествления. Это – активность уподобления, связанная с установлением внешнего образца, необходимого для определения собственного «Я» [1, с. 20].

Вопрос формирования образа советского человека носит междисциплинарный характер и является предметом изучения как культурологии, рассматривающей его как часть идеологии советского общества, так и искусствоведения, а также является предметом исследований антропологов с позиций гендерного подхода. Первые попытки историко-антропологических исследований в этой области были сделаны в странах Запада. А. Бородин и Д. Бородин отмечают, что «интерес этот в условиях холодной войны был сугубо прагматическим: чтобы одержать победу на идеологическом фронте, Запад хотел знать своего противника в лицо. Так,

в США и Западной Европе возникает особое направление в гуманитарных исследованиях, занимающееся изучением различных аспектов жизни коммунистических обществ (прежде всего СССР)» [2].

Отечественные исследователи обратились к феномену «советского человека» несколько позже, пик исследовательской активности по данной тематике приходится на рубеж XX–XXI веков. Среди обилия материала особо стоит отметить исследования Н. Н. Козловой, М. Я. Геллер.

Для искусствоведения образ советского человека представляет интерес как художественный образ, выражающий некий идеал. Выявление идеального образа как примера для подражания становится целью послереволюционного искусства. «Кроме демонстрации чудо-машин и обслуживающего обезличенного персонала большое место в книгах 20-х годов занимало изображение положительного персонажа, – пишет Е. Штейнер. – Создание нового героя, действующего активно и социально правильно, составляет существенную сторону поэтики того времени» [7, с. 104].

Первым идеалом новой советской женщины, что вполне закономерно, стала героиня, рожденная в огне революции и Гражданской войны. Как отмечает Барбара Клеменс, «советская героиня сначала появилась на страницах периодических изданий как медсестра, комиссар в армии, даже как боец. Она была скромна, тверда, преданна, отважна, смела, трудолюбива, энергична и часто молода. Она не задумывалась о своем личном благополучии. Если она была нужна на фронте, она могла, хотя и с сожалением, оставить своих детей; она могла мириться с физическими трудностями, не дрогнув принять бой, а в случае пленения – пытку и даже смерть, веря, что ее жертва стала вкладом в построение лучшего мира» (цит. по [2]).

Такой самозабвенной революционеркой изображена новая советская женщина в произведениях Н. Островского (Тая в романе «Как закалялась сталь»), Ф. Gladкова (Даша в романе «Цемент»), В. Вишневского (Комиссар в «Оптимистической трагедии»), Б. Лавренева (Марютка в рассказе «Сорок первый»).

Близкий образ транслировался на таких советских плакатах, как «Женщина! Грамотность – залог твоего раскрепощения» Н. С. Изнар, «Знания и труд новый быт нам дадут!» Л. М. Емельянова, «Раскрепощенная женщина – строй социализм!» А. И. Страхова-Браславского, наконец, «Работать, строить и не ныть!» А. А. Дейнеки.

Еще одной сферой трансляции и распространения идеального образа советского человека явились средства массовой информации. Что касается женских образов, то здесь следует обратиться, прежде всего, к дамским журналам. Но, как подметила Т. Дашкова, журналы 1930-х годов удивляют тем, что в них обнаруживается сосуществование двух совершенно противоположных друг другу типов женских образов, которые автор, весьма условно, называет «рабоче-крестьянский тип» и «артистический тип» [4]. «Артистический тип» – наиболее часто встречающийся в женских журналах, посвященных моде, а также в журналах по театру, кино. Это тип утонченной, чуть манерной актрисы, заимствованный из европейского кинематографа и европейских же журналов. В журналах мод такой тип женственности особенно часто использовался в эскизах вечерних платьев – утомленное лицо с тонкими выразительными чертами, большие печальные глаза, тонкие брови и яркие, четко очерченные губы.

«Рабоче-крестьянский тип» характеризовался большей натуралистичностью, чаще всего он встречался на фотографиях, причем в таких женских журналах, как «Крестьянка», «Работница». Для этого типа было характерно широкое лицо с крупными, выразительными чертами: широкие брови, ярко выраженные скулы, коротко стриженные волосы. Фигура обычно

коренастая, крепкая, шея короткая, плечи широкие. На страницах журналов мод подобный тип – редкость. Чаще всего такого типа женские фигуры можно было заметить на эскизах спортивной и производственной одежды.

Конструктивный супрематический изобразительный язык 1920-х годов практически не коснулся эскизов для журналов мод за (редким исключением), это связано с тем, что сфера моды являлась маргинальной, отрицаемой сферой. «Язык левого искусства был ярким, выразительным, убедительным и притягательным. Резкие ракурсы, динамические композиции, сдвинутые оси, наклонившиеся в быстром движении вертикали и горизонталы – все это заражало пафосом, тащило вперед, подстегивало записываться добровольцем и строить пятилетку в четыре года. Простые яркие цвета без полутонов, плоские заливки одной краской, контрасты черного и белого, красного и черного кричали со стен и заборов, останавливали внимание, заставляли отбросить интеллигентские колебания, помогали дышать глубже, шагать шире и рубить с плеча» [7, с. 13–14]. Эта красочная феерия практически не коснулась эскизов женского костюма 1930-х годов, хотя для работы над женскими журналами привлекали известных художников. Так, например, первым иллюстратором «Крестьянки», автором фирменных шрифтов и логотипа стал Борис Владимирский, признанный мастер агитплаката; много лет с этим журналом сотрудничал главный художник Госзнака Иван Дубасов, автор эскизов для всех бумажных денег СССР.

С середины 1930-х годов наметились существенные изменения как в самом образе советского человека, так и в примерах его презентации в журналах мод. Происходит своеобразное сближение и даже слияние «артистического» и «рабоче-крестьянского» типов изображения женщин. Эта перемена коснулась женских образов на страницах модных журналов. Журнал «Искусство одеваться» провозглашал: «Война давно закончилась – пора отрешиться от рваной юбки» [5, с. 6]. Идея того, что красивая одежда, привлекательный внешний вид необходимы советской женщине, носила, кроме всего прочего, идеологический оттенок: здоровые нарядные граждане были визуальным свидетельством улучшения условий жизни.

На страницах журналов мод второй половины 1930-х годов появляется новый образ советской женщины – образ, совмещающий в себе такие черты, как физическая развитость, крупные выразительные черты лица, румяные щеки, почти обязательная открытая улыбка и нарядное, стильное платье, соответствующее последним модным тенденциям. Подобный образ транслировался и с киноэкранов. В фильмах 1930-х годов «Весёлые ребята» (1934), «Цирк» (1936), «Богатая невеста» (1937), «Девушка с характером» (1939), «Трактористы» (1939) актрисы Любовь Орлова, Валентина Серова, Марина Ладынина воплощали образ советской красавицы, становясь примером для подражания миллионам советских женщин.

В целом же отечественные модные тенденции от середины десятилетия до начала Великой Отечественной войны постепенно сближались с европейскими. «В результате победоносного социалистического строительства наша страна пришла к зажиточной жизни. У миллионов трудящихся с небывалой силой возросли культурные потребности. Одно из естественных проявлений этого бурного роста – стремление широких масс трудящихся города и деревни к добротной, красивой и удобной одежде» [6, с. 14]. Кроме отмеченного в журнале «Моды сезона» улучшения уровня благосостояния советского народа, усилилось влияние западных тенденций через звуковое кино.

Таким образом, после того как в начале 1930-х годов мода совершила очередной виток, изменения коснулись не только силуэта, поменялся эстетический идеал. Идеальный об-

раз советской женщины сформировался под влиянием нескольких тенденций: милитаризация всех сфер жизни в предчувствии грядущей мировой войны и подчеркнутая женственность, сформировавшаяся как ответ на усталость после Первой мировой и Гражданской войн, как стремление через внешний вид продемонстрировать результаты счастливой жизни в Советском государстве.

Литература

1. Астахов О. Ю. Рефлексивность идентификации в культуре XX века // Русское слово в культурно-историческом и социальном контексте: сб. ст. по мат-лам Российской науч.-практ. конф. с международным участием «Русское слово в культурно-историческом контексте»: в 2 т. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – Т. 1. – С. 19–29.
2. Бородин А., Бородин Д. Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 1920–30-х годах [Электронный ресурс] // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. – Тверь, 2000. – С. 45–51. – Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/borodini.htm#note4 (дата обращения: 06.07.2013).
3. Горбова Е. Н. Динамика трактовки культуротворческих идей в художественной жизни России 1920–1930-х годов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 23. – С. 101–106.
4. Дашкова Т. Трансформация женских образов на страницах советских журналов 1920–1930-х годов [рукопись] [Электронный ресурс] // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века. – Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/dashkova.htm (дата обращения: 07.07.2013).
5. Искусство одеваться // Красная газета. – 1928. – № 1. – 34 с.
6. Моды сезона, лето 1935. – М.; Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1935. – 30 с.
7. Штейнер Е. Авангард и построение нового человека. Искусство советской детской книги 1920-х годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 256 с.

Literatura

1. Astahov O. Ju. Refleksivnost' identifikacii v kul'ture HH veka // Russkoe slovo v kul'turno-istoricheskom i social'nom kontekste: sb. st. po mat-lam Rossijskoj nauch. -prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem «Russkoe slovo v kul'turno-istoricheskom kontekste»: v 2 t. – Kemerovo: KemGUKI, 2010. – T. 1. – S. 19–29.
2. Borodina A., Borodin D. Baba ili tovarishh? Ideal novoj sovetskoj zhenshhiny v 1920–30-h godah [Elektronnyj resurs] // Zhenskie i gendernye issledovaniya v Tverskom gosudarstvennom universitete. – Tver', 2000. – S. 45–51. – Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/borodini.htm#note4 (data obrashhenija: 06.07.2013).
3. Gorbova E. N. Dinamika traktovki kul'turotvorcheskikh idej v hudozhestvennoj zhizni Rossii 1920–1930-h godov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 23. – S. 101–106.
4. Dashkova T. Transformacija zhenskih obrazov na stranicah sovetskih zhurnalov 1920-1930-h godov [rukopis'] [Elektronnyj resurs] // Zhenskij diskurs v literaturnom processe Rossii konca XX veka. – Rezhim dostupa: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/dashkova.htm (data obrashhenija: 07.07.2013).
5. Iskusstvo odevat'sja // Krasnaja gazeta. – 1928. – № 1. – 34 s.
6. Mody sezona, leto 1935. – M.; L.: Vsesojuznoe kooperativnoe ob#edinennoe izdatel'stvo, 1935. – 30 s.
7. Shtejner E. Avangard i postroenie novogo cheloveka. Iskusstvo sovetskoj detskoj knigi 1920-h godov. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. – 256 s.

ФИЛОЛОГИЯ PHILOLOGY

УДК 8

И. Роляк

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В ПОЛЬСКОЙ АУДИТОРИИ

В статье рассматривается роль межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранцев русскому языку делового общения, поскольку незнание чужой культуры или неприятие ее может привести к коммуникативным неудачам. Предметом этого обучения является собственная и чужая культура, а также их взаимодействие. Поэтому в данной статье делается попытка сравнения польской и русской культур, их сходства и различия согласно различным классификациям.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, обучение языку, различия и сходства культур, деловое общение, организационная культура, параметры культуры

I. Rolak

THE ROLE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN TEACHING POLISH STUDENTS TO BUSINESS RUSSIAN

Nowadays, the teaching of Russian in Poland goes through a difficult period – on the one hand, it is connected with political and economic transformations along with the reform of secondary and higher education, on the other hand, it falls under the influence of a pragmatic attitude toward the learning of the Russian language that the Poles show.

That is why more and more students are choosing for such speciality as “Business Russian” to study not only communication in business but also the target language culture.

The specialists with intercultural competences gain importance on the job market. Modern enterprises are functioning globally and employ people from different cultural background who have to find a common language and cooperate with each other. For these purposes, speaking a foreign language is insufficient, the employees should be open-minded and try to understand each other and a somehow different behavior – not to disapprove but to understand and accept.

Taking into consideration the notion of “teaching the intercultural communication,” we mean a teaching process in which at least two cultures arise. The objectives of this process and its content cannot be described regardless of the pedagogical processes being unified due to the orientation of “the teaching of intercultural communication” to the development of intercultural communication skills. The subject matter of teaching is own and foreign cultures along with their interaction.

During interaction with other cultures we experience both differences and similarities with our own culture, and this is a natural process of getting to know each other and learning from each other. However, more attention during the teaching process is paid to the cultural differences, and the similarities that can help to establish the right relationship remains undiscovered.

The author strongly believes that not only cultural differences but rather the similarities of such closely related cultures as the Polish and the Russian should be exposed.

As mentioned above, the author presents some differences and similarities to be observed in the Polish and the Russian cultures, which play a very important role during teaching of Business Russian to the Polish students. In this paper, the analysis is based on the classification approaches to culture proposed by famous researchers.

Keywords: intercultural communication, teaching language, cultural differences and similarities, business communication, organizational culture, parameters of culture.

В настоящее время обучение русскому языку в Польше переживает сложный период: с одной стороны, это связано с политическими и экономическими изменениями, реформой высшего и среднего образования, а с другой – все более с прагматическим подходом к изучению русского языка в Польше. Если раньше это был обязательный язык в школах, и его изучали как и любой иной иностранный язык, только в большем количестве, то теперь русский язык все больше изучают из чисто прагматических целей – особенной популярностью пользуются специальные языки, в том числе язык бизнеса и коммерции. Во многих вузах Польши открыты новые отделения – русский язык бизнеса. Многие студенты после окончания таких отделений сдают международные экзамены на сертификаты по этому языку. Более того, даже на отделениях «чисто» филологического профиля на последнем курсе введен курс занятий по русскому языку бизнеса, позволяющий им также приступить к международному экзамену на сертификат русского языка делового общения.

О таком спросе на иностранные языки – как на орудие производства – пишет С. Г. Тер-Минасова, замечая, что чаще всего людей в изучении языка мало или вообще не интересуют теория и история языка – они нужны им исключительно функционально, для использования в разных сферах жизни общества в качестве реального общения с людьми из других стран [7, с. 25–26]. И хотя это, по ее словам, относится, в первую очередь, к английскому языку, то же явление наблюдается сейчас и в изучении русского. Но такое владение языком предполагает не только владение языком специальности, но также фундаментальную и разностороннюю подготовку специалиста в области культуры страны изучаемого языка, этикета и невербального общения, межкультурного общения, переводоведческой практики, фоновых знаний и т. п. Поэтому, кроме языковых структур, необходимо учитывать социокультурные структуры, так как в случае сотрудничества или иных контактов между организациями – представителями разных культур (особенно, если они пользуются разными языками) необходимо, чтобы все коммуниканты могли верно воспринимать и интерпретировать влияние языка и иных культурных факторов партнера.

Многочисленные коммуникативные неудачи доказывают, что «знания собственного вербального кода (то есть языка) и правил его использования оказывается недостаточно для успешного общения с носителем того или иного языка, необходимо еще овладеть внекодowymi знаниями, вернее, тем, что принадлежит невербальным кодам культуры того лингвокультурного сообщества, для которого используемый язык является родным» [2, с. 7].

Неудачи в процессе межкультурной коммуникации возникают обычно по причине слабого представления одним из коммуникантов о культуре и правилах поведения другого. Сказанное является особенно важным, поскольку в настоящее время процесс глобализации охватил все сферы человеческой деятельности, в том числе и культуру. При этом разные культуры все больше взаимодействуют друг с другом, происходит общение их представителей в повседневной жизни и в отдельных ее областях, в том числе, в деловом общении. «Процесс межкультурной коммуникации есть специфическая форма деятельности, которая не ограничива-

ется только знаниями иностранных языков, а требует также знания материальной и духовной культуры другого народа, религии, ценностей, нравственных установок, мировоззренческих представлений и т. д., в совокупности определяющих модель поведения партнеров по коммуникации» [5, с. 95].

Также на рынке труда все больше ценят людей, имеющих межкультурную компетенцию. Современные предприятия функционируют все чаще в международной среде, принимая на работу представителей разных культур, которые должны ежедневно находить общий язык и сотрудничать друг с другом. Для этого недостаточно одного знания иностранного языка. Необходима открытость, желание понять друг друга, а также поведение, отличное от нашего – не для того, однако, чтобы относиться к ним отрицательно, а для того, чтобы их понимать и принимать.

Итак, рассматривая понятие «обучение межкультурной коммуникации», мы говорим о процессе обучения, в котором встречаются как минимум две культуры. Целей и содержания этого процесса нельзя описать вне зависимости от педагогических процессов. Их единство состоит в том, что обучение межкультурной коммуникации как процесс изучения друг друга и учения друг от друга направлен на развитие способностей функционирования в межкультурном контексте. Предметом этого обучения является собственная и чужая культура, а также их взаимодействие.

Изучение *собственной* культуры также является требованием и результатом обучения межкультурной коммуникации. Требованием, поскольку идентифицирует различия и сходства между культурами и позволяет квалифицировать конфликты, возникающие во время их взаимодействия. Исходной точкой является *диалог* представителей разных культур, так как именно взаимодействие с другими культурами склоняет к изучению собственной культуры, требует сопоставления и определенного отношения к этому. Во время межкультурных контактов мы взаимодействуем с чужими для нас системами культурной ориентации. Изучение значений и правил этих систем необходимо, если мы хотим функционировать в этом новом для нас контексте. И именно эту способность – изменение своего отношения к действительности в разных культурных контекстах – иностранные учащиеся должны приобрести в процессе обучения межкультурной коммуникации. Полное понимание чужой культуры, конечно, представляется невозможным – всегда остается что-то непонятное. Иная культура является потенциальным источником недоразумений и напряженности, но также сюрпризов и восхищения.

Во время взаимодействия с иными культурами мы открываем как различия, так и сходства – это естественный процесс во время изучения друг друга и учения друг от друга. Однако часто больше внимания при изучении культур посвящается различиям, а то общее, что соединяет и могло бы помочь в создании правильных отношений, остается незамеченным. По нашему мнению, следует обнаруживать не только различия, но именно (и прежде всего) сходства, в особенности в таких близкородственных культурах, как польская и российская.

Требованием и целью обучения межкультурной коммуникации является открытость другим культурам и готовность пересмотреть собственные поступки на фоне своей и чужой культуры. Важно, однако, не забывать, что такая открытость также должна иметь свои границы толерантности, и мы должны научиться их определять и защищать.

Обучение межкультурной коммуникации ограничено общественными рамками, на которые влияют экономические, политические и социальные факторы. В процессе обучения важно создать условия равноправия и возможность партнерского диалога. Реалии, существующие в данном обществе, могут препятствовать этому. Важным является затрагивание темы

культурной дискриминации и создание возможности свободного от нее диалога. Обучение межкультурной коммуникации должно, таким образом, обращать внимание на любые общественные помехи.

В связи с вышесказанным попробуем представить некоторые сходства и различия польской и российской культур, важные в процессе преподавания полякам русского языка делового общения. В нашей статье мы опираемся на исследования известных ученых, классифицировавших культуры согласно разным параметрам, таким, как: *дистанция власти, индивидуализм – коллективизм, мужское – женское начало, боязнь неопределенности* (Г. Хофштеде) [11]; *высокий – низкий контекст, монокхронное – полихронное время* (Э. Т. Холл) [12]. Р. Льюис, в свою очередь, разделяет культуры на три типа: *моноактивные, полиактивные и реактивные* [3]. Культурные различия позволяют выделить также определенные модели поведения в бизнесе. Так, Р. Гестеланд выделяет следующие виды культур: *культуры с ориентацией на сделку* (ориентация на выполнение задачи) – *культуры с ориентацией на партнерские отношения* (ориентация на взаимоотношения с людьми); *формальные иерархичные культуры* (большое значение придается иерархии и статусу, в них придерживаются обычаев, традиций, ритуалов) – *неформальные культуры* (больше ценится эгалитарная организация); *монокхронные – полихронные культуры; экспрессивные – сдержанные культуры* [10, с. 135–293]. Культуры могут различаться по всем или многим вышеназванным параметрам одновременно.

Классификация голландского социолога Г. Хофштеде является, на наш взгляд, одной из наиболее подробных, она интересна также тем, что автор исследует упомянутые выше параметры культур с точки зрения организационной (или корпоративной) культуры²⁸ на примере многих стран, в том числе Польши и России. Хофштеде замечает, что в сфере бизнеса конкурентноспособность все меньше является результатом технологического преимущества или же благоприятных таможенных регулировок, но все больше зависит – кроме чисто экономических факторов – от благоприятных или неблагоприятных культурных черт. Позиционирование в масштабе каждого из пяти параметров национальной культуры влияет на потенциальное преимущество или слабость функционирования на рынке [11, с. 357].

На основании выделенных выше параметров культур (важных для бизнес-контактов) мы сделали попытку сравнить современные Польшу и Россию.

Согласно теории Хофштеде, рассматривающего 74 страны и региона, в том числе Польшу и Россию, Россия имеет высокий показатель *дистанции власти* (93) и позиционируется на 6-м месте; Польша – 68 (27/29-е место). В организационной культуре высокая дистанция власти проявляется в строгой иерархии должностей и неравенстве между руководителями и подчиненными; большой разнице в зарплатах сотрудников высших и низших звеньев, широко применяемом контроле. Таким образом, что касается дистанции власти, она все еще находится в России на высоком уровне, хотя в последнее время имеется тенденция к ее сокращению, в Польше это имеет место в меньшей степени.

²⁸ Обычно понятие культуры связывают с народом. Однако следует сказать и о совершенно новом явлении, возникшем в 60-е годы XX века и связанном с ним термине – «организационная культура». Он означал ни что иное, как «климат организации». Близкий ему термин «корпоративная культура» появился несколько позже, в 70-е годы XX века. Организационная культура определяется по-разному, и хотя не существует единой дефиниции, по мнению Хофштеде, культуру можно определить как «коллективное программирование сознания, которое отличает одну группу или категорию людей от другой», а организационную культуру – как «коллективное программирование сознания, которое отличает членов одной организации от другой».

Показатель *индивидуализма* оказался выше в Польше (60); Польша позиционируется на 22/24-м месте, в то время как Россия ближе к *коллективизму*, хотя в настоящее время появились тенденции к индивидуализму – показатель 39 (37/38-е место). В странах с высоким показателем индивидуализма работник более независим от организации и руководства, в то время как в коллективистских странах эта зависимость намного больше. В индивидуалистических странах работники рассматриваются как «экономические единицы» и работают согласно своим интересам. Они отличаются высокой профессиональной мобильностью. Дипломы повышают их материальный статус и чувство собственной ценности. В *коллективистских* странах дипломы дают возможность продвигаться по служебной лестнице. Работники принадлежат к определенным группам и реализуют интересы этих групп, их профессиональная мобильность ниже.

Рассматривая такие параметры, как *индивидуализм – коллективизм*, следует заметить, что индивидуалистическое начало в России в настоящее время слабо выражено, преобладает коллективизм, который имеет религиозные, исторические и философские корни, и который можно рассматривать как одну из основополагающих культурных ценностей. Коллективизм проявляется, например, в огромном значении личных связей при устройстве на работу (в Польше это явление имеет место чуть в меньшей степени). Для россиян очень важен сам процесс общения как важнейшего средства установления отношений. Многие исследователи говорят, что в настоящее время Польша более индивидуалистическая, чем коллективистская страна (см. G. Hofstede, Z. Bokszański, J. Reykowski и др.). Характеризуя индивидуализм, обычно называют такие ценности, как независимость человека, в том числе эмоциональная, инициативность, личная автономия, сознание собственного «я»; считается, что индивидуалист строит свои общественные отношения по принципу обмена, рассчитывая прибыли и затраты... человек сам отвечает за себя и решает, что для него хорошо, а что – плохо [13, с. 25]. Следует заметить, что индивидуализму способствует экономический рост, а также повышение материального благосостояния страны. З. Бокшаньски пишет, что «характер современной экономики и структуры современных политических систем позволяют рассматривать развитие индивидуализма как условия прогресса модернизации» [8, с. 145]. Вместе с тем в упрочняющемся индивидуализме, по словам З. Бокшаньски, многие авторы видят также фактор, отвечающий за многие негативные явления – от появления «нарцисстически деформированных личностей» до падения рождаемости и значительного количества разводов [8, с. 145]. Проведенные детальные исследования, сравнивающие Польшу по разным параметрам с другими странами, привели Бокшаньского к выводу, что этот индивидуализм в настоящее время имеет все же ограниченную степень проявления. Это выражается, прежде всего, в отношении к Богу, гомосексуализму, абортam, эвтаназии, разводам, самоубийствам. При всем своем стремлении к индивидуализму Польша и сейчас имеет иное, нежели другие европейские страны, отношение к этим проблемам. Это показывает, что поляки все еще находятся под значительным влиянием традиционных авторитетов и систем ценностей. В значительной степени это объясняется огромным значением католицизма в жизни поляков [8, с. 146].

Таким образом, развитие Польши значительно влияет на поведение поляков. Более того, они ежедневно подвергаются воздействию других культур, в особенности английской и американской. Это заметно, например, в телевизионных и радиопередачах, в которых постоянно передают песни на английском языке, показывают американские видеоролики. Фильмы в кинотеатрах и по телевизору тоже, в основном, англоязычные. И даже сериалы, адаптированные к польской действительности, имеют американское начало (впрочем, то же самое наблюдается сейчас и в России).

В общественной и экономической жизни также прослеживается ориентация на Запад. Бизнесмены и люди, работающие в фирмах, проникнуты духом «корпоративной культуры». Молодое поколение поляков пользуется иным языком, чем люди, выросшие в Польше до военного времени. И это наблюдается не только в новых словах и выражениях, но и в совершенно иных реакциях и языковом поведении коммуникантов. Молодые поляки идут по направлению к индивидуализму [8], мужскому началу и низкой дистанции власти.

Говоря о параметре *мужского – женского начала*, Россия, согласно Хофштеде, позиционируется на 63-м месте (показатель мужского начала – 63). Как уже говорилось выше, данные представлены на основании 74 стран, причем показатель 100 определяет страны с мужским началом; чем ниже показатель, тем больше страна относится к «женским». Для сравнения: Польша находится на 14/16-м месте и определяется показателем 64. На основании этих данных в Польше преобладает «маскулинность», а в России – «феминность». Это проявляется, например, в том, что в странах с мужским началом мужчина должен быть ассертивным, решительным и стремиться к материальному благополучию; женщина должна быть нежной и заботиться об улучшении жизни. В таких странах выбор профессии зависит от возможности сделать карьеру, а на работе важны зарплата, продвижение по службе, вызов (работа с высокими требованиями).

В странах с женским началом, как мужчина, так и женщина должны быть скромными, стремиться жить лучше. Здесь очень важными являются качество жизни и отношения с другими людьми. Выбор профессии обусловлен личными интересами.

Проявление «маскулинности» в Польше состоит в разделении мужских и женских ролей в обществе (так же, как и в России, хотя она отнесена к «феминным» странам). Есть «мужские» профессии и должности; мужчины ориентированы на зарабатывание денег, а женщины – на ведение домашнего хозяйства (следует добавить, что как в Польше, так и в России в последние годы наблюдается изменение такой ситуации).

Боязнь неопределенности была характерна для советского периода, сейчас это начало меняться. По мнению Т. Н. Персиковой, в отличие от советских управленцев, строго планировавших все возможные ситуации, современные российские предприниматели готовы идти на риск, принимать неожиданные и самостоятельные решения. То есть растет тенденция к проявлению этих качеств, хотя это касается, прежде всего, негосударственного сектора экономики, и данные качества не приобрели пока национальной ценности [4, с. 5]. Высокая *боязнь неопределенности* у русских выражается, как и у поляков, в бесконечных жалобах на здоровье, низкую зарплату, погоду, личную жизнь и т. д., поскольку высказывания на такие волнующие темы являются способом преодоления беспокойства; в этом помогают также бурные дискуссии. Боязнь неопределенности наглядно проявляется и в языке. Так, О. Е. Белянко и Л. Б. Трушина пишут, что, если поляка спросить: «Привет! Что нового?», – в ответ чаще всего можно услышать: «Привет, ничего особенного, все по-старому» (пол.: *Cześć, nic ciekawego, stara bieda.*), в то время как американец скажет: «Все ОК» [1, с. 91].

Что касается *отношения ко времени и пространству*, то оно в России и Польше имеет определенные различия, к которым должны быть готовы поляки, приезжающие в Россию. Так, несомненным шоком может быть перерыв на обед в России, практикующийся еще во многих организациях и даже в магазинах. Причем, поскольку в разных организациях перерыв на обед с 13.00 до 14.00 или с 14.00 до 15.00, то иностранцу следует быть готовым к тому что, начиная с 12.30 и до 15.30, можно не застать нужного человека на рабочем месте. Рабочее время, которое обычно продолжается с 9.00 до 18.00 часов, также может начаться го-

раздо позже, а закончиться намного раньше (правда, в настоящее время это касается, в основном, госучреждений). Хотя нам пришлось недавно встретиться даже с таким явлением, что в нотариальной частной (!) конторе часы работы совсем не совпадали с теми, которые были вывешены на таблице. На наш вопрос нам ответили, что завтра фирма не работает, а сегодня – до 13.00, хотя часы работы были в обоих случаях – до 16.00.

В Польше часы работы строго прослеживаются. Работа в госучреждениях начинается в 7.30 или 8.00, и можно быть уверенным, что нужный человек будет на рабочем месте. Соответственно, редко бывают очереди и авралы на работе. Перерыва на обед также нет, зато рабочий день длится до 15.30 или 16.00. Часы работы, вывешенные на дверях, строго соответствуют действительности. Перерыв на обед в магазинах не предусмотрен. Правда, магазины работают, в основном, до 16–18 часов, в субботу – до 13–14, а в воскресенье – не работают (это не касается, конечно, крупных супермаркетов и некоторых частных магазинчиков). То, что магазины в воскресенье закрыты, происходит потому, что по католической религии в воскресенье работать нельзя – надо отдыхать (это касается и каких-то тяжелых физических работ). Россиянину, приехавшему в Польшу на более долгий срок, следует быть готовым к тому, что есть 12 дней в году, когда все магазины закрыты. Это крупные религиозные и государственные праздники, когда закрыты все магазины, нанимающие на работу людей (мелкие частные магазинчики, в которых продает владелец магазина, могут быть открыты по желанию владельца).

Россию и Польшу можно отнести к *высококонтекстуальным* культурам. В обеих странах большое значение придается контексту высказывания и недоговоренностям, часты ссылки на цитаты, крылатые выражения и т. д., известные широкому кругу людей. Высокий контекст культуры является обязательным элементом успешного понимания того или иного события; для представителей такого рода культур много информации передается неязыковым контекстом – иерархией, статусом, внешним видом человека, манерами его поведения, условиями проживания и т. д. [5, с. 99]. Для сравнения: в культуре низкоконтекстуальной менеджер принимает посетителей строго по очереди, во время работы не отвечает на звонки по телефону, получает информацию из рабочих документов или от людей, с которыми встречается в течение рабочего дня (монокронное время). В высококонтекстуальных культурах офис менеджера напоминает проходной двор, люди постоянно входят и выходят, нет строгой очередности. Во время разговора с посетителем менеджер отвечает на звонки и звонит сам и т. д. (полихронное время). Такое явление наблюдается и в Польше, и в России.

А. В. Сергеева пишет, что следует учитывать особенности русских во время ведения переговоров, поскольку «русские более ориентированы не на само дело, а на людей, их задевает, когда партнер обрывает беседу на полуслове только на том основании, что “время – деньги”, он боится опоздать на следующее свидание. Для них наилучшая форма инвестирования времени – достойно закончить процесс общения, пусть даже без материальной выгоды для себя. При этом общение может быть посвящено как деловому вопросу, так и неделовому, а личному» [6, с. 275].

Таким образом, Польша – это страна с умеренной дистанцией власти, идущая по направлению к индивидуализму, с мужским началом, с высокой боязнью неопределенности. Россия – страна с высокой дистанцией власти, с коллективистским началом (хотя в последнее время также наблюдаются индивидуалистические тенденции), с женским началом и с высокой боязнью неопределенности. В обеих странах отношение ко времени можно определить как полихронное. Кроме того, и Россия, и Польша относятся к странам высококонтекстуальным. В целом можно сказать, что польская и российская культуры похожи, поэтому представители

этих культур не должны иметь особых проблем в коммуникации, однако следует учитывать и некоторые существенные различия. Назовем некоторые из них.

Так, день рождения в Польше празднуют немногие, о нем знают только самые близкие, но зато широко празднуются именины. Наиболее популярные из них – например Анджея, Барбары и некоторые другие – празднует широко вся страна. В России – наоборот, именины празднуются редко (за исключением, может быть, Татьяны).

Идя в гости в Польшу, надо помнить, что опаздывать здесь не принято (допустимое опоздание – до 15 мин), в то время как в России опоздания являются нормой. В гости в Польшу, как и в России, можно принести с собой спиртное или сладкое, а также цветы хозяйке дома, однако в России принесенное обычно ставится на стол, а в Польшу не каждая хозяйка поставит это на стол, но не из жадности, а потому, что на столе и так много разных угощений, приготовленных или купленных хозяйкой, а принесенное гостями будет принято в качестве подарка. Гостей принимают чаще всего в гостиной комнате, реже – на кухне, и только в том случае, если она соединена с гостиной. В России же, как известно, гости (особенно близкие друзья) часто собираются на кухне, и это не считается бестактным.

При встрече на вокзале в Польшу следует помнить, что нельзя приносить хризантемы, поскольку это цветы, которые приносят на кладбище (не очень приветствуются также астры). Для сравнения: в России это такие же цветы, как и любые другие. В то же время в России очень строго соблюдается нечетное количество цветов в букете (так как четное приносят на кладбище), в Польшу – не так строго (особенно это касается больших букетов).

В Польшу принято здороваться при входе в магазин или отдел магазина, а также в лифте. Поэтому поляк, приехавший в Россию, может быть неприятно удивлен, если в ответ на приветствие не получит ответа или же ответ будет, но произнесенный с некоторым удивлением.

Мы не будем здесь называть всех различий и сходств русской и польской культур, поскольку это тема отдельной статьи. Однако стоит упомянуть о современных отношениях России и Польши и представлениях друг о друге обоих народов. Так, З. Бокшаньски в своей книге «Молодые европейцы о поляках» пишет, что «попытка представить культурный фон стереотипного образа поляков, созданного россиянами – это весьма трудная задача из-за многообразия явлений, формирующих взаимоотношения обоих народов. На них повлияли как многовековое соседство, многочисленные исторические конфликты, разное вероисповедание, наследие российского доминирования в различных его проявлениях в Польшу, так и близость и похожесть культур и языков» [9, с. 130]. Эту задачу осложняет также ее многоаспектность. Взаимные представления друг о друге поляков и россиян основываются как минимум на трех плоскостях. Одной из них является уровень политического дискурса, вовлеченного в реализацию как временных, так и далеко идущих политических целей обоих государств. Второй уровень – это область мировоззрений и идей, выражаемых интеллектуальной и артистической элитой, которые «хотя бы иногда могут быть до некоторой степени не зависимыми от государственной идеологии». И, наконец, уровень «интерактивной повседневности», включающей понятия и схемы мышления, укорененные в традиции и используемые обычными представителями национальной культуры в контактах с соседями [9, с. 131].

Названные сферы создания и модификации представлений друг о друге россиян и поляков находятся в сложных взаимоотношениях, зависящих от совокупности отношений между двумя народами [9, с. 131].

Подытоживая сказанное, можно отметить, что культура как основа всей человеческой деятельности объясняет большинство наших поступков. Именно поэтому межкультурная компе-

тенция, а также умение общаться с представителями иных культур являются особенно важными как в международной деятельности вообще, так и в современном бизнесе. Специалисты, работающие в международных корпорациях или же в другой стране, должны знать культуру этой страны. Следует добавить, что квинтэссенцией культуры является язык, на основании которого создана система значений; в то же время язык в некотором смысле создает культуру, поскольку организует наше восприятие действительности. В связи с этим целью обучения межкультурной коммуникации (включая организационную) является создание общей системы значений с учетом многих аспектов культурных различий.

Литература

1. Белянко О. Е., Трушина Л. Б. Взгляд со стороны. – М.: ИКАР, 2004.
2. Гудков Д. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003.
3. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М., 1999.
4. Персикова Т. Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. – М.: Логос, 2008.
5. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высшая школа, 2005.
6. Сергеева А. В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. – 3-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2005.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.
8. Bokszański Z. Indywidualizm a zmiana społeczna. – Warszawa, 2007.
9. Bokszański Z. Młodzi europejczycy o Polakach. – Łódź, 1998.
10. Gesteland R. Różnice kulturowe a zachowania w biznesie. – Warszawa, 2000.
11. Hofstede G., Hofstede G. J. Kultury i organizacje. – Warszawa, 2007.
12. Hall E. T. Poza kultura. – Warszawa, 1984.
13. Reykowski J. Kolektywizm i indywidualizm jako kategorie opisu zmian społecznych i mentalności // K. Gawlikowski i in. Indywidualizm a kolektywizm. – Warszawa, 1999.

Literatura

1. Beljanko O. E., Trushina L. B. Vzgljad so storony. – М.: IKAR, 2004.
2. Gudkov D. Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii. – М.: Gnozis, 2003.
3. L'juis R. D. Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknovenija k vzaimoponimaniu. – М., 1999.
4. Persikova T. N. Mezhkul'turnaja kommunikacija i korporativnaja kul'tura. – М.: Logos, 2008.
5. Sadohin A. P. Vvedenie v teoriju mezhkul'turnoj kommunikacii. – М.: Vysshaja shkola, 2005.
6. Sergeeva A. V. Russkie: Stereotipy povedenija, tradicii, mental'nost. – 3-e izd. – М: Flinta; Nauka, 2005.
7. Ter-Minasova S. G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija. – М.: Slovo, 2000.
8. Bokszański Z. Indywidualizm a zmiana społeczna. – Warszawa, 2007.
9. Bokszański Z. Młodzi europejczycy o Polakach. – Łódź, 1998.
10. Gesteland R. Różnice kulturowe a zachowania w biznesie. – Warszawa, 2000.
11. Hofstede G., Hofstede G. J. Kultury i organizacje. – Warszawa, 2007.
12. Hall E. T. Poza kulturą. – Warszawa, 1984.
13. Reykowski J. Kolektywizm i indywidualizm jako kategorie opisu zmian społecznych i mentalności // K. Gawlikowski i in. Indywidualizm a kolektywizm. – Warszawa, 1999.

УДК 8:8111

А. В. Чепкасов, В. П. Долгих

ОБРАЩЕНИЯ В РЕЧИ СПИКЕРА

В статье рассматривается употребление обращений как средства эффективности речи политика, суггестивного воздействия на аудиторию. Основное внимание уделяется анализу контекстов и жанров речи, в которых используются обращения.

Ключевые слова: политический дискурс, диалогизация, обращение, адресат, адресант.

A. V. Cheprasov, V. P. Dolgikh

REFERENCES IN THE SPEECH OF THE SPEAKER

The article considers the usage of addresses as the mean of politician's speech effectiveness, suggestive influence on the audience in the speech of Aman Gumirovich Tuleyev, the Governor of the Kemerovo region. The article focuses on the analysis of the contexts and genres in the speech with address.

The main task of the political discourse is to appeal for a recipient's perception of the information. Thus, any text of a politician has to possess various techniques of speech dialogization. Address is one of the main means of external dialogization. External dialogization realizes equal relations between an addressee and an addresser, makes contact and trust between them. The means of external dialogization attract an addressee's attention to the most significant moments in speech, thus a speaker can "manage" the process of listener's perception, and direct speech interpretation in the direction specified by the speaker.

Thereby, address let make contact with audience. To make this process successful the politician has to use those forms of addresses that will be perceived by the particular audience. The addresses in the speech are used according to the type of information. Herewith, the context where the address is used becomes very significant.

The conducted analysis of the Governor's speech led to the following conclusions:

- the usage of addresses depends on the event which became the reason of the speech;
- a speaker uses the compositional address when it is required by the type of information;
- when addressing a specific person A. Tuleyev does not use only one form of address, he uses address-index, specifying a particular person and address-regulative, indicating the relation to the speech addressee;
- address as the etiquette means of speech helps to make contact with audience, show respect, tactful and friendly attitude to the addressee;
- the most frequency token used by A. Tuleyev in his speech are "dear countrymen, kuzbassobtsy," "dear friends."

Repetitions of addresses with different propositional structures that direct a speaker's thoughts show that the speaker focuses on the audience and every time he strives to allocate various aspects significant for Kuzbass people who he addresses.

The analysis shows that the address in politician's speech plays an important role. The usage of any addresses is connected with the situation in which the speech is pronounced. The distinctive feature of tuleyevsky style is his fatherly relation and respect to his addressees. The address is closely connected with the topic of the speech. After each address there is a new turn of thought addressing the audience of the speech. Such speech keeps the audience in tense, eager to understand the speech of the speaker.

Keywords: political discourse, dialogization, address, addressee, addresser.

В политическом дискурсе важно организовать реципиента на активное восприятие информации. Поэтому необходимыми для текста политика становятся различные приемы диалогизации речи: вопросно-ответные комплексы; различные обращения к слушателю; при-

общение его к совместному размышлению, все возможные формы выражения побуждения; способы выражения предписания, рекомендации, направленные на аудиторию; экспликации предполагаемых реакций аудитории на сообщаемое автором и др. [11].

Е. В. Осетрова отмечает, что важной составляющей языкового образа политика является набор его речевых характеристик. Одна из таких характеристик – это монологичность/диалогичность. Отмечается, что диалоговый режим общения оценивается аудиторией положительно. Именно обращения становятся маркером процесса диалогизации [8].

Публичное выступление всегда содержит такой элемент речи, как обращение. С. П. Хорошилова, изучив работы Н. Н. Кохтева, в которых рассматривался вопрос лингвистических маркеров процесса диалогизации, пришла к выводу о том, что обращение является средством внешней диалогизации. Внешняя диалогизация реализует равноправные отношения между адресатом и адресантом, позволяет быстро установить контакт, доверительные отношения между говорящим и слушающим. Приемы внешней диалогизации связаны с привлечением внимания адресата к наиболее значимым моментам в речи, позволяют говорящему «руководить» процессом восприятия слушающего, помогают направлять интерпретацию речи в заданное им русло [9].

Речь политика оперирует символами, в которых проявляются особенности культуры, самосознания нации. Чтобы речь была успешной, нужно подбирать символы, созвучные массовому сознанию: политик должен уметь затронуть нужную струну в этом сознании [4]. Одним из таких символов является обращение, которое в каждой стране имеет свою специфику, обусловленную культурным пространством нации.

Обращение можно характеризовать как этикетную форму. Н. И. Формановская дает такое определение понятия «этикет». Этикет – явление, «регулирующее правила речевого поведения, систему национально-специфичных, стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности (цит. по [5]).

Таким образом, обращение помогает установить контакт с аудиторией. Чтобы этот процесс был успешным, политик должен использовать те обращения, которые будут восприниматься конкретной аудиторией. Обращения в речи используются в соответствии с типом информации. При этом особую значимость приобретает контекст, в котором употребляется обращение.

В статье подвергаются анализу обращения в речах губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева.

Проанализируем обращения в выступлении А. Г. Тулеева «День работников культуры» (28.03.2011).

В тексте используется ряд обращений с реализацией после каждого определенного тематического блока:

1. *Добрый день, уважаемые работники культуры! Дорогие друзья!* В данном случае губернатор пользуется двумя видами обращений. Первое обращение – обращение-индекс, обозначающее адресата речи. Второе – обращение-регулятив, обозначающее отношение политика к адресату речи. Сначала спикер уважительно выделяет основную часть аудитории, затем использует эмоционально и интонационно окрашенное обращение *Дорогие друзья!* После этого следует смысловой блок о значимости культуры в обществе и в Кузбассе, в частности.

2. После повторного обращения *Дорогие друзья!* следует статистическая информация: перечисляется, сколько в области музеев, библиотек, учреждений культуры.

3. Третий смысловой блок также начинается с обращения *Дорогие друзья!* За ним следует информация о выставках, спектаклях, деятелях культуры, которые посетили Кузбасс.

4. Следующий смысловой блок начинается с обращения *Дорогие земляки!* Данное обращение позволяет объединить всю аудиторию, подчеркнув особую близость всех друг другу, так как **землячество – одна из главных объединительных идей, укорененных в русском национальном сознании**, одна из архетипических антитез: *земляк – чужак* [11]. После обращения *Дорогие земляки!* спикер говорит о деятелях кузбасской культуры, стремится вызвать гордость у слушателей тем, что все они являются земляками с такими уважаемыми людьми, как Владимир Иванович Щанкин, создавший ансамбли, которые известны далеко за пределами Кузбасса; Виктор Иванович Тишков, заслуженный работник культуры и т. д.

5. *Поэтому, дорогие друзья!* Обращение *дорогие друзья* идет после наречия *поэтому*, связывающего то, что было сказано ранее, с тем, о чем будет говориться далее. Заканчивается данный блок рассказом губернатора об итогах конкурса: *Кстати, мы подводили и подвели итоги областного конкурса на лучшее учреждение и управление культуры. И вот сегодня на нашем приеме победители получают сертификат на сумму 1 млн рублей.* Употребление вводного слова *кстати* обычно в разговоре с друзьями, когда человек вдруг вспомнил что-то важное, значимое и доверительно сообщает об этом.

6. Шестое обращение – *Дорогие друзья!* А далее сообщается новость: *Осенью этого года у нас произойдет важнейшее культурное событие: мы станем главной площадкой уникального музыкального фестиваля «Крещендо».* Оратором избрана форма оперативного сообщения, в основе которой лежит общественно значимый факт, а именно: Кузбасс станет площадкой фестиваля «Крещендо», приедут лучшие музыканты со всей России.

7. После представленной выше информации А. Г. Тулеев обращается к слушателям *Дорогие друзья!*, приводит цитату о почтении к родителям, культуре. Завершает выступление словами благодарности.

Таким образом, в проанализированном выступлении А. Г. Тулеева «День работников культуры» (28.03.2011), в основном, употребляется обращение *дорогие друзья*, но каждый раз после обращения выстраиваются иные смысловые блоки, значимые для кузбассовцев. Обращение помогает аудитории переключать внимание от одного типа информации к другому. Обращение *дорогие земляки* употребляется один раз, когда говорится об известных России земляках, живущих в других городах России, не забывающих своих земляков.

Культурное пространство необходимо для каждого региона. Оно объединяет людей, структурирует их самосознание, дает возможность взаимопонимания, что характерно, прежде всего, для людей, находящихся в дружеских отношениях.

В начале и середине выступления «День работников культуры» (28.03.2011) обращения используются примерно через одинаковые отрезки речи, в конце – употребляются в 2 раза чаще. Это связано с тем, что при завершении выступления губернатор стремится оставить приятное впечатление у слушателей.

Сравним, как используются обращения в других выступлениях А. Г. Тулеева. В выступлении «Освящение часовни, пос. Чугунаш» (17.08.2010), обращаясь к архиерею, А. Г. Тулеев говорит: «...*дорогой Владыка*». Через этикетное обращение он проявляет уважительное и вместе с тем теплое отношение к владыке. Пр процитируем предложение перед обращением:

Прошло много времени, наконец-то то, о чем я думал, с благословения Владыки Аристарха совершилось. Здесь указание на длительное состояние оратора в прошлом (думал). То, о чем думал оратор, осуществилось только что, в данный момент с благословения Владыки Аристарха. Следующее предложение: *И вот сегодня совесть у меня чиста, дорогой Владыка, мы освятили в Таштагольском районе часовню в память всех невинно пострадавших*. Обращение встраивается в высказывание, находится в центре, связывая между собой его части, находящиеся в причинно-следственных отношениях. Совесть чиста перед жителями Кузбасса, потому что освящена часовня тем, к кому обращается политик.

В «Освящении часовни, пос. Чугунаш» в составе обращения нет лексемы «уважаемый». По отношению к архиерею используется слово «дорогой». Оно более теплое, не столь официально, как «уважаемый». В конце выступления используется обращение *«дорогие земляки»*. Аман Гумирович учитывает событие, ситуацию, в которой произносится речь. В этом выступлении рассказывается о строительстве и освящении часовни. Вот что следует перед предложением с обращением: *Главное – память хранить о людях, погибших на нашей родной земле*. Нет заезженного слова *патриотизм*. Но хранить память о погибших на родной земле может только патриот своей родины. Использование такой характеристики земли, как «родная», задает употребление обращения *дорогие земляки*. Предложение *Пусть молитвенная помощь святого Григория, дорогие земляки, сопутствует нам, нашим детям, внукам во всех добрых делах* обнаруживает использование местоимений *нам, нашим*. Оратор находится в состоянии сопредельной связи со слушающими его людьми, искренне полагая, что дети и внуки являются нашими, общими, о которых необходимо заботиться. Само предложение обладает мощной суггестией. Его произносит самый авторитетный в Кузбассе человек, это предложение наполнено магической силой. Это как бы заклинание, обращение к высшим силам за помощью, в которую он верует. Обращение *дорогие земляки* в данном случае усиливает эмоциональную составляющую высказывания. В принципе можно просто сказать: «Пусть молитвенная помощь святого Григория сопутствует нам, нашим детям, внукам во всех добрых делах». Но наличие обращения – это сопричастность к богоугодному делу слушающих, дорогих земляков. Волеизъявление, выражающееся словами *пусть сопутствует*, может быть произнесено человеком, который душой болеет за тех, к кому он обращается и для кого выстроена и освящена часовня. И появляется уверенность, что все получится, все будет хорошо. Поэтому фраза *Пусть молитвенная помощь святого Григория, дорогие земляки, сопутствует нам, нашим детям, внукам во всех добрых делах* воспринимается слушателями как нечто свое, сокровенное. Губернатор произносит то, что переживает каждый человек и что переживает он сам.

В выступлении «Открытие бизнес-инкубатора» (г. Кемерово, апрель 2011 года) А. Г. Тулеев обращается к И. О. Щёголеву – министру связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, с которым открывал бизнес-инкубатор, – «Игорь Олегович», «уважаемый Игорь Олегович», чередуя обращение-индекс и обращение-регулятив. В этом же выступлении губернатор обращается к Щёголеву «товарищ министр», считая его партнером в организации бизнес-инкубатора.

Приведем примеры обращений из другой коммуникативной ситуации. Рассмотрим новогоднее обращение А. Г. Тулеева к жителям области [7]. Н. В. Кондратенко новогоднее обращение относит к ритуальному жанру на основании следующих критериев: событийность (торжественное событие – празднование Нового года), временная локализованность (телевизионное выступление, транслируемое государственными телерадиоккомпаниями за 10 минут

до наступления Нового года), закреплённая форма, перформативный характер и широкая адресованность. Выступление ориентировано на выражение идеи интеграции, единения народа. Следует обратить внимание на предпочтение речевых форм обращений [6]. Сложность новогоднего поздравления заключается в том, что губернатору необходимо обратиться к разным представителям региона.

1. *Отдельное спасибо вам, наши кормильцы, дорогие селяне.* А. Г. Тулеев обращается к людям, занимающимся сельскохозяйственными работами, *наши кормильцы*. Данное обращение звучит по-домашнему, подчеркивается теплое отношение губернатора к людям, которые поставляют продукты питания в город. Далее следует эмоционально и интонационно окрашенное обращение *дорогие селяне*. В первом случае акцент делается на действии и результате, производимом людьми (используются полимотивационные конструкции [2], во втором – на место, где производится это действие. В данном случае используются пропозиционально-словообразовательные синонимы, характеризующие одних и тех же людей с разных сторон, объемно: *кормильцы* – *селяне* – те, кто живёт в селе, кормит, производит корм (имплицитно – для горожан) [3; 1].

2. *Год знаковый был. Год 65-летия нашей великой Победы. Дорогие наши ветераны, столько, сколько вы сделали для Отечества, ну невозможно все это переоценить.* Губернатор использует не просто форму обращения *дорогие ветераны*, как зачастую он говорит («дорогие друзья» или в приведенном выше примере «дорогие селяне»). В состав обращения включено притяжательное местоимение *наши*. Следует отметить, что это местоимение дважды повторяется, объединяя в некое тесное сообщество людей, совершивших подвиг в годы Великой Отечественной войны. Эта Победа наша – нашего народа. Ветераны, которых осталось совсем немного, являются нашими, кузбасскими. В обращении обнаруживается гордость за то, что люди, проявившие героизм в борьбе за освобождение России от фашизма, живут в Кузбассе. Повтор несет двойную пропозициональную функцию, связывая события, значимые для России, с людьми, живущими в Кузбасском регионе. Использование частицы *ну*, являющейся разговорной, подчеркивает значимость того, что сделано ветеранами для Отечества.

3. *Так что, подводя итоги уходящего года, дорогие земляки, можно вот с уверенностью сказать: нами создан дополнительный запас прочности, несмотря на всякие кризисы, на следующий 2011 год.* Оратором используется обращение *дорогие земляки*, потому что этого требует конкретная коммуникативная ситуация. Напомним мысль о том, что землячество – архетипическая антитеза, выстраивающая оппозицию *земляк* – *чужак*. Тем самым губернатор стремится показать, что *дополнительный запас прочности* создан совместными усилиями людей, которые являются дорогами, родными его сердцу.

4. *Спасибо вам, уважаемые земляки, за вашу ежедневную, кропотливую, созидательную работу, за ваш ум, за ваш талант, честное служение делу, а главное, я считаю, за любовь к родной Кузнецкой земле.* Обращение *уважаемые земляки* дополняет используемое ранее обращение *дорогие земляки*. Данное обращение звучит более официально. Если в приведенном выше высказывании говорится о том, что сделано для Кузбасса в прошедшем году, в данном высказывании раскрывается, что легло в основу создания запаса прочности (*кропотливая работа, ум, талант, честное служение делу, любовь к родной Кузнецкой земле*). Так, губернатор чередует разные обращения, используя в его составе лексику *земляки*, которая является в данном контексте значимой, так как «земляк» связан с «Кузнецкой землей».

5. *Дорогие друзья*, как говорится, «ворожи не ворожи, гадай не гадай» – это чисто наша исконно русская забава, что произойдет, надо честными быть. Уже за столом, немного выпили, и каждый из нас понимает, что и следующий год – не будет он ни беззаботным, ни легким, ни белым, ни пушистым, потому что закономерность есть такая: чем ты больше делаешь, тем еще надо больше сделать. Здесь явлен «балалаечный язык» Тулеева, который подтверждает, что губернатор сам – один из кузбассовцев, свой. Он ощущает предновогоднюю атмосферу в каждом доме. Говоря о сложных вещах, употребляет пословицу, вызывающую улыбку и понимание сложности ситуации в следующем году. Разговорная речь, использование разговорных конструкций, народный язык, который не скрывает правды: не будет следующий год – благополучным (*и следующий год – не будет он ни беззаботным, ни легким, ни белым, ни пушистым*), но работать надо, потому что закономерность есть такая: чем ты больше делаешь, тем еще надо больше сделать. Употребление местоимения *ты* в данном случае относится к каждому кузбассовцу, в том числе и к Тулееву.

6. *Уважаемые кузбассовцы*, по восточному календарю Новый 2011 год – это год кролика. В Англии, вот сотни лет, сотни лет, заяц является эмблемой гильдии рудокопов, то есть наших горняков. Считается, по поверью, что он спасает их от аварий. А для нас, для нашего шахтерского региона это очень и очень важно. Обращение *уважаемые кузбассовцы* синонимично обращению *уважаемые земляки*. Земляки в речи Тулеева – это кузбассовцы. Как и в предыдущих случаях, обращение настраивает на новые мысли. В этом случае Кузбасс представлен как один из шахтерских регионов. Двойной повтор *вот сотни лет, сотни лет* с частицей *вот* перед первым словосочетанием воздействует на подсознание в плане понимания опасности шахтерского труда в разных странах. Связывая наступающий год с эмблемой рудокопов в Англии, Тулеев верит, что этот год является охраненным для шахтеров.

7. *Дорогие друзья*, от всей души желаю всем нам, конечно, мира, конечно, благополучия, конечно, здоровья. Пожелания мира, благополучия, здоровья обычно предназначены в неофициальной обстановке дорогим людям, друзьям. Повтор слова *конечно* делает эти пожелания чем-то само собой разумеющимся. Употребление местоимений *всем нам* – свидетельство того, что губернатор – один из всех кузбассовцев.

8. *Вот и давайте все вместе, в единой цепочке, поднимем праздничные бокалы за семейное счастье в каждом доме, за соль земли, наших родителей и ветеранов, за будущее страны, детей и внуков, и, конечно, за наших родных кузбассовцев. С Новым годом, дорогие земляки, с наступающим светлым Рождеством Христовым. Удачи нам.* Прослеживается закономерность в использовании обращений. Когда губернатор стремится подчеркнуть объединение, связанность всех со всеми, он использует в составе обращения лексику *земляки*. Объединительная идея землячества подчеркивается и усиливается выражением «в единой цепочке». Повтор местоимения *наших* и в конце речи *нам* привносит идею единения кузбассовцев в канун праздника.

Губернатор в предновогоднем поздравлении в особую группу выделяет работников села, благодаря которым на праздничном столе есть все необходимое для встречи Нового года, а также наших дорогих ветеранов, благодаря которым мы есть и при всех трудностях неплохо живем. Большая часть обращений – это *дорогие друзья, дорогие земляки*. В том случае, когда появляется необходимость сказать слова благодарности за труд, употребляются обращения *уважаемые кузбассовцы, уважаемые земляки*.

Проведенный анализ речей губернатора позволяет заключить, что:

- использование обращений зависит от события, по поводу которого произносится речь;
- композиционным обращением оратор пользуется, когда этого требует тип информации;
- в обращении к конкретному человеку он не ограничивается одним видом обращения, используя обращение-индекс, называющее конкретное лицо, и обращение-регулятив, обозначающее отношение к адресату речи;
- обращение как этикетное средство речи помогает установить контакт с аудиторией, проявить уважительное, тактичное, доброжелательное отношение к адресанту сообщения;
- самыми частотными лексемами, используемыми в составе обращения, являются «уважаемые земляки, кузбассовцы», «дорогие земляки, кузбассовцы, друзья».

Повторы обращений, в основе которых находятся разные пропозициональные структуры, направляющие мысль оратора, свидетельствуют о том, что спикер сконцентрирован на слушателях и стремится каждый раз выделить разные значимые для Кузбасса аспекты у людей, к которым он обращается.

Как показывает анализ, обращение в речи политика играет важную роль. Употребление тех или иных обращений связано с ситуацией, в которой произносится речь. Отличительной чертой тулеевского стиля является его уважительное, отеческое отношение к адресату речи. Обращение органично связано с тем, о чем говорится в выступлении. После каждого обращения появляется новый поворот мысли. Такая речь держит аудиторию в напряжении, стремлении понять то, о чем говорит спикер.

Литература

1. Араева Л. А. Словообразовательный тип: традиционное и современное видение // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2004. – № 4. – С. 110–115.
2. Араева Л. А., Катышев П. А. Полимотивация как речемыслительная стратегия носителей русского языка // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2006. – № 2(26). – С. 14–25.
3. Араева Л. А., Шумилова А. А. Когнитивная интерпретация синонимии // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты: мат-лы I Междунар. науч. конф. / под ред. проф. Н. Б. Лебедевой. – Кемерово: ООО «РА “Меркурий”», 2006. – Вып. 1. – С. 64–74.
4. Демьянков В. З. Параметры политического дискурса в интерпретации. Эффективность политического дискурса [Электронный ресурс] // Язык СМИ и тексты политического дискурса. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text12/09.htm#з_03
5. Кимпалу Ж. Русское обращение в деловой письменной речи (с позиции носителей языка китуба): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – С. 12.
6. Кондратенко Н. В. Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/45.htm>
7. Новогоднее обращение губернатора А. Г. Тулеева к жителям области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=p_YkZCRGp1Y
8. Осетрова Е. В. Речевой имидж. – Красноярск, 2004. – С. 25.
9. Хорошилова С. П. Диалогизация процесса речевого воздействия на аудиторию // Педагогические науки. – 2010. – № 11. – С. 131–133.
10. Чепкасов А. В. Работа спичрайтера и политического деятеля над текстами публичных выступлений (к постановке проблемы) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – № 11. – С. 34–41.

11. Чепкасов А. В. Обращение как деривационная детерминанта создания текста политика // Актуальные проблемы современного словообразования. – Кемерово, 2011. – Вып. 4. – С. 372–373.

Literatura

1. Araeva L. A. Slovoobrazovatel'nyj tip: tradicionnoe i sovremennoe videnie // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Ser. 9. Filologija. – 2004. – № 4 – S. 110–115.
2. Araeva L. A., Katyshev P. A. Polimotivacija kak rechemyslitel'naja strategija nositelej russkogo jazyka // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – Kemerovo, 2006. – № 2 (26). – S. 14–25.
3. Araeva L. A., Shumilova A. A. Kognitivnaja interpretacija sinonimii // Slavjanskaja filologija: issledovatel'skij i metodicheskij aspekty: **mat-ly I Mezhdunar. nauch. konf.** // **pod red. prof. N. B. Lebedevoj.** – Kemerovo: OOO «RA “Merkurij”», 2006. – Vyp. 1. – S. 64–74.
4. Dem'jankov V. Z. Parametry politicheskogo diskursa v interpretacii. Effektivnost' politicheskogo diskursa [Elektronnyj resurs] // Jazyk SMI i teksty politicheskogo diskursa. – Rezhim dostupa: http://evartist.narod.ru/text12/09.htm#z_03
5. Kimpalu Zh. Russkoe obrashhenie v delovoj pis'mennoj rechi (s pozicii nositelej jazyka kituba): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2009. – S. 12.
6. Kondratenko N. V. Novogodnee obrashhenie kak ritual'nyj zhanr politicheskogo diskursa: makrostrukturnye komponenty i sredstva ih vyrazhenija [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/45.htm>
7. Novogodnee obrashhenie gubernatora A. G. Tuleeva k zhiteljam oblasti [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.youtube.com/watch?v=p_YkZCRGp1Y
8. Osetrova E. V. Rechevoj imidzh. – Krasnojarsk, 2004. – S. 25.
9. Horoshilova S. P. Dialogizacija processa rechevogo vozdejstvija na auditoriju // Pedagogicheskie nauki. – 2010. – № 11. – S. 131–133.
10. Chepkasov A. V. Rabota spichrajtera i politicheskogo dejatelja nad tekstami publicnyh vystuplenij (k postanovke problemy) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – Kemerovo: KemGUKI, 2010. – № 11. – С. 34–41.
11. Chepkasov, A. V. Obrashhenie kak derivacionnaja determinanta sozdanija teksta politika // Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovanija. – Kemerovo, 2011. – Vyp. 4. – S. 372–373.

УДК 8

Л. А. Араева, М. Н. Тарасова

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ У ТЕЛЕУТОВ²⁹

В статье представлена классификация наименований людей по родственным (кровным, брачным) связям. Выявлено, что до настоящего времени сохранились и функционируют именованья родственников по мужской и женской линии. В основе именованья родственников находится сложная сеть ментальных пропозициональных структур и пропозиций, обуславливающих самобытность народа, проявляющуюся в рассматриваемом фрагменте языковой картины мира.

Ключевые слова: родственные отношения по материнской и отцовской линии, парадигматика именованья родственников, пропозициональная организация именованья родственников, языковая картина мира.

²⁹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ № 13-14-42004/12.

L. A. Arayeva, M. N. Tarasova

TELEUTS KINSHIP TIES

The article focuses on the way of present family relationship indication of the Teleuts living in Bekovo village, Belovskii district of the Kemerovo region. The study was conducted on the basis of field expeditions in 2013. The materials from the Russian-Teleut and the Teleut-Russian dictionaries have been used as well. It is difficult to save family relations due to the fact that Teleuts live among Russian population and accepted Christianity.

However, till nowadays in the Teleut language there is the set of family relations, for which blood ties through the maternal and paternal lines, as well as marital ties are significant.

The naming of relatives in any language represent a propositional structure "subject that relates to another subject," which in the Teleut language is implemented with the propositions: a son related to his father, a son related to his mother, a brother related to the father, a brother related to the mother, wife's brother, husband's brother, aunt's husband.

Propositional structure "subject of characterization" is implemented with the propositions, "the old man after 60," "husband after 60," "the old woman after 60," "wife after 60," "young husband," "young wife," "youngest aunt," "middle aunt," "elder aunt," "close relative," "distant relative," "elder sister," "younger sister," "elder brother," "younger brother," "stepfather," "stepmother," "stepdaughter," "stepson," "lonely man," "single man," "married woman," "married man," etc.

In the Teleut language also the following polypropositional structures are represented: "subject – his characterization – the relation to the subject," which is implemented with the propositions: "father's younger brother," "husband's younger brother," "father's elder brother," "husband's elder brother;"

"subject – the relation to the subject, characterized by a certain property," "father's elder brother's wife," "elder brother's wife," "maternal uncle's wife."

"subject – the relation to the subject possessing the property with respect to another subject." "father's elder brother's wife."

The only polypropositional structure has been found out "subject characterized by his age and place," realized in the proposition "half-younger brother."

The implementation of the different propositions within a word causes propositionally structured ambiguity, implementation of the same proposition in different words leads to a propositional conditional synonyms.

Thus, at present the Bachats Teleuts have a complex organization of names of kinship, demonstrating the desire to preserve their traditions and culture. This is due to Teleuts compact settlement in the same area within a village.

Keywords: relationship to maternal and paternal lines, paradigmatic names of relatives, propositional organization of names of relatives, linguistic picture of the world.

Статья посвящена тому, как в настоящее время обозначаются родственные отношения у телеутов, проживающих в с. Беково Беловского района Кемеровской области. Исследование выполнено на основе полевых экспедиций в 2013 году. Использовались также материалы русско-телеутского и телеутско-русского словарей [6; 7] Сложность сохранения родственных отношений обусловлена тем, что телеуты живут в окружении русского населения, приняли христианство. В результате отказались от своих исконных личных имен. В селе есть православная церковь.

Но, тем не менее, жители села сохранили некоторые традиции своих предков. Например, в селе живет подшаманка Мария Павловна Колчогошева, которая лечит людей аласом, кормит кукол (эмегендер), чтобы уберечь людей от недуга. После свадьбы молодая жена вместе со

своей матерью и Марией Павловной шьют из лоскутков ткани куклы (эмегендер), которые являются оберегом для семьи. До настоящего времени куклы висят в домах в укромном месте, чтобы ни ребёнок, ни животное не могли их достать. Никто, кроме хозяев, не имеет права ни смотреть на них, ни трогать. Если люди заселились в дом, в котором оказались куклы, их не трогают и выносят из дома весной. С. Н. Якучаков в ответ на вопрос: «Почему нельзя трогать куклы?» – говорит: «Это не твое, не должен хранить. Жди весны. Полная река будет. Сделай небольшой плотик и скажи: “Вода, унеси их хозяйке или тому, кому нужнее”».

Сохраняются и такие языческие обряды, как поклонение березкам (сомдор), духам (Ээзи) огню (От). Осталась вера в то, что березки (сомдор) охраняют дом. Их устанавливают перед Троицей, украшают красными и белыми лентами. Ставят березки родственники по мужской линии на восходе солнца. Окропляют молоком, чтобы духи охраняли род. Данное действие совершают мужчины преклонного возраста. Вероятно, в силу того, что в семьях телеутов рождается значительное количество детей (от 4 до 6), они до настоящего времени поклоняются покровительнице детей – Май эне.

Таким образом, в долговременной памяти телеутов сохранились верования, о которых они говорят только тогда, когда собеседник вызывает у них доверие и уважение. И еще они очень надеются на то, что их община сохранится. Не случайно, что и родственные отношения у них имеют давнюю традицию.

У бачатских телеутов (телеутов, проживающих по рекам Большой и Малый Бачат) до настоящего времени сохранились в памяти названия родов, о принадлежности к определенному роду представители этой народности говорят с гордостью. Это меркит, мундус, найман, тонгул, торо, очо, мерет, пурут, тодош, чорос, чалмалу, төлөс, теткир, тумат, јүтты, төрт тас, чынзан. Однако принадлежность к роду в настоящее время не отражена в наименованиях родственных связей, что, как отмечают исследователи, характерно для XVII–XVIII и отчасти XIX века [8].

В телеутском языке до настоящего времени сохранилась сеть родственных отношений, для которых значимы кровные связи по материнской и отцовской линии.

Так, например, бабушка по матери и по отцу имеет разное именование: бабушка (по матери) – *тайнеш*; бабушка (по отцу) – *энеш*. Значимым является также обозначение деда по материнской и отцовской линии. Ср.: дед по матери – *тайбааш*; дед по отцу – *абааш*. Как следует из приведенных лексических единиц – бабушка и дедушка по материнской линии и по отцовской линии незначительно различаются по звуковому оформлению: *тайнеш* – *энеш*; *тайбааш* – *абааш*. Название родных бабушки и дедушки произведено от наименования матери (эне) и отца (аба) с помощью аффикса –ш. Чужая бабушка, не связанная родством, называется телеутами *эмеген*.

Отмечаются по кровному родству названия дочери и сына, а также брата и сестры, тети, дяди, племянника и племянницы:

Эне-аба – родители (сложное слово, образованное сочетанием слов со значением матери и отца).

Қыс – дочь, девушка, *Қызым* – моя дочь.

Меең уулым – мой сын.

Младший брат сестры, у которых общие родители, племянник, который младше – *қарындаш*.

Абағай – старший брат отца (*аба* – отец, *ғай* – аффикс).

Ача – старший брат по отцу, родной старший брат.

Ача – младший брат отца. В настоящее время допускается добавление русского суффикса – ка: *ачака, тайнеш – тайнешка, энеш – энешка, эйе – эйека, тайбаш – тайбашка, абаш – абашка*, но не говорят *қарындашка*.

Как следует из названий брата, здесь значима не только связь с отцом или матерью, но и то, старшим или младшим в семье является брат.

Қарындаш – младший брат, племянник, который младше (*қарын* – требуха; *ич-қарын* – утроба). Есть у телеутов поговорка: «*Энезиниң пир қарынаң чықан*» – «С одной материнской утробы вышедшие». Но в настоящее время так можно и обращаться к собеседнику, равному по возрасту. Братья между собой называют себя *қарындаштар*.

Таай – дядя (брат матери). Телеуты говорят: «*Тапқай да ползо – таай*». *Тапқай* – это *цепка*. Переводится в таком смысле: Даже если младше меня, то всё равно таай – дядя (по матери).

Эйе – сестра старшая и тетя со стороны отца, старшая племянница.

Сийным – моя сестра.

Сийин – сестра, младше меня; племянница по отцу.

Леен – племянник, племянница (со стороны отца).

Пөллө – двоюродная сестра по материнской линии.

Пөллө – дети двух родных сестёр по матери.

Эйе – старшая сестра.

Кўчў эйе – младшая тётя (*Кўчў* – младшая).

Ортон эйе – средняя тётя (*Ортон* – средняя).

Улан эйе – старшая тётя (*Улан* – старшая).

Паламның палазы – внук (моего ребёнка ребёнок).

Паламның қызы – внучка (моего ребёнка дочь).

Игис – близнецы, двойня.

Тууган, тууган кижси, жууқ кижси – родственник (*туу* – рожать; *жууқ* – близкий).

Жууқ тууган – близкий родственник.

Раақ тууган – дальний родственник (2–3 поколение).

Наименования родства, связанные с брачными отношениями:

(*Меең*) *эрим* – (мой) муж.

(*Меең*) *қаатым* – (моя) жена.

Кижси алған кижси, кижилў – женатый человек (*кижи алаға* – жениться).

Эшитў – женатый (*эш* – жена, друг, спутник), *тў* – суффикс прилагательного.

Жены именуются по мужской и женской линии:

Абөңөш – жена старшего брата отца.

Леңе – жена старшего брата, жена дяди по материнской линии.

Келин; келди – жена сына.

Келин – жена младшего брата.

Қаты – жена.

Қолту – жених.

Кўйў – зять.

Жесте – муж сестры, двоюродной сестры.

Келдым – моя сноха.

Қайнада, қайна – свёкор, тесть.

Қайне – свекровь, теща.

Құдағай – сватья.

Құда – сват.

Құдалар – сваты.

В глаза свекровь называют *эне* (мама). За глаза – *қайнем* (моя свекровка).

В названиях жены и мужа присутствуют возрастные показатели:

Қолту – молодая жена, молодой муж.

Эмеген – старуха, жена после 60 лет.

Абышқа – старик, муж после 60 лет.

Уважение к старшим характерно для тюркских народов. Отражено это и в сознании телеутов. Память о том, что в роду есть старейшины, сохранилась в сознании телеутского народа.

Јаан эйе – уважаемый человек, старший в роду (*Јаан* – старший, *эйе* – как уважение при обращении к взрослой, почитаемой женщине).

Значимо для телеутского населения деление братьев мужа и жены, как в случаях с кровным родством, на старших и младших с указанием женской и мужской линии.

Қайнаға – старший брат мужа.

Қарындаш – младший брат жены.

Јесте – муж сестры, двоюродной сестры.

Наименования мужчин, женщин и детей вне брака:

Қолту – жених, муж; невеста, жена.

Кижі алған кижі, кижілі – женатый человек (*кижі алаға* – жениться).

Қолтулу, эрлі, эшті – замужняя.

Эшті, қолтулу, кижілі – женатый.

Сураc пала – внебрачный ребёнок (*сураc* – внебрачный, *пала* – ребенок).

Пойдоң – холостой мужчина.

Јаңысқан – одинокий мужчина (*Јаңыс* – единственный, *қан* – аффикс).

Ойножы – любовник, любовница (*ойно* – играть).

Отмечены названия неродных детей и неродных родителей:

Өөй аба – отчим (неродной отец).

Өөй эне – мачеха (неродная мать).

Өөй пала – чужой ребёнок (неродной ребёнок).

Өөй пала – пасынок, падчерица.

Өөй уул – пасынок (неродной сын).

Өөй қыс – падчерица (неродная дочь).

Өөй в данных словах означает «неродной, чужой».

Имеется название ребенка, у которого нет родителей:

Өскүс – сирота.

Как и в русском языке, отмечены названия людей, у которых умер муж или жена:

Пажы түйшқалған (үй кижі) – вдова (*паи* – голова, *түй* – спускаться, *үй кижі* – женщина).

Пажы түйшқалған (эр кижі) – вдовец (*эр кижі* – мужчина).

Обозначения женщин и мужчин по наличию детей в семье:

Көп палалу қаат кижі – многодетная женщина (*Көп* – много, *пала* – ребёнок, *қаат кижі* – женщина).

Көп палалу эр кижі – многодетный.

В силу того, что в телеутском языке отсутствует категория рода, некоторые наименования людей, находящихся между собой в родственных отношениях, обозначают одновременно как мужчину, так и женщину. Ср.: *Ойножы* – любовник, любовница; *Қолту* – жених, муж; невеста, жена. *Қолту* – молодая жена, молодой муж. *Јеен* – племянник, племянница (со стороны отца).

Отмечен случай, когда слово обозначает одновременно девочку и мальчика, и наряду с этим есть слова, которые отдельно называют девочку и мальчика. *Ӗӱй пала* – пасынок, падчерица. *Ӗӱй ул* – пасынок (неродной сын). *Ӗӱй қыс* – падчерица (неродная дочь). В данном случае можно говорить о родовидовых отношениях между лексическими единицами.

Зафиксированы слова, включающие несколько значений. *Јеңе* – жена старшего брата, жена дяди по материнской линии. *Келин* – жена сына, жена младшего брата. *Сийин* – сестра, младше меня; племянница по отцу. *Эйе* – старшая сестра, тётя. *Јеңе* – жена старшего брата, жена дяди по материнской линии. *Қарындаш* – младший брат, племянник, который младше, младший брат жены. *Эмеген* – старуха, жена после 60 лет. *Абышқа* – старик, муж после 60 лет.

Отмечается пересечение многозначности и неразличения рода: *Қолту* – жених, муж; невеста, жена. *Қолту* – молодая жена, молодой муж.

В некоторых случаях называется родственник, который выступает в разном статусе по отношению к разным родственникам: Таай – дядя (брат матери). *Эйе* – сестра старшая и тетя со стороны отца, старшая племянница. *Ача* – старший брат по отцу, родной старший брат. А вот именование свекрови и тещи, а также свекра и тестя не различается. *Қайне* – свекровь, теща. *Қайнада*, *Қайна* – свёкор, тесть.

Производные слова *Қайне* и *Қайнада* являются сложными, в конце которых находится *эне* и *ада*, позволяющие различать мужской и женский вариант. Данные лексические единицы проявляют экономию речевых усилий.

В телеутском языке различаются близкие и дальние родственники: *Тууған*, *тууған кижси*, *јууқ кижси* – родственник (*туу* – рожать; *јууқ* – близкий). *Јууқ тууған* – близкий родственник. *Раақ тууған* – дальний родственник (2–3 поколение). В русско-телеутском словаре значение «дальний» обозначено словом *ыраақ*, телеуты с. Бекова не произносят начальное Ы.

Для телеутского народа актуально выделение наименования тети, а также жены, мужа по возрасту: *Кӱчӱ эйе* – младшая тётя (*Кӱчӱ* – младшая). *Ортон эйе* – средняя тётя (*Ортон* – средняя). *Улан эйе* – старшая тётя (*Улан* – старшая). *Қолту* – молодая жена, молодой муж. *Эмеген* – старуха, жена после 60 лет. *Абышқа* – старик, муж после 60 лет.

Именования родственников в любом языке репрезентируют пропозициональную структуру «субъект, имеющий отношение к другому субъекту», которая в телеутском языке реализована пропозициями: «сын по отношению к отцу»; «сын по отношению к матери»; «брат по отношению к отцу»; «брат по отношению к матери»; «брат жены», «брат мужа»; «муж тети».

Пропозиционная структура «субъект по характеристике» реализуется пропозициями: «старик после 60 лет», «муж после 60 лет», «старуха после 60 лет», «жена после 60 лет», «молодой муж», «молодая жена», «младшая тетя», «средняя тетя», «старшая тетя», «близкий родственник», «дальний родственник», «старшая сестра», «младшая сестра», «старший брат», «младший брат», «неродной отец», «неродная мать», «неродная дочь», «неродной сын», «одинокый мужчина», «холостой мужчина», «замужняя женщина», «женатый мужчина» и др.

В телеутском языке репрезентируются также полипропозициональные структуры:

«субъект – его характеристика – отношение к субъекту», которая реализуется пропозициями: «младший брат отца», «младший брат мужа», «старший брат отца», «старший брат мужа»;

«субъект – отношение к субъекту, характеризующемуся определенным свойством»: «жена старшего брата», «жена дяди по материнской линии», «жена старшего брата», «жена дяди по материнской линии»;

«субъект – отношение к субъекту, обладающему свойством по отношению к другому субъекту»: «жена старшего брата отца».

Обнаружена единичная полипропозициональная структура «субъект, характеризующийся по возрасту и месту», реализованная в пропозиции «единоутробный младший брат».

Таким образом, ядерной пропозициональной структурой является структура «субъект по характеристике», реализующаяся значительным числом пропозиций. Полипропозициональные структуры актуализируются в языке пропозициями, в пределах которых объективируется сложное соотношение родственников с указанием их характеристик.

В нашем исследовании представлен структурно организованный (посредством пропозициональных структур и пропозиций) фрагмент языковой картины мира, в котором представлена специфика мировидения телеутов, проживающих в с. Беково.

Столь разветвленная система именований родственников в телеутском языке – свидетельство сложности пропозиционально-семантической организации рассматриваемых именований. Реализация разных пропозиций в пределах слова обуславливает пропозиционально структурированную многозначность [1; 2]; реализация одной и той же пропозиции в разных словах ведет к появлению пропозиционально обусловленной синонимии [3; 4; 5].

Таким образом, в настоящее время у бачатских тулеутов существует сложная система наименований родственных связей, в чем проявляется стремление сохранить свои традиции, культуру, что возможно в том случае, если люди определенной национальности, народности проживают в значительном количестве на одной территории, в данном случае – в одном селе. Важно, что при этом они занимаются привычными делами: держат коров, овец, ухаживают за конями, работают на огороде, обращаются к подшаманам, поклоняются духам, березкам, огню, как оберег держат в доме эмегендер.

Слова со значением родства

Абызындар – жёны родных братьев между собой

Күйү – муж дочери

Крес эне – крёстная

Крес пала – крестный ребёнок

Крес уул – крестник

Крес кыс – крестница

Эйелү-карындаш – сестра с братом

Ачалу-сийинду – брат с сестрой

Эң јан уул – старший сын в семье

Эң јан кыс – старшая дочь в семье

Орочы уул – младший сын в семье

Орочы кыс – младшая дочь в семье

Улу абаш – прадед по отцу

Улу тайбаш – прадед по матери

Улу энеш – прабабушка по отцу

Улу тайнеш – прабабушка по матери

Ўлгер сѳстѳр. Пословицы

Алтын пашту қаттан,
Арық пашту эр артық
*Мужчина и с пустой головой
лучше женщины с золотой головой.*

Абазы јѳкто уул паштақ,
Энези јѳкто қыс паштақ.
*Без отца сын шалун,
Без матери – дочь.*

Сағалда ой јѳқ.
Бородой ума не меряют.

Қымысты кем ичеге эзебес,
Јақшы қысты кем алаға эзебес.
*Кто квашенное кобылье молоко не хочет пить,
Кто хорошую девушку в жѳны не хочет взять.*

Информанты

Алабашева Александра Каримовна, 1953 г. р.
Баксарина Галина Михайловна, 1999 г. р.
Баксарин Василий Николаевич, 1940 г. р.
Искандарова Татьяна Степановна, 1974 г. р.
Кадышева Анна Евгеньевна, 2000 г. р.
Каргина Евдокия Николаевна, 1946 г. р.
Колчогошева Марина Павловна, 1935 г. р.
Кульчакова Ангелина Николаевна, 1998 г. р.
Кушаков Виктор Олегович, 1997 г. р.
Мажина Анна Иосифовна, 1940 г. р.
Потапова Ирина Михайловна, 1952 г. р.
Сыркашев Евгений Владимирович, 2000 г. р.
Тарасова Марина Николаевна, 1970 г. р.
Тыдыкова Анастасия Андреевна, 1935 г. р.
Чештанова Валентина Степановна, 1941 г. р.
Шадаева Раиса Дмитриевна, 1962 г. р.
Ускоева Екатерина Петровна, 1933 г. р.
Ускоева Мария Павловна, 1937 г. р.
Ускоева Людмила Петровна, 1974 г. р.
Якучаков Даниил Харитонович, 1943 г. р.
Якучаков Сафрон Николаевич, 1965 г. р.
Якучакова Галина Семеновна, 1940 г. р.

Литература

1. Араева Л. А. Многозначное производное слово как результат когнитивно-дискурсивной деятельности человека в деривационном пространстве языка // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (Сибресурс-13-2007) / под ред. В. Н. Масленникова. – Томск, 2007. – С. 205–210.
2. Араева Л. А. Пропозиция как детерминанта парадигматической связанности производных слов // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Е. Б. Трофимовой. – Бийск: ГОУ ВПО «БГПУ», 2008. – С. 3–10.
3. Араева Л. А. Электронный пропозиционально-фреймовый многоязычный словарь как основа толерантной межкультурной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2008. – № 5. – С. 48–50.
4. Араева Л. А., Евсеева И. В. Словообразование и синтаксис: типы пропозициональных структур // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск. – 2010. – № 4. – С. 145–150.
5. Араева Л. А., Проскурина А. В. Прозиционально-семантическая организация словообразовательного типа (на материале отсубстантивов с суффиксом –ин(а) в русских народных говорах) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 1. – С. 19–24.
6. Телеутско-русский словарь / под ред. Л. Т. Рюминой-Сыркашевой. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995.
7. Русско-телеутский словарь / под ред. Л. Т. Рюминой-Сыркашевой, Н. М. Рюмина. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002.
8. Тадина Н. А. О трех линиях родства у алтайцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/naltai/ualtairodstvo.html>

Literatura

1. Araeva L. A. Mnogoznachnoe proizvodnoe slovo kak rezul'tat kognitivno-diskursivnoj dejatel'nosti cheloveka v derivacionnom prostranstve jazyka // Prirodnye i intellektual'nye resursy Sibiri (Sibresurs-13-2007) / pod red. V. N. Maslennikova. – Tomsk, 2007. – S. 205–210.
2. Araeva L. A. **Propozicija kak determinanta paradigmaticeskoi svjazannosti proizvodnyh slov** // Obshhe-teoreticheskie i tipologicheskie problemy jazykoznanija: mat-ly III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. E. B. Trofimovoj. – Bijsk: GOU VPO «BGPU», 2008. – S. 3–10.
3. Araeva L. A. Jelektronnyj propozicional'no-frejmovyj mnogojazychnyj slovar' kak osnova tolerantnoj mezhkul'turnoj kommunikacii // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – Kemerovo: KemGUKI. – 2008. – № 5. – S. 48–50.
4. Araeva L. A., Evseeva I. V. Slovoobrazovanie i sintaksis: tipy propozicional'nyh struktur // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – Novosibirsk. – 2010. – № 4. – S. 145–150.
5. Araeva L. A., Proskurina A. V. Prozicional'no-semanticheskaja organizacija slovoobrazovatel'nogo tipa (na materiale otsubstantivov s suffiksom –in(a) v russkih narodnyh govorah) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. – 2011. – № 1. – S. 19–24.
6. Teleutsko-russkij slovar' / pod red. L. T. Rjuminoj-Syrkashevoj. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1995.
7. Russko-teleutskij slovar' / pod red. L. T. Rjuminoj-Syrkashevoj, N. M. Rjumina. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002.
8. Tadina N. A. O treh linijah rodstva u altajcev [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://new.hist.asu.ru/naltai/ualtairodstvo.html>

УДК 8

М. В. Бец

ФЕНОМЕН «БОГАТСТВО» В ТЕКСТОВОМ СОЗНАНИИ ВИРТУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Данная статья отражает некоторые результаты исследования (феномен концепта БОГАТСТВО), направленного на изучение виртуальной национальной языковой личности в рамках лингвокультурологического и лингвоперсонологического аспектов.

Ключевые слова: лингвоперсонология, лингвокультурология, языковая личность, концепт.

M. V. Bets

PHENOMENON OF WEALTH IN THE TEXTUAL AWARENESS OF VIRTUAL LINGUISTIC PERSONALITY

This article describes the results of research conducted within the framework of anthropocentric paradigm of emerging linguistics, and as a result, at the junction of the modern sciences, that devoted to analyze the interaction between man, language and culture. And they are named cultural linguistics and linguapersonology. One of the tasks of research is to discuss the key concepts of these sciences: linguistic personality, national linguistic personality, concept. The research material are Russian and German comments to news, that were taken from news portals The Newsland (Russia), Der Focus (Germany). These Internet resources can be called equivalent, that's why it is possible to compare the research linguistic material using the same characteristics. Because the sites are multilingual, so we can speak about two different linguistic cultures and the main task of research is to reveal characteristics, similarities and differences between the various language areas). It built the concept field of the phenomenon "bogatstvo" for Russian culture and "der Reichtum" for the German by means of determination of associative tokens and their derivatives, i. e. it researched mainly the lexical level of language.

Keywords: linguapersonology, cultural linguistics, linguistic personality, concept.

В последнее время в лингвистической науке наблюдается сдвиг от лингвистики имманентной к лингвистике антропоцентрической. Взаимосвязь языка и сознания человека привела к появлению таких наук, как: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвоперсонология, лингвополитология. Помимо сдвига лингвистической парадигмы на фундаментальном уровне изменились средства и стиль выражения человеческой речи, так называемой естественной письменной речи (Н. Б. Лебедева), что обусловлено научно-техническим прогрессом и повсеместным распространением сети Интернет. Появление нового типа текстов (комментарии, блоги и т. п.), заключенных в культурный контекст, и изучение их лингвистических составляющих дает возможность приблизиться к пониманию взаимосвязи языка и человека на ментальном, культурном и лингвистическом уровнях. В связи с этим целью данного исследования является выявление лингвокультурных особенностей национальной языковой личности, живущей в конкретной стране, посредством вычленения и изучения культурно-значимых концептов/ключевых слов. Вычленение таких концептов связано, прежде всего, с частотностью употребления в комментариях лексем, их репрезентирующих. Язык изучаемого материала – немецкий и русский, а источником являются авторитетные новостные порталы The Newsland (Россия), Focus (Германия).

Как уже было сказано выше, данное исследование связано с антропоцентрической парадигмой и активно развивающимися лингвистическими науками: лингвокультурологией и лингвоперсонологией, в центре которых находится изучение взаимосвязи языка и человека. «Язык – средство общения между людьми, и он неразрывно связан с жизнью и развитием того речевого коллектива, который им пользуется как средством общения. Общественная природа языка проявляется как во внешних условиях его функционирования в данном обществе (би- или полилингвизм, условия обучения языкам, степень развития общества, науки и литературы и т. п.), так и в самой структуре языка, в его синтаксисе, грамматике, лексике, в функциональной стилистике и т. п.» [5, с. 38]. В связи с этим культура языкового общения, принятая в той или иной стране, определяет особенности формирования личности в целом и создание определенных стереотипов, являющихся специфичными для конкретной лингвокультуры.

Основное понятие лингвокультурологии – это концепт/ключевое слово/понятие. Изучение комментариев с выделением концептов/ключевых слов/понятий представляется нам правомерным, поскольку такой подход позволяет составить портрет одной национальной языковой личности и выявить в нем отличия от другой именно на культурном уровне посредством лингвистических средств. Особую роль в понимании текста играют ключевые (доминантные или доминирующие) слова. Как показывают исследования Залевской, Рафиковой и др., ключевое слово текста активизирует связанные с ним структуры ассоциативных значений, которые извлекаются в рабочую память индивида из его долговременной памяти и затем используются в процессе формирования интегративных комплексов, функционирующих как цельные минимальные единицы знаний [2, с. 125].

Но нужно отметить, что носителем культуры является, безусловно, человек, который, в свою очередь, и реализует общение посредством языка, поэтому правомерно утверждать о тесной связи лингвокультурологии и лингвоперсонологии, центральным понятием которой выступает языковая личность. Под языковой личностью понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов» [3, с. 3]. Структура языковой личности представляется «состоящей из трех уровней: 1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную “картину мира”, отражающую иерархию ценностей... 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [3, с. 3–8]. В данной статье делается попытка изучения всех трех структурных элементов языковой личности.

Данный фрагмент исследования – это анализ комментариев, оставленных к новости о предоставлении В. В. Путиным гражданства Жерару Депардье, который отказался от французского гражданства ввиду увеличения налогов на роскошь до 75 %. Данная новость имела большой резонанс среди населения стран Европы и, конечно, России. В результате изучения коммен-

тариев удалось выявить концепт, детальное рассмотрение которого приблизит к пониманию лингвокультурных особенностей двух национальных языковых личностей, – это *богатство*. Необходимо заметить, что помимо лексемы-репрезентанты (богатство, *der Reichtum*) данный концепт включает в себя ряд лексем-ассоциатов, образующих единое концептуальное поле.

Для начала обратимся к комментариям к статье от 03.01.2013 на русском языке с портала The Newsland. Концептуальное поле «богатство» в данных комментариях образуют такие лексемы и их производные, как: налог, доход, капитал, заработок, миллион, деньги, богатство. При анализе данных комментариев можно заметить, что русские воспринимают богатство в большинстве случаев как нечто отрицательное, являющееся следствием аморальных или незаконных действий (*А вы не подсчитывали, сколько капиталов из России ежемесячно и ежегодно вывозится?*).

Что касается честно заработанного капитала в буржуйском государстве, то мне нравится высказывание Генриха Форда в преклонном возрасте: «Я могу отчитаться за каждый заработанный цент, кроме первого миллиона». Честно и правдиво. В данном примере можно заметить, что автор считает незаконным и аморальным состояние, заработанное за пределами России. Это доказывает использование словосочетания, имеющего презрительную эмоциональную окраску («буржуйское государство»), для обозначения стран Западной Европы, а также цитату, которая носит иронический характер

Пренебрежительное отношение к богатству ведет и к пренебрежительному отношению к состоятельному человеку. *Хороший пример для других знаменитостей, отказывающихся платить прогрессивный подоходный налог со своих миллионных доходов. У нас ведь Дерипаска и уборщица платят одинаково – 13 %.*

В следующем примере автор, с одной стороны, выступает в поддержку Жерара Депардье и его богатств, а с другой – осуждает. Вводное слово «конечно» используется при выражении согласия, а в сочетании со сказуемым «понятно», имеющим также значение согласия, приобретает дополнительное усиление эмпатии комментатора, но уже во второй части высказывания появляется глагол «проснобить», выражающий явное негативное отношение. *Депардье, конечно, не первый такой, но живёт он, в сравнении со всеми, всё же, как принц, поэтому бежать от налогов, конечно, понятно, но если французы его проснобят, то будут правы.*

Сохранить моральный облик, по мнению некоторых, возможно только не имея большого богатства. *Не надо подонков, которых, к сожалению, расплодилось не мало, приравнивать к небогатому, но порядочному большинству.* Богатый человек характеризуется при помощи бранного слова «подонки», то есть человек низкий, подлый человек; подлец, мерзавец. Антиподом ему выступает человек «небогатый». Интересным представляется, что автор употребил не антоним слову «богатый» «бедный», а прибег к отрицанию путем прибавления частицы «не», то есть тем самым как бы показывая, что денег для сохранения «порядочности» должно быть в ограниченном количестве.

Существование богатства, которое было заработано честным путем, отрицается большинством комментаторов. Это выражено при помощи словосочетаний и лексем «вопрос риторический» (при том в данном словосочетании наблюдается инверсия, которая усиливает отрицательную коннотацию), «ложь реклам», «нажива», «миф капитализма», «оболванивание трудового народа» (из этого же сочетания можно сделать вывод, что человек, занимающийся честным трудом, априори не может быть богатым), а в последнем примере – при помощи риторического вопроса, благодаря которому фраза приобретает особо подчеркнутый оттенок,

усиливающий ее выразительность. По поводу честно заработанных денег – вопрос риторический. Не буду углубляться в ложь реклам или копаться в других способах наживы. Заработать при капиталистическом строе своим трудом есть один из мифов капитализма для оболванивания трудового народа. Многочисленные бывают честными?

Кроме того, вопрос материального благосостояния обсуждается в тесной связи с оценкой действующей власти, как в России, так и в Западной Европе, что получает свое отражение и на лингвистическом уровне.

За *бабло* они готовы прикрывать преступника и *мегавора*, несмотря на то, что на него в Интерполе находится *куча запросов на арест*, причём не только из России. В данном примере отрицательная коннотация подчеркивается употреблением жаргонизма «бабло», приставки «мега» для обозначения воровства в особо крупных размерах, а также существительного «куча», имеющего в данном контексте разговорную стилистическую окраску и служащего для усиления высказывания.

В других примерах отражена не только политическая ситуация, связанная с влиянием богатства, но и затрагиваются социальные вопросы, ответы на которые достаточно пессимистичны, что выражено в употреблении разговорного «напряг», олицетворения «Россия утонула» (при этом важен совершенный вид глагола). И понимая, что будущее моих детей будет зависеть не от полученных ими знаний (теперь и с этим будет напряг), а от наличия и объёма моего кошелька или их умения, вопреки своей совести, пристроиться. Россия утонула в воровстве и коррупции.

Таким образом, в лингвокультурологическом аспекте богатство для русского человека предстает скорее как отрицательное явление, нежели как положительное. Оно способно изменить человека в худшую сторону и заставить действовать неправомерно в обход законов и принципов.

Теперь обратимся к комментариям на немецком языке, взятым с новостного Интернет-портала «Focus». Нужно отметить, что лексема-репрезентант концепта «богатство» в немецкой языковой картине мира – это der Reichtum. Однако смысловое поле der Reichtum включает в себя такие лексемы, как: die Steuer, die Reichen, das Vermögen, das Geld, die Tasche, teuer, der Oligarch, der Einkommen.

Главным отличием немецких комментариев от русских является то, что в рассуждениях на тему богатства немцев в большей степени беспокоит то, каким образом можно его сохранить, а не то, как оно влияет на человека, его поступки. Осуждению подвергается скорее «предательство» актера в отношении своей родины, Франции. (*Endet der Nationalstolz beim Geld? Bei unseren deutschen "Größen" wie zum Beispiel Schumacher und Konsorten ist es das selbe. Keine Frage mehr des Nationalstolzes...*) *So schnell wird man also zum Wendehals, wenn es um viel Geld geht.* (Так же быстро можно стать «перевертышем», когда речь идет о больших деньгах.) Неодобрительное отношение выражено при помощи эмоционально окрашенной лексемы der Wendehals, которая в прямом значении обозначает птицу вертишейку, в переносном – «перевертыш» (о бывших политиках ГДР, сменивших идеологическую ориентацию).

Но среди немецких комментариев встречаются такие, которые имеют ярко выраженную негативную оценку. *Die Daxritter spekulieren, zocken weiter und stopfen sich die Taschen voller und voller. Vergessen nur dabei, dass man Geld nicht essen kann.* В данном примере die Daxritter выступает как авторский неологизм (кавалер немецкого индекса акций, то есть человек, являющийся крупным игроком на рынке ценных бумаг и таким образом зарабатывающий деньги), имеющий явную ироническую окраску. Повтор voller und voller усиливает негативную оценку

автора, которая становится очевидной во втором предложении *Vergessen nur dabei, dass man Geld nicht essen kann.* – Только вот забывая о том, что деньги нельзя есть. Примечательным является использование в первой части безличного предложения с инвертированным порядком слов, а также частицы *nur*, которая акцентирует внимание на сказуемом и придает оценочность всему высказыванию.

В другом примере материальное благополучие ставится выше всех остальных ценностей для стран Западной Европы. Для этого автор использовал частицу *eben*, которая на русский язык не переводится, а служит лишь для выделения прилагательного *heilig* со значением «святой», но сделать вывод относительно авторской оценки затрудняет использование многоточия в конце предложения, которое вносит двусмысленность в высказывание. *Aber Geld ist im Kapitalismus eben heilig...* (Но деньги в капиталистических странах святы...)

Vom Obelix also jetzt zum Oligarchix. Ироничное отношение к богатству и его обладателю создается путем использования неологизма *Oligarchix*, имеющего суффикс *ix*. (Жерар Депардье играл роль Обеликса (*Obelix*). К существительному *der Oligarch* добавили часть имени собственного *ix* от *Obelix*, которая превратилась в суффикс и придала иронично-шутливую оценку существительному).

Из следующего небольшого диалога мы узнаем о том, что для немецкого человека понятие «богатство» включает в себя не только материальные блага, но и природные ресурсы, которые могут обеспечить безбедное существование. Безусловно, это связано с их нехваткой в странах Западной Европы.

- *13 % Steuern für alle?*

- *Das reicht in Rußland, denn es gibt ja Gas und Öl. Die Sozialhilfeempfänger können ja gut und gerne noch 30 Jahre warten.*

Уверенность в том, что природные ресурсы – одно из самых крупных богатств, подчеркивается усилительной частицей *ja* со значением «ведь же, конечно же».

Стереотипным для немцев является и то, что в их представлении русские привыкли сорить деньгами. *Wenn ich sehe wie die Russen im Urlaub: Türkei, Ägypten z. B. mit Geld rumwerfen, da habe ich immer A-A-Angst* (Когда я вижу, как русские в отпуске в Турции, Египте разбрасываются деньгами, я всегда прихожу в у-у-ужас). Намеренное изменение написания существительного *der Angst* придает высказыванию эмоциональность и обозначает авторскую позицию.

У немцев постоянно вызывает удивление тот факт, что в России очень низкие налоги. В следующем примере автор использует риторический вопрос и даже прибегает к транслитерации (написанию латинскими буквами русских слов) для выражения изумления. *13 % Einkommenssteuer? Leute ab diesem Jahr werde ich Russe. Doswedanje Nemetzki Land!*

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что для обеих лингвокультур характерно преимущественно негативное отношение к богатству. Но русский человек воспринимает этот феномен в большей степени на ментальном уровне, как нечто, что способно радикально изменить жизнь, культуру, мировосприятие. Для немцев же богатство – это, прежде всего, неотъемлемая часть повседневной жизни. Именно поэтому легкомысленное отношение к материальным вопросам со стороны русских вызывает у них чувство протеста. Отношение немцев к перемене гражданства как предательству Родины, а также как уходу от налогов с целью сохранения собственного богатства является результатом более прагматичного видения мира.

Литература

1. Бец М. В. Концепт «богатство» в немецких и английских поговорках // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2011. – № 16. – С. 109–114.
2. Залевская А. А. Текст и его понимание. – Тверь, 2001. – С. 125.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – С. 3–8.
4. Лебедева Л. Б. Бессознательное в языковом стиле // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 1999.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2008. – С. 38.

Literatura

1. Бес М. В. Koncept «bogatstvo» v nemeckih i anglijskih poremijah // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij. – 2011. – № 16. – С. 109–114.
2. Zalevskaya A. A. Tekst i ego ponimanie. – Tver, 2001. – S. 125.
3. Karaulov Yu. N. russkij yazik i yazikovaya lichnost. – M., 1987. – S. 3–8.
4. Lebedeva L. B. Bessoznatelnoe v yazikovom stile // Logicheskij analiz yazika. Obraz cheloveka v kulture i yazike. – M., 1999.
5. Ter-Minasova S. G. Yazik i mezhkulturnaya kommunikatsiya. – M., 2008. – S. 38.

УДК 81'37

М. Н. Образцова

СПЕЦИФИКА СИНОНИМИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРОИЗВОДНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ)

В статье анализируются особенности синонимичных отношений производных слов. Материалом исследования является пропозиционально-фреймовый анализ пчеловодческой лексики русских говоров. В данной статье описываются синонимичные ряды, реализованные в фреймах «пчеловод» и «пасаха».

Ключевые слова: словообразовательная синонимия, словообразовательно-пропозициональная синонимия, словообразовательный тип, гнездо однокоренных слов.

М. N. Obraztsova

THE PECULIARITY OF DERIVATIVE VOCABULARY SYNONYMOUS RELATIONS (ON MATERIAL OF RUSSIAN DIALECTS)

The article analyzes the peculiarity of synonymous relations of derivative vocabulary. The material of this research is the propositional and frame analysis of beekeeper's vocabulary in Russian dialects (in this article the lines of synonyms in frames "beekeeper" and "bee-garden" were described). Word formation and word formation-propositional synonyms lie in base of derivative vocabulary's synonymy. The single-root synonyms with different affix designs are presented as a result of derivation of different word formation models (included

in different word formation types). The mechanism of word formation-propositional synonymy was realized of different actant's organization in propositional structures of derivate words. There is a dependence from speaker's aims.

The synonymy was presented as mental languages category. Synonymy used for detail description of a cognized object and consisted of separation distinctive and significant in the time of speech characteristics and functions of the object.

Keywords: word formation and word formation-propositional synonymy, word formation type, family of words.

Человек, познавая и категоризуя окружающий мир, закрепляет полученные знания с помощью языка в номинациях познаваемых объектов. Довольно часто один и тот же объект действительности имеет несколько наименований, хотя сам объект от этого не меняется и остается прежним. В то же время каждая новая номинация актуализирует разные свойства называемого объекта. Особенно ярко это проявляется в производных словах (дериватах), так как в основе деривата лежит свернутое суждение, пропозиция, и комбинация актантов, а также семантическое наполнение пропозициональных структур обусловлено акциональным дискурсом, зависит от целей и речевых стратегий говорящего. Возникающая в результате синонимия понимается нами (вслед за Араевой Л. А. [3; 4], Шумиловой А. В. [9]) как «ментально-языковая категория, реализующая познавательную деятельность человека, в рамках которой на основе гипотезированного признака соединяются значения различных по формальному определению слов» [9, с. 204]. Материалом исследования является пропозиционально-фреймовый анализ пчеловодческой лексики русских говоров. В данной статье мы остановимся на анализе синонимичных отношений, возникающих в фреймах «пчеловод» и «пасека».

О сущности такого языкового явления, как синонимия, задумывались еще античные философы (философская категория «тождества – различия»). В знаменитом диалоге Платона «Кратил» приводится рассуждение Сократа о причине наименования солнца Галиосом: либо «от его восхода, когда люди собираются на сходку», либо «что оно, вечно вращаясь вокруг Земли, как бы вокруг нее слоняется», либо «потому, что, обходя Землю, оно разукрашивает или расцвечивает все, что выходит из ее лона» [7, с. 243]. По сути дела, Платон уже тогда отмечает такое свойство человеческого мышления, как дискурсивность, целостное восприятие окружающей действительности и связанность наименований между собой в речи в результате актуализации общих и различных черт объектов. Наименование происходит в момент говорения и зависит от целей говорящего, от того, что актуально для него именно в данный момент. В результате появляются разветвленные синонимические ряды, описывающие один и тот же объект, но высвечивающие различные его качества или сферы функционирования.

В основе синонимии производной лексики находятся словообразовательные (однокоренные) и словообразовательно-пропозициональные синонимы. Однокоренные синонимы, имеющие общую корневую часть, различаются аффиксальным оформлением и являются результатом деривации по различным словообразовательным моделям (входят в разные словообразовательные типы: например, *медовик* – *медовицк* – *медовник*; *пчельник* – *пчеляк* – *пчелинец*), а также могут быть результатом алломорфного варьирования [1] (*медянный* – *медовник*, *пчельник* – *пчелинник*). Несмотря на близость лексического значения и морфемных структур данных слов, на наш взгляд, они являются самостоятельными номинациями, а не вариантами одного слова, так как даже в незначительном изменении морфемной структуры лежит рече-

вая стратегия говорящего. «Через функционирование алломорфных моделей раскрывается механизм морфонологической категоризации в его обусловленности процессом формирования семантических оппозиций у формальных вариантов слова» [5, с. 142]. Изменение морфонологической структуры слова ведет за собой незначительные изменения смысла слова. В частности, слова *пчельник* и *пчелинник* (в значении «пчеловод») в рамках, например, подхода структурно-системной лингвистики имеют разную словообразовательную структуру, образованы от разных производящих: *пчельник* – от *пчела*, а *пчелинник* – от *пчелиный*. «Функционирование морфонологических моделей связано с реализацией таких динамических процессов деривации, при которых грамматические и лексические значения передаются как с помощью специальных деривационных морфем, так и через морфонологические модификации производящей основы и/или словообразовательного форманта» [5, с. 143]. *Омшаник* – *мишаник* – *омицейник*, с одной стороны, обусловлены фонетическими особенностями говора-источника, но с другой – изменение производящей основы придает слову новый звуковой облик и, соответственно, у слов появляются индивидуальные дополнительные семантические оттенки, значимые для говорящего.

Словообразовательные (однокоренные) синонимы являются результатом взаимодействия различных словообразовательных типов на базе однокоренных слов одного гнезда, в свою очередь, словообразовательно-пропозициональные синонимы сближаются в типовом отношении (хотя, конечно, не всегда относятся к одним и тем же словообразовательным типам), но находятся на пересечении различных гнезд (*бортевиц* – *улейщик*; *пасечник* – *пчельник*; *зимник* – *омшаник*).

«Выделение словообразовательно-пропозициональной синонимии стало возможным в рамках современной лингвистической парадигмы, рассматривающей язык через сознание, через актуализацию в языке таких ментальных структур знания, как пропозиции» [5, с. 244]. В основе словообразовательно-пропозициональной синонимии лежит различное актантное наполнение пропозициональных структур производных слов. «Синонимия функциональных имен артефактов и лиц есть не что иное как актуализация в семантике производных, обозначающих одно и то же явление, мотивирующих, выполняющих различные актантные роли в многоместной пропозиции, фрейме. Ср.: *пахарь* – *плугарь*; *зимник* – *омшаник*; *картошник* – *драник*; *картошница* – *толченка* и др. Данные синонимы, по сути дела, являются семантическими дублетами: имея одно лексическое значение, они изменяют фокус внимания на актант либо действие, что значимо в речевой деятельности, обусловлено целью, стратегией говорящего» [3, с. 88]. Словообразовательно-пропозициональные синонимы представляют собой различные варианты, результаты категоризации окружающей действительности и обусловлены особенностями речемыслительной деятельности говорящего. Специфика наполнения пропозиций, лежащих в основе данных синонимов, обычно проявляется в речи, в акциональном дискурсе. Ср.: *он пчелинец, всегда пчел держит* – *Улейщик за ульями ходит в шапке такой специальной. – Пчелинник пришел только со пчельника*. Говорящий подсознательно в речевом акте соединяет производные слова, имеющие один корневой элемент [6]. Эти слова обозначают близкие понятия, а соответственно, имеют и близкий звуковой облик. «Поскольку слова соответствуют понятиям, естественно, что родственные понятия обозначаются родственными звуками. Когда закономерное изменение звуков закономерным образом простирается только на часть слова, а другая его часть остается неизменной или подвергается незначительным модификациям, мы можем выделять такую устойчивую часть слова под на-

званием корня» [8, с. 19]. Довольно часто в «живой» речи в рамках одного суждения встречается однокоренная лексика, что позволяет говорящему наиболее точно передать смысл одного производного слова через его родственные связи с другим.

Проанализируем синонимичные ряды, реализующиеся в фреймах «пчеловод» и «пасека». Источником диалектного материала послужили диалектные словари и материалы диалектологических практик (Кемеровский район), хранящиеся на кафедре стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

Фрейм «пчеловод»:

- *медовик* (субъект по результату действия): «У нее родители богатые. Отец – медовик, пчел много держит». Тот, кто в результате своей деятельности получает мед (Кем., Дон., Алтайск., Перм.);
- *медовник* (Горьк.) (субъект по результату действия);
- *медовицник* (Иркут., Перм., Южн.-Урал.) (субъект по результату действия): «Где живет медовицник?»;
- *медянник* (Горьк.) (субъект по результату действия);
- *пчелинец* (Сарат., Пенз., Нижегород., Ряз., Ворон., Кубан.) (субъект по объекту, на который направлено действие): «Пчелинец? Конечно, раз пчел держит, он же и этот – пасечник»; «Он пчелинец, всегда пчел держит»;
- *улейщик* (субъект по функционально значимому объекту): «Улейщик за ульями ходит в шапке такой специальной» (Кем.);
- *бортевицник* (Уфим.), *бошевицник* (Уфим.), *бортник* (Кем., Смол.) (субъект по объекту действия). Человек, который собирает мед из бортей, добывает бортевый/бортневый мед, занимающийся бортничеством;
- *пасечник*, *пастечник* (субъект по месту действия) – тот, кто работает на пасеке: «Пастечником работает» (Кем.);
- *пчельник* (Смол., Кем.) (субъект по месту действия): «Пчельник на пчельне работает, за пчелками ухаживает» (Кем.);
- *пчелик* (Твер.) (субъект по объекту, на который направлено действие);
- *пчелинник* (Груз.) (субъект по месту действия): «Сейчас пчеловод, а в старинное время пчелинник. Пчелинник пришел только со пчельника»;
- *пчеловодец* (Даль) (субъект по объекту, на который направлено действие);
- *пчеловодка* (субъект по объекту, на который направлено действие). Женщина-пчеловод (Новг., Горьк., Том.). «Пчеловодка от их пришла, за пчелами ходит» (Новосиб.);
- *пчелопасек* (субъект по объекту, на который направлено действие, и субъект по месту действия) (Амур.): «Шел и у пчелопаска дом купил»;
- *пчеляк* (субъект по объекту, на который направлено действие): «Один пчеляк богато жил, пчелы у него всегда родились» (Симб., Волго-Камье, Вят., Перм., Нижегород., Казан., Ворон., Кубан., Терск.).

В приведенных диалектных наименованиях пчеловода есть как однокоренные синонимы, так и словообразовательно-пропозициональные. Однокоренные синонимы представляют разные словообразовательные типы 1) *медовник*, *медянник* (прил.+ник), *медовик* (прил.+ик), *медовицник* (прил.+щик); 2) *пчелинец* (прил.+нец), *пчельник* (сущ.+ник), *пчелинник* (прил.+ник), *пчелик* (сущ.+ик), *пчеляк* (сущ.+як). Словообразовательный тип можно определить как «ментально-языковую категорию, в границах которой через сложную сеть ассоци-

аций в пределах пропозициональных структур, на языковом уровне эксплицируемых через формально-семантическую организацию взаимоотношения мотивирующих одного лексико-семантического класса и мотивированных, оформленных единым формантом, представлен фрагмент языковой картины мира, являющий собой внутреннюю форму типа» [2, с. 23]. Данные производные слова, являясь представителями разных словообразовательных типов, совпадают на уровне лексико-словообразовательного значения. В итоге, через однокоренную синонимию пересекаются различные типы, что свидетельствует о полевой организации данной языковой категории. Относясь к разным словообразовательным типам, данные слова вбирают в себя также характерные типовые черты, в результате чего имеют индивидуальное семантическое наполнение, актуализирующееся в процессе речемыслительной деятельности говорящего.

Словообразовательно-пропозициональные синонимы, представленные в фрейме «пчеловод», реализуют всего несколько пропозициональных структур: S – P – O объект (*пчелинец, улейщик, бортевщик, пчелик, пчеловодец, пчеловодка, пчеляк*), S – P – R результат (*медовик, медовник, медовщик, медянный*), S – P – L место (*пасечник, пастечник, пчелинник*). Для говорящего значимым в акте номинации становится либо объект (пчелы, ульи, борт), на который направлено действие, либо результат действия (мед), либо место действия (пчельня, пасека). Но анализируемые словообразовательно-пропозициональные синонимы различаются не только организацией актантов в пропозициональных структурах, но и семантическим наполнением пропозиций (S человек – P ухаживает – O за пчелами, ульями, бортами; S человек – P работает/владеет – O на пчельне/пчельней, пасеке/пасекой).

В синонимичный ряд встраивают и три сложных слова, имеющих, на первый взгляд, терминологический характер, но выстроенных по словообразовательным моделям, свойственным разговорной речи: *пчеловодец* (разговорный формант –ец), *пчеловодка* (формант –к/а), *пчелопасек* (сложение актантно взаимосвязанных мотивирующих основ).

Таким образом, набор синонимов, характерный для диалектного наименования пчеловода, организует целостный фрейм, состоящий как из дискретных наименований, так и пересекающихся на уровне гнезд однокоренных слов, словообразовательных типов и организации пропозициональных структур. Это свидетельствует о едином мотивационном пространстве, характерном для всех описанных производных слов. Они называют один объект действительности, описывая и характеризуя его с разных сторон.

Фрейм «пасека/помещение для пчел»:

- *пасек*: «У мово дедушки колодок был шесть сот ульев. Я ешо девчонкой все к нему в пасек бегала. У нас есть пасек в колхозе-то» (Том., Сиб.). «У кого пасек, то медовуха была» (Кемер.). «На пасек ушел» (Новосиб.) – «субъект по месту действия»;
- *пасечиск* (Пенз., Саратов.);
- *поляна* (Кубан.);
- *амшанник* (место по средству действия/инструменту) (Смол.): «Около половины октября или нъ началъ ноября иные переносятъ пчель нъ подвалы или въ особые амшанники, гдѣ онѣ остаются до половины марта, а иногда до первыхъ чиселъ апрѣля. Въ мартѣ мѣсяцѣ у пчель оскудеваетъ медъ: тогда имъ даютъ запасный, при хорошемъ пчеловодствѣ по фунту на улей. Для этого нарочно сберегаютъ свѣжій медъ въ сотахъ» (Смоленскій областной словарь. Смоленскъ, 1914);
- *пчельник* (место по объекту): «Сад, в котором стоят ульи» (Смол.). «На зиму ставят пчел в пчельники» (Новг.). «Пчелы стоят в омшанику, иногда его называют пчельник»

- (Кубан.). *«На зиму пчел в пчельники переводят. Зимой-то холодно в наших краях, так мы пчел в пчельнике держим»* (Свердл., Горно-Алт.);
- *пчельня* (место по объекту): *«Пчельня – на зиму ульи ставят»* (Чулым., Новосиб.);
 - *пчелятник* (место по объекту): *«Пчелятник построили, да такой пчелятник, что хоромы. С таким пчелятником и мед будет»* (Брянск.);
 - *пшаник* (место по средству действия/инструменту): *«Пчелы живут зимой у нас в пшаниках»* (Куйбыш., Алтайск.);
 - *зимник* (место по времени действия) (Кем., Краснояр.);
 - *апишеник* (место по средству действия/инструменту) (Дон.);
 - *оми'аник, оми'анник, омиан'ик* (место по средству действия/инструменту) – утепленное помещение (обычно проконопаченное мхом) для содержания скота, зимнего хранения пчел и т. п. (Пск., Яросл.); утепленное мхом помещение для зимнего хранения пчел (полувырытый в землю сруб, сарайчик, избушка и т. п.) (Новг., Калинин., Куйбыш., Орл., Том., Вост.-Казах.): *«Давней ставили омианик, ставили ульи на зиму»* (Орл.); *«Омианник – ямы копались, и там береглись пчелы. Омианник – зимой там улья стоят с пчелами»* (Орл., Пенз., Калинин., Перм., Курск., Ворон., Орл., Калуж., Тул., Моск., Пск., Свердл.);
 - *омшейник* (место по средству действия/инструменту) – утепленное помещение для зимнего хранения пчел (Смол., Калинин., Горьк.);
 - *оми'еник, оми'енник, омиен'ик, омиенн'ик* (место по средству действия/инструменту) – утепленное мхом помещение для зимнего хранения пчел (полувырытый в землю сруб, сарайчик и т. п.) (Пск.); *«Пчел убрали в омиенник»* (Влад., Курск.); теплая постройка для хранения овощей, зимовки пчел (Калин.);
 - *омщаник* (место по средству действия/инструменту) – утепленное помещение для зимнего хранения пчел (Курск.);
 - *вотчина* (место по субъекту) – пасека, пчеловодное хозяйство (Перм., Качан.). *«Хрестянин он богатый, и вотчина у его есть, чурок до двадцати; иной год меду добудет пуд пятнадцать»* (Перм.); *«Что житье Зубаревым, вотчина у них большая, кражесев (то есть ульев) триста есть»* (Казан. Вят.); пчеловодное хозяйство, принадлежащее нескольким лицам, на паях (Орл., Вят.); лесной участок, на котором находились борти и чурки (колоды для пчел), принадлежащие одному хозяину. *«Вотчина у него была большая – по реке и по горе до самого Бардыма»* (Свердл.);
 - *мошаник, мошарник* (место по средству действия/инструменту) (Моск., Олон., Ряз.);
 - *посёка* (Арх.).

В данном фрейме широко представлено алломорфное варьирование – как основное, так и аффиксальное, что обусловлено, на наш взгляд, отчасти фонетическими особенностями говора-источника, отчасти – особенностями категоризации называемого объекта и стремлением говорящего развести многозначные понятия не на уровне лексико-семантических вариантов, а на уровне слова (ср.: *пчельник* – 1) пчеловод, 2) пасека, и появляется *пчелятник* по аналогии с *утятником, курятником, свинятником* и др.).

В одних и тех же говорах встречаются различные звуковые варианты слова *омшаник* – *апишеник, мошаник, мошарник, омщаник, омшейник, оми'аник, омиан'ик, оми'еник, оми'енник, омиен'ик, омиенн'ик*. Возможно, это обусловлено стремлением избежать смешения понятий, так как омшаником довольно часто называется зимнее помещение для скота или «нижний этаж дома, частью в земле» (Дон.).

В приведенных диалектных наименованиях пасеки/жилища пчел встречаются следующие однокоренные синонимы: *пчельня* (сущ.+н/я), *пчельник* (сущ.+ник), *пчелятник* (сущ.+ятник). Семантическое наполнение данных слов обусловлено типовой спецификой, что проявляется в различных ассоциативных полях слов. Так, *пчельня* – *медовня* (помещение, где хранится мед), *пчельник* – *коровник*, *пчелятник* – *куратник*.

Словообразовательно-пропозициональные синонимы, как и в предыдущем фрейме, представлены всего несколькими пропозициональными структурами: S некто – Р утепляет – L помещение – I мхом (*омшаник*, *апшеник*, *мошаник*, *мошарник*, *омщаник*, *омшейник*, *омш'аник*, *омшан'ик*, *омш'еник*, *омш'енник*, *омшен'ик*, *омшенн'ик*), S некто – Р держит – О пчел – L в помещении (*пчельня*, *пчельник*, *пчелятник*), S некто – Р держит – О пчел – L в помещении – Т зимой (*зимник*). Отдельно остановимся на пропозициональной структуре производного *вотчина*: S некто – Р покровительствует/заведует – L пасеке/пасекой. «В Яранском уезде так не называют, на происхождение названия проливает свет следующее поверье, отмеченное мною в Уржум. уезде (около с. Токтай-беляк). Если рой не привился, то говорят: “родителям, значит, неугодно”; весной (перед роями) на пасеке служат панихиды, то есть пасекой заведуют умершие родители – отцы (Вят.)»³⁰. Значимым при номинации становится либо то, что пасекой «заведуют умершие родители», либо то, что пасека принадлежит одному или нескольким хозяевам.

Таким образом, *вотчина* и *пчельник* – это либо обобщенное наименование любого жилья пчел и синоним слова «пасека», либо вариант летнего места обитания пчел, в отличие от зимнего (*пчельник* – сад, в котором стоят ульи (Смол.), *вотчина* – лесной участок, на котором находились борти и чурки (колоды для пчел), принадлежащие одному хозяину (Свердл.)). В таком случае уместно говорить и о возникновении словообразовательно-пропозициональных антонимических отношений: *вотчина*, *пчельник* – *зимник*, *омшаник*, *апшеник*, *мошаник*, *мошарник*, *омщаник*, *омшейник*, *омш'аник*, *омшан'ик*, *омш'еник*, *омш'енник*, *омшен'ик*, *омшенн'ик*, *пчельня*, *пчелятник*. В производном «*зимник*» акцент делается на то, что это помещение именно зимнее (то есть основополагающим является темпоральный признак, время использования помещения – «зимнее помещение для пчел»); в производном «*пчельник*» значим объект, для которого создается помещение, что, в свою очередь, предопределяет особенности строения помещения, если, например, иметь в виду, что это место летнего обитания пчел; в производном «*вотчина*» значимым становится тот, кто покровительствует пасеке или владеет пасекой; в производных «*омшаник*, *апшеник*, *мошаник*, *мошарник*, *омщаник*, *омшейник*, *омш'аник*, *омшан'ик*, *омш'еник*, *омш'енник*, *омшен'ик*, *омшенн'ик*» значимо средство, с помощью которого утепляется помещение, что косвенно указывает на время его использования – «зимнее помещение для пчел, покрытое мхом»).

В данном фрейме встречаются также и непроизводные слова (*пасека*, *посёка*), являющиеся классическими лексическими синонимами по отношению к другим наименованиям.

В результате анализа синонимичных отношений в фреймах «пчеловод» и «пасека/помещение для пчел» были выделены группы словообразовательных (однокоренных), словообразовательно-пропозициональных и лексических синонимов. Словообразовательная синонимия, реализующаяся в рамках одного гнезда однокоренных слов, основывается на специфичных особенностях словообразовательных типов, в которые входят синонимы. В свою очередь, благодаря однокоренной синонимии пересекаются такие комплексные еди-

³⁰ См.: Словарь русских народных говоров. – М.; Л.: Наука, 1970. – Вып. 5.

ницы словообразования, как гнездо однокоренных слов и словообразовательный тип, что свидетельствует о едином целостном деривационном пространстве языка. «Рассмотрение словообразовательно-пропозициональных синонимов в языке как системе позволяет резюмировать, что это слова, объединенные общим лексическим значением, различающиеся на уровне пропозиций, но с позиции языка как речи, как “живого знания о мире” – эти слова объединены общностью категории, находятся в едином мотивационном пространстве, они называют один объект внеязыковой действительности и реализуются в зависимости от ракурса видения этого пространства, то есть от определенной речевой ситуации, целей и установок говорящего» [5, с. 245].

Таким образом, синонимия – это ментально-языковая категория, лежащая в основе речемыслительной деятельности говорящего, направленная на детальное описание познаваемого объекта и обусловленная выделением отличительных, значимых в данный момент его характеристик и функций.

Литература

1. Антипов А. Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских народных говоров) – Томск, 2001. – 187 с.
2. Араева Л. А. Истоки и современное осмысление основных проблем русского словообразования // Лингвистика как форма жизни: сб. науч. тр., посвящ. юбилею Л. А. Араевой. – Кемерово, 2002. – С. 4–24.
3. Араева Л. А. Словообразовательный тип. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 272 с.
4. Араева Л. А., Катышев П. А. Представление о годовом цикле в системе отыменных суффиксальных существительных // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2001. – С. 203–208.
5. Кемеровская дериватологическая школа: Традиции и новаторство / под ред. Л. А. Араевой, Э. С. Денисовой, С. В. Оленева, Ю. С. Паули; предисл. И. А. Свиридовой, К. Е. Афанасьева. – М.: ЛЕНАНД, 2011. – 400 с.
6. Образцова М. Н. Специфика деривационного пространства в рамках гнезда однокоренных слов // Актуальные проблемы современного словообразования: мат-лы Междунар. науч. конф. – Кемерово: ИНТ, 2009. – С. 190–196.
7. Платон. Апология Сократа. – М., 1999. – 491 с.
8. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на тему Гумбольдта. – М.: КомКнига, 2006. – 216 с.
9. Шумилова А. А. Синонимия как ментально-языковая категория (на примере лексической и словообразовательной синонимии русского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2009. – 272 с.

Literatura

1. Antipov A. G. Allomorfnoe var'irovanie suffiksa v slovoobrazovatel'nom tipe (na materiale russkikh narodnyh govorov). – Tomsk, 2001. – 187 s.
2. Araeva L. A. Istoki i sovremennoe osmyslenie osnovnyh problem russkogo slovoobrazovaniya // Lingvistika kak forma zhizni: sb. nauch. tr., posvjashh. jubileju L. A. Araevoy. – Kemerovo, 2002. – S. 4–24.
3. Araeva L. A. Slovoobrazovatel'nyj tip. – M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2009. – 272 s.
4. Araeva L. A., Katyshev P. A. Predstavlenie o godovom cikle v sisteme otymennyh suffiksallyh sushhestvitel'nyh // Aktual'nye problemy rusistiki. – Tomsk, 2001. – S. 203–208.

5. Kemerovskaja derivatologičeskaja škola: Tradicii i novatorstvo / pod red. L. A. Araevoj, Je. S. Denisovoj, S. V. Oleneva, Ju. S. Pauli; predisl. I. A. Sviridovoj, K. E. Afanas'eva. – M.: LENAND, 2011. – 400 s.
6. Obrazcova M. N. Specifika derivacionnogo prostranstva v ramkah gnezda odnokorenyh slov // Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. – Kemerovo: INT, 2009. – S. 190–196.
7. Platon. Apologija Sokrata. – M., 1999. – 491 s.
8. Shpet G. G. Vnutrennjaja forma slova: Jetjudy i variacii na temu Gumbol'dta. – M.: KomKniga, 2006. – 216 s.
9. Shumilova A. A. Sinonimija kak mental'no-jazykovaja kategorija (na primere leksicheskoj i slovoobrazovatel'noj sinonimii russkogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk. – Kemerovo, 2009. – 272 s.

УДК 811.112.2

Р. Д. Керимов

ТЕАТРАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Статья посвящена рассмотрению структурно-семантических особенностей театральной метафоры современного немецкого политического дискурса. Эта группа концептуальных метафор базируется как на традиционных узуальных, так и на окказиональных образах немецкой лингвокультуры и описывает социальную реальность ФРГ и ЕС.

Ключевые слова: политический дискурс, социальная коммуникация, языковая картина мира, лингвокультура, концептуальная метафора, немецкий язык.

R. D. Kerimov

THEATRE METAPHOR IN THE GERMAN POLITICAL DISCOURSE (THE COGNITIVE ASPECT)

The paper examines the structural semantic features of the theatre metaphor in the current German political discourse from the standpoint of the cognitive linguistic aspect. The current German political discourse covers the sphere of Germany's public and social relations, and is influenced by the social and political factors that stem from the life of the government and the social systems. The social experience and knowledge of the German nation and its political elite are represented in the linguistic signs of both: in the traditional and the occasional usage, and are accumulated in the system of metaphors. The system of metaphors emerges on the basis of the traditional imagery of the culture; it grows, expands and develops new elements through the idiosyncratic rhetoric styles of political leaders as well as the language of the mass media and journalism. Metaphoric imagery permeates the subsystem of the language of politics following regular patterns; in accordance with its metaphoric nature, it uses a variety of conceptual domains as its source. These conceptual domains differ in their frequency and productivity and trigger typical situations (known as scenarios or scripts).

Such fragments of the corresponding conceptual domains manifest the social reality through the eyes of the carriers of political power (i. e. the government of the political elite of Germany), as the metaphoric nomination verbalises the cognitive processes of controlling and constructing the political worldview that benefits and suits the political elite, thus acting as the verbal weapon of the authorities. The linguistic "productivity" of metaphoric models depends on a large number of factors.

Consequently, metaphors from the source domain of “Theatre”, which draw upon the notions and the reality of the performing arts (theatre, circus and cinema), remain in permanent circulation and enjoy unceasing popularity in the current German political culture. Arts is an important sphere of human activity which portrays everyday life in terms of artistic imagery; this ability likens the arts to the politics, where life is seen as a combination of social links, relations and roles. In a broad sense, the lexical units “culture” and “arts” themselves are explicated as elements of such social and political notions as “political culture”, “a politician’s art” / “the art of politics,” etc.

When politics is regarded in the perspective of the performing arts, the following motifs come to the fore: acting and pretence, scenarios and staging, and various artistic forms and genres, primarily, the theatrical ones. The theatre metaphor depicts the politics as a show, a performance that is enacted in accordance with the predetermined roles. In general, this approach reflects the negative view on the politics where everything appears to be a pretence or a play, where there is no place for practical, real-life problems of the people and the country, and where only the party interests matter. The key elements (slots) of the conceptual domain of theatre are the linguistic units that denote different types of theatres, actors, sets and costumes, the script, the audience and its reception of the performance.

Keywords: political discourse, social communication, language picture of the world, linguoculture, conceptual metaphor, the German language.

Современный немецкий политический дискурс охватывает лингвокультурную область общественно-социальных отношений в Германии и ЕС, функционируя под влиянием социо-политических факторов жизни государства и общества. Социальный опыт и знания немецкой нации и политической элиты представлены в узуальных и окказиональных языковых знаках и аккумулируются в метафорической системе, которая формируется на базе традиционных культурных образов и развивается, расширяется и обогащается в идиостилиях политических деятелей, а также в языке СМИ и публицистике (см. подробнее, например: [2]).

Метафорические образы пронизывают всю субсистему немецкого политического языка и носят регулярный характер, используя, в соответствии со своей когнитивной природой, в качестве источника разнообразные исходные понятийные (концептуальные) сферы (см. [6]), которые характеризуются показателями частотности, продуктивности, доминантности [1] и актуализируют определенные типовые ситуации (фреймы, сценарии, скрипты) [4; 6].

Данные фрагменты соответствующих концептуальных сфер манифестируют социальную реальность такой, как она представляется субъектам политической власти (правительству, политической элите ФРГ), а метафорическая номинация вербализует когнитивные процессы освоения и выстраивания выгодной и удобной политэлитой социальной картины мира, что также является вербальным орудием власти [2; 5].

Языковая «продуктивность» той или иной метафорической модели обуславливается несколькими факторами: культурной значимостью, прогнозируемой оратором доступностью для понимания адресатом политического дискурса, наличием соответствующих оттенков значений, способностью к развертыванию и расширению при функционировании в широком контексте, а также веяниями языковой моды, которая чутко улавливает и репрезентирует все ключевые смыслы и идеи, актуальные для соответствующего времени с учетом текущей или предполагаемой политической ситуации.

В этой связи метафорические единицы из сферы-источника «Театральное искусство», оперирующие понятиями и реалиями синтетических видов искусства (театр, цирк, кино), постоянно сохраняют свою актуальность и востребованность, находя самое широкое применение

ние в современной немецкоязычной политической культуре. Искусство – важная область человеческой деятельности, отражающая жизнь в виде различных художественных образов, на основе чего искусство сближается с политикой, для которой жизнь есть совокупность социальных связей, отношений и ролей. В широком смысле сами номинации «культура» и «искусство» эксплицируются в составе понятий социально-политической области, таких как: «политическая культура» (совокупность политических традиций и реалий данного общества, государства), «искусство политики/политика»/«политическое искусство» (характеристика успешности политической деятельности).

При проекции в сферу политики понятий синтетического искусства на первый план выходят мотивы игры-притворства, сценария и инсценировки, различных произведений и жанров искусства, прежде всего – театрального.

Театральная метафора образно представляет политику как спектакль, постановку, разыгрываемую по заранее расписанным ролям. При этом в целом такой подход отражает, как правило, негативный взгляд на сферу политики, где все кажется притворством, игрой, где нет места конкретным, реальным проблемам общества, государства, а обсуждаются только партийно-фракционные интересы.

Номинация «das Theater» (театр) реализуется преимущественно в составе сложных слов (das Sommertheater, das Kasperletheater) и словосочетаний (das absurde Theater).

В случае употребления композита «das Sommertheater» (летний театр) на первый план выходит сема периодичности, поскольку летний театр дает свои представления в теплый период года (с конца весны до начала осени) и, как правило, под открытым небом, то есть, таким образом указывается на те темы, которые время от времени появляются в повестке, например на заседаниях бундестага, причем данные темы много обсуждаются, но принятие конкретных решений по их сути практически невозможно. В частности, это касается таких вопросов, как угроза терроризма, экстремизма, национализма; распространение криминала, экологические вопросы в мировом масштабе и т. п.³¹ :

«– “Das Thema Rechtsextremismus ist regelrecht *als Sommertheater* diskutiert worden” [Rau 2001a: 338].

– “Ich bin überzeugt davon, das war kein *Sommertheater*, sondern das ist eines der auf Dauer bewegenden Themen” [Rau 2001a: 338]» [2].

Еще один вид театра – «кукольный» (das Kasperletheater) – **эксплицирует еще более негативную оценку высказываний политических оппонентов, если складывается впечатление, что они пытаются манипулировать фактами или их подтасовывать, либо ввести в заблуждение своих соратников и противников:** «“In diesem Zusammenhang möchte ich auch *mit dem Kasperletheater* von Herrn Blüm aufräumen. Herr Blüm hat sich ja zu Herrn Stollmann geäußert” [Schwanhold 1998: 9]» [2].

«Театр абсурда» (ein absurdes Theater) – **негативная номинация рассматриваемых проблем, которые, с точки зрения оратора, бессмысленны или преждевременны.** При этом, конечно же, имеется в виду собственно не вид театра (наряду с летним и кукольным), а жанр (направление) постановки (репертуара): «“Der Bund und die Länder haben über die Verteilung der erhofften Überschüsse aus dem “Fonds Deutsche Einheit” lange und heftig gestritten. Dieser Streit um Überschüsse wirkt im Nachhinein als *absurdes Theater*” [Rau 2001a: 56–57]» [2].

³¹ См. список словарей (и их сокращений) и список источников примеров в работе [2].

Слово «das Repertoire» (репертуар) в переносном смысле указывает на какие-либо идеи, мысли, **которые постоянно наличествуют в социальной сфере, как это представлено, например, в следующем контексте:** «“Diese Art von Appellen gehört spätestens seit den sechziger Jahren zum *Standartrepertoire* der wissenschaftlichen Rhetorik” [Rau 2002a: 151]» [2].

Наименования театральных постановок, спектаклей (die Inszenierung, das Spektakel, das Spiel) создают яркое и наглядное впечатление о чем-то заранее спланированном, об искусственном и неестественном. Так, по мнению федерального президента ФРГ (1999–2004) Йоханнеса Рау, политика в Германии, описываемая немецкими СМИ, представляет собой некий «медиаальный спектакль» (das Medienspektakel), например:

«– “Politik ereignet sich als *Medienspektakel*” [Rau 2000b: 234].

– “Die Medien sollten sich nicht scheuen, Politik als *Medienspektakel* zu enthüllen, wenn es sich um *eine reine Inszenierung* handelt” [Rau 2000b: 237]» [2].

Слово «die Inszenierung» (инсценировка, постановка) в переносном смысле манифестирует ситуацию **придания оппонентами особой значимости несущественным, с точки зрения выступающего, аспектам обсуждаемых проблем, когда обсуждается не суть проблемы, а придуманные сторонние ее грани**, ср.: «Und jetzt, meine Damen und Herren von der SPD, entdecken Sie plötzlich den Zusammenhang zwischen Innovationen und Arbeitsplätzen. Drei Monate vor der Bundestagswahl wollen Sie uns weismachen, Sie hätten den Stein der Weisen gefunden. Ich weiß ja, Herr Schwanhold, daß Sie mittlerweile glauben, daß *die Inszenierung* den Inhalt ersetzt. Aber das wird Ihnen mit diesem Antrag nicht gelingen» [Kolb 1998: 7]» [2].

Наконец, метафора «das Trauerspiel» (трагедия) **передает в устах оратора негативное отношение к описываемой ситуации, как, например, в следующем случае – к темпам экономического развития Германии в конце 90-х годов XX века**: «“Wir haben hier über Monate und Jahre *ein Trauerspiel* erlebt” [Verheugen 1998: 21]» [2].

Группа метафорических образов связана с номинацией «сцена, помост» (die Bühne), как это представлено в соответствующих узуальных выражениях, ср.:

«– “über die *Bühne* gehen” – “in einer bestimmten Weise verlaufen, vor sich gehen” [CUGdR]: “Am Mittwoch muss der Ältestenrat des Bundesrates eine Antwort auf die knifflige Frage finden, nach welchem Verfahren die namentliche Abstimmung *über die Bühne* gehen soll” (BZ. 1992). “Wichtig ist, dass uns der Bürgermeister konkrete Vorstellungen mitteilt”, so Franz Josef Schödl vom “Kaufhof”. “Alles Weitere wird dann relativ unkompliziert *über die Bühne* gehen” (BZ. 1992).

– “etwas über die *Bühne* bringen [kriegen]” – “etwas (erfolgreich) durchführen” [CUGdR].

– “von der *Bühne* abtreten [verschwinden]” – “aus dem Blickpunkt der Öffentlichkeit verschwinden” [CUGdR]» [2] (ср. в русском языке: **сойти со сцены, то есть прекратить свою деятельность** (политическую и т. д.); уйти в тень и пр.).

Шекспир сказал когда-то: «Весь мир – театр, и все люди в нем – актеры». В сфере немецкой политики, которая часто предстает как некая «постановка», в роли **артистов** выступают, соответственно, политические деятели и чиновники. В толковом словаре немецкого языка у слова французского происхождения «der Akteur» в качестве первого представлено значение «актер, артист» (der Schauspieler), а второе (появившееся как переносное от первого) – «(основное) действующее лицо (в том числе – в политической акции)» (der Handelnder, an einem bestimmten Geschehen Beteiligter; handelnde Person).

В качестве театральной и цирковой труппы можно также рассматривать и экспликации типа «das Sommertheater» (**летний театр**), «das Kasperletheater» (**кукольный театр**) и «der Wan-

derzirkus» (бродячий цирк, шапито), которые являются и видом учреждения культуры и искусства (как организация), и, помимо прочего, совокупностью работающих там артистов (как творческое объединение, коллектив).

Ситуация **постановки** зрелищного мероприятия и **распределения ролей** также широко распространена в политической сфере, репрезентируя такие ее аспекты, как международное положение, партнерство с другими странами и политические и экономические контакты.

Так, метафора «das Konzert» (концерт) довольно часто использовалась в арсенале риторических средств немецкого президента Й. Рау, создавая образ мира и международного сообщества как совокупности разных стран, каждой из которых отводится своя «роль»:

«– “Die wichtigste Voraussetzung für den Erfolg der Reform ist die Entstehung einer europäischen Öffentlichkeit *aus dem polyphonen Konzert* der europäischen Öffentlichkeiten” [Rau 2000b: 242].

– “Deutschland nach der Wiedervereinigung: *Welche Rolle im globalen Konzert* der politischen Mächte *spielen* wir künftig, und *welche* sollten wir *spielen*?” [Rau 2002b: 558].

– “*Welche Rolle spielt dann Europa in diesem Konzert?*” [Rau 2002b: 560]» [2].

Традиционный статус имеют метафоры «eine Rolle spielen» (играть роль) и «die Weltbühne» (мировая сцена; ср. в русском языке: международная арена), которые могут манифестироваться и в политической коммуникации:

«– “Welches Europa wollen wir eigentlich? Welchen Herausforderungen muss es gewachsen sein? *Welche Rolle soll es auf der Weltbühne spielen?*” [Herzog 1999: 9]» [2].

– “*Geld spielt eine wichtige Rolle* im Leben der Menschen» [2] (см. подробнее про экономические метафоры: [3]).

Имя существительное «die Rolle» помимо этого представлено и в составе следующих устойчивых выражений:

«– “aus der *Rolle* fallen” – “sich ungehörig benehmen” [CUGdR] (вести себя неподобающе): “Es tut mir leid, dass ich auf deiner Party so *aus der Rolle gefallen bin*”.

– “von der *Rolle* kommen” – “den Anschluss verpassen; in eine unglückliche Lage geraten” [CUGdR] (оказаться в незавидном положении): – “In der Rentenfrage *ist* die Regierung nach Meinung der Opposition längst *von der Rolle gekommen*”.

– “von der *Rolle* sein” – “den Anschluss verpasst haben; in einer unglücklichen Lage sein” [CUGdR] (чувствовать себя потерянным): “Seit ein paar Wochen *ist* sie völlig *von der Rolle*; sie hat den Tod ihrer Mutter immer noch nicht überwunden”» [2].

При исполнении музыкального произведения важным является сохранение чувства ритма и соблюдение такта, что эксплицирует ситуацию слаженной работы некой системы:

«– “aus dem *Takt* kommen [geraten]” – “durcheinander kommen; sich verwirren lassen” [CUGdR], например: “Ansonsten zählt Blüms feierliche Losung mittlerweile zu den vorzeitig ausglühenden Mythen unserer Industriegesellschaft – trotz ungebrochenem Wirtschaftswachstum und Rekordproduktivität. Denn der traditionelle Generationenvertrag *ist* wegen des Geburtenrückgangs aus dem *Takt geraten*” (Der Tagesspiegel. 1999)» [2].

Процесс репетиции получил переносное значение в идиоме: «“etwas in *Szene setzen*” – “etwas arrangieren” [CUGdR] (устраивать что-либо)» [2].

Реквизиты, декорации, костюмы – важная часть представления, создающая образное сопровождение постановки и наглядное впечатление об описываемой эпохе. В метафорических контекстах иногда сохраняется связь между образным и прямым значением, а в некоторых случаях лексема начинает употребляться в непрототипическом смысле.

Метафора «die Kulisse» (кулисы) выражает стандартное значение: прикрытие, маскировка, то есть внешнее прикрытие, сокрытие истинных помыслов в каком-либо роде деятельности:

«– “Es ist an der Zeit, nicht regional, sondern gesamtdeutsch zu denken. Berlin ist in diesem Sinne mehr als *die bloße Kulisse* der Wiedervereinigung” [Lucyga 1999].

– “Das erste ist: Es scheint nicht möglich, *eine Drohkulisse* in dem Augenblick, wo sie in letzter Minute wirkt, in Frage zu stellen” [Erler 1998: 21].

– “Die Kirchen, die prächtigen Bürgerhäuser und die alten Tore, Brunnen und Speicher – das sind weit mehr als *museale Zeugen* der Vergangenheit oder *malerische Kulissen*” [Rau 2000b: 70]» [2].

«Реквизит» (das Requisit) – формальная, вспомогательная идея, нужная для отвлечения внимания от основной проблемы, или некая тема, которую каждый политик считает должным затронуть в своем выступлении, но которую никто всерьез на данный момент решать не настроен ввиду ее неоднозначности или необычайной сложности.

«– “In der Zeit, in der es üblich war, vom Provisorium Bonn zu sprechen und Berlin als Frontstadt für nationales Pathos und Legendenbildung zu bemühen, hätte niemand daran geglaubt, daß dies vielleicht nur *Requisiten* unverbindlicher politischer Rhetorik seien” [Lucyga 1999]» [2].

К театральному реквизиту относятся в том числе «куклы», «марионетки» (в кукольном театре). Так, слово «die Marionette» (марионетка) в переносном значении указывает на лицо, которое от кого-то зависит и само не принимает никаких важных решений. В качестве компонента сложных слов, «Marionette-» вносит в структуру значения новой языковой единицы сему «зависимый», «не самостоятельный», как это имеет место в довольно распространенных словах: «der Marionettenstaat» (марионеточное государство); «die Marionettenregierung» (марионеточное правительство).

Образ куклы-марионетки представлен также в устойчивом сочетании:

«– “die *Puppen* tanzen lassen” – “sehr ausgelassen sein; einen großen Aufruhr veranstalten, energisch durchgreifen” [CUGdR]: “Kaum hat sich der Kanzler auf einen langen Südamerika-Trip verabschiedet, *lassen* seine Koalitionäre *die Puppen tanzen*. Dabei nehmen ihre Sticheleien so oft rituelle Züge an, dass von ernstem Streit nur selten gesprochen werden kann” (BZ. 1991)» [2].

Интересные образы связаны с ситуацией смены «театрального костюма» (die Kostümierung), которая пересекается также с текстильной субсферой [1]. В контексте, как правило, имя существительное «die *Kostümierung*» сопровождается именем прилагательным с социальной окраской (ideologisch, politisch), что безошибочно позволяет трактовать данное словоупотребление как фрагмент политической коммуникации.

В метафорическом контексте надевание и ношение «идеологического», «политического», «партийного» и иного костюма трактуется строго негативно и представляется как попытка скрыть свое истинное лицо или свои корыстные намерения, которые прикрываются якобы партийными, государственными или иными интересами:

«– “Wir müssen zu verstehen suchen, was Überzeugung ist und was *ideologische Kostümierung* – und was dahinter steckt: Verirrung, Provokation oder Protest” [Rau 2001b: 133].

– “*Politische Kostümierungen* können der Einschüchterung oder der Provokation dienen” [Rau 2001b: 136]» [2].

Той же цели служит и «грим, косметика» (die Kosmetik, die Schminke), которая как бы скрывает истинное положение дел (например, в социальной сфере), создавая впечатление, что никаких проблем нет, ср.:

«– “die Wahrheit schminken” (приукрашивать правду, причесывать факты);
– “der Bericht ist stark geschminkt (beschönigt sehr)” (доклад приукрашен).
– “Natürlich müssen auch die Reformen auf der nationalen Ebene weitergehen – sei es in der Sozial- oder in der Steuerpolitik. (...) Ich hoffe, die Regierenden in allen Ländern verstehen, dass sie die berechtigten Ängste von Millionen Menschen ernst nehmen müssen, dass es *mit Kosmetik* nicht getan ist” [Rau 2002b: 554]» [2].

К перечисленной группе слов по значению примыкает «**die Schleiflackfigur**» («**der Schleiflack**» – лаковое покрытие и «**die Figur**» – лаковое покрытие) – продукт индивидуально-авторского словотворчества Й. Рау, обозначающий, по замыслу оратора, политика, который всегда идет на компромиссы, не обостряет ситуации, не делает жестких высказываний и не совершает предосудительных по своему эффекту поступков (как его хотели бы многие видеть), например: «“Ein Bundespräsident kann keine *Schleiflackfigur* sein, die Anstößiges sagt und nie anstößig wirkt” [Rau 2001b: 411]» [2].

Из области театрального искусства в социально-бытовую сферу пришли глагол «**entlarven**» в переносном значении и соответствующее существительное «**die Entlarvung**», изначально значившие «снимать маску»/«снятие маски», а в переносном смысле получившие значение «разоблачать (кого-либо)», «срывать маску (с кого-либо)», «обличать (что-либо)» (и соответствующие именные смыслы «разоблачение», «изобличение»), то есть виртуально маска срывается с кого-либо/чего-либо с целью показать истинное лицо кого-либо/чего-либо (синонимом является группа «**enthüllen**» из текстильной сферы [1]).

В немецкой правовой сфере функционирует такое юридическое понятие, как: «“**Entlarvung des Verbrechers**” [CUGdR] (разоблачение преступника)» [2].

Театральную метафорику в западной политической культуре представляет также и традиционный и частотный (по употреблению) для периода холодной войны образ «железного занавеса» (**der Eiserne Vorhang**).

Эта метафора была введена в оборот в марте 1946 года британским премьер-министром У. Черчиллем (**the Iron Curtain**) в его знаменитой Фултонской речи³² (была произнесена в Вестминстерском колледже в городе Фултон, штат Миссури, США), в которой он обвинил СССР в самоизоляции от остального мира. Само словосочетание в прямом значении обозначало противопожарное устройство в театре, а в переносном стало употребляться в начале XIX века (оно есть в английском языке до сих пор в значении «изоляция от внешнего мира»).

Интересно, что выражение У. Черчилля породило массу производных: «бамбуковый занавес» (**bamboo curtain**) – о Китайской Народной Республике, «занавес Джима Кроу» (**Jim Crow**) – о дискриминации афроамериканцев, «мраморный занавес» (**marble curtain**) – об отношениях американской прессы и правительства и т. д.

Для западногерманских политиков метафора «железный занавес» (**der Eiserne Vorhang**) стала наиболее актуальной в августе 1961 года после строительства Берлинской стены, отделившей восточную часть города – столицу ГДР – от Западного Берлина. Данные действия восточногерманского правительства были восприняты в западных странах, и прежде всего – в ФРГ, весьма болезненно, а западногерманские политики заявили, что «железный занавес» «опустился» на границу двух Германий.

³² Считается, что именно с момента произнесения этой речи началась холодная война.

В 1989 году, когда власти ГДР открыли границу с Западным Берлином, в ФРГ, соответственно, стали заявлять о «крушении» «железного занавеса» между ГДР и ФРГ, хотя Западный Берлин юридически не был частью ФРГ, а существовал после Второй мировой войны (в 1949–1990 годы) как самостоятельный, третий «осколок» Германии (наравне с ФРГ и ГДР) (см. подробнее про метафору «железный занавес» в работе [1]).

Театральному искусству (как виду пластического) очень близко **эстрадно-цирковое** искусство, которое в социально-политической картине мира также представлено образными номинациями. Ключевыми метафорическими образами здесь выступают «бродячий цирк», цирковые «номера» и «трюки», которые актуализируют семы непостоянства и ненужности, притворства и обмана, активируя негативные коннотации.

Бродячий цирк (по другому – шапито) (*der Wanderzirkus*) в негативном смысле символизирует, во-первых, непостоянство, постоянные передвижения, отсутствие статичной локализации (при обсуждении вопроса о столице единой Германии и месте расположения органов государственной власти это в прямом смысле касалось работы федерального правительства и парламента, которым в 1991 году в качестве альтернативы одной столицы (Берлин/Бонн) предлагалось по очереди заседать то в одном городе, то в другом); во-вторых, несерьезность и неконструктивность государственных органов в свете необходимости серьезной повседневной работы (в таком случае работа уподобляется представлению в цирке), ср.:

«– “Meine verehrten Damen und Herren, was die Kommunikationsfragen anbelangt, wenn wir dem Vorschlag der einen oder anderen Seite folgen: Ich bin dafür, daß das Parlament als wichtiges Organ in Berlin eben nicht *den Wanderzirkus* beginnt” [Geißler 1999].

– “Wir wollen allerdings *keinen Wanderzirkus*, keine Scheinpräsenzen oder nur symbolische Sitzungen” [Thierse 1999]» [2].

Воздушный номер (*die Luftnummer*) характеризует **трудно осуществимое действие, решение**, способное нанести вред, например, экономике: «“Der jüngste Beweis für Ihre schönen Worte liegt heute auf dem Tisch: “Neue Initiativen zur Beschäftigungsförderung” wird *diese Luftnummer*, über die lange genug diskutiert worden ist, jetzt genannt; als wenn Ihre bisherigen Initiativen nicht schon genügend Arbeitsplätze gekostet hätten” [Ostertag 1998: 8]» [2].

Наконец, подковерная и явная борьба партий, манипулирование данными, подтасовка и искажение фактов в полной мере напоминают цирковые номера, особенно такие, которые построены на визуальном обмане зрителя. Слово «*der Trick*» эксплицируется в различных политических текстах, при этом создаваемый метафорический образ часто развивается дополнительными деталями, которые расширяют его и/или объясняют, разоблачают (устаи оратора). Так, слово «трюк» (чаще – во множественном числе) без поддержки других лексем активирует сему «обманывать, вводить в заблуждение»: «“Not und Armut gibt es auch bei uns, mitten in der Wohlstandsgesellschaft. Wir können und wir dürfen sie nicht wegdefinieren, weder mit politischer Rhetorik noch *mit statistischen Tricks*. Reichtum ist wahrlich keine Schande, aber Armut ist ein Menetekel und ein Schandfleck für die ganze Gesellschaft” [Rau 2002a: 340]» [2].

Разоблачение «трюков» **оппонента происходит либо указанием цели происходящего обмана**, либо раскрытием всей цепочки манипуляций, когда могут быть задействованы различные фокусы (как, например, «фокус со шляпой»), ср.: «“Wir müssen uns einmal klarmachen, *mit welchen Tricks* Sie jetzt versuchen, *eine möglichst gute Figur* bis zur Wahl abzugeben. (...) *Hütchenspielermanier*. *Trick* Nummer eins: Niemand soll Ihnen vorwerfen, daß Sie versuchen würden, die berühmte Trendwende am Arbeitsmarkt lediglich herbeizureden. Sie lassen sich diese Trendwende

etwas kosten... *Trick* Nummer zwei: Herr Fink, Sie haben gerade vorgeführt, wie man *nach bester Hütchenspielermanier* die Verantwortung, die der Bund bei der Bekämpfung der Arbeitslosigkeit real hat, in Richtung Kommunen abschiebt... *Trick* Nummer drei: Sie machen die Opfer zu Tätern und schieben den Betroffenen die Schuld zu" [Buntenbach 1998: 6]» [2].

Помимо этого, в словаре немецкого языка имеется разговорное выражение «“Trick siebzehn” (букв.: «трюк № 17») в значении «*der richtige Kniff*» (уметь надо!, верный ход) (этимология этого выражения не выяснена) [CUGdR], например: “Unerbittlich schlägt Boris Jelzin seine Schlacht. Dem Machterhalt dient auch sein Angebot in Sachen Koalitionsregierung. In Sibirien zur Schau getragene Versöhnlichkeit ist nichts anderes als *Trick 17* eines politischen Überlebenskünstlers” (ND. 1996)» [2].

Непосредственным составляющим любого зрелищного мероприятия является ситуация составления и реализации **сценария**. Сценарий – это придуманный, написанный кем-то план развития событий, причем в строго негативной перспективе. «Сценарий» (*das Szenario*) применительно к сфере современной политики отражает позицию оратора, высказываемую с целью представления работы оппонентов в строго негативном свете по формуле: «если будут приниматься подобные решения, то будет плохо», например:

«– “Herr Metzger hat zu dem vorgelegten Haushalt des Finanzministers gesagt, die Einhaltung der Waigelschen Vorgaben würde zu einer allmählichen Konsolidierung des Haushalts führen, da *in diesem Szenario* sowohl das Wachstum der Neuverschuldung als auch das Wachstum der Ausgaben unter dem angenommenen Wirtschaftswachstum lägen...” [Repnik 1998b: 9].

– “Ich halte *diese Szenarien* für völlig übertrieben. Deutschland wird nicht von polnischen Arbeitnehmern überflutet werden” [Rau 2001b: 503]» [2].

Деструктивный аспект данной метафоры в полной мере проявляется как в рамках словосочетаний с прилагательным «пессимистичный» (*pessimistisch*), так и в составе сложных слов, когда первый компонент характеризует ситуацию как «ужасную» (*das Horrorszenario*) или предвещающую применение военной силы (*das Druckszenario*), например:

«– “Der Politiker entwarf *ein düsteres Szenario* der wirtschaftlichen Entwicklung” [CUGdR].

– “Dabei kommt Prognose *in seinem pessimistischen Szenario* nunmehr zu dem Ergebnis, daß dafür den gesamten Projektionszeitraum bis zum Jahr 2040 eine Arbeitslosenquote von deutlich mehr als 10 Prozent möglich erscheint” [Storm 1998: 13]» [2].

Употребление глагола «inszenieren» (инсценировать) в полной мере и наглядно отражает когнитивную особенность политического текста, одной из функций которого как раз и является реконструкция социальной реальности в выгодном для оратора свете (политики конструируют, создают реальность).

В переносном смысле данный глагол передает ситуацию представления политиками социальной реальности в ином, выгодном им свете, например:

«– “Diese Konflikte haben auch mit der Mediensituation zu tun. (...) Aber ich darf nicht das Ereignis *inszenieren*” [Rau 2000b: 297].

– “Ganz gewiss gibt es auch einen Teil der Presse, der öffentlichen Meinung, der meinen Weg sehr kritisch sieht, der meint, ich hätte zu wenig Echo, ich *inszenierte mich* zu wenig. Aber ich glaube, wenn ein Mensch bei sich selber bleibt, dann kann er Glaubwürdigkeit behalten und gewinnen. Wenn er versucht, *sich zu inszenieren*, dann misslingt das, und dann entsteht der Eindruck, dass Mensch und Sache voneinander getrennt sind. Das will ich nicht” [Rau 2001b: 364]» [2].

В политических «инсценировках» в полной мере участвуют и германские СМИ, посредством которых партийные деятели оказывают влияние на граждан, внушая им свое, выгодное их партии видение социальной реальности: «“Viele in der Politik tragen dem Wunsch vieler Medien nach Symbolkraft nicht nur Rechnung, sondern sind mehr und mehr darauf bedacht, sich *medial* zu *inszenieren*” [Rau 2001b: 269]» [2].

Наконец, частью представления в той или иной степени является **прием, оказываемый публикой** политической постановке. В немецкой политической коммуникации частично сохраняется традиционная система отношения к происходящему: «аплодисменты» (*der Applaus*) – это выражение одобрения (как и в театре), а окказиональное антонимичное «покачивание головой» (*das Kopfschütteln*), в свою очередь, выражает отрицательное отношение к увиденному и услышанному, как это представлено в следующем отрывке:

«– “Ich bin gespannt, ob Frau Merkel demnächst *Applaus* statt *Kopfschütteln* von Ihnen bekommt, wenn sie wieder einmal Appelle an das Umweltbewußtsein und die Selbstkontrolle der Wirtschaft richtet“ [Mertens 1998: 12]» [2].

Помимо этого в настоящем фрагменте исходной субсферы «постановка, артисты и прием публики» актуализируются близкие понятия «*die Eintrittskarte*» (входной билет) и «*das Dauerabonnement*» (долговременный абонемент). «Входным билетом» именуются те необходимые (на 1998 год) условия и требования, предъявляемые к уровню экономического развития и конъюнктуры, выполнение которых позволит Германии безболезненно «войти» в Европейский валютный союз и перейти на своей территории на единую европейскую валюту евро (это было сделано в 2002 году, первые страны ЕС ввели евро в 1999 году): «„Niedrige Defizite befördern ein günstiges Investitionsklima. Damit haben wir für unsere wirtschaftliche Zukunft so *bedeutsame Eintrittskarte* für die Europäische Währungsunion gelöst“ [Waigel 1998: 3]» [2].

Номинация-компози́т «*das Dauerabonnement*» (долговременный абонемент) создает образное впечатление о **каком-либо протяженном, долгосрочном социальном процессе, о прогнозируемом экономическом росте**: «„Dafür ist besonders wichtig der weitere Aufbau der Infrastruktur, die Förderung der Innovationskraft der Unternehmen, Maßnahmen zur Stärkung der Eigenkapitalbasis und Finanzierungsinstrumente... Allerdings wird es kein *Dauerabonnement* geben und das, was Sie dazu gesagt haben über die Strukturschwäche mal im Osten, mal im Westen, dem stimme ich ausdrücklich zu“ [Rau 2000b: 92]» [2].

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что в сфере немецкой политической коммуникации театральная метафорика «обросла» стандартными лингвокогнитивными значениями, объективируя стереотипные ситуации и реалии области социально- и общественно-политических отношений. Театральное искусство в той или иной мере близко и знакомо адресату политической речи, благодаря чему театральные метафоры в определенных контекстах расширяются, создавая развернутые метафорические образы.

Некоторые переносные языковые значения (как у отдельных лексических единиц, так и в составе устойчивых выражений) узусализируются, пополняя словарный фонд современного немецкого языка, в связи с чем их изначально образное значение, сохраняя этимологическую «память», может быть активировано как при столкновении буквального и иного переносного значения, так и в метафорической «сетке» соответствующей группировки метафор, что, в свою очередь, часто дает толчок для появления и развития новых метафорических значений в данной концептуальной сфере.

Литература

1. Керимов Р. Д. Текстильные концептуальные метафоры в политическом дискурсе ФРГ // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23). – С. 96–107.
2. Керимов Р. Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ: учеб. пособие / Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 168 с.
3. Федянина Л. И. Концепт Geld в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа: учеб. пособие / Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 160 с.
4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001. – 240 с.
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во УрГИ, 2003. – 194 с.
6. Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. – 2., überarb. und aktual. Aufl. – Tübingen, Basel: Francke, 1996. – 238 s. – (UTB für Wissenschaft: Uni-Taschenbücher; 1636).

Literatura

1. Kerimov R. D. Tekstil'nye konceptual'nye metafory v politicheskom diskurse FRG // Politicheskaja lingvistika. – 2007. – № 3 (23). – S. 96–107.
2. Kerimov R. D. Artefaktnaja metaforika v politicheskom diskurse FRG: ucheb. posobie / Kemerov. gos. un-t. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. – 168 s.
3. Fedjanina L. I. Koncept Geld v nemeckoj jazykovoj kartine mira: opyt konceptual'nogo analiza: ucheb. posobie / Kemerov. gos. un-t. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. – 160 s.
4. Chudinov A. P. Rossija v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000): monografija. – Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2001. – 240 s.
5. Chudinov A. P. Politicheskaja lingvistika (obshhie problemy, metafora): ucheb. posobie. – Ekaterinburg: Izd-vo UrGI, 2003. – 194 s.
6. Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. – 2., überarb. und aktual. aufl. – Tübingen, Basel: Francke, 1996. – 238 S. – (UTB für Wissenschaft: Uni-Taschenbücher; 1636).

УДК 821.161.1

Н. А. Непомнящих

ТВОРЧЕСТВО Н. С. ЛЕСКОВА И СОЧИНЕНИЯ И. БРЯНЧАНИНОВА: ОБ ОДНОМ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ ТРАКТОВКИ СЮЖЕТА «СКОМОРОХА ПАМФАЛОНА» И «ПОВЕСТИ О БОГОУГОДНОМ ДРОВОКОЛЕ»³³

В статье в качестве одного из возможных источников авторской интерпретации сюжета «Скомороха Памфалона» и «Повести о богоугодном дровоколе» рассмотрены сочинения И. Брянчанинова. Соотнесена авторская оценка образов главных героев рассказов Н. С. Лескова с концепцией боголюбивости и сомнения И. Брянчанинова.

Ключевые слова: сюжет о поиске праведника, сюжет об истинном и мнимом праведниках, сочинения И. Брянчанинова и творчество Н. С. Лескова.

³³ Статья написана в рамках Интеграционного проекта ИФЛ СО РАН и ИИиА Уро РАН № 53 «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

N. A. Nepomniaschikh

N. S. LESKOV'S WORKS AND I. BRYANCHANINOV'S WRITINGS: A POSSIBLE SOURCE OF THE "PAMPHALON THE MOUNTEBANK" AND "THE STORY OF A PIOUS CLEAVER" PLOT INTERPRETATION

When studying the literature of XIX century, it is necessary to be aware of famous religious figures' contemporary writings. One should take into account their influence upon certain writers' philosophies. Recently the interest in N. S. Leskov's religious views and their evolution has quickened. The writer knew I. Bryanchaninov's writings. He was one of the first to make an attempt to reconstruct certain events of Bryanchaninov's biography. Bryanchaninov appeared under his real name as an incidental character in several Leskov's stories. Leskov's literary talent was in keeping with Bryanchaninov's idea of literature setting virtue examples instead of tempting readers with unworthy ones.

In 1880 Leskov turned to early Christian literature plots. His versions of the plots became the main content of his further literary works. "Pamphalon the Mountebank" and "The Story of a Pious Cleaver" are based on the stories from the "Prologues". They have attracted researchers' attention over and over again. M. P. Cherednikova, V. A. Tunimanov, and A. M. Ranchin's works discuss folklore sources, writer's correspondence in the time of writing of the stories as well as the censorial requirements influence on the stories transformation. Almost all of Leskov's works written in 1886–88 have a plot about a humble saint who is completely free from vanity and for whom it is natural to perceive himself as a sinner.

Antithesis of "humility and pride" appeared in the stories in 1886–88. Leskov used Russian words "pleasing to God (bogolubeznost') and self-conceit (samomnenie)" which were characteristic of Bryanchaninov's language and referred to his writings. Leskov's correspondence of late 1880s – early 1890s shows that the writer thought it was very important to avoid pride and self-conceit. He wrote about it repeatedly to his correspondents.

The writer started to show the interest in the topic at this very period due to several factors. Leskov took part in preparation of a new edition of Bryanchaninov's complete works. They were issued in 1886. In 1887 Leskov met Leo Tolstoi in person for the first time. Ideas of taming egoism expressed in Tolstoi's doctrine and works were in keeping with his own thoughts. At the same time I. Bryanchaninov appeared as a character of Leskov's stories. So it is very important to consider the writings of such an outstanding church figure as was Ignatius Bryanchaninov when analyzing Leskov's late stories.

Keywords: the story about two righteous men, I. Bryanchaninov's writings and N. S. Leskov's works.

Произведения Н. С. Лескова «Повесть о богоугодном дровоколе» (1886) и «Скоморох Памфалон» (1887), в основу которых положены рассказы из Пролога, не раз уже привлекали внимание исследователей. В работах М. П. Чередниковой, О. А. Державиной, В. А. Туниманова, А. М. Ранчина рассмотрены фольклорные источники, переписка писателя в период создания произведений, изучен вопрос влияния цензурных требований на их трансформацию. Сочинения Игнатия Брянчанинова как один из источников, который мог повлиять на выбор и трактовку писателем сюжета данных произведений, пока не рассматривались. Однако именно в 1885–1887 годах фигура святителя появляется в произведениях Н. С. Лескова, а идеи и стилистика сочинений И. Брянчанинова проникают в тексты как на уровне проблематики и разрешения конфликта, так и на уровне стилистики, метафорики и выбора отдельных номинаций.

В 1886 году было переиздано полное собрание сочинений И. Брянчанинова, и писатель принимал участие в его подготовке [1]. В 1885 году святитель впервые как эпизодический персонаж появляется в рассказе «Таинственные предвестия». В 1887 году, вслед за публикацией

«Скомороха...», Н. С. Лесковым написан рассказ «Инженеры-бессеребренники», в котором он в художественной форме воссоздает некоторые эпизоды биографии Брянчанинова. Сюжетная канва и проблематика «Скомороха...» и «Инженеров...» во многом перекликаются. Как и Ермий, Брянчанинов просит освободить его от службы, поскольку не верит в возможность праведной жизни в погрязшем во грехе мире. Однако он, в отличие от Ермия, лишен самолюбования и имеет на товарищей своих только положительное влияние. Одна из первых глав полностью посвящена обсуждению Брянчаниновым и его другом Чихачевым проблемы «не возгордись»: «Самое главное в нашем положении теперь то, – внушал он (Бр.) Чихачеву, – чтобы сберечь себя от гордости...» [5, т. 8, с. 236].

Мысль о необходимости «беречь себя от гордости» становится основной в размышлениях Лескова в конце 1880-х годов и проводится красной нитью в произведениях и письмах этого периода, не уходя из поля зрения писателя до конца жизни. Переписка Лескова позволяет понять, насколько важна для него была идея отвержения гордыни. В письме А. Н. Пешковой-Толиверовой от 5 декабря 1888 года Лесков остро реагирует на слова о гордости в отзыве на напечатанное письмо П. В. Засодимского: «Зачем еще: “Я имею право гордиться?” Это что за глупость? Какое это может быть “право гордиться”? Вот тебе и христианство, и гуманность, и Лев Толстой! (...) бедный старик!» [5, т. 11, с. 403]. В письме И. Репину от 22 января 1889 года Лесков приводит стихотворение Фофанова, обращенное к Л. Н. Толстому, и дает на него отзыв, опять комментируя одно только слово «горжусь» (из строки: «слежу за гением твоим, *горжусь* его полетом смелым»): «Стихотворение это прекрасно. Но в нем есть одно *ужасное слово* (курсив писателя. – Н. Н.), которое не совсем идет к тону и противно тому настроению, которого должна держаться муза поэта-христианина, в истинном, а не приходском значении этого слова. Это слово “горжусь”... Это несоответственное слово употребляют попы, газетчики, славянофилы и патриоты-националисты, но оно не должно исходить из уст поэта-человеколюбца, тронутого горящим углем любви христианской» [5, т. 11, с. 413].

Сюжет почти всех произведений Лескова, написанных в 1886–1887 годах, – это сюжет о смиренном праведнике, абсолютно чуждом тщеславия и гордыни, для которого ощущать себя грешником является естественным состоянием. «Богоугодный дровокол» и «Скоморох Памфалон» представляют два варианта сюжета о поиске мнимым праведником истинного праведника, смиренного и не считающего себя таковым: в первом рассказе дана лаконичная версия, и более многоцветная и велеречивая по стилю – в «Скоморохе...». В последнем столпник Ермий, в прошлом знатный и влиятельный государственный человек, противопоставляется нищему скомороху, а в «Богоугодном дровоколе» молитва епископа – молитве простого дровосека. Однако отличие героев заключено не только в их социальном положении, но и в их отношении к Богу и самим себе. Оценка дана в самих эпитетах «богоугодный» и «боголюбезный». «Скоморох Пафалон» в первоначальном варианте был назван «Боголюбезный скоморох» [6, с. 377–378], но в 1886 году «Повесть о богоугодном дровоколе», первоначально опубликованная в составе статьи о Л. Н. Толстом в издании «Новости. Биржевая газета», впоследствии была запрещена цензурным комитетом, а печать «Скомороха...» приостановлена [6, с. 377–378]. Лесков, подчинившись требованиям цензуры, поменял имена главных действующих лиц в «Скоморохе...», а также изменил название: вместо эпитета «боголюбезный» в новом варианте в заглавие вынесено имя главного героя – «Скоморох Памфалон», что дало необходимое нейтральное звучание, хотя сами слова «богоугодный» и «боголюбезный» в тексте остались. В них заключена характеристика героев, и вопрос лишь в том,

почему именно эти герои являются угодными Богу. И отшельник Ермий, и епископ пытаются найти ответ на него в беседе с самими «боголюбезными» праведниками: нищим скоморохом и нищим дровоколом.

Праведники, от которых предстоит получить ответ, не сразу распознаются влиятельными лицами. Ермий думает: «...это невозможно, чтобы человек, для свидания с которым я был снят с моего камня и выведен из пустыни, был скоморох? Какие такие добродетели, достойные вечной жизни, можно заимствовать у комедианта, у лицедея, у фокусника, который кривляется на площадях и потешает гуляк в домах, где пьют вино и предаются беспутствам?» [5, т. 8, с. 188]. Аналогичная ситуация в рассказе о дровоколе, где народ и епископ никак не могут поверить, «чтобы еле двигающийся под вязанкою дров мужик был всех лучше для вознесения Богу молитвы об общественном бедствии? Но никого другого, кроме этого старика, не показывалось, и выбирать было не из кого, и епископ решился остановить дровокола и просить его вознести к Богу моление...» [5, т. 11, с. 105].

Ермий несколько раз приступает с расспросами к Памфалону, который искренне недоумевает: «Эх, отец, отец! Если бы ты знал, как мне смешно тебя слушать... <...> о каком богоугодии я могу думать при такой жизни!» [5, т. 8, с. 192]. И дровокол, и скоморох убеждены, что они далеки от Бога и даже помышлять о нем за постоянными трудами им некогда. Суждения о собственной грешности предваряют любые слова скомороха: «Кругом я грязен и скверен», «я большой грешник и бражник, но что хуже всего, – я обманщик» [5, т. 8, с. 202]. Похож и ответ дровокола епископу: «Я самый обыкновенный грешник и провожу жизнь мою в ежедневной житейской суете и хлопотах... даже думать о богоугодных делах мне некогда...» [5, т. 11, с. 107]. Напротив, и столпник Ермий, и епископ полагают, что ведут богоугодную жизнь. Однако молитва епископа о дожде не услышана, а возносящейся на небеса душе Ермия поставлен предел из слова «самоумнение», предел этот стерт одним движением души Памфалона. В слове «самоумнение», как в фокусе, собран весь смысл повести. Боголюбезность, заявленная в первоначальном варианте заглавия – «Боголюбезный скоморох», таким образом, противопоставлена самоумнению. В двух сильных текстовых позициях «заглавие – финал» ключевые слова образуют антонимическую пару, которая постоянно повторяется в сочинениях Игнатия Брянчанинова, а сами понятия, именно в такой номинации и связке – «боголюбезность – самоумнение», неоднократно становятся предметом размышлений святителя.

Проблема смирения и гордыни традиционна для христианской литературы, и у каждого автора есть свои назидательные примеры и советы о преодолении греха гордыни и обретении добродетели смирения, излюбленные наименования и синонимы для обозначения самих понятий, что становится наглядным, например, в сравнении стилистики Тихона Задонского и Игнатия Брянчанинова. У Тихона Задонского речь о грехе гордыни и противоположной ему добродетели смирения ведется с использованием слов «гордость», «высокоумие», «смирение», «кротость», «уничтожение» [4, т. 1, с. 786–787; т. 4, с. 385–387]. Он даже дает подробное, пронумерованное описание признаков гордости и смирения в сочинении «Плоть и дух», но в его творениях не встречается слово «самоумнение», крайне редко употребляются слова «боголюбезный», «богоугодный». В отличие от предшественников, писавших на эту традиционную христианскую тему, Игнатий Брянчанинов почти не использует слова «гордость», он предпочитает слово «самоумнение», а смирение чаще всего обозначается им словами «боголюбезность», «богоугодность» [2; 3], что можно назвать характерной индивидуальной чертой его стиля.

Ту же приверженность словам «самомянение» и «боголюбезность» можно отметить и у Лескова³⁴. Разрешение конфликта между самомянением в лице Ермия и епископа и смирением в лице скомороха и дровокола производится назидательно-аллегорически, в точности иллюстрируя поучение Брянчанинова о «боголюбезной праведности» в «Аскетической проповеди»: «Такова боголюбезная праведность! Она производится в человеке осенившем его Божественною благодатью, и благоугождает Богу делами богопреданной правды. *Богоугодный праведник не престаёт признавать себя грешником* (курсив здесь и далее наш. – Н. Н.) не только по причине своих явных грехов, но и по причине своей естественной правды, находящейся в горестном падении... <...> Преподобный Пимен Великий говорил: “Для меня приятнее человек согрешающий и кающийся, нежели негрешающий и некающийся: первый, признавая себя грешником, имеет мысль благую, а второй, признавая себя праведным, имеет мысль ложную”» [2, с. 22–23]. Слова поучения почти дословно совпадают с речами лесковских персонажей. Исходя из рассуждения Брянчанинова, проводящие жизнь в заботах о куске хлеба скоморох и дровокол к Богу ближе, поскольку признают себя грешными: «Я ведь сын греха» [5, т. 8, с. 195], «я человек негодный» [5, т. 8, с. 197] – постоянно говорит о себе скоморох. Также ведет себя и дровокол: «Я недостойн, отче, чтобы при тебе, в твоём присутствии, слова молитвы восходили из моих уст» [5, т. 11, с. 196]. Идея и стилистика полностью совпадают со словами из «Беседы о том, что для плодоносного покаяния необходимо отвержение самомянения» Брянчанинова: «Недостаточно избрать для жительства место, удобное к покаянию; недостаточно оставить имущество, сродников и друзей, отрешиться от близких и частых сношений с миром, недостаточно этого. Это – только вспомогательные средства к покаянию, это деяния, долженствующие предшествовать покаянию... Продав имение, то есть оставив вещество и прервав связи с миром, надо *сотворить плоды, достойные покаяния*, чтобы покаяние было действенным, достигло своей цели <...> надо, чтобы дух наш сокрушился и смирился от боголюбезной печали, рождающейся от сознания и ощущения своей греховности; надо *извергнуть из себя самомянение*, в каком бы виде оно ни присутствовало в нас. При самомянении покаяние невозможно <...> *Зараженный самомянением не способен усвоиться Богу*» [2, с. 370–371].

Писатель словно буквально следует за текстом поучения, воплощая метафоры Брянчанинова в конкретные событийные элементы сюжета. В начале «Скомороха Памфалона» подробно описано, как Ермий раздал богатое имущество, нашел подходящее место: «Ермий пришел к отдаленному городу и совсем неожиданно для себя нашел “некий столп”. Это была высокая каменная скала, и с расщелиной, и в середине расщелины было место, как только можно одному человеку установиться. “Вот, – подумал Ермий, – это мне готовое место”» [5, т. 8, с. 177]. На этом месте он простоит столпником тридцать лет, но, как окажется в финале, впустую, поскольку «спасение невозможно без того, чтобы угодить Богу» [5, т. 8, с. 192], – это слова самого Ермия, а как угодить ему, открывает скоморох своим рассказом. «Боголюбезный» скоморох искренне печалится оттого, что не смог отречься от своего ремесла, спасая попавшую в беду Магну и ее детей, и считает, что тем самым нарушил свой обет Богу: «... исправление жизни моей и с ней надежда на блаженную вечность навсегда разлетелись. Так я теперь и остаюсь скоморохом – я смехотвор, я – беспутник... я дегтярная бочка, я негодная

³⁴ К сожалению, пока предложенный «Виртуальной научной лабораторией “Н. С. Лесков”» частотный словарь вообще не включает в состав слова «богоугодный» и «боголюбезный», лишь однократное «боголюбивый», а «самомянение» отмечено десятью словоупотреблениями [9].

дрянь, которую ничем уже не исправишь» [5, т. 8, с. 229]. Ермий понимает, наконец, чем тот стал «Богу любезен» [5, т. 8, с. 201]: «Вечность впусте не будет... перейдут в нее путем милосердия много тех, кого свет презирает и о которых я, гордый отшельник, забыл, залюбовавшись собою» [5, т. 8, с. 229].

В 11-томном собрании сочинений в комментариях к «Скомороху Памфалону» сказано, что Лесков, указывая близким адресатам на житие Феодула из Пролога, скрывал источник повести от широкого читателя в силу противоречия, происходящего между источником и вольностью его трактовки писателем: «Повесть из Прологов кончил и ею доволен. Источника фабулы не указываю <...> Перечитал и изучил для нее немало» [5, т. 8, с. 584]. «Вольная» интерпретация Лескова близка по смыслу сюжету из «Отечника» Игнатия Брянчанинова, сходному с проложным: «Однажды блаженный Антоний молился в келлии своей, – и был к нему глас: “Антоний! Ты еще не пришел в меру кожевника, живущего в Александрии”. Услышав это, старец встал рано утром и, взяв посох, поспешно пошел в Александрию. Когда он пришел к указанному ему мужу, муж этот крайне удивился, увидев у себя Антония. Старец сказал кожевнику: “Поведай мне дела твои, потому что для тебя пришел я сюда, оставив пустыню”. Кожевник отвечал: “Не знаю за собою, что б я сделал когда-либо и что-либо доброе; по этой причине, вставая рано с постели моей, прежде, нежели выйду на работу, говорю сам себе: все жители этого города, от большого до малого, войдут в Царство Божие за добродетели свои, а я один пойду в вечную муку за грехи мои. Эти же слова повторяю в сердце моем прежде, нежели лягу спать”. Услышав это, блаженный Антоний отвечал: “Поистине, сын мой, ты, как искусный ювелир, сидя спокойно в доме твоём, стяжал Царство Божие; я, хотя всю жизнь мою провожу в пустыне, но не стяжал духовного разума, не достиг в меру сознания, которое ты выражаешь словами твоими”» [3, с. 39–40].

Здесь кратко изложена основная идея названных лесковских произведений, а фабула сходна с фабулой «Скомороха...»: глас отшельнику о необходимости найти праведника, простого человека, в большом городе; беседа с ним; недоумение праведника, считающего себя недостойным грешником; осознание отшельником превосходства найденного им праведника в деле спасения. После самой притчи следует комментарий святителя: «Глубина смирения есть вместе и высота преуспевания. Нисходя в бездну смирения, восходим на небо. Покушающийся взойти на небо без посредства смирения низвергается в бездну самомнения и погибели» [3, с. 40]. Финал «Скомороха Памфалона» представляет собой буквально воплощенную метафору «восхождения на небо»: перед «покушавшимся взойти без посредства смирения» Ермием встали преградой на пути ввысь огненные буквы, составившие слово «самомнение», – именно самомнение, а не «гордыня», «гордость» или же другие синонимы. Вполне возможно, что и само обращение к сходному сюжету в Прологе произошло не без воздействия сочинений Брянчанинова, а трактовка его полностью согласуется с рассуждениями святителя о самомнении и боголюбивости и ведется в тех же, что у святителя, выражениях, в точности повторяя сами номинации и буквально реализуя его метафоры.

В последних строках комментария к статье «Лучший богомолец», в состав которой был включен рассказ о богоугодном дровосеке, Лесков отзывается о журнальной критике народных рассказов Л. Н. Толстого в той же стилистике, повторяя слова о боголюбивости: «Напрасно вменяется ему во злое намерение показать, что люди собственными их силами в самой скромной доле могут устроить свою жизнь так, что она станет боголюбивой» [5, т. 11, с. 114]. Проблематика и сюжеты произведений Лескова 1886–1888 годов выстраиваются в едином

русле размышлений о гордыне и смирении. В «Сказании о Федоре-христианине и Абраме-жидовине» (1886), показано, как почитание самого себя истинно праведным, а своей веры – единственно правильною ведет к розни людей. Важность и естественность смирения, бескорыстного добра подчеркивается и в рассказе «Спасение погибавшего» (впоследствии «Человек на часах») (1886). Писатель последовательно развивает в произведениях, основанных на разном материале, идею преодоления самолюбования посредством самоотверженного служения ближнему, предельно заостряя антитезу «боголюбности»/смирения и «самоуменения»/гордыни в «Скоморохе Памфалоне». Внутренне близка и созвучна таланту Лескова мысль Брянчанинова о том, что литература должна предлагать человеку примеры добродетели, а не соблазнять его недостойными примерами. Жизненный опыт и сочинения самого святителя способствовали появлению в творчестве Лескова определенных тем, сюжетов и героев.

Критика поздним Лесковым церкви обычно связывается с причинами социальными (несовершенство самой церкви, отсутствие образцовых священников) [7], а также с внутренней причиной [8], и обычно иллюстрируется цитатой из письма Лескова М. А. Протопопову от 23 декабря 1891 года о «хорошо прочитанном Евангелии» [5, т. 11, с. 508]. Цитата эта встречается в разных работах. Однако данные слова в письме заковычены писателем. Видимо, это выражение не самого писателя, а, вероятно, Протопопова, автора статьи о Лескове, за которую Лесков и благодарит своего адресата. «Хорошо прочитать Евангелие» ему могли способствовать сочинения Брянчанинова, которые сами являются буквальным «хорошо прочитанным» Евангелием, его толкованием с опорой на сочинения Отцов Церкви. Именно потому важно при анализе поздних произведений Лескова вовлечь в круг исследуемых проблем сочинения столь выдающегося религиозного деятеля, каковым являлся святитель И. Брянчанинов, и рассмотреть их возможное воздействие на позднее творчество писателя.

Литература

1. Брянчанинов Игнатий. Соч.: в 5 т. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.saint-fathers.org/toma-s-3-po-8-svyatitel-ignatij-bryanchaninov-polnoe-sobranie-sochineniy-reprint-izdaniya-tipografii-tuzova-1886-goda.html> (дата обращения: 02.04.2013).
2. Брянчанинов И. Аскетическая проповедь. – Минск: Лучи Софии, 2002. – 480 с.
3. Брянчанинов И. Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их // Полн. собр. творений Игнатия Брянчанинова [Электронный ресурс]. – М., 2004. – Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/09i/ignatii/otchnik/otchnik.pdf> (дата обращения: 27.05.2013).
4. Задонский Тихон. Плоть и дух [Электронный ресурс] // Собр. соч. – Т. 1. – Режим доступа: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=207 (дата обращения: 28.05.2013).
5. Лесков Н. С. Соч.: в 11 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958.
6. Ранчин А. М. К творческой истории легенд Лескова «Повесть о богоугодном дровоколе» и «Скоморох Памфалон» // Неизданный Лесков. Литературное наследство. – М.: Наследие, 1991. – Т. 101, кн. 1. – 654 с.
7. Румянцев А. Б. Н. С. Лесков и русская православная церковь // Русская литература. – 1995. – № 1. – С. 212–217.
8. Струве П. Б. Н. С. Лесков (Несколько черт из воспоминаний) // Русская литература. – 1992. – № 3. – С. 95–98.
9. Частотный словарь [Электронный ресурс] // Виртуальная научная лаборатория «Н. С. Лесков». – Режим доступа: http://www.nsleskov.ru/index.php?option=com_dictionary&Itemid=22 (дата обращения: 21.05.2013).

Literatura

1. Brjanchaninov Ignatij. Soch.: v 5 t. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.saint-fathers.org/toma-s-3-po-8-svyatitel-ignatij-bryanchaninov-polnoe-sobranie-sochineniy-reprint-izdaniya-tipografii-tuzova-1886-goda.html> (data obrashhenija: 02.04.2013).
2. Brjanchaninov I. Asketicheskaja propoved'. – Minsk: Luchi Sofii, 2002. – 480 s.
3. Brjanchaninov I. Otechnik. Izbrannye izrechenija svjatyh inokov i povesti iz zhizni ih // Poln. sobr. tvorenij Ignatija Brjanchaninova [Elektronnyj resurs]. – M., 2004. – Rezhim dostupa: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/09i/ignatii/otechnik/otechnik.pdf> (data obrashhenija: 27.05.2013).
4. Zadonskij Tihon. Plot' i duh [Elektronnyj resurs] // Sobr. soch. – Rezhim dostupa: http://pravmis.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=207 (data obrashhenija: 28.05.2013).
5. Leskov N. S. Soch.: v 11 t. – M.: GIHL, 1956–1958.
6. Ranchin A. M. K tvorcheskoj istorii legend Leskova «Povest' o bogougodnom drovokole» i «Skomoroh Pamfalon» // Neizdannyj Leskov. Literaturnoe nasledstvo. – M.: Nasledie, 1991. – T. 101, kn. 1. – 654 s.
7. Rumjancev A. B. N. S. Leskov i russkaja pravoslavnaja cerkov' // Russkaja literatura. – 1995. – № 1. – S. 212–217.
8. Struve P. B. N. S. Leskov. (Neskol'ko chert iz vospominanij) // Russkaja literatura. – 1992. – № 3. – S. 95–98.
9. Chastotnyj slovar' [Elektronnyj resurs] // Virtual'naja nauchnaja laboratorija «N. S. Leskov». – Rezhim dostupa: http://www.nsleskov.ru/index.php?option=com_dictionary&Itemid=22 (data obrashhenija: 21.05.2013).

УДК 82-1/29

Э. М. Афанасьева

МОТИВ ИМЕНИ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ В ЛИЦЕЙСКОЙ ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

Мотив «утаенной любви» – одно из спорных явлений в истории пушкинистики. В данной статье предлагается анализ его эстетической природы. За основу берется категория романтической тайны и ее освоение в ранний период творчества Пушкина. Мотив имени исследуется в соотнесении с онтологической триадой «имя – личность – бытие» на примере стихотворений «К живописцу» (1815) и «Осеннее утро» (1816).

Ключевые слова: А. С. Пушкин, любовная лирика, онтология имени, мотив.

E. M. Afanasjeva

THE MOTIVE OF THE MISTRESS' NAME IN THE LYCEUM LYRICS OF A. S. PUSHKIN

Both texts stand out among the love lyrics of Pushkin 1815–1816, for which unrequited love is an important part. In the unmentioned poems such situation is not included. In the message «To painter» a lyrical portrait of idealized heroine is recreated, at the end of the poem there is a promise to write her name. The lyrical elegy «Autumn morning» is based on the experience of parting with the beloved.

The love lyrics is performative by its nature. The lyrical event represents such a type of emotional experience when «I» releases an attitude to «another I». In this way «another I» is given in the situation of «my» attitude to it. In the early lyrics of Pushkin the signal of heart mystery disclosure or of overfilling emotions is a

dear name. In the poem «To painter» the lyrical character aims to recreate the character of the beloved through the reference to the ancient names, under which the mythological association is hidden. The beloved becomes similar to Hebe, the Goddess of eternal youth, and Venus, the Goddess of love and beauty. The name of the Goddess is not mentioned, it can potentially exist only outside the lyrical event. In the elegy «Autumn morning» there is a fact of name verbalization, it is mentioned but remains unknown to the receiver (reader). The hero calls the beloved and the sound of his voice broadens the borders of the beloved absence. The model of time and space name being appears in the poem, when the world is measured with its ontological possibilities. The conflict situation is formed within the insuperable distance between the name and its owner.

In the poems «To painter» and «Autumn morning» the lyrical intrigue is in that the name is not mentioned. Preterition in the lyceum period of Pushkin's works becomes the source of romantic aesthetics formation. On the first phase of the motive development it is explained by the shyness of the hero. At the same time Pushkin comprehends the situation of the ontology unity deformation between the name and its owner, when the name being doesn't coincide with the hero being.

Keywords: A. S. Pushkin, love lyrics, ontology of name, motive.

Многочисленные послания К***, загадочные инициалы, обращения к N. N. стали сферой романтического табу на имя возлюбленной, часто интригующей читательскую публику. Знак «К*» (К со звездочкой), пришедший на смену условным литературным Хлоям, Лаисам, Майнам XVIII века, не только создавал основу для поэтики намека, но и оказался воплощением романтического комплекса «имя звезды» (другой вариант с оценочным акцентом – «беззаконная комета»). Древнейшие астральные мифы о переселении людских душ на небеса, сошествии звезды на землю и о покровительстве путеводного светила на протяжении земной жизни человека определили характер романтической тоски по идеалу.

Расшифровка имени возлюбленной в стихотворениях А. С. Пушкина о любви долгое время определяла интригу литературоведческих разысканий. Намек на адресата, присутствующий как в тексте, так и в контексте (в документальных свидетельствах писателя или его окружения), становился предметом научных дискуссий о возможной сердечной привязанности поэта. Базовой методикой была методика биографического анализа. Итогом более вековой исследовательской традиции стал сборник 1997 года «Утаенная любовь Пушкина» [15]. В предваряющих издание статьях Р. В. Иезуитовой ««Утаенная любовь» в жизни и творчестве Пушкина» [15, с. 7–33] и Я. Л. Левкович «Донжуанский список Пушкина» [15, с. 34–50] восстановлена история функционирования мотива в творчестве писателя и его интерпретация в пушкинистике конца XIX–XX веков. Упомянутый сборник объединил концепции О. М. Гершензона, П. Е. Щеголева, П. К. Губера, Ю. Н. Тынянова, Б. В. Томашевского, Л. П. Гроссмана, Т. Г. Цявловской, Г. П. Макогоненко, М. Яшина. Постепенно расширялся круг предполагаемых адресатов, возникали версии о «северной» и «южной» любви. Б. В. Томашевским были определены «аристократические» и «демократические» версии сердечных увлечений Пушкина [14, с. 262], дополненные Р. В. Иезуитовой «монархическими» гипотезами о влюбленности поэта в царствующих особ (см.: [14, с. 30–31]).

Эстетико-теоретическая линия в исследовании мотива «утаенной любви» связана с выявлением закономерностей художественного наследия Пушкина. Она часто сопутствовала биографическим разысканиям. Например, Г. П. Макогоненко в любовной лирике Пушкина 1823–1830 годов условно выделяет две группы стихотворений. Первая – это тексты, прямо

или косвенно обращенные к названной или подразумеваемой женщине («М. А. Голицыной», «Е. Н. Ушаковой», а также «К***» («Я помню чудное мгновенье...»)), непосредственно переданное поэтом А. П. Керн, или «Что в имени тебе моем?», записанное в альбоме К. Собаньской). Вторая группа текстов – любовные стихотворения, не допускающие биографического комментария и обнаружения адресата: «все, что нужно читателю для понимания авторского замысла, содержится в самом поэтическом строе стихотворения, в его образной структуре» [11, с. 76]. По большому счету, формула, обозначенная исследователем, универсальна. Художественный мир произведения являет собой самодостаточное эстетическое целое для диалога автора с читателем.

Теоретический аспект интерпретации мотива «утаенной любви» был обозначен Ю. М. Лотманом, который обратил внимание на природу поэтической игры автора с читателем. По мнению исследователя, романтическая модель поведения провоцировала жизнетворчество: «использование личных писем с целью толкнуть читателей к догадкам относительно биографического смысла тех или иных стихов стало для Пушкина южным периодом такой же системой, как многозначительные умолчания и пропуски в текстах, имеющие целью не скрыть интимные чувства автора, а привлечь к ним внимание» [10, с. 48]. Подобного рода выводы позволили представить методику сопоставления художественного текста и сопутствующих ему документов в соотношении с сознательной авторской стратегией, провоцирующей эстетическую интригу [13; 14].

В данной работе мы обратимся к выявлению эстетических закономерностей мотива сокрытия имени в стихотворениях о любви. Уже в лицейский период Пушкин активно осваивает онтологические возможности имени [3]. В любовной лирике Пушкина имя часто соотносено с категорией тайны. Именно тайна создает условие для эстетического переживания и эмоционального напряжения. В возникающем коммуникативном пространстве формируется иллюзия возможности разгадки не столько через воссоздание/восприятие образа героини, сколько в намеке на саму возможность вербализации невербализуемого.

Значительную роль в формировании любовной эстетики А. С. Пушкина сыграли стихотворения 1815–1816 годов. Как уже отмечено в пушкинистике, они создавались под воздействием влюбленности в Екатерину Бакунину, сестру одного из лицеистов [6, с. 435–438]. В это время начинающий поэт, с одной стороны, активно вводит женские имена в стихотворные тексты, с другой – экспериментирует с поэтикой намека. Во втором случае эстетическое воплощение номинологического мотива соотносится с ситуацией произнесения и написания дорогого слова, между тем, само имя остается неизвестным. Отдельного внимания заслуживают стихотворения «К живописцу» (1815) и «Осеннее утро» (1816). Оба текста выделяются на фоне любовной лирики 1815–1816 годов, характерной чертой которой является безответное чувство. В названных стихотворениях нет подобного рода безысходности. В послании «К живописцу» воссоздается образ идеальной красавицы. В основе лирической ситуации «Осеннего утра» – переживание расставания с возлюбленной и надежда на предстоящую встречу.

В стихотворении «К живописцу» возникает словесный портрет героини, чье совершенство уподобляется Гебе, античной богине вечной юности, и Венере, богине любви и красоты [9]. В финале появляется намек на потенциальное раскрытие имени возлюбленной:

К ЖИВОПИСЦУ

*Дитя Харит и вображенья,
В порыве пламенной души
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши;*

*Красу невинности небесной,
Надежды робкия черты,
Улыбку душеньки прелестной
И взоры самой красоты.*

*Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.*

*Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно вздохнуть.*

*Представь мечту любви стыдливой,
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу. [12, т. I, с. 174]*

В интерпретации античных образов послания, опубликованного при жизни поэта в «Памятнике отечественных муз на 1827 год», мнения пушкинистов разделились. Лицейский текст соотносят с творчеством Э. Парни [1, с. 61; 6]. Есть также мнение, что в стихотворении передается обобщенный антологический колорит [18, с. 113]. Античные имена в послании «К живописцу» формируют своего рода номинологическое «уплотнение смысла». За конкретным именем проступает круг мифологических ассоциаций, что является основой создания совершенного образа героини с намеком на эротизм. За творческим вдохновением, проецируемым на живописца, скрывается порыв «пламенной души» и самого лирического героя. «Краса невинности прелестной» возлюбленной обладает силой, провоцирующей созерцательное любовное утончение телесностью. В финале стихотворения появляется мотив мечтательной «стыдливой любви». В этом контексте вводится обоснование мотива сокрытия имени: «Рукой любовника счастливой // Внизу я имя подпишу».

Ситуация сокрытия имени, мотив тайны, прием умолчания уже в лицейский период становятся истоком формирования романтической эстетики. В этих приемах постепенно оттачивается интрига, характерная для любовной лирики Пушкина. В ее основе – проблема взаимодействия художественной реальности с реальностью жизненной. Прием намека на возможное имя становился эстетической пружиной, которая провоцировала создание многочисленных

догадок и гипотез об адресатах. Стоит обратить внимание на то, что на первом этапе разработки мотива авторское обоснование ситуации утаения имени связано с образами стыдливой любви и застенчивого влюбленного.

В элегии «Осеннее утро» данный мотив получает иную реализацию. Здесь есть факт вербализации имени, оно звучит, но остается неизвестным реципиенту. Динамика душевных переживаний лирического героя соотносится с ритмом суточного и годового течения времени. Начинается элегия с мотива пробуждения героя с воспоминанием о дорогом образе:

*Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с образом любовницы драгой
Последнее слетело сновиденье. [12, т. 1, с. 198]*

Мотив пробуждения служит основой субъективного уплотнения времени: герой с ночи до утра пребывает под впечатлением от душевных переживаний. Сновиденческий образ переносится в «реальность», и эта ситуация служит основой лирического переживания. Герой стремится обнаружить возлюбленную, которой нет рядом. Весь мир воспринимается им с позиции утраты, когда настоящее проверяется прошлым:

*С небес уже скатилась ночи тень,
Взошла заря, блистает бледный день –
А вокруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной. [12, т. 1, с. 198]*

Элегический пейзаж психологизируется, являясь фоном отражения эмоционального состояния героя. В этом контексте появляется мотив имени возлюбленной, который мифологизирован за счет его включения в античный миф об эхе:

*Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной;
Я звал ее – и глас уединенный
Пустых долин позвал ее в дали. [12, т. 1, с. 199]*

П. Е. Щеголев возвел данный мотив к поэзии Э. Парни [17], В. В. Виноградов соотносит этот фрагмент текста Пушкина со стихотворением К. Н. Батюшкова «Воспоминания» [7, с. 187]. Безысходность ситуации, когда лирический герой после расставания с возлюбленной стремится вернуть ее, в пушкинской элегии распространяется во времени и пространстве. На смену зрительным образам в «Осеннем утре» приходит аудиальный: герой зовет героиню, и звук ее имени расширяет границы ее отсутствия, завоевывая пространство при помощи эха. В этой элегии едва ли не впервые проявлен мотив, который впоследствии определит законы взаимодействия имени с мирозданием в пушкинской поэтике. В стихотворении возникает мо-

дель пространственно-временного бытия имени, мир измеряется и завоевывается его онтологическими возможностями. В лицейский период Пушкин осваивает этот мотив в диалоге с предшествующей традицией, в частности, со стихотворением К. Н. Батюшкова:

*В столице роскоши, среди прелестных жен
Я пенье забывал волшебное сирен
И о тебе одной мечтал в тоске сердечной.
Я имя милое твердил
В прохладных рощах Альбиона,
И эхо называть прекрасную учил
В цветущих пажитях Ричмона. [5, с. 199]*

Пространственная организация данного фрагмента стихотворения Батюшкова определяется пространственно-временной парадигмой. Имя возлюбленной звучит по всей Британии: от рощ Британских островов до полей Ричмона, поселения, находящегося недалеко от Лондона. Подобная траектория звучания имени присутствует и в элегии Пушкина. Оно преодолевает множество препятствий в «глуши лесов» и вырывается из замкнутого пространства на простор долин.

Сохранилась пушкинская переработка элегии «Осеннее утро», в которой мотив эха представлен в ином варианте:

*Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя незабвенной,
Я звал ее – лишь глас уединенный
Пустых долин [откликнулся] вдали. [12, т. 1, с. 381]*

Как отметил Б. П. Городецкий, эта поправка «усиливает настроение утраты и безнадежности. Смысл первоначальной редакции: поэт звал любимую, и вместе с ним позвало ее и эхо. Смысл окончательной редакции: поэт позвал любимую, но ответа не было, откликнулось одно лишь эхо» [8, с. 137]. В данном случае возникает мотив явленного в себе самом звука. Это усиливает драматизм ситуации оторванности имени от его носителя. Зов, развоплощенный в мироздании, зов, слившийся с эхом, подчиняет себе эмоционально-акустические возможности героя, который не в силах «докричаться» до возлюбленной и вернуть ее.

Мотив «имени на устах» в творчестве Пушкина найдет воплощение в произведениях романтического периода. В стихотворении 1821 года «Умолкну скоро я...» воссоздается ситуация смерти героя с именем возлюбленной на устах:

*Но если я любим... позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
Заветным именем любовницы прекрасной!... [12, т. 2. 1, с. 208]*

В поэме «Цыганы» Алеко во сне обнаруживает сердечную тайну: «Но тише! слышишь? Он // Другое имя произносит...» [12, т. 4, с. 191]. В эпилоге поэмы также возникает мотив непроизвольного воспроизведения «нежного имени»:

*В походах медленных любил
Их песен радостные гулы,
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил. [12, т. 4, с. 203]*

Любовная лирика по своей природе перформативна. Лирическое событие представляет такой тип душевных переживаний, когда «я» раскрывает свое отношение к «другому я». Таким образом, «другое я» дано в ситуации «моего» отношения к нему. В ранней лирике Пушкина знаком обнаружения сердечной тайны или переполняющих эмоций становится дорогое имя. С одной стороны, поэтом осваиваются ситуации умолчания и эстетического намека. С другой стороны, сама природа имени, в котором содержится «магия призывания», оказывается в конфликтной ситуации. Герой зовет возлюбленную, которая не откликается на этот зов. Имявоплощение может завоевывать грандиозные пространства, но так и не достичь желаемого результата – отклика на имя. В этом случае возникает эстетическое дистанцирование между именем и его носителем, что определяет одну из конфликтообразующих ситуаций пушкинской поэтики. Мотивы записанного и звучащего имени актуализируют онтологические возможности слова, когда оно, явленное в букве или звуке, соотносится и с мироощущением героя, и с его мировосприятием.

Литература

1. Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. – М.: Современник, 1984. – 476 с.
2. Афанасьева Э. М. Генеалогическая пара «дядя и племянник»: к проблеме формирования персонального мифа в лирике А. С. Пушкина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 16. – С. 119–125.
3. Афанасьева Э. М. Мифологема родового имени в лицейской лирике Пушкина // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 329. – Декабрь. – С. 7–11.
4. Афанасьева Э. М. Онтология имени в лирике А. С. Пушкина 1825–1830-х годов: «Желание славы» и «Что в имени тебе моем?» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 19, ч. 2. – С. 251–260.
5. Батюшков К. Н. Полн. собр. стихотворений. – М.; Л.: Наука, 1964. – 353 с.
6. Вацуро В. Э Лицейское творчество Пушкина // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 20 т. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 1: Лицейские стихотворения 1813–1817. – С. 435–438.
7. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. – М.: Художеств. литература, 1941. – 620 с.
8. Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. – М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1962. – 466 с.
9. Лившиц В. «Сокрытая прелесть Альбана»: (За пушкинской строкой) // Новая Россия. – 1996. – № 1. – С. 102–103.
10. Лотман Ю. М. Посвящение «Полтавы» (текст, функция) // Проблемы пушкиноведения: сб. науч. тр. – Л.: РГПИ им. А. И. Герцена, 1975. – С. 40–54.
11. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833). – Л.: Художеств. литература, 1974. – 376 с.
12. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
13. Сурат И. З. Личный опыт в лирике Пушкина и проблема построения биографии поэта: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2001. – 59 с.
14. Томашевский Б. В. Владислав Ходасевич. Поэтическое хозяйство Пушкина. – Кн. 1: Мысль. – Л., 1924 [рецензия] // Русский современник. – 1924. – № 3. – С. 262–263.

15. «Утаенная любовь» Пушкина: сб. ст. – СПб., 1997. – 493 с.
16. Шеметова Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2011. – 50 с.
17. Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // Пушкин и его современники: мат-лы и исслед. – СПб., 1911. – Вып. 14. – С. 98–100.
18. Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л., 1941. – Вып. 6. – С. 92–159.

Literatura

1. Annenkov P. V. Materialy dlja biografii A. S. Pushkina. – M.: Sovremennik, 1984. – 476 s.
2. Afanas'eva E. M. Genealogicheskaja para «djadja i plemjannik»: k probleme formirovanija personal'nogo mifa v lirike A. S. Pushkina // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2011. – № 16. – S. 119–125.
3. Afanas'eva E. M. Mifologema rodovogo imeni v licejskoj lirike Pushkina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 329. – Dekabr'. – S. 7–11.
4. Afanas'eva Je. M. Ontologija imeni v lirike A. S. Pushkina 1825–1830-h godov: «Zhelanie slavy» i «Chto v imeni tebe moem?» // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 19, ch. 2. – S. 251–260.
5. Batjushkov K. N. Poln. sobr. stihotvorenij. – M.; L.: Nauka, 1964. – 353 s.
6. Vacuro V. Je Licejskoe tvorcestvo Pushkina // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 20 t. – SPb.: Nauka, 1999. – T. 1: Licejskie stihotvorenija 1813–1817. – S. 435–438.
7. Vinogradov V. V. Stil' Pushkina. – M.: Hudozhestv. literatura, 1941. – 620 s.
8. Gorodeckij B. P. Lirika Pushkina. – M.; L.: Izd-vo Akademii nauk, 1962. – 466 s.
9. Livshic V. «Sokrytaja prelest' Al'ban»: (Za pushkinskoj strokoj) // Novaja Rossija. – 1996. – № 1. – S. 102–103.
10. Lotman Ju. M. Posvjashhenie «Poltavy» (tekst, funkcija) // Problemy pushkinovedenija: sb. nauch. tr. – L.: RGPI im. A. I. Gercena, 1975. – S. 40–54.
11. Makogonenko G. P. Tvorcestvo A. S. Pushkina v 1830-e gody (1830–1833). – L.: Hudozhestv. literatura, 1974. – 376 s.
12. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 16 t. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959.
13. Surat I. Z. Lichnyj opyt v lirike Pushkina i problema postroenija biografii pojeta: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 2001. – 59 s.
14. Tomashevskij B. V. Vladislav Hodasevich. Pojeticheskoe hozjajstvo Pushkina. – Kn. 1: Mysl'. – L., 1924 [recenzija] // Russkij sovremennik. – 1924. – № 3. – S. 262–263.
15. «Utaennaja ljubov'» Pushkina: sb. st. – SPb., 1997. – 493 s.
16. Shemetova T. G. Biograficheskij mif o Pushkine v russkoj literature sovetskogo i postsovetskogo periodov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 2011. – 50 s.
17. Shchegolev P. E. Iz razyskanij v oblasti biografii i teksta Pushkina // Pushkin i ego sovremenniki: mat-ly i issled. – SPb., 1911. – Vyp. 14. – S. 98–100.
18. Jakubovich D. P. Antichnost' v tvorcestve Pushkina // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii. – M.; L., 1941. – Vyp. 6. – S. 92–159.

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

УДК 37.013.42

А. И. Юдина

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

В статье рассматриваются факторы, влияющие на социализацию подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию. Выявлено влияние специфического комплекса микрофакторов (семья, микросоциум, группы сверстников, воспитательные организации) в зависимости от социального статуса подростков (безнадзорные; оставшиеся без попечения родителей; сироты; требующие экстренной психолого-педагогической помощи). Социализация подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, охарактеризована как процесс, происходящий под влиянием специфического комплекса факторов, основным из которых является семья.

Ключевые слова: социализация, педагогическое сопровождение, подросток, трудная жизненная ситуация, фактор.

A. I. Yudina

FACTORS OF INFLUENCE ON SOCIALIZATION OF TEENAGERS IN THE CONDITIONS OF THE DIFFICULT LIFE SITUATION

In article the author considers the factors influencing the socialization of teenagers in a difficult life situation. Influence of a specific complex of microfactors (a family, microsociety, groups of contemporaries, educational organizations) depending on the social status of teenagers (unsupervised, without parental support, orphans, demanding the psycho-pedagogical help). Socialization of the teenagers who have got to a difficult life situation, is characterized as the process happening under the influence of a specific complex of factors, based on the family. Modern psychology, sociology, pedagogy have accumulated considerable knowledge about the family as a social institution and as a factor of development, formation and socialization.

Of particular importance for effective pedagogical support socialization of adolescents in difficult life situation, understanding the socialization is the study of the factors influencing this process. By studying the characteristics of pedagogical support the socialization of young people in difficult life situations, the author draws on the theoretical study of the multiple factors that influence the socialization of adolescents, as well as the results of the experimental work in this direction.

The process of socialization of teenagers, its formation and development, identity formation as occurs in the interaction with the environment, which renders the process of decisive influence through a variety of social and psychological factors. The article provides in-depth analysis of the scientific literature on the subject. In addition to the family, a special emphasis in the article is on examining the impact of such factors as microsociety, immediate environment, peers, child care, teenage subculture.

Keywords: socialization, educational support, juvenile, difficult life situation, factor.

Особое значение для результативного педагогического сопровождения социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, понимания сущности социализации

имеет изучение факторов, влияющих на этот процесс. Следуя логике нашего исследования, мы выделим специфическую группу факторов, в большей степени влияющую на рассматриваемую нами категорию подростков. Изучая особенности педагогического сопровождения социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, мы опирались на теоретическое изучение многообразных явлений, влияющих на социализацию подростков, а также результаты опытно-экспериментальной работы в этом направлении.

Социализация подростка, его формирование и развитие, становление как личности происходит во взаимодействии с окружающей средой, которая оказывает на этот процесс решающее влияние посредством самых разных социально-психологических факторов.

Как известно, в педагогике фактор – это значительная причина, образованная как минимум из двух продуктивных причин одной группы. Из объединенных единичных факторов образуются общие. «Под продуктивной причиной понимается сколь угодно малая, но обязательно отдельная причина, дальнейшее расчленение которой на составные части невозможно без потери смысла» [11, с. 122].

Влияние социально-психологических факторов на социализацию личности рассматривается в работах А. А. Бодалева, В. Н. Казанцева, А. Н. Сухова. По их мнению, в самом общем виде социально-психологические факторы социализации личности могут быть объединены в две большие группы:

- 1) социальные, отражающие социально-культурный аспект социализации и затрагивающие проблемы ее исторической, культурной и этнической специфики;
- 2) индивидуально-личностные, в значительной мере определяемые конкретным этапом жизненного пути личности.

И. С. Кон выделяет следующие группы факторов социализации: макрофакторы (от греч. *macro* – большой), мезофакторы (*mesos* – средний) и микрофакторы (*micro* – малый).

Макрофакторы (космос, планета, мир, страна, общество, государство) влияют на социализацию всех жителей планеты, а также больших групп людей, живущих в определенных странах.

Мезофакторы – условия социализации больших групп людей, выделяемых: по национальному признаку; месту и типу поселения, в котором они живут (регион, город, поселок, село); принадлежности к аудитории тех или иных сетей массовой коммуникации (радио, телевидение, кино). Эти факторы влияют на социализацию как прямо, так и опосредованно, через микрофакторы.

К микрофакторам относятся: семья, группы сверстников, микросоциум, организации (учебные, профессиональные, общественные, частные), в которых осуществляется социальное воспитание. Влияние микрофакторов на развитие человека осуществляется через агентов социализации, то есть лиц, во взаимодействии с которыми протекает его жизнь (родители, сверстники, духовные наставники и другие люди, заинтересованные в том, чтобы человек осваивал социальные роли и стремился исполнять их в жизни) [5, с. 23].

Существуют и другие классификации факторов. Так, например, в научных работах А. В. Мудрика выделены: мегафакторы социализации (космос, планета, мир); основные макрофакторы, влияющие на социализацию, – страна, этнос, общество, государство; основные составляющие влияния мезофакторов на социализацию человека – регион, средства массовой коммуникации, субкультуры, тип поселения; микрофакторы социализации – семья и семейное воспитание, соседство, группа сверстников, религиозные и воспитательные организации, микросоциум.

Исследованию и классификации факторов в педагогике и социологии посвящены также работы таких ученых, как Л. Н. Гумилев, Е. С. Кузьмин, Б. Ф. Поршнев и др.

Рассмотрим более подробно существующие группы факторов с тем, чтобы определить степень их влияния на процесс социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию.

В системе **макрофакторов** обычно рассматриваются такие составляющие, как общество, государство, этнос и др. Особую роль в социализации играют те этнокультурные условия, в которых происходит становление человека. Общество как тип макрофактора рассматривается в работах таких исследователей, как Е. А. Ануфриева, А. В. Гайда, Л. В. Лесной и др. Оно характеризует совокупность сложившейся в процессе исторического развития относительно устойчивой системы социальных связей и отношений между людьми на основе совместной деятельности, направленной на воспроизводство материальных условий существования и удовлетворения потребностей. Общество поддерживается силой обычаев, традиций, законов.

Качественные характеристики полоролевой структуры общества влияют на социализацию детей, подростков, юношей, определяя усвоение ими соответствующих представлений о статусе того или другого пола, полоролевые ожидания и нормы, формирование набора стереотипов полоролевого поведения. Особенности полоролевой структуры общества и их восприятие человеком могут оказать влияние на различные аспекты его самоопределения, на выбор сфер и способов самореализации и самоутверждения.

Государство – важнейший социально-политический институт общества, основа его политической системы, осуществляющее политическую власть в процессе регулирования поведения людей, их групп и объединений, взаимоотношений между ними и проведения своей внутренней и внешней политики. Изучением этого макрофактора занимались А. Грамши, И. Б. Левин, Ж. Ж. Руссо и др. [6].

Наиболее последовательно государство влияет на социализацию подрастающих поколений через создание специальной системы воспитательных организаций (школа в первую очередь).

Для эффективного формирования человека, соответствующего социальному заказу, государство вырабатывает определенную политику в сфере воспитания и образования.

Страна – это крупная территория, выделяемая по географическому положению и природным условиям; в политико-географическом отношении – территория, имеющая определенные границы и пользующаяся государственным суверенитетом [9, с. 766]. Различные природные и климатические условия разных стран оказывают прямое и опосредованное влияние на жителей и их жизнедеятельность.

Как условия страны влияют на социализацию человека, во многом определяется тем, как их используют и учитывают в своей жизни сложившиеся в стране этносы, общество и государство. Этнос (от греч. *ethos* – народ) – исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая социальная общность людей, объединенных общностью языка, своеобразием культуры, быта, традиций, обычаев, самосознания.

Этнические особенности как фактор социализации человека на протяжении его жизненного пути, с одной стороны, нельзя игнорировать, а с другой – не следует и абсолютизировать его роль и влияние, имея в виду как национальную группу в целом, так и отдельного человека. «Национальные черты нельзя преувеличивать, – отмечает Д. С. Лихачев, – делать их ис-

ключительными. Национальные особенности – это только некоторые акценты, а не качества, отсутствующие у других».

Влияние этнокультурных условий на социализацию человека наиболее существенно, оно определяется тем, что принято называть менталитетом этноса (понятие, введенное в начале XX века французским ученым Леви-Брюлем). Менталитет (лат. – ум, мышление, образ мыслей, душевный склад) – общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества.

Развитие менталитета в социальной сфере жизнедеятельности людей зависит от таких факторов, как разнообразие видов мотивационных предпочтений, социоэкстеральных характеристик поведения людей (переход внутренних психических состояний во внешнее социальное действие), межличностных отношений и субъективно переживаемых связей между людьми в разных сферах жизни, зависит от социальной активности субъектов – с точки зрения не только обмена знаниями, но и совместными действиями и др.

Что касается другой группы факторов – **мезофакторов**, то она рассматривается в работах таких ученых, как Г. М. Андреева, Р. С. Немов, А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский.

В современном городе подросток может являться членом многих коллективов, различных неформальных и формальных объединений и групп. Он может одновременно участвовать в нескольких объединениях, в которых существуют свои правила, требования, стандарты жизни и общения. На первом месте во взаимоотношениях подростков стоят товарищеские отношения. Атмосфера таких отношений базируется на «кодексе чести», который включает в себя уважение личного достоинства другого человека, равенство, верность, честность, порядочность, готовность прийти на помощь.

Субкультура (лат. sub – под, около и cultura – возделывание, воспитание, образование, почитание) – это система ценностей, установок моделей поведения, жизненного стиля какой-либо социальной группы, представляющей собой самостоятельное целостное образование в рамках доминирующей культуры [9, с. 350].

Педагоги в своей работе, так или иначе, сталкиваются с детской субкультурой. Специфика детской субкультуры и составляющих ее компонентов рассматриваются В. В. Абраменковой, И. И. Клявиной, И. С. Коном, Д. Б. Элькониным и др.

Понятие детской субкультуры, по мнению В. В. Абраменковой, «возникло в последние десятилетия в связи с ростом гуманизации и демократизации общественной жизни: Организацией Объединенных Наций в 1959 году принята “Декларация прав ребенка”... в 1989 году по инициативе Польши была принята Международная Конвенция о правах ребенка – все эти акты послужили поворотом общественного сознания от понимания ребенка как существа, лишь “готовящегося стать личностью”, к признанию самоценности детства в развитии общечеловеческой культуры и возможности участия детей в различных сферах общественной жизни» [1, с. 29].

Детская субкультура не является монотонной и дифференцирована по возрастным критериям: субкультура дошкольников, субкультура младших школьников, субкультура подростков и юношеская субкультура. Сегодня исследователи выделяют субкультуру беспризорников, инвалидов, и т. д.

Значительно сложнее выглядит субкультура подростков, которая имеет следующие разновидности: просоциальная, асоциальная и антисоциальная. Как известно, в этом возрасте

часть подростков входит в различные экстремистские организации, криминальные группировки, вовлекается в тоталитарные секты, в различные неформальные движения и т. д. Это еще один фактор социализации, который в современных условиях приобретает все более решающее значение.

В настоящее время человек с раннего детства оказывается в окружении техносферы, существенной частью которой являются средства массовой коммуникации, стремительно развивающиеся на протяжении двух последних столетий и играющие огромную роль в жизни и развитии детей, подростков, юношей. Сегодня на первое место вышли электронные средства, значительно потеснив письменные. В связи с этим отмечается снижение интереса подростков к чтению, что нередко связывается с предпочтением телевидения как более легкого канала, просмотр передач которого требует меньше интеллектуальных усилий по сравнению с чтением.

Самоизменение подростка в процессе социализации под влиянием средств массовой коммуникации идет в различных аспектах и имеет как позитивные, так и негативные моменты. Когда сообщения средств массовой коммуникации правдивы, глубоки и гуманны по содержанию и содействуют формированию активной жизненной позиции, то в этом случае, безусловно, они создают предпосылки для обогащения духовного мира человека и его общения с другими людьми. В то же время в последние годы на телеэкраны выбрасывается большой поток информации, негативно влияющей на воспитание подрастающего поколения. Сцены насилия, убийства, реклама слабоалкогольных напитков приводит к деградации молодежи. Следствием этого стала актуальной проблема пивного алкоголизма среди подростков.

Нельзя недооценивать роль всех вышеперечисленных групп факторов, влияющих на социализацию личности. Но их воздействие одинаково как на «благополучных» подростков, так и на подростков из категории «попавшие в трудную жизненную ситуацию». Перед нами стоит задача выявить специфическую группу факторов, влияющую на социализацию подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, именно поэтому большее внимание мы уделим изучению микрофакторов, так как они имеют свою специфику для рассматриваемой нами категории подростков.

Вопросу изучения **микрофакторов** – семьи, группы сверстников, микросоциума, организаций (учебных, профессиональных, общественных, частных и пр.), в которых осуществляется социальное воспитание, посвящены работы ученых А. И. Донцова, М. С. Мацковского, В. С. Мухиной, А. В. Петровского и др. [2; 7; 10].

Для более полного понимания роли микрофакторов в социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, обратимся к характеристике подгрупп детей, относящихся к вышеуказанной группе (безнадзорные и беспризорные; дети, оставшиеся без попечения родителей; сироты; дети, нуждающиеся в экстренной психолого-педагогической помощи).

Детская и подростковая беспризорность и безнадзорность понимается в психолого-педагогической литературе и официальных документах как один из вариантов их социальной дезадаптации. Безнадзорные составляют значительную категорию детей и подростков, у которых полностью разрушены связи с семьей. Отсутствие должного ухода и содержания, жестокое обращение, пренебрежение интересами детей в родительской семье создают угрозу психофизическому и нравственному здоровью детей, провоцируют их уход из дома. Безнадзорные дети склонны к бродяжничеству, у них велик риск стать жертвами насилия и преступления, вовлеченными в преступную деятельность, они рано приобщаются к алкоголю и наркотикам,

занимаются попрошайничеством, мелким воровством. Проживание вне семьи или интернатных учреждений, в подвалах или на чердаках, в антисанитарных условиях, без медицинской помощи и регулярного питания подрывает здоровье этих детей, разрушает познавательную деятельность, не способствуют развитию самопознания и общения, без чего, естественно, невозможна их социализация.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, представляют собой еще одну подгруппу в группе детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. По данным членов Ассоциации детских психиатров и психологов Н. Иовчук, Е. Морозовой и А. Щербаквой, у 68 % этих детей – родители лишены родительских прав; у 8 % – одинокие родители; у 7 % – родители отказались от своих прав при рождении ребенка, у 7 % – недееспособные родители, у 4 % – родители, находящиеся в заключении, сироты – 5 %, подкидыши – 1 %. По данным этих авторов, в 88 % случаев лишение родительских прав связано с тяжелым алкоголизмом родителей [3, с. 82].

Утрата родителей, семьи, смена опекунов и учреждений, позднее усыновление травмируют психику детей, затрудняют реализацию их потенциальных возможностей. О нарушении социализации этих детей и подростков говорит тот факт, что у них отмечаются инфантилизм, трудности самоопределения, иждивенчество, непонимание материальной стороны жизни, перегруженность социальным опытом и негативными образами поведения.

Подгруппа детей, нуждающихся в экстренной психолого-педагогической помощи, состоит из детей, переживших насилие, потерю родителей, стресс, душевную травму, нанесение тяжких увечий. В результате у большинства из них наблюдается острая посттравматическая реакция.

Итак, перейдем к рассмотрению роли микрофакторов, важнейшим из которых является семья. Современная психология, социология, педагогика накопили значительные знания о семье как социальном институте и факторе развития, формирования и социализации личности (работы А. И. Антонова, В. Н. Архангельского, А. С. Белкина, С. Г. Вершловского и др.).

Семья – важнейший фактор социализации, ибо представляет персональную среду жизни человека от жизни до смерти. Качество этой среды определяется рядом параметров:

- социокультурный параметр (образование членов семьи, их участие в жизни общества, интересы к культуре и искусству и т. д.);
- социально-экономический (имущественные характеристики и занятость ее членов на работе и учебе);
- технико-гигиенический (условия проживания, оборудованность жилища, наличие персональной среды ребенка);
- демографический (структура семьи – большая или нуклеарная, полная – неполная, мало – многодетная).

Современные семьи весьма разнообразны, и от этого зависит, какой персональной средой развития ребенка они являются, каким содержанием наполняется в них социализация. Важным фактором социальной дезадаптации подростка является осознание им своей второстепенной роли в семье, факта «ненужности», неуверенность в своей необходимости. Это переживание закономерно связано с формированием у ребенка своего рода психологического базиса его дальнейшего нравственного развития, включая формирование механизмов ответственности и воли, достоинства и уверенности в себе.

Последнее есть антитеза комплексу неполноценности, снижающему возможности самоутверждения и самореализации личности.

На первом этапе социализации ребенок сталкивается с внешним миром, начинает познавать общественные отношения при помощи родителей и такого социального института, как детские дошкольные учреждения. К сожалению, даже в 80-е годы прошлого века обеспеченность ими в г. Кемерово в целом не превышала 60 %, они страдали от перегруженности, низкой квалификации воспитателей, слабой материальной базы, плохого медицинского обслуживания и незаинтересованности персонала в высокоэффективной работе. Ситуация в 90-е годы еще более усугубилась: закрылись десятки детских садов и других дошкольных учреждений из-за неспособности государства продолжать финансирование их работы и из-за неготовности родителей взвалить на свои плечи данные материальные затраты. Снижение числа детских учреждений в г. Кемерово стало негативной тенденцией развития социальной сферы и одним из факторов, способствующих росту социальной дезадаптации подростков. На поведение ребенка влияет и рост количества неполных семей, в которых (даже при прочих благополучных условиях) снижаются и экономические, и воспитательные возможности. Возрастная психология подростков такова, что потеря одного из родителей, даже неблагополучного, часто негативно сказывается на дальнейшем формировании его личности.

Социологические данные специалистов управления образования администрации г. Кемерово, изучавших воспитание детей в детских домах в 2011–2012 годы (из каждых 10 детей, содержащихся в детдомах, лишь двое не имеют родителей), показали, что уровень эмоционального и в целом интеллектуального развития у этих детей значительно ниже, чем у детей, воспитывающихся в семье.

Анализ результатов анкетирования учащихся школ (возраст – 13 лет) Ленинского района г. Кемерово, проведенного специалистами Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних в 2011 году, показывает, что из 500 респондентов – 37 % (от числа опрошенных) зачастую не представляют, что же такое «хорошая семья». В основном ими употребляется термин «обычная семья» («выпивают только по праздникам», «не бьют», «кормят», «конфликты иногда» и др.). На вопрос: «Хотели ли вы повторить отношения своих родителей в семье?» – 45 % ответили отрицательно, 39 % – положительно, 16 % респондентов не смогли дать ответ на этот вопрос.

Отвечая на вопрос: «С кем бы вы предпочли проводить свободное время?» – 73,3 % подростков сказали, что предпочитают проводить свободное время вне семьи (среди друзей – 18,3 %; в школе – 5,6 %; в спортивном зале, на стадионе, в туристских походах – 10,9 %; на «тусовках» – 30,5 %; другое – 8,1 %).

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что школа перестала быть центром организации досуга подростков. Только 5,6 % учащихся проводят в школе свое свободное время. Как видно из ответов, потребность в общении с родителями удовлетворяется только у 26,7 % респондентов. Результаты ответов на вопрос: «Какая атмосфера царит в вашей семье?» – представлены в табл. 1 (в %).

Как показывают результаты анкетирования, меньше половины опрошенных подростков отмечает наличие искренности и доверия в семье, однако, по-видимому, подростки здесь выдают желаемое за действительное. В анкетах подростки отмечают, что у них в семьях царит атмосфера озабоченности, депрессии, а порой и озлобленности. Из них 40 % отмечают наличие конфликтов между родителями, 27 % отмечают непонимание между членами семьи.

Таблица 1

Взаимоотношения родителей и их детей

Отношения в семье	Ответы детей, %
1. Доверительные отношения	45
2. Доброжелательность	43
3. Конфликты между родителями	40
4. Озлобленность	28
5. Непонимание между членами семьи	27
6. Озабоченность	12
7. Депрессия	11

На вопрос: «Какие семейные традиции есть в вашей семье?» – ответы распределились следующим образом: совместная трудовая деятельность – 10 %; совместная творческая деятельность – 9 %; занятия спортом – 20 %; отдых на природе – 11 %; семейные застолья – 51 %.

Анализ анкет подтверждает общепринятое отношение к детям в семье как к исполнителям и объектам работы, заботы о них в плане питания и нравов. Это, естественно, влияет на то, что «дом», «семья» для детей, а особенно для подростков перестает быть источником радости, неожиданных и приятных открытий, предметом привязанности и почитания.

Только 30 % из опрошенных подростков немного знают родословную своей семьи, 35 % не интересовались ею, знают родословную только 2 %, остальные не ответили на этот вопрос. Совершенно ушли из большинства семей такие понятия, как «семейная традиция» (стереотип ответов – «празднование Нового года», дней рождений и т. д.), и, что не менее важно, – «семейные реликвии» (только фотоальбомы). Наблюдается значительное возрастное отчуждение в многопоколенных семьях, почти исчезла роль института «бабушек» и «дедушек», передача опыта, традиций, взаимоотношений добра и уважения.

Из всех опрошенных респондентов, отметивших тех, кто их понимает, 45 % подростков указали мать, 42 % – друзей, 11 % – бабушек и дедушек и только 2 % – отцов. Как показывают результаты анкетирования, в семьях значительно снижена роль мужчины в семье, хотя есть и положительные характеристики.

В анкетах подростков можно встретить следующие ответы на вопрос: «Какие они, твои родители?» – «мама – добрая, заботливая; папа – обыкновенный»; «мама – добрая, душевная; папа – орет по пустякам»; «мама – душевная, отзывчивая; папа – не пьет».

Анализ ответов, характеризующих психологическое состояние подростков, показывает, что более 45 % респондентов испытывают тревожность из-за проблем в окружающей среде, 87 % – не уверены в своем будущем. Комфортнее всего подростки чувствуют себя среди друзей (46 %), и только 22 % из них чувствуют себя комфортно с родителями. Таким образом, многие семьи не являются комфортными и интересными, не всегда представляют собой необходимую среду для общения детей, где их поймут, выслушают, простят, где уважают их мнение и ценят способности.

В ходе дополнительного интервью выяснилось, что предпочтительные занятия в семьях – просмотр телепередач, чтение книг и газет. Из общего числа респондентов только 10 % не имеют поручений по дому. У остальных поручения – это повседневный и бытовой труд, из разряда «обязаловки», хотя воспитывает не сама по себе обязанность, а ее мотивировка и эмоциональное отношение.

Для нашего исследования особое значение имеет влияние на подростка факторов семейной дезадаптации, так как основная масса воспитанников Центра – социальные сироты. В целях изучения данной проблемы были проанализированы категории семей несовершеннолетних, поступивших в Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних г. Кемерово. Всего за период 2005–2011 годов было обслужено 8275 семей несовершеннолетних. Из них: 52,2 % – вынужденно бедные семьи; 15,6 % – асоциальные семьи; 14 % – конфликтные семьи; 22,4 % – семьи, определенные в категорию «другие», то есть не подходящие ни под одну из вышеуказанных категорий (опекунские, педагогически не состоятельные и т. д.).

Основная масса несовершеннолетних, поступающих в Центр, воспитываются в вынужденно бедных семьях. Сложное материальное положение в семье, как правило, порождает конфликты, пьянство родителей и как следствие социальное сиротство. Большой процент среди воспитанников Центра составляют подростки из педагогически несостоятельных семей. Основная масса подростков из таких семей относится к подгруппам «безнадзорные» и «требующие экстренной психолого-педагогической помощи». Такой тип семьи характеризуется как повышенной конфликтностью на почве авторитарного отношения к детям, непониманием среди членов семьи, так и чрезмерным заискиванием перед ребенком, выполнением любой его прихоти, а в случае отказа – взрывом негативных эмоций со стороны подростка, демонстративным поведением и, как правило, уходом из дома. Так как педагогический потенциал семей данных подгрупп подростков нуждается в коррекции и поддается воздействию, в Центре созданы и реализованы программы, направленные на профилактику семейного неблагополучия. Ведет работу клуб выходного дня «МиР» (мы и родители), основная деятельность которого направлена на поиски путей выхода из конфликтных ситуаций, преодоление психологических барьеров, установление благоприятных контактов между членами семьи.

Таким образом, фактор семьи является существенным для таких подгрупп подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, как безнадзорные дети и дети, нуждающиеся в экстренной психолого-педагогической помощи, так как в данном случае возвращение подростка в семью возможно при условии педагогических воздействий и устранения психологических барьеров. У подростков из подгрупп «сироты» и «оставшиеся без попечения родителей» полностью утрачены связи с родителями. Безусловно, в прошлом семья оказывала на этих подростков большое влияние, но в будущем социализирующий фактор семьи для них будет малозначителен.

Немаловажную роль в социализации подростков из вышеуказанных подгрупп играет соседство и микросоциум, так как в случае педагогической несостоятельности семьи либо ее полной утраты, воспитательные функции на себя берет ближайшее окружение. Влияние микросоциума на социализацию личности рассматривается в научных трудах В. Г. Бочкаровой, Л. И. Новиковой [9].

Особое значение для понимания сущности соседства и микросоциума имеют теоретические работы В. Г. Бочкаревой, А. В. Мудрика, Л. И. Новиковой, др. [8; 9].

Для подростков соседство – среда их жизнедеятельности, а также важнейший фактор социализации. Если обратиться к рассматриваемым нами подгруппам подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, то данный фактор в первую очередь влияет на такие категории, как безнадзорные дети и дети, оставшиеся без попечения родителей, так как причиной, по которой подростки попадают в эту подгруппу, как правило, является асоциальный образ жизни и алкоголизм родителей.

В подростковом возрасте складывается определенная система социальных отношений, в которых подросток занимает маргинальную позицию. Переходя из детского мира во взрослый, он не принадлежит ни одному из них. Успех этого перехода во многом зависит от «взрослого общения», от наличия подготовленных культурой путей вхождения подростка во взрослый мир с возложением на него определенных прав и обязанностей. Меняется основной институт социализации, преобладающее влияние семьи заменяется влиянием группы сверстников, которая становится источником референтных норм и получения определенного социального статуса. В отношениях с соседями-сверстниками подростки узнают и усваивают лексику, нормы и неформальные правила поведения.

Сообщество подростков с помощью традиционных культурных средств (иногда довольно жестко) в рамках социализации обеспечивает обучение, воспитание, формирование личности подростка (через овладение им собственным поведением), подчинение подростка групповым нормам и т. д. Наиболее важное значение для социализации подростка имеет микросоциум. Эту ближайшую социальную среду ребенок осваивает постепенно.

Научный интерес к проблемам социальной среды проявили: А. А. Бодалев, В. Н. Казанцев, В. А. Караковский, Л. И. Новикова, А. Н. Сухов и др. Обычно микрорайон рассматривается как микросоциум. Влияние микросоциума на социализацию подростка во многом зависит от культурно-рекреационных возможностей района – наличия и качества работы учебно-воспитательных учреждений, кинотеатров, клубов, спортзалов, библиотек и т. п.

В последние десятилетия общество сверстников стало одним из решающих микрофакторов социализации подростков. Особенно это характерно для подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, в случае если утрачены социализирующие функции семьи и учебно-воспитательных учреждений. Нами проанализированы теоретические работы В. Г. Бочкаревой, Л. И. Новиковой, М. М. Плоткина, Д. И. Фельдштейна, в которых рассматриваются психолого-педагогические, социально-педагогические и социально-психологические проблемы взаимоотношений сверстников. Общение со сверстниками, особенно в подростковый период, это специфический вид деятельности и межличностных отношений. В ходе этого общения вырабатываются навыки социального взаимодействия, увеличивается набор его социальных ролей, расширяется представление о собственной личности. По мнению И. С. Кона, включение в общество сверстников расширяет возможности самоутверждения ребенка, дает ему новые роли и критерии самооценок. По мере того как расширяется и обогащается круг его «принадлежностей», выражающийся словом «мы» («мы – Ивановы», «мы – мальчики», «мы – старшая группа» и т. д.), усложняется и образ «Я» [4].

Подростковый возраст по многим причинам принято считать кризисным, поэтому неудивительно, что подростки, переживающие кризис, ориентируются именно на себе подобных, так как они переживают то же самое и могут лучше понять их, чем старшие. Часто подростки настолько полно идентифицируются с группой сверстников, что отвергают все «чужое», вы-

ходящее за рамки ценностей данной группы. Как правило, это увеличивает остроту кризиса, делает более напряженными и конфликтными отношения со старшим поколением.

Воздействие группы сверстников на социализацию обозначенных нами групп подростков происходит посредством определенных психологических механизмов, к которым относятся научение, подражание, заражение и идентификация. Научение – процесс осознанного приобретения знаний и навыков, он присутствует в группах сверстников, хотя по своему значению и уступает другим механизмам. Подражание – один из главных механизмов социализации в группах сверстников, особенно среди подростков. Этот процесс, в отличие от научения, происходит бессознательно. В данном случае объектом подражания оказываются сверстники, пользующиеся наибольшим уважением подростка, его референтная группа. Заражение – также бессознательный процесс, характеризующийся передачей эмоционального состояния при непосредственном общении. Механизм заражения часто играет важную роль, влияя на принятие решений. Идентификация – отождествление себя с чем-либо. Очень важна для подростков, так как она позволяет ответить на вопрос «Кто я?», найти свое место в мире. Идентификация с группой сверстников выражается через символы. О том, с кем идентифицирует себя подросток, говорят символы, выражаемые одеждой, украшениями, использованием специфического сленга, жестами и т. п.

Существует еще ряд причин, делающих группу сверстников особенно существенной именно для подростков. Общение со сверстниками оказывается важным каналом информации; по нему подростки и юноши узнают многие необходимые вещи, которых им по тем или иным причинам не сообщают взрослые. Часто через сверстников подростки получают информацию по вопросам пола, и именно через этот канал транслируется молодежная субкультура.

Группа сверстников оказывает значительное влияние на социализацию подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, становится для них своеобразной школой жизненного опыта, который не могут обеспечить другие институты, такие как семья или образовательные учреждения. В первую очередь, она дает опыт «горизонтального» общения, то есть общения с равными, опыт совместной деятельности и усвоения связанных с этой деятельностью новых ролей.

Еще одну группу в системе микрофакторов можно обозначить как воспитательные организации. Общество и государство создают систему воспитания детей и подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, которая включает в себя большой спектр различных организаций:

- общественно-государственные, государственные, религиозные и частные учебно-воспитательные учреждения различного типа (детские дома, школы-интернаты, социально-реабилитационные центры, приюты и др.);
- детские и юношеские общественно-политические и клубные организации (постоянные, сезонные и временные);
- организации, занимающиеся социально-культурным и др. видами оздоровления микросреды подрастающих поколений;
- учреждения для детей, подростков и юношей с психосоматическими или социальными отклонениями и дефектами;
- организации, занимающиеся профилактикой отклоняющегося поведения детей, подростков и юношей, их перевоспитанием и реабилитацией.

С течением времени увеличивается многообразие воспитательных организаций в связи с усложнением социально-экономических и культурных потребностей общества, меняются их роль и соотношение в системе и процессе социального воспитания. Воспитательные организации, как фактор, влияющий на социализацию подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, особое значение имеют для таких подгрупп, как «сироты» и «оставшиеся без попечения родителей». После пребывания в детских специализированных учреждениях подростки из этих подгрупп, как правило, попадают в государственные учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В этом случае агентом социализации становится педагог, а процесс педагогического сопровождения приобретает ведущую роль в социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Педагогическое сопровождение социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, – это особая сфера деятельности педагога, социального педагога, психолога, воспитателя как фасилитатора, ориентированная на взаимодействие с подростками, имеющими дезадаптивное поведение, на оказание ему психолого-педагогической поддержки, на социально-психологическую реабилитацию, социальную адаптацию, социальное самоопределение для последующей интеграции в общество.

Многолетней практикой нами выявлен комплекс условий, обеспечивающих педагогическое сопровождение социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию:

- фасилитационная направленность деятельности педагогов, социальных педагогов, психологов, воспитателей (изменение традиционной позиции педагога на эмпатию, рефлекссию, толерантность, интуицию, личностную идентичность);
- проблематизация содержания совместной деятельности подростков по их социальной адаптации, социальному самоопределению;
- ориентация на успех;
- профессиональная компетентность фасилитатора;
- профессионально важные качества фасилитатора (индивидуальные психологические качества личности, определяющие продуктивность деятельности, качество, результативность и др.).

Педагогическое сопровождение подростка во многом зависит от деятельности педагога, обеспечивающей его успешность, особенно в процессе социализации подростка (развитие у подростка позиции активного субъекта деятельности (субъективности), которая проявляется в самостоятельном выборе целей и задач в разных видах деятельности, в том числе учебной; в освоении нравственных категорий и ценностей, в развитии реального опыта саморегуляции действий, переживании успеха в значимой деятельности, позитивном опыте социального взаимодействия).

Таким образом, на наш взгляд, в условиях деятельности детских социозащитных учреждений для результативного осуществления педагогического сопровождения социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, следует учитывать влияние специфического комплекса микрофакторов (семья, микросоциум, группы сверстников, воспитательные организации) в зависимости от социального статуса подростков (безнадзорные; оставшиеся без попечения родителей; сироты; требующие экстренной психолого-педагогической помощи).

Литература

1. Абраменкова В. В. Социальная психология детства: ребенок среди взрослых и сверстников в отношении социогенезе // Мир психологии. – 1996. – № 3. – С. 129–156.
2. Донцов А. И. Психология коллектива. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 208 с.
3. Иовчук Н. Поддержка детей-сирот, воспитывающихся в семьях / Н. Иовчук, Е. Морозова, А. Щербакова // Социальная педагогика. – 2004. – № 2. – С. 82.
4. Кон И. С. Ребенок и общество: учеб. пособие для вузов. – М.: Академия, 2003. – 336 с.
5. Кон И. С. Социология личности. – М.: Просвещение, 1967. – 255 с.
6. Левин И. Б. Гражданское общество на Западе и в России // Полис. – 1996. – № 5 – С. 17–23.
7. Мацковский М. С. Социальная семья. Проблемы теории, методологии и методики. – М.: Просвещение, 1989. – 116 с.
8. Мудрик А. В. Социальная педагогика: учеб. пособие для студентов пед. вузов / под. ред. В. А. Сластенина. – 3-е изд., доп. – М.: Издат. центр «Академия», 2002. – 200 с.
9. Новикова Л. И. Педагогика коллектива. – М.: Просвещение, 1978. – 311 с.
10. Петровский А. В. Психология развивающейся личности. – М.: Педагогика, 1987. – 17 с.
11. Понаморенко В. А. Созидательная психология. – М.: Москов. психолого-социальный ин-т; Воронеж; НПО «МОДЭК», 2000. – 848 с.
12. Юдина А. И. Формирование социально-культурной среды в системе инфраструктуры региона как основа социализации молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 19–2. – С. 195–203.

Literatura

1. Abramenkova V. V. Social'naja psihologija detstva: rebenok sredi vzroslyh i sverstnikov v otno- i sociogeneze // Mir psihologii. – 1996. – № 3. – S. 129–156.
2. Doncov A. I. Psihologija kolektiva. – M.: Izd-vo MGU, 1984. – 208 s.
3. Iovchuk N. Podderzhka detej-sirot, vospityvajushhihsya v sem'jah / N. Iovchuk, E. Morozova, A. Shherbakova // Social'naja pedagogika. – 2004. – № 2. – S. 82.
4. Kon I. S. Rebenok i obshhestvo: ucheb. posobie dlja vuzov. – M.: Akademiya, 2003. – 336 s.
5. Kon I. S. Sociologija lichnosti. – M.: Prosveshhenie, 1967. – 255 s.
6. Levin I. B. Grazhdanskoe obshhestvo na Zapade i v Rossii // Polis. – 1996. – № 5. – S. 17–23.
7. Mackovskij M. S. Social'naja sem'ja. Problemy teorii, metodologii i metodiki. – M.: Prosveshhenie, 1989. – 116 s.
8. Mudrik A. V. Social'naja pedagogika: ucheb. posobie dlja studentov ped. vuzov / pod. red. V. A. Slas-tenina. – 3-e izd., dop. – M.: Izdat. centr «Akademija», 2002. – 200 s.
9. Novikova L. I. Pedagogika kolektiva. – M.: Prosveshhenie, 1978. – 311 s.
10. Petrovskij A. V. Psihologija razvivajushhejsja lichnosti. – M.: Pedagogika, 1987. – S. 17.
11. Ponomorenko V. A. Sozidatel'naja psihologija – M.: Moskov. psihologo-social'nyj in-t. – Voronezh: NPO «MODJeK», 2000. – 848 s.
12. Yudina A. I. Formirovanie social'no-kul'turnoj sredy v sisteme infrastruktury regiona kak osnova socializacii molodezhi // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 19, ch. 2. – S. 195–203.

УДК 37.013.42

А. И. Юдина

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

В статье рассматривается проблема оценки эффективности педагогического сопровождения социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, так как это направление является основным в деятельности детских специализированных учреждений социальной защиты населения. Принятие правильных управленческих решений в этой сфере позволяет направить процесс социализации данной категории подростков в позитивное русло. Изменения показателей развития личности подростков в положительную сторону является результатом деятельности учреждения и системы в целом.

Ключевые слова: эффективность, педагогическое сопровождение, социализация подростков, показатель социального развития.

A. I. Yudina

EVALUATION OF PEDAGOGICAL SUPPORT OF SOCIALIZATION OF TEENAGERS IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS

The problem of evaluating the effectiveness of pedagogical support socialization of adolescents in difficult life situation, as this is the main direction of activity of children in specialized institutions of social protection. The adoption of appropriate management decisions in this area allows you to direct the process of socialization of adolescents in this category in a positive manner. Changes in the development of adolescent personality in a positive way is a result of the institution and the system as a whole.

The author proposes a diagnostic program to determine the level of social development. To determine the level of this proposed indicator of social development of adolescents. In theory, the possibility of such a measure is proved by D. I. Feldstein, in which he examined the concept of "socialization." In addition, the basis for development and to identify indicators of social development was necessary as the position of the readaptation of the restructuring of the personality changing radically the conditions and content of life and work.

Indicator of social development should reflect the need to meet the requirement of socialization and adaptation teenagers caught in a difficult situation staying at the Centre.

Indicator of social development consists of values that are defined in the implementation of programs for diagnosis in the first stage of socialization of young people in difficult life situations in a social rehabilitation center for minors Kemerovo, which is the basis of this study. A list of these values as the following: the presence of positive life plans, the attitude to learning activities, the development of useful knowledge, skills, interests, relationship in the team; adequacy relationship to educational influences; criticality, the ability to correctly evaluate themselves, the attitude to social activities, interpersonal communication, the level of individual claims, the external culture of behavior.

Keywords: efficiency, educational support, socialization of adolescents, the rate of social development.

Изучению оценки эффективности принятия управленческих решений в социальной сфере посвящены работы ученых Е. Л. Кудриной, В. Н. Иванова, В. И. Патрушева, В. Я. Карташова, Т. А. Хорошевой [2; 3; 4].

Эффективность социального управления, по мнению ученых В. Н. Иванова и В. И. Патрушева, – это результативность управления, характеризующаяся степенью использования имею-

щихся ресурсов для достижения поставленных целей; результат управленческой деятельности, который оценивается системой критериев и показателей (экономических, социальных, культурных и др.), позволяющих определить состояние объекта управления количественно и качественно [2].

В нашем исследовании мы остановимся на проблеме оценки эффективности педагогического сопровождения социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, так как это направление является основным в деятельности детских специализированных учреждений социальной защиты населения. Принятие правильных управленческих решений в этой сфере позволяет направить процесс социализации данной категории подростков в позитивное русло. Изменение показателей развития личности подростков в положительную сторону является результатом деятельности учреждения и системы в целом.

Ключевыми направлениями диагностики в условиях Социально-реабилитационного центра г. Кемерово являются: самопознание, общение и деятельность подростков. В течение ряда лет именно на основе этих общих направлений осуществляется диагностика находящихся в нем подростков.

Дети, попавшие в трудную жизненную ситуацию, отличаются рядом физиологических и психолого-педагогических особенностей. Причиной этого в большинстве случаев является биологическая, социальная и, как результат, – эмоциональная депривация, которая и приводит к глубоким отклонениям в развитии личности подростка. Непостоянное или неполное удовлетворение потребностей ребенка приводит к нарушению в основных сферах жизни человека: самопознании, общении, деятельности. У таких подростков отмечается устойчивое нежелание и неумение поддерживать контакт с другими людьми (как сверстниками, так и взрослыми), у них замедленно и ущербно формируется собственный образ. У подростков возникает ощущение отторгнутости, заброшенности, которое поначалу может не соответствовать реальности. Однако само это ощущение приводит к напряженности, недоверию в отношениях с людьми и, как итог, к уже вполне реальному неприятию себя и окружающих.

Из сказанного выше следует вывод о том, что выбранное нами направления диагностики подростков (самопознание, общение и деятельность) соответствуют не только целям и задачам деятельности Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних, но и особенностям их предшествующего социального, физического и психического развития.

Исходя из вышесказанного, нами была разработана диагностическая программа, направленная на определение уровня социального развития. Мы предлагаем для определения этого уровня показатель социального развития подростков. Теоретически возможность такого показателя обоснована в работах Д. И. Фельдштейна [5], в которых он рассмотрел понятие «социализированность». Кроме этого, за основу разработки и выявления показателя социального развития было взято положение о переадаптации как о процессе перестройки личности при изменении коренным образом условий и содержания ее жизни и деятельности: с мирного на военное время, с одинокой жизни – на семейную и т. п.

Показатель социального развития, на наш взгляд, должен отвечать требованию необходимости отражать социализированность и адаптированность подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию и находящихся в Центре. Мы не утверждаем, что основания и слагаемые этого показателя, предлагаемого нами в данном исследовании, являются достаточными, но мы беремся утверждать, что эти компоненты являются необходимыми для текущей и перспективной оценки социализированности и адаптированности подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Показатель социального развития складывается из показателей, определяемых в ходе реализации программы диагностики на первом этапе социализации изучаемой нами группы подростков в условиях Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних г. Кемерово, являющегося базой нашего исследования. Перечень этих показателей следующий: наличие положительных жизненных планов; отношение к учебной деятельности; развитие полезных знаний, навыков, интересов; взаимоотношение в коллективе; адекватность отношений к педагогическим воздействиям; критичность, способность правильно оценивать себя; отношение к социально значимой деятельности; межличностное общение; уровень притязаний личности; внешняя культура поведения.

Все указанные выше показатели определялись, как мы уже отмечали, по диагностической программе, которая содержит тесты, методики, опросники, экспертные оценки и заключения, анализ результатов деятельности подростков, то есть может рассматриваться в двух аспектах: как диагностико-формирующая в плане педагогического сопровождения социализации подростков в Социально-реабилитационном центре и как совокупность методов педагогического исследования в целях решения задач нашего исследования. Далее нам потребовалось сгруппировать данные показатели с тем, чтобы выявить более обобщенные. Эта часть констатирующего эксперимента, проведенного нами, позволила выявить обобщенные показатели социального развития подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, на момент поступления в Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних. Данные обобщенные показатели требуются нам и для моделирования педагогического сопровождения социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, для отбора содержания педагогического сопровождения и компонентов технологий его реализации и для оценки самой модели, а также эффективности педагогического сопровождения и всей проведенной опытно-экспериментальной работы в целом.

Итак, мы относим:

к показателям деятельности (далее – Д): наличие положительных жизненных планов (далее – СР-1), отношение к учебной деятельности (далее СР-2), отношение к социально значимой деятельности (далее СР-7), внешнюю культуру поведения (далее СР-10);

к показателям самопознания (далее – СП): развитие полезных знаний, навыков, интересов (далее СР-3), критичность, способность правильно оценивать себя (далее СР-6), уровень личностных притязаний (далее СР-9);

к показателям общения (далее – О): взаимоотношения в коллективе (далее СР-4), адекватность отношений к педагогическим воздействиям (далее СР-5), межличностное общение (далее СР-8).

Мы отдаем себе отчет в том, что для других образовательных учреждений или учреждений социальной защиты компонентный состав каждого обобщенного показателя (Д, СП, О) может быть несколько иным, но, как нам представляется, не принципиально. В Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних работы по данным обобщенным показателям ведутся в течение 15 лет, и данный подход доказал свою практическую ценность. Однако мы понимаем, что создание модели педагогического сопровождения требует не только практической необходимости предлагаемых форм, этапов, содержания, целей и т. д., но и научно-исследовательского обоснования самой модели и эффективности ее реализации. Для этого, помимо методов научно-педагогического исследования, требуются еще и методы математической статистики, элементы математического моделирования и др.

В теории общей педагогики является общепризнанным тот факт, что реализация целей воспитания является отсроченной во времени. Период пребывания детей и подростков в Центре – до шести месяцев. Это означает, с одной стороны, что необходимо обосновывать наиболее оптимальные педагогические технологии социализации детей и подростков в условиях центра. С другой стороны, это означает, что результативность педагогического сопровождения социализации подростков в условиях Центра обуславливает или, по крайней мере, в определенной степени, влияет на их дальнейшую социализацию (в интернате, приемной семье, семейной воспитательной группе и т. д.).

О результативности социализации подростков в условиях Социально-реабилитационного Центра для несовершеннолетних может свидетельствовать, во-первых, их дальнейшая адаптация, а во-вторых – статистически достоверная зависимость, заключающаяся в значимом росте тех составляющих показателей социального развития, о которых говорилось ранее (СР-1, СР-2, СР-3 и др.), и обобщенных показателей социального развития (Д, СП и О).

В своем исследовании мы основной акцент делаем на оценке результативности педагогического сопровождения социализации подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и находящихся в Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних. Методологически вопрос об оценке результативности педагогического сопровождения в общей педагогике решен не в достаточной степени. Прежде всего, отсутствует математический инструментарий оценки. Применительно к теме нашего исследования следует сказать о том, что ряд показателей социального развития (СР-1, СР-2 и т. д.) представляет собой уже готовые, рекомендованные для психологов и социальных педагогов методики, включающие методику балльной оценки изучаемого качества или показателя. Другие показатели являются чисто экспертными. В этом случае нам потребовалось обеспечить соблюдение следующих двух условий: повторная оценка должна осуществляться одним и тем же лицом (воспитателем, социальным педагогом, социальным работником, врачом); первичная и повторная экспертная оценки должны докладываться, обсуждаться, фиксироваться на медико-психолого-педагогическом консилиуме и соотноситься с другими показателями.

Перейдем к описанию педагогического сопровождения как технологии социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию. Это требуется для пояснения представленной модели и для того чтобы оценивать результативность педагогического сопровождения, в том числе и с учетом того, как данная педагогическая технология была использована применительно к социализации подростков. Если низкая эффективность показателя социального развития в целом или его отдельных составляющих будет связана с низким уровнем адаптации в семейной воспитательной группе, профессиональном образовательном учреждении, интернате, школе и др., то это может свидетельствовать в пользу достоверности выявленной зависимости и, может быть, определенных закономерностей в педагогических технологиях, использующихся в целях социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, прежде всего, на таких направлениях педагогического сопровождения подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, как абилитация, переадаптация и ресоциализация, так как остальные достаточно хорошо представлены в литературе и научных исследованиях и, более того, некоторые из них были специально созданы для детей «группы риска».

На этапе теоретического исследования ограничимся описанием основных направлений педагогического сопровождения социализации подростков, попавших в трудную жизнен-

ную ситуацию, в условиях Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних. Основными направлениями являются: абилитация, ресоциализация и переадаптация личности подростков.

Абилитация понимается в научной литературе как овладение определенными социально-психологическими умениями и навыками (которые создают систему потенциалов), обеспечивающими способность развивающейся личности к разрешению трудных жизненных ситуаций в процессе социального функционирования; специфическая технология (совокупность приемов и методов воздействия) социальной работы, направленная на наращивание потенциалов развивающейся личности в практике реализации коррекционно-развивающих программ.

Так как абилитация развивающейся личности является относительно новой формой для педагогической практики и социальных работников, то ее разработка и апробация в социально-педагогической работе является наиболее актуальной сферой научно-педагогической деятельности. Мы считаем, что для общей педагогики абилитация – это еще более новое направление, чем для социальной работы, и, учитывая рост влияния неблагоприятных факторов на социализацию детей и подростков, мы полагаем, что абилитация актуальна для социальных педагогов учреждений общего образования, инспекции по делам несовершеннолетних, клубов по месту жительства, спортивных секций и др.

Основная цель педагогического аспекта абилитации – создание ситуации успеха. В качестве методов, применяемых в данном направлении, могут быть использованы реальные и виртуальные игры: «Внутренняя сила», «Будь успешным», «Купон на одну услугу», «Таинственный друг» и др. Абилитация в условиях Социально-реабилитационного центра – это «сквозная» педагогическая технология. Абилитация предполагает специально отобранные игры и упражнения: «Да и нет», «Говорящие вещи», «Ты мне нравишься», тренинг релаксации, аутотренинг, экскурсии, упражнения на физическую активность, специальные программы, направленные на формирование умений организовывать свой досуг, формирование навыков самообслуживания. Условием эффективности абилитации является организация постоянных изменений в жизни подростка при соблюдении меры посильности их освоения каждым ребенком. Динамика изменений организует образовательную среду центра, в которой каждый подросток находит свое место и занимает определенную позицию.

Сама по себе образовательная среда Центра не может изменить тех реальных условий, из которых подростки попали в Центр, и тех, в которые они попадут после трехмесячной адаптации в Центре. «Абилитирующая» среда Центра направлена на формирование определенных отношений к этой среде, к своему прошлому и будущему. Мы рассматриваем эту среду в качестве предпосылки изменений своей жизни самим воспитанником за счет тех личностных потенциалов, которые в других, помимо Центра, условиях не смогут реализоваться вообще.

Педагогический аспект ресоциализации мы понимаем вслед за Р. Г. Гуровой как овладение неувоенными ролевыми программами социального функционирования личности через изменение социального статуса личности, в основе которого лежит трансформация самоотношения личности и подростка к себе [1]. Если абилитация направлена на индивидуализацию подростка, то ресоциализация есть направление его первичной адаптации. В условиях Центра социальной реабилитации и адаптации для каждого подростка составляется индивидуальная медицинская и психолого-педагогическая коррекционная карта, в которой в зависимости от показателей СР-1, СР-2, СР-3 и др. подбираются методы и приемы, способствующие самопринятию и самоуважению.

Наконец, переадаптация соответствует такой фазе социализации, как интеграция в новые, значительно отличающиеся от предыдущих условий. Таким образом, переадаптацию подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, мы рассматриваем на этапе их вхождения в социум.

Мы предполагаем, что выявленный нами показатель социального развития лежит и в основе моделирования и проектирования педагогического сопровождения социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, и в основе его реализации через такие его направления, как абилитация, ресоциализация и переадаптация.

Таблица 1

**Распределение показателей социального развития
в зависимости от социального статуса подростков**

Показатели социального развития	Безнадзор- ные (78 человек)	Оставшиеся без попечения (186 человек)	Сироты (94 чело- века)	Нуждающиеся в экстренной социальной помощи (214 человек)
	Среднее значение по группе			
Наличие положительных жизнен- ных планов	3,8	3,41	3,07	3,33
Отношение к учебной деятельности	3,8	3,44	2,92	3
Развитие полезных знаний, навыков, интересов	4	3,39	3,14	3,33
Взаимоотношения в коллективе	4,2	3,49	3,5	3,33
Адекватность отношений к педаго- гическим воздействиям	3,8	3,49	3,21	4
Критичность, способность правиль- но оценивать себя	3,8	3,29	3,21	3,33
Отношение к социально значимой деятельности	3,2	3,26	3	3,33
Межличностное общение	3,8	3,35	3,28	3,67
Уровень притязаний личности	3,2	3,25	3,14	3
Внешняя культура поведения	4	3,58	3,43	3,67

Представленные в табл. 1 средние значения по каждому из предлагаемых нами показателей (СР-1, СР-2 и др.) лежат в основе оценки результативности педагогического сопровождения социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, в зависимости от их социального статуса. Эти показатели позволяют использовать педагогические технологии дифференцированно: в зависимости от этапа педагогического сопровождения и социального статуса.

Предлагаемая в нашем исследовании исходная модель позволила нам выявить этапы, цели и обосновать показатели результативности каждого этапа педагогического сопровождения социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию. На этапе проектирования процесса педагогического сопровождения мы детализировали показатели социального

развития, систематизировали их, соотнесли со структурой и компонентами педагогического сопровождения социализации групп подростков в условиях Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних. Проектирование позволило нам выделить направления реализации педагогического сопровождения как технологии, что дает возможность представить реализацию этого процесса более систематизировано.

Результативность социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, в условиях Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних будет достигнута при соответствующем технологическом обеспечении этого процесса.

Основные компоненты технологии педагогического сопровождения, которые были использованы нами, представлены в модели педагогического сопровождения социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию.

На первом этапе опытно-экспериментальной работы основным компонентом технологии педагогического сопровождения была медико-педагогическая реабилитация, которая представляет собой программу, состоящую из следующих преемственных частей: заполнение диагностической карты, реализация индивидуальных реабилитационно-коррекционных программ и составление карты возможных социальных конфликтов подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Диагностическая карта фиксировала результаты медико-психолого-педагогического обследования подростка всеми специалистами Центра (воспитателями, психологами, социальными работниками, социальными педагогами и др.). Она включала в себя следующие разделы: общие сведения; социальный анализ; педагогическая характеристика; результаты первого собеседования; результаты первого медико-психологического обследования; социально-психологический анализ; рекомендации для педагогов; заключения дефектолога; педиатрическое заключение; лист текущего наблюдения; заключение медико-психолого-педагогического консилиума и экспертного совета педагогов; этапные заключения специалистов; заключение специалистов об уровне обученности подростков; итоговое заключение.

Как видно из представленного перечня, при составлении диагностической карты мы использовали методы различных наук, направленные на изучение особенностей подростка, попавшего в трудную жизненную ситуацию. Педагогическое сопровождение заключается на этом этапе в том, что на основе результатов реализации его координирующей функции формулируется педагогический прогноз динамики планируемых изменений на основе определенного нами показателя социального развития.

На втором этапе разрабатывается стратегия, цели и методы педагогического сопровождения каждого подростка на основе индивидуальной программы социализации.

Индивидуальная программа социализации разрабатывалась нами, как уже говорилось, на основе составленной диагностической карты. Именно содержание диагностической карты создает ориентировочную основу для отбора средств и форм педагогического сопровождения. Индивидуальная программа основана на анализе трудной жизненной ситуации каждого ребенка, она проектирует дальнейшую траекторию его будущей социализации. Структура индивидуальной программы, разработанной и использованной в процессе нашего исследования, включает следующие позиции: ФИО ребенка; возраст; диагноз (психологический, медицинский, социальный, педагогический); содержание и план формирующей воспитательной работы; ожидаемые результаты (перечень умений и навыков), показатели социального развития (как Д; О; СП, так и СР-1, СР-2, СР-3 и др.); методы педагогического сопровождения;

методический и математический инструментарий; обоснование использования планируемых методов и средств; этапы воспитательной работы; оценка результативности педагогического сопровождения социализации подростков в условиях Центра; описание условий реализации (длительность, частота занятий, форма проведения); способы взаимодействия с другими специалистами; динамика и результаты индивидуальной программы; заключение консилиума по результатам реализации программы социализации.

Карта социальных конфликтов содержит характеристику личности подростка, попавшего в трудную жизненную ситуацию. Она включает следующие разделы: способность к сотрудничеству; самооценка и реакция на выполнение заданий; темперамент; мотивация; интересы; стремления; характеристика поведения; межличностные отношения (статус в коллективе; склонность к конфликтам); адаптационные механизмы (уровень притязаний; толерантность; способы адаптации). На основе собранных данных составлялось заключение психологической службы и экспертного совета педагогов.

Диагностическая карта, индивидуальная программа и карта социальных конфликтов подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, – это три составляющих компонента диагностики подростка, попавшего в Центр. Особенность предлагаемого нами подхода состоит в том, что методики для сбора информации являются одновременно диагностическими и формирующими, в которых подросток не просто объект диагностики, но и субъект деятельности, общения и самопознания. Это соответствует предложенным нами обобщенным показателям социального развития. Основными компонентами педагогической технологии, использованными нами на втором этапе, являлись: индивидуальное и групповое психолого-педагогическое консультирование, ролевые и деловые игры, профессиональные пробы в условиях социального партнерства и др.

Так как время пребывания подростков в Центре ограничено шестью месяцами, то о длительном мониторинге речь в данном случае не идет. Педагогическое сопровождение не может быть результативным, если диагностика ограничена только лишь сбором и анализом информации. Во-первых, роль подростка в этом случае пассивна. Мы считаем, что педагогическое сопровождение социализации подростков будет результативным, а сама социализация – успешной, если диагностика на первом этапе социализации подростков в условиях Центра была по своему характеру формирующей и активизирующей. При этих условиях акцент делается на формирование субъектной позиции подростка, на его готовности к самоопределению и принятию решения.

На втором этапе педагогического сопровождения социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию и находящихся в центре, ведущим направлением являлась абилитация.

Как уже говорилось, абилитация подростков – это магистральный путь их социализации в центре и в последующий период. Формирование умений и навыков, необходимых для обучения и других видов деятельности, общения в процессе формирования и разрешения проблем в условиях центра, – суть абилитации (англ. *able* – сделать способным). Основой абилитации являлось социальное партнерство. Именно социальное партнерство позволило нам не только расширить информационную основу деятельности подростков, их кругозор, но и создавать и обобщать их личный опыт участия в определенных группах (профессиональных, социальных, по интересам, учебных и др.). В этом заключалась фасилитирующая функция педагогического сопровождения на данном этапе.

Социальное партнерство предполагало использование технологии профессиональных проб, в процессе которого подростки включались в различную деятельность государственных и негосударственных, общественных и др. организаций, чтобы почувствовать себя в разных социальных и профессиональных ролях, «примерить» различные позиции, обогатить личный опыт знания, представления и т. д.

В ходе второго этапа нами применялись также различные технологии обучения: игровые, индивидуальные, групповые, коррекционные. Наше исследование показало, что результативность их использования повышается, если они направлены на повышение показателей Д, О и ПС. Естественно, за полгода добиться устранения неуспеваемости или сформировать познавательный интерес подростков затруднительно, особенно с учетом того, что многие из них испытали насилие или другие виды стресса. Но если используемые технологии обеспечат рост показателей Д, О и ПС, то можно сказать, что результативность педагогического сопровождения социализации подростков, находящихся в Центре, достигнута.

На втором этапе мы использовали также технологии тренинга (методики «Кукольный театр», «Место под солнцем», «Космическая скорость», «Смешное приветствие» и др.). Для программы тренингов нами были использованы сценарии, включающие в себя цели, правила, упражнения, педагогические ситуации и др. Результаты показали, что эффективность тренингов особенно высока для развития общения.

В рамках нашего исследования промежуточные результаты реализации индивидуальных программ социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, обсуждались на медико-психолого-педагогическом консилиуме. Консилиум позволяет объединить усилия специалистов по социальной работе, педагогов, психологов, медиков и всех других субъектов воспитательного процесса, заинтересованных в успешном и полноценном развитии подростков.

Основным документом для работы консилиума является «Индивидуальная программа работы с воспитанником учреждения», куда заносятся результаты обследования ребенка специалистами.

Психолог представляет на консилиум результаты своей диагностической деятельности – наблюдения, обследования самих школьников. При этом обсуждению на консилиуме подлежат не сами первичные данные, а определенные аналитические обобщенные материалы. В этих материалах информация о ребенке формируется доступным и понятным педагогу и медику языком. Формой представлений психологических данных на консилиум является бланк «Психологическая характеристика ребенка», заполняемый накануне консилиума, в котором отражается динамика развития.

Воспитатель, опираясь на результаты своих собственных наблюдений и бесед с учителями, дает педагогическую характеристику деятельности и поведения ребенка или подростка.

Характеристика подростка складывалась из следующих показателей:

1. Качественные характеристики учебной деятельности:

- трудности и особенности, проявляющиеся при подготовке домашних заданий;
- трудности и особенности, проявляющиеся при устных и письменных ответах на уроке, особенности ответов у доски;
- трудности и особенности, возникающие в процессе усвоения нового материала или повторения пройденного;
- трудности и особенности, возникающие при выполнении творческих заданий и рутинной трудоемкой работы;

- виды заданий или учебного материала, вызывающие наибольшие трудности;
- предполагаемые причины трудностей и особенностей.
- 2. Количественные показатели учебной деятельности:
 - успеваемость по основным предметам;
 - предполагаемые причины низкой или неровной успеваемости.
- 3. Показатели поведения, общения:
 - описание и оценка учебы с точки зрения активности и заинтересованности;
 - описание и оценка поведения с точки зрения активности и заинтересованности;
 - описание и оценка поведения с точки зрения соблюдения общепринятых правил;
 - индивидуальные особенности и трудности, возникающие в процессе общения со взрослыми и сверстниками.
- 4. Показатели эмоционального состояния:
 - описание «типичного» для ребенка эмоционального состояния;
 - описание ситуаций, вызывающих у ребенка различные эмоциональные трудности.

Давая характеристику на конкретного подростка, воспитатель останавливался только на тех показателях, которые содержат важную для работы консилиума информацию.

Специалист по социальной работе представлял на консилиум информацию о социальном статусе ребенка, сведения о семье, родственниках, ситуации на сегодняшний день, перспективы дальнейшего определения и др.

Медицинский работник представлял информацию о физическом состоянии ребенка:

- соответствие физического развития возрастным нормам;
- состояние органов зрения, слуха, костно-мышечной системы;
- переносимость физических нагрузок;
- факторы риска нарушения развития: наличие в прошлом заболеваний и травм, которые могут сказаться на развитии ребенка;
- факторы риска по основным функциональным системам, наличие хронических заболеваний.

Порядок работы консилиума. Прежде всего, осуществляется информационный обмен между его участниками. Порядок изложения информации не имеет принципиального значения. По сути, речь о «сборке целостного портрета» ребенка. Участники консилиума получают возможность узнать о подростке во всем разнообразии его проявлений: поведения, учебы, а также причины его проблем, уже не будучи ограниченными своими профессиональными задачами. Такое обогащение каждого участника позволяет, во-первых, построить действительно системный, «объемный» подход, во-вторых, обеспечить всю необходимую помощь и поддержку, а также обладает большим психологическим эффектом.

Таким образом, деятельность консилиума по отношению к конкретному подростку состояла в ответе на несколько последовательных вопросов:

- Каков социальный, психологический, педагогический и медицинский статус ребенка на момент поступления?
- Какими особенностями и проблемами характеризуется развитие ребенка в целом на момент обследования?
- Насколько содержание, формы и методы соответствовали результатам диагностики, полученным на первом этапе педагогического сопровождения?
- В каких формах и в какие сроки в реализации программы социализации подростка примут участие разные специалисты?

Технология консультирования использовалась нами на втором этапе в двух следующих направлениях: оперативная помощь подростку в решении актуальной для него проблемы; профилактика возможных в будущем проблем и подготовка подростков к их разрешению.

Педагогический анализ консультирования подростков в условиях Центра позволил нам выявить его следующие функции: адаптационная; стимулирующая; реабилитационная; коррекционная.

Реализация адаптационной функции предполагает оказание помощи подросткам на этапе их попадания в Центр. Ситуация стресса, вхождение в новый коллектив, усвоение новой социальной роли, овладение новыми видами и формами деятельности порождают психологическую напряженность и трудности.

Адаптационная функция позволяет решить эти вопросы. Реализация стимулирующей функции консультирования обеспечивает формирование у подростков внутренней готовности к постановке близких, средних, отдаленных целей своего развития, поиск средств их достижения на основе представлений о своих возможностях, уверенности в собственных силах. Коррекционная функция консультирования направлена на преодоление затруднений в общении, совместной деятельности, самопознании и на этой основе – на формирование мотивации собственного развития у подростка. Реабилитационная функция консультирования обеспечивает активизацию потенциала личности подростка.

Результативность использования описанных выше технологий педагогического сопровождения социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, оценивалась нами на третьем этапе педагогического сопровождения. Для того чтобы это доказать, обратимся к методам математической обработки полученных нами в исследовании эмпирических данных. Для удобства анализа мы представим их в графической форме.

Рисунок 1. Динамика показателя CP-1 в зависимости от социального статуса подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию

Если мы проанализируем графики первого и второго замеров, представленные на рис. 1, то увидим, что есть достаточно выраженные отличия в показателях в зависимости от социального статуса подростков (беспризорники, сироты, оставшиеся без попечения, требующие экстренной помощи). Изначально по категории «беспризорники» показатели были более высокие по сравнению с остальными, но и динамики в результате пребывания этих подростков в Центре не наблюдается. У категорий подростков «сироты» и «оставшиеся без попечения» увеличение показателя СР-1 незначительное. Что касается группы подростков «требующие экстренной помощи», то по рассматриваемому показателю у них отмечается наибольший рост.

Перейдем к рассмотрению динамики показателя СР-2 «Отношение к учебной деятельности». Для этого обратимся к рис. 2.

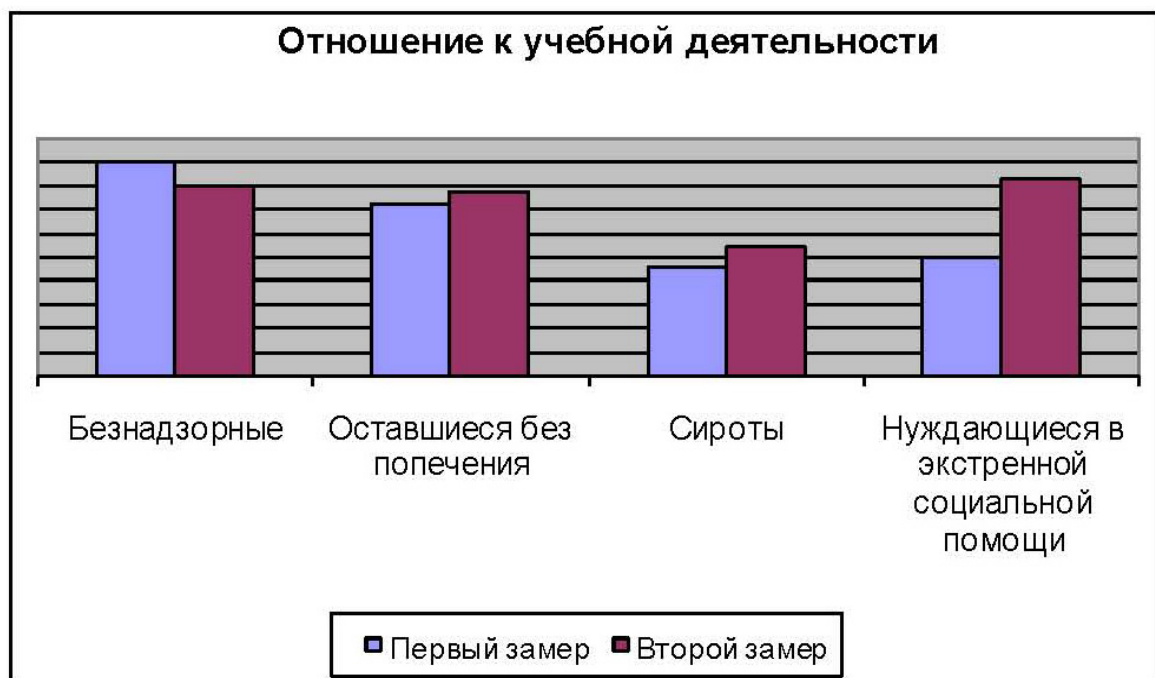

Рисунок 2. Динамика показателя СР-2 в зависимости от социального статуса подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию

Как показывает график, самый высокий показатель СР-2 среди подростков, относящихся к категории «сироты». Самый низкий – среди подростков, требующих экстренной психолого-педагогической помощи. У беспризорников после пребывания в Центре показатель СР-2 незначительно снижается, у оставшиеся без попечения – незначительно увеличивается, у требующих экстренной психолого-педагогической помощи – увеличивается значительно, а у сирот – стремительно снижается. Здесь, как и в случае динамики показателя СР-1 наличие зависимости результатов первого и второго замеров от социального статуса подростков. Показатель СР-3 при первом и втором замерах изменился незначительно (см. рис. 3).

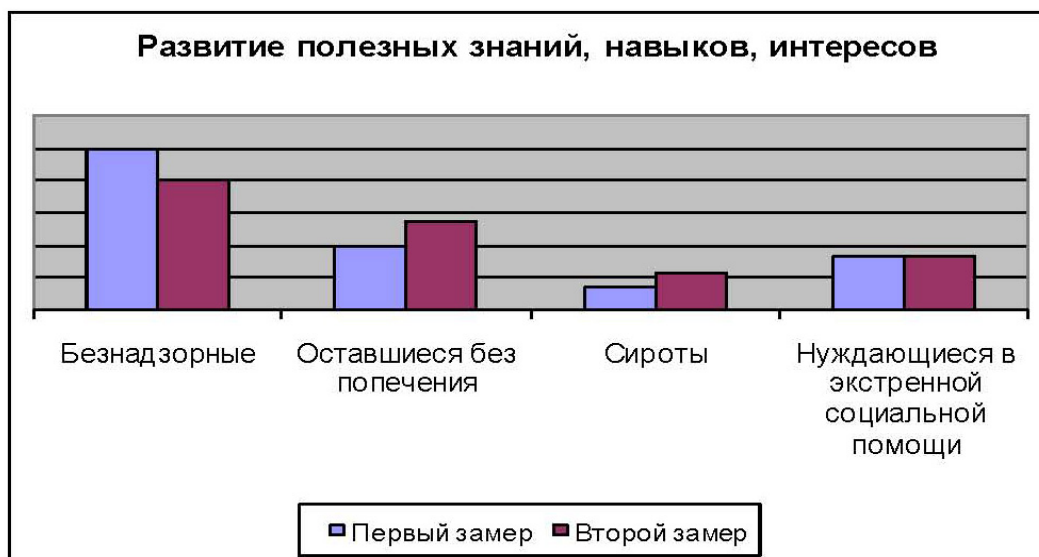

Рисунок 3. Динамика показателя CP-3 в зависимости от социального статуса подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию

Как видно из графиков, самое большое значение показателя CP – у беспризорников, самое низкое – у сирот. В течение времени пребывания в условиях Центра у подростков, оставшихся без попечения, и у сирот показатель CP-3 незначительно повышается, у подростков, нуждающихся в экстренной помощи, он остается без изменений. Перейдем к анализу динамики показателя CP-4. Для этого обратимся к рис. 4.

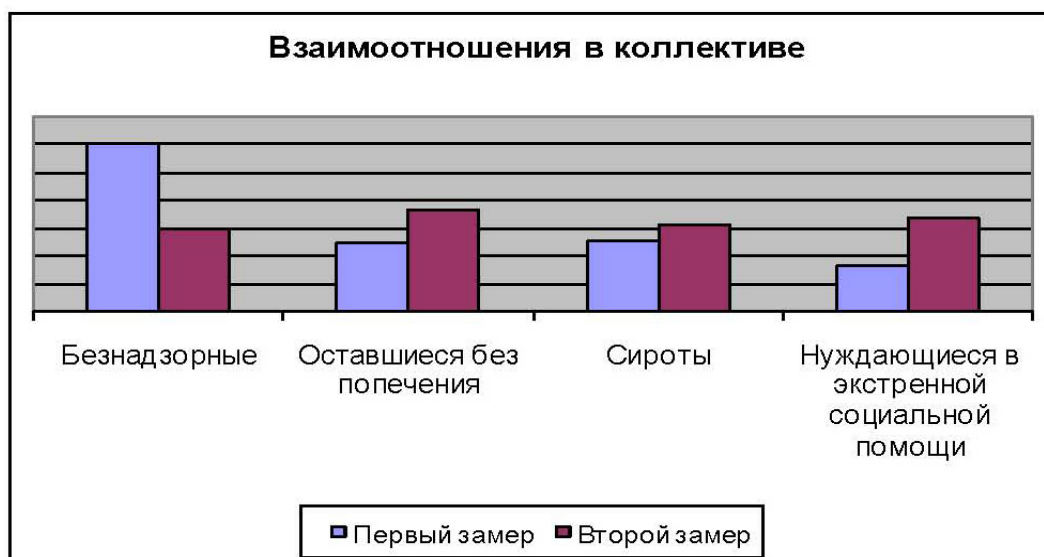

Рисунок 4. Динамика показателя CP-4 в зависимости от социального статуса подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию

Как видно из графика, наиболее выражен показатель «Взаимоотношения в коллективе» у группы беспризорников, наименее выражен он у детей, требующих экстренной помощи. Подростки, оставшиеся без попечения, и сироты имеют примерно одинаковое значение по данному показателю. Второй замер показывает, что показатель СР-4 незначительно вырос у сирот, оставшихся без попечения и подростков, требующих экстренной помощи. Что касается беспризорников, то наблюдается существенное снижение этого показателя.

Адекватность отношений к педагогическим воздействиям измерялась с помощью экспертной оценки. Результаты представлены на рис. 5.

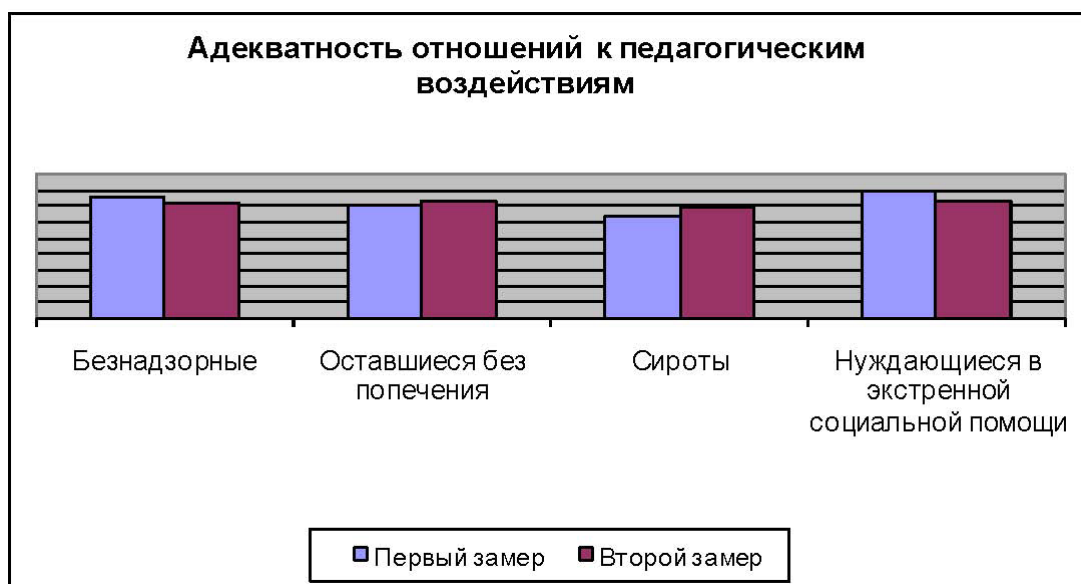

Рисунок 5. Динамика показателя СР-5 в зависимости от социального статуса подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию

Как видно из рисунка, самый низкий показатель у сирот, самый высокий – у подростков, требующих экстренной помощи. Второй замер показал, что незначительно показатель СР-5 увеличился у сирот и подростков, оставшихся без попечения, и несущественно снизился у беспризорников и требующих экстренной помощи.

Психологические тесты и консультирование показали, насколько выражены у подростков критичность и способность правильно оценивать себя. Результаты представлены на рис. 6.

На данном рисунке видно, что самый высокий показатель у беспризорников, самый низкий – у сирот. У детей, оставшихся без попечения и требующих экстренной помощи, данный показатель выражен примерно одинаково. Как показал второй замер, у подростков, оставшихся без попечения и у требующих экстренной помощи, данный показатель вырос примерно одинаково. Несколько ниже рост по данному показателю у сирот, что касается беспризорников, то у них отмечено снижение данного показателя.

Результаты тестирования, тренингов, бесед и наблюдений показали различие в самоконтроле и самоанализе подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в зависимости от их социального статуса (см. рис. 7).

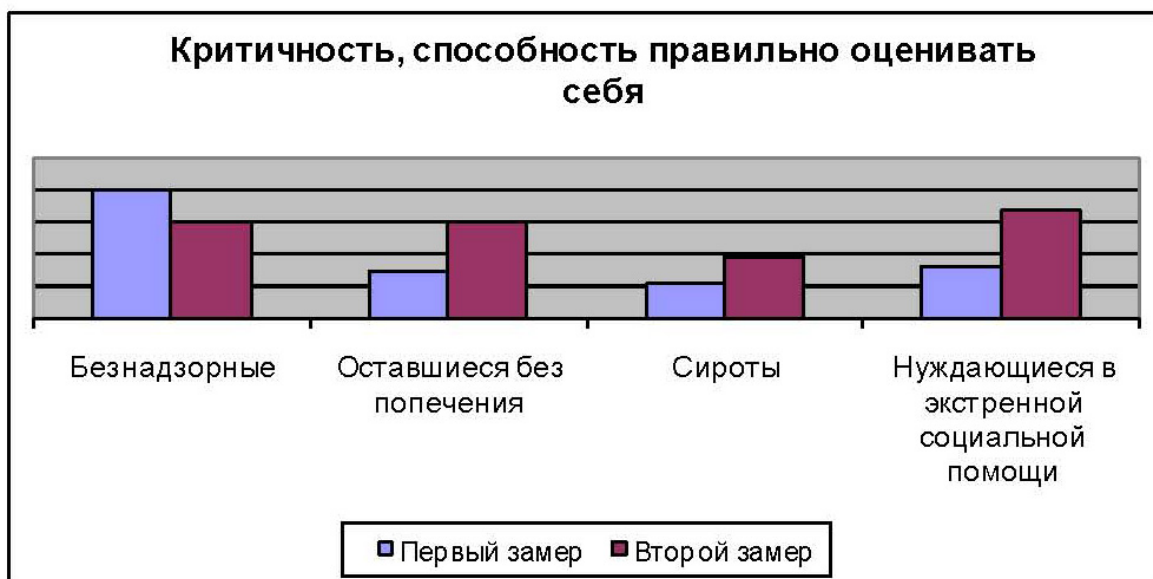

Рисунок 6. Динамика показателя СР-6 в зависимости от социального статуса подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию

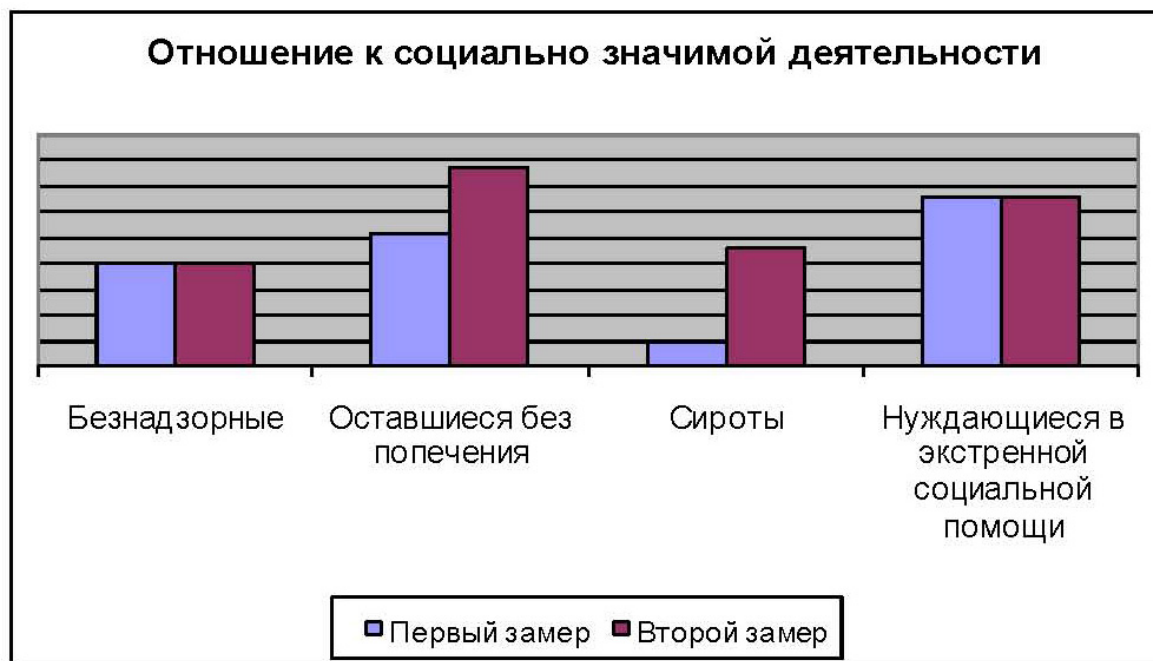

Рисунок 7. Динамика показателя СР-7 в зависимости от социального статуса подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию

Как видно из рисунка, наибольший показатель у детей, требующих экстренной помощи, наименьший – у сирот. Незначительно отличаются данные показатели у беспризорников и у детей, оставшихся без попечения. Результаты второго замера показывают, что показатель СР-7 у беспризорников не изменился вообще, также без изменений он остался у подростков, требующих экстренной помощи. Более всего данный показатель вырос у сирот и чуть меньше – у подростков, оставшихся без попечения.

Несмотря на то, что все группы подростков – это дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, и они требуют поддержки, в программу диагностики и развития, реализуемую в Социально-реабилитационном центре, был включен раздел «Способность к сопереживанию, эмпатия». Результаты по данному показателю представлены на рис. 8.

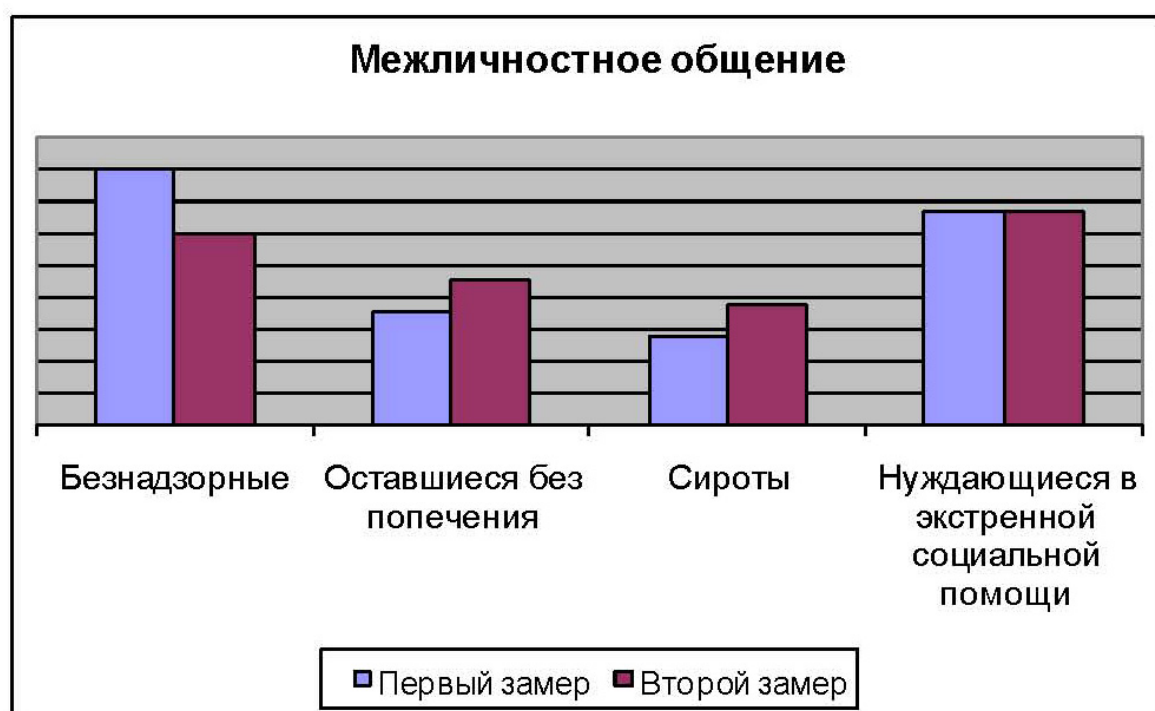

Рисунок 8. Динамика показателя СР-8 в зависимости от социального статуса подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию

Самое большое значение данного показателя у беспризорников, самое низкое – у сирот. Как показывает второй замер, у сирот и оставшихся без попечения этот показатель незначительно увеличился. У подростков, требующих экстренной помощи, он остался без изменения. Снизился данный показатель у беспризорников.

Социализация (адаптация, индивидуализация и интеграция) требует от подростков развития уровня притязаний личности. Результаты их диагностики представлены на рис. 9.

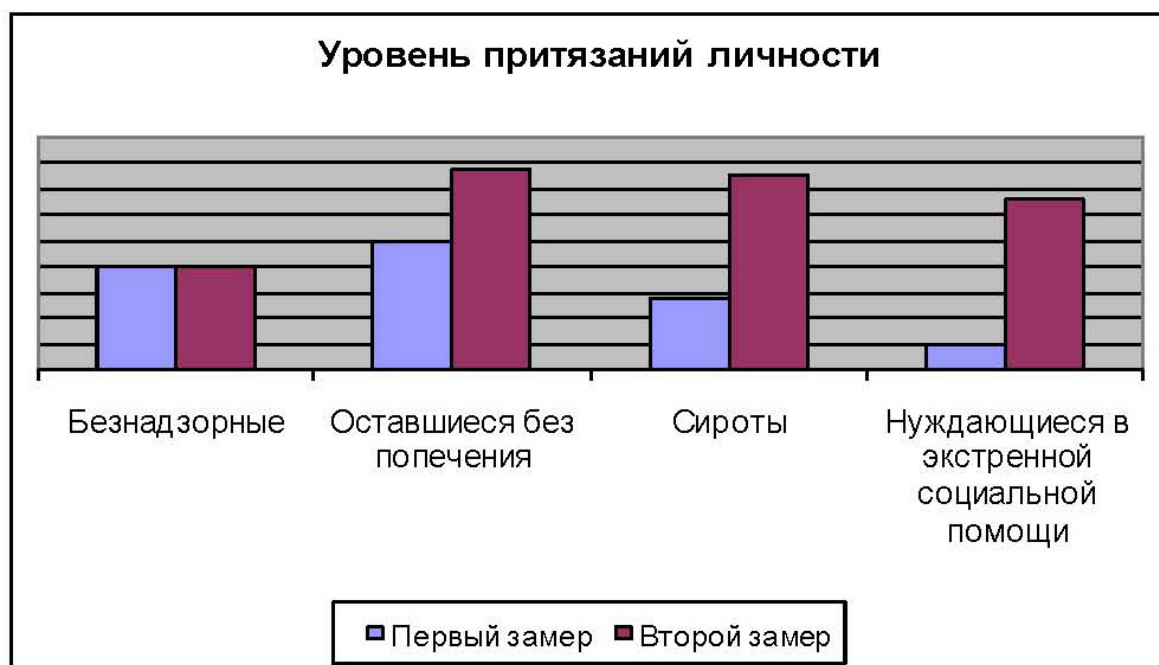

Рисунок 9. Динамика показателя CP-9 в зависимости от социального статуса подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию

Как показывают графики, в начале, самый низкий показатель развития уровня притязаний личности отмечается у подростков, требующих экстренной помощи, самый высокий – у детей, оставшихся без попечения. Результаты второго замера показывают значительный рост данного показателя у детей, оставшихся без попечения, сирот и требующих экстренной помощи. У беспризорников данный показатель остался без изменений.

Изменения внешней культуры поведения за шесть месяцев пребывания в Социально-реабилитационном центре представлены на рис. 10.

Как видно из представленных на рис. 10 графиков, самый высокий показатель у беспризорников, самый низкий – у сирот. Второй замер показал существенное увеличение данного показателя у подростков, требующих экстренной помощи, примерно на такую же величину уменьшился показатель у беспризорников, практически не изменился у оставшихся без попечения и совсем незначительно уменьшился у сирот.

Перейдем к интерпретации и выводам, которые следуют из полученных с помощью статистической обработки результатов. Прежде всего, обращает на себя внимание факт «лидерства» беспризорников по показателям CP-1, CP-3, CP-4, CP-6, CP-8, CP-10. Именно эта группа подростков демонстрирует наличие самых высоких результатов по этим показателям. На наш взгляд, причин этого несколько: самостоятельность этих подростков, опыт выживания в самых трудных жизненных ситуациях, неоднократное попадание в такого рода Центры, опыт общения с психологами, социальными работниками, сотрудниками правоохранительных органов и др. Для них беспризорничество – нормальное явление, к которому они привыкли,

у них сохраняются семьи, отношения с родственниками, по поводу своей социальной позиции они не испытывают стресса и хорошо знают, как надо отвечать на вопросы психологов и педагогов, чтобы не осложнять себе жизнь.

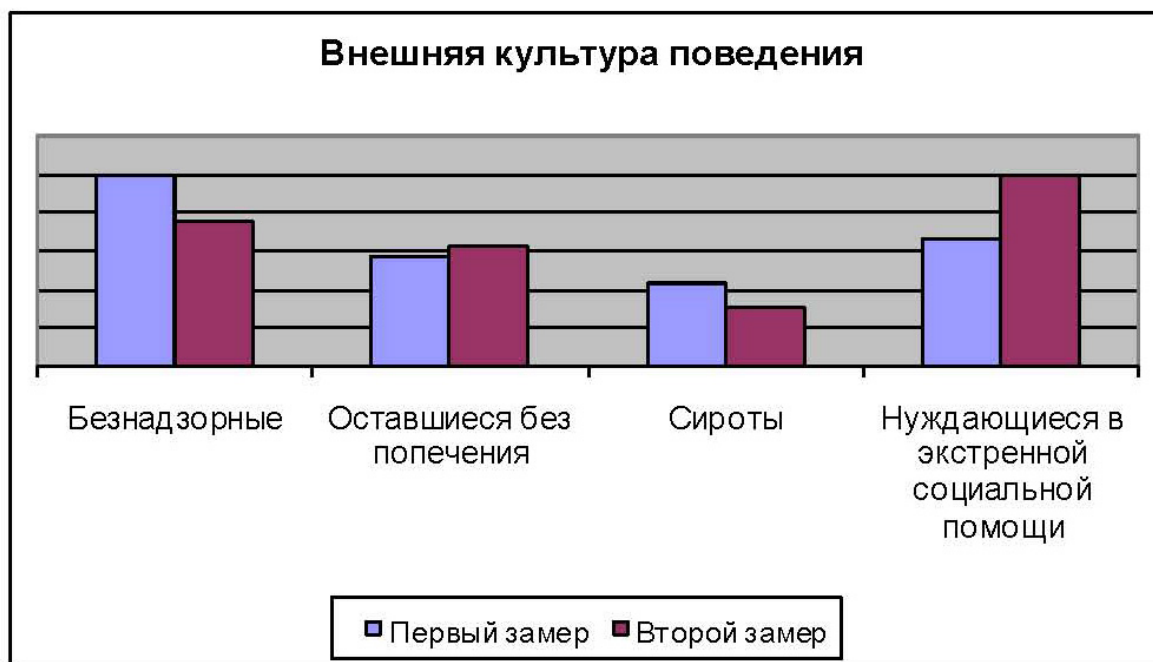

Рисунок 10. Динамика показателя СР-10 в зависимости от социального статуса подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию

Что касается сирот, то по показателям СР-1, СР-3, СР-4, СР-7, СР-8, СР-10 они имеют самые низкие значения. Это объясняется конкретной жизненной ситуацией, стрессом по поводу потери родителей. Что касается детей, оставшихся без попечения, то практически по всем показателям они отличаются от сирот в лучшую сторону. Объяснением может служить тот факт, что они уже были однажды в группе сирот, пережили потерю родителей и адаптированы к данной ситуации. Наконец, дети, требующие экстренной помощи, имеют самые низкие показатели СР-2, СР-4, СР-9, что объяснимо конкретными событиями их жизни, так как это подростки, испытывавшие стресс, смерть близких, ставшие жертвами насилия и т. д.

Как было обосновано нами, указанные показатели социального развития (СР-1, СР-2, СР-3 и др.) могут быть сгруппированы в обобщенные показатели Д (деятельность), О (общение) и СП (самопознание). Для того чтобы оценить результативность педагогического сопровождения социализации подростков в условиях Социально-реабилитационного центра, мы оценили не только динамику каждого показателя в зависимости от социального статуса подростка, но и результативность педагогического сопровождения социализации всей совокупности подростков на основе достоверно значимых статистических различий. Различия считаются статистически значимыми при коэффициенте $< 0,05$. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Оценка результативности педагогического сопровождения социализации подростков,
попавших в трудную жизненную ситуацию**

Название критерия, номер замера	Среднее значение	Значение t-критерия Стьюдента	Значение уровня значимости
Наличие положительных жизненных планов (Д)			
Первый замер	3. 370370	-3. 03602	0,003712
Второй замер	3. 518519		
Отношение к учебной деятельности (Д)			
Первый замер	3. 333333	-1. 35188	0,182154
Второй замер	3. 444444		
Развитие полезных знаний, навыков (СП)			
	3. 518519	-2. 131140	0,037712
	3. 685185		
Взаимоотношения в коллективе (О)			
Первый замер	3. 518519	-2. 13140	0,037712
Второй замер	3. 685185		
Адекватность отношений к педагогическим воздействиям (О)			
Первый замер	3. 444444	-2. 26474	0,027643
Второй замер	3. 611111		
Критичность, способность правильно оценивать себя (СП)			
Первый замер	3. 333333	-3. 25576	0,001974
Второй замер	3. 555556		
Отношение к социально значимой деятельности (Д)			
Первый замер	3. 203704	-2. 43778	0,018165
Второй замер	3. 333333		
Межличностное общение (О)			
Первый замер	3. 370370	-1. 15051	0,255098
Второй замер	3. 462963		
Уровень личностных притязаний (СП)			
Первый замер	3. 203704	-2. 42670	0,018670
Второй замер	3. 370370		
Внешняя культура поведения (Д)			
Первый замер	3. 547170	-0. 443813	0,659019
Второй замер	3. 584906		

Обобщенные выявленные статистически значимые показатели можно представить в виде табл. 3.

Таблица 3

Выявленная статистически значимая зависимость между педагогическим сопровождением и показателями социального развития

О (общение)	Д (деятельность)	СП (самопознание)
СР-4 +	СР-1 +	СР-3 +
СР-5 +	СР-2 -	СР-6 +
СР-8 -	СР-10 +	СР-9 +
	СР-7 +	

Из данной таблицы видно, что наиболее результативно педагогическое сопровождение самопознания: показатель СП по всем пунктам статистически достоверен. Если статистический анализ дополнить качественным педагогическим анализом, то можно расположить результативность педагогического сопровождения по показателям Д, О, СП следующим образом: наиболее результативен – СП, далее следует О, далее – Д. Это можно объяснить временем пребывания подростков в Центре, которое недостаточно для развития сферы деятельности подростков. Компоненты педагогической технологии второго этапа социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, наиболее результативно обеспечивают рост показателей СП и О.

Мы доказали результативность педагогического сопровождения социализации подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, в условиях Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних. Но еще более достоверно, на наш взгляд, о результативности можно будет судить при выявлении тенденции, связывающей результаты социализации в Центре, при дальнейшем жизнеустройстве подростков. На данном этапе нашего исследования нет оснований говорить о статистически подтвержденной закономерности, но тенденции взаимосвязи результативности педагогического сопровождения по отдельным (СР-1, СР-2, СР-3 и др.) показателям и по обобщенным показателям (Д, О и СП) в условиях Центра и в последующих условиях прослеживаются. Чтобы выявить достоверную статистически значимую зависимость, следует, прежде всего, развивать социальное партнерство и координировать воспитательные системы различных субъектов этого партнерства независимо от их ведомственной принадлежности. В этом мы видим направление нашего дальнейшего исследования.

Литература

1. Гурова Р. Г. Социологические проблемы воспитания: монография. – М.: Педагогика, 1990. – 87 с.
2. Иванов В. Н. Основы социального управления: учеб. пособие / В. Н. Иванов, В. И. Патрушев. – М.: Высш. шк., 2001. – 271 с.
3. Кудрина Е. Л. Система планирования в учреждениях социально-культурной сферы: учеб. пособие / Е. Л. Кудрина, Л. И. Рудич, Е. В. Утин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ФАИР, 2006. – 224 с.
4. Карташов В. Я. Управление процессом социальной реабилитации на основе моделирования: монография / В. Я. Карташов, Т. А. Хорошева, А. И. Юдина. – Кемерово: КемГУ, 2010. – 107 с.

5. Фельдштейн Д. И. Психологические проблемы образования и самообразования современного человека // Приоритетные направления развития педагогических и психологических исследований. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2004. – С. 44.
6. Юдина А. И. Определение потребности отрасли культуры в квалифицированных кадрах в области библиотечного дела и социально-культурной деятельности / А. И. Юдина, С. А. Мухамедиева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 22, ч. 1. – С. 166–174.

Literatura

1. Gurova R. G. Sociologicheskie problemy vospitaniya: monografiya. – M.: Pedagogika, 1990. – 87 s.
2. Ivanov V. N. Osnovy social'nogo upravleniya: ucheb. posobie / V. N. Ivanov, V. I. Patrushev. – M.: Vyssh. shk., 2001. – 271 s.
3. Kudrina E. L. Sistema planirovaniya v uchrezhdeniyah social'no-kul'turnoj sfery: ucheb. posobie / E. L. Kudrina, L. I. Rudich, E. V. Utin. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: FAIR, 2006. – 224 s.
4. Kartashov V. Ja. Upravlenie processom social'noj rehabilitacii na osnove modelirovaniya: monografiya / V. Ja. Kartashov, T. A. Horosheva, A. I. Judina. – Kemerovo: KemGU, 2010. – 107 s.
5. Fel'dshtejn, D. I. Psihologicheskie problemy obrazovaniya i samoobrazovaniya sovremennogo cheloveka // Prioritetnye napravleniya razvitiya pedagogicheskikh i psihologicheskikh issledovanij. – M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, 2004. – S. 44.
6. Judina A. I. Opredelenie potrebnosti otrasli kul'tury v kvalificirovannyh kadrah v oblasti bibliotechnogo dela i social'no-kul'turnoj dejatel'nosti / A. I. Judina, S. A. Muhamedieva // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 22, ch. 1. – S. 166–174.

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 001

Н. А. Волков, Т. А. Волкова

НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АКТОР ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья исследует образовательный и научный уровень нового для России государственного правозащитного института – уполномоченного по правам человека (на федеральном и региональном уровнях). Располагая богатым эмпирическим материалом, авторы проводят культурологический анализ возможностей данного института в плане научно-педагогической деятельности, подготовки научных кадров, правового просвещения населения; выделяют вклад уполномоченных по правам человека в научно-теоретический дискурс современной России.

Ключевые слова: уполномоченный по правам человека, омбудсман, гражданское образование, наука, научная и педагогическая деятельность, профессор, доцент, преподаватель, правозащитный механизм.

N. A. Volkov, T. A. Volkova

SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL ACTIVITIES OF COMMISSIONERS FOR HUMAN RIGHTS IN RUSSIAN FEDERATION AS SOCIAL AND CULTURAL ACTOR OF CIVIC EDUCATION

Modernization of modern Russian education is aimed at quality changes in person's consciousness as an active subject. The new concept of the higher education proceeds from development of spiritual and creative person's potential with moral responsibility for the actions. There is a necessity to consider sociocultural aspects of its reforming more thoroughly in the occurring changes.

Creation of the constitutional state and civil society depends on level of the civic educational system and education in the field of the human rights and freedom, protection forms and methods.

On May 4 2011, President of Russia approved "Bases of a state policy of the Russian Federation in the sphere of legal literacy and civic consciousness development of citizens."

This document is aimed at formation of high level of citizens' legal culture, respect for the law, court, decency and integrity as prevailing model of social behavior, and at overcoming the legal nihilism in society which obstructs development of Russia as the modern civilized state.

Federal and regional government bodies, local governments, professional legal communities and public associations of lawyers, and other institutions must participate in realization of this policy as well.

It points to the necessity of development of civic education system in the country. Civic education is the public and state, socially oriented system of lifelong education, directed on formation of civil competence, democratic culture, fulfillment of the demands in socialization of a person's interest, civil society and state of law.

Regional Commissioners for Human Rights participate in formation of civic education in Russia, in 76 out of 83 regions of the Russian Federation where they act already.

Improvement of the legislation and civic education are the most important activities of the institution of the Commissioners for Human Rights, besides restitution of the citizens rights violation. Their educational and scientific level, participation both in pedagogical process of higher educational institutions, and in training the scientific staff and formation of scientific image of present development of the Russian society, have a great significance for work on legislation improvement in the sphere of human rights, and for work on civic education, scientific and pedagogical activity of Commissioners.

The analysis of educational and scientific level of the institution of Commissioners for Human Rights in the Russian Federation, their practical scientific and pedagogical activities provided in the article, consider high scientific and pedagogical potential, considerable opportunities and real participation in legal education, educational process of universities, and serious scientific contribution to theoretical development on modern Russian society's problems.

Keywords: commissioner for human rights, ombudsman, civic education, science, scientific and pedagogical activities, professor, associate professor, lecturer, human rights mechanism.

Международная интеграция в сфере образования, по утверждению Л. В. Зиберовой, открывая новые связи, являясь взаимосвязанной и взаимообусловленной целостностью, выступает фактором преобразования общества. Современная мировая практика развития образования в условиях цивилизационных изменений и поиска новой образовательной парадигмы все больше ориентируется на формирование интегративных тенденций. Согласно Национальной доктрине образования в Российской Федерации, на государство возложена в качестве основной задачи обеспечить интеграцию российской системы образования с мировым образовательным пространством с учетом отечественного опыта и традиций. Одной из форм перехода стал Болонский процесс, структурные реформы которого выступают механизмом построения европейского пространства образования, сохраняющего богатство культуры, многообразие ее национальных типов при одновременном достижении их сопоставимости.

Модернизация российского образования, рассматриваемая в условиях формирования Болонского процесса, направлена на качественные перемены в сознании личности как активного субъекта. Новая концепция высшего образования исходит из развития духовности и творческого потенциала личности с нравственной ответственностью за свои действия. В контексте произошедших изменений возникает потребность более внимательно и обстоятельно рассмотреть социокультурные аспекты реформирования российского образования. В условиях смены приоритетов в системе культурных ценностей обозначается проблема формирования поликультурности, диалогового общения, диалоговых способов мышления, что требует от современного образования обращения к отечественным традициям, ценностям духовного мира, расширяющего такие функции, как социализация и инкультурация.

Теоретической основой реформирования системы образования в современном мире является философия образования, которая рассматривает мировоззренческие, интегративные и методологические задачи существующей системы образования. Это позволяет решать проблемы модернизации образования, помещая их в парадигмальный контекст современной социальной философии.

Вопросы реформирования образования занимают сегодня одно из центральных мест в российской государственной социокультурной политике. Концепция модернизации образования определяет основные направления в развитии российского образования: учет тенденций мирового развития, возрождение российской культуры и ценностей национального образования, укрепление образования как социального института. Образование является

приоритетным национальным проектом, цель которого – ускорить модернизацию российского образования, в том числе через инновационные программы, усилить роль воспитательной функции образования [6].

Построение правового государства и гражданского общества во многом зависит от уровня организации системы гражданского образования и просвещения в области прав и свобод человека, форм и методов их защиты. Это положение нашло подтверждение в провозглашенной Организацией Объединенных Наций формуле, согласно которой образование является основой демократии.

Образование и просвещение в области прав человека представляет собой важное условие создания эффективной системы предупреждения правонарушений, формирования культуры прав человека. Ее суть в утверждении человеческого достоинства и ценности человеческой личности, в умении защищать свои права и законные интересы, в повышении профессионализма государственных и муниципальных служащих, всех тех, кто по роду работы связан с соблюдением и защитой прав человека.

4 мая 2011 года Президент России утвердил «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан».

Основы государственной политики в этой сфере направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства.

Распространению правового нигилизма способствуют несовершенство законодательства Российской Федерации и практики его применения, избирательность в применении норм права, недостаточность институциональных механизмов, гарантирующих безусловное исполнение требований закона, неотвратимость, соразмерность и справедливость санкций за их нарушение. «Правовой нигилизм девальвирует подлинные духовно-нравственные ценности, служит почвой для многих негативных социальных явлений (пьянство, наркомания, порнография, проституция, семейное насилие, бытовая преступность, пренебрежение правами и охраняемыми законом интересами окружающих, посягательство на чужую собственность, самоуправство, самосуд)», – отмечается в документе [8, с. 2].

В соответствии с этим документом государство создает условия, обеспечивающие развитие правовой грамотности и правосознания граждан, их осведомленность о характере, способах и пределах осуществления и защиты их прав, охраняемых законом интересов в административном и судебном порядке, а также доступ граждан к квалифицированной юридической помощи.

В реализации этой политики должны участвовать федеральные и региональные государственные органы, органы местного самоуправления, профессиональные юридические сообщества и общественные объединения юристов, а также другие организации «во взаимодействии между собой».

И здесь мы выходим на необходимость развития в стране системы гражданского образования. Определение этого термина дает А. Ю. Сунгуров, президент Санкт-Петербургского гуманитарно-политологического центра «Стратегия», опираясь на проект Государственной программы «Гражданское образование населения Российской Федерации на 2005–2008 годы». Гражданское образование, по его мнению, – это общественно-государственная, социально-

ориентированная система непрерывного обучения и воспитания, направленная на формирование гражданской компетентности, демократической культуры, удовлетворение потребностей в социализации в интересах личности, гражданского общества и правового государства. Главной целью гражданского образования можно считать формирование гражданских качеств на основе новых знаний, умений и ценностей, способствующих личности разрешать возникающие проблемы, адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим и политическим условиям, а также представлять и защищать свои права и интересы, уважая интересы и права других людей.

Интересный и достаточно полный обзор существующих форм взаимодействия гражданского общества, власти и бизнеса в области гражданского образования сделал В. Н. Пронькин, при этом основное внимание им было уделено гражданскому образованию школьников и педагогов.

На наш взгляд, наряду с этими фокусными группами гражданского образования можно выделить также студентов вузов, государственных и муниципальных служащих, активистов НКО, военнослужащих и сотрудников силовых структур, заключенных и представителей «групп риска», а также пенсионеров, людей «третьего возраста».

При этом А. Ю. Сунгуров подчеркивает, что составными частями гражданского образования являются:

- обучение правам человека;
- обучение культуре мира;
- воспитание толерантности;
- развитие межсекторного социального партнерства;
- менеджмент самоуправляющихся ассоциаций граждан (НКО).

Не случайно в практике Совета Европы термин «гражданское образование» трактуется как «воспитание демократической гражданственности на основе приоритета прав человека».

Кто же является основными акторами, действующими лицами в процессе развития российского гражданского образования?

Прежде всего, это, конечно, сами педагоги средней и высшей школы (педагогические вузы и академии повышения квалификации педагогов).

Вторым активным участником этого процесса являются в современной России активисты общественных, некоммерческих организаций (НКО), развивающие интерактивные, инновационные методы гражданского образования, работающие при этом с большинством из перечисленных выше фокусных групп населения.

Третий, существенно менее активный участник – это органы образования как на федеральном, так и на региональном уровнях, которые все же оказывают некоторую поддержку процессу гражданского образования, но опять-таки ориентированного практически исключительно на школьников.

Четвертый участник, все активнее включающийся в становление гражданского образования, ориентированного на большинство его фокусных групп, – это уполномоченные по правам человека в субъектах РФ, которые действуют уже в 76 субъектах РФ, и уполномоченный по правам человека в РФ.

Пятый участник процесса – это академическое сообщество, ученые и преподаватели университетов, включая и преподавателей академий государственной службы и других систем повышения квалификации. Фокусной группой в этом случае являются студенты университетов и специалисты определенных профилей.

Шестым участником процесса в ряде регионов могут являться региональные избирательные комиссии, заинтересованные в повышении правовой культуры избирателей и имеющие для этого определенные финансовые ресурсы [9].

Все вышесказанное приводит нас к необходимости социально-философского анализа возникновения и деятельности в политической и правовой системе российского общества на рубеже XX и XXI веков нового для нашей страны государственного правозащитного механизма – института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах. История существования этого института (института омбудсманов) в зарубежных странах насчитывает двести лет. Однако более ста лет (с 1809 по 1919 год) эта должность – омбудсман юстиции существовала в единственной стране – в Швеции, затем еще почти полвека в двух странах – в Швеции и Финляндии. И только с середины XX столетия этот государственный правозащитный институт стал появляться в других странах. Но его деятельность по защите прав граждан, развитию демократии и формированию гражданского общества, становлению правовых государств и регулированию взаимодействия отдельных членов общества и государственных структур оказалась столь востребованной, а эффективность этой деятельности столь высокой, что развитие этого института приобрело необратимый, стремительный и все ускоряющийся характер.

По данным Международного института омбудсмана, к середине 80-х годов прошлого столетия в мире насчитывалось чуть более 20 стран, в которых институт омбудсмана был учрежден на общегосударственном уровне, и шесть стран, в которых этот институт существовал только на уровне субъекта федерации или региона страны. А в настоящее время такой институт имеют в своей конституционно-правовой системе более 120 государств мира [10, с. 9]. Менее чем за полвека институт омбудсмана распространился в большинстве стран мира и стал важным фактором процесса демократизации и общественного прогресса в них.

Впервые упоминание об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации (Государственном комиссаре Верховного Совета РФ по правам человека, или Парламентском уполномоченном по правам человека) в официальных документах происходит осенью 1990 года в первой редакции проекта новой Конституции РСФСР, подготовленного рабочей группой конституционной комиссии Съезда народных депутатов России.

Официально эта идея впервые была закреплена в Декларации прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации, принятой Верховным Советом 22 ноября 1991 года [1].

И, наконец, окончательное закрепление необходимости введения в России этого института происходит в принятой в декабре 1993 года Конституции Российской Федерации, в ее 103 статье. Именно эта статья относит к ведению Государственной думы «назначение на должность и освобождение от должности уполномоченного по правам человека, действующего в соответствии с федеральным конституционным законом» [7, с. 44].

Первый уполномоченный по правам человека в Российской Федерации был назначен Государственной думой в 1994 году. Однако с марта 1995 года в течение трех лет федерального уполномоченного в России не было. Он появился в нашей политической системе только в 1998 году, после принятия Федерального конституционного закона «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

Разработка региональной нормативной базы по созданию института омбудсмана в России началась еще до вступления в силу данного федерального конституционного закона. Так, раньше, чем на федеральном уровне, были приняты соответствующие законы в Респу-

блике Башкортостан и Свердловской области, там же были избраны и первые региональные парламентские омбудсмены – в Республике Башкортостан в 1996 году и в Свердловской области в 1997 году.

В настоящее время в России избраны уполномоченные по правам человека уже в 76 субъектах из 83. При этом действуют региональные омбудсмены в 73 субъектах РФ, так как в 3 из них на 1 июля 2013 года эти должности остаются вакантными в связи с окончанием срока полномочий действующих уполномоченных (Республика Карелия), либо с досрочным прекращением их полномочий (Республика Коми и Томская область).

Кроме восстановления нарушенных прав граждан важнейшими направлениями деятельности института уполномоченных по правам человека являются совершенствование законодательства и содействие гражданскому образованию. И для работы по совершенствованию законодательства в сфере прав человека, и для работы по гражданскому образованию большое значение имеет научная и педагогическая деятельность уполномоченных, их образовательный и научный уровень, их участие как в публичном просвещении, так и в педагогическом процессе в высших учебных заведениях, в непосредственном обучении студентов различных специальностей, в социальном образовании, в подготовке научных кадров и в научном осмыслении современного этапа развития российского общества.

Прежде всего, необходимо отметить тот факт, что все уполномоченные по правам человека имеют высшее образование. При этом из семидесяти трех действующих уполномоченных двадцать шесть человек имеют первое высшее педагогическое образование по различной специализации, двадцать один человек – юридическое, восемнадцать человек – техническое (инженерное), четыре человека – экономическое, три человека – медицинское, один человек – журналистское.

Тридцать четыре уполномоченных по правам человека в субъектах РФ из семидесяти трех имеют второе высшее образование. При этом юридическое образование в качестве второго высшего получили шестнадцать государственных правозащитников, специальность «государственное и муниципальное управление» получили четыре человека, педагогические специальности – пять человек, философское образование – два человека, экономическое – два человека, техническое (инженерное) – три человека, психологическое – один человек и журналистское – один человек.

И наконец, десять уполномоченных по правам человека получили третье высшее образование, в том числе по специальности «юриспруденция» – восемь человек, по специальности «государственное и муниципальное управление» – один человек и по специальности «государственные и конфессиональные отношения» – один человек.

Многие уполномоченные по правам человека до назначения их на эти должности непосредственно занимались педагогической деятельностью в высших учебных заведениях. Так, среди действующих уполномоченных по правам человека работали в высших учебных заведениях до назначения их уполномоченными, а в ряде случаев и после назначения по совместительству на должностях «преподаватель», «старший преподаватель» или «доцент» – четырнадцать человек. Деканами факультетов являлись два уполномоченных. Заведующими кафедр в разное время были девять человек.

Проректорами высших учебных заведений из числа уполномоченных по правам человека работали четверо. И наконец, ректором высшего учебного заведения, или, точнее, начальником Академии права и управления ФСИН России, являлся один уполномоченный.

Работали или работают профессорами на кафедрах четыре человека, имеют научное звание профессора пять уполномоченных, являются академиками различных академий пять омбудсманов.

При этом из семидесяти трех действующих в настоящее время уполномоченных по правам человека двадцать четыре человека имеет ученую степень, в том числе шесть докторов наук – три доктора юридических наук (У. А. Омарова, Т. Д. Зражевская и А. Я. Гришко), один доктор исторических наук (Б. М. Зумакулов), один доктор экономических наук (Н. С. Нухажиев), один доктор политических наук (С. А. Бабуркин) и восемнадцать кандидатов наук – четыре кандидата юридических наук (А. М. Капустин, Ю. С. Кручинин, В. В. Пронников, В. Н. Цомартов), три кандидата технических наук (Ю. Н. Березуцкий, А. В. Шишлов, А. И. Музыкантский), два кандидата философских наук (Н. А. Волков, Ю. И. Зельников), два кандидата социологических наук (А. И. Харьковский, А. М. Севастьянов), два кандидата исторических наук (И. А. Скупова, А. Ю. Кабанов), два кандидата экономических наук (Л. В. Анисимова, А. Л. Сидоров), два кандидата медицинских наук (В. Г. Ушаков, С. В. Миневцев), один кандидат психологических наук (Т. И. Марголина).

Второе направление проводимого анализа научно-педагогического потенциала института уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации представляет анализ образовательного и научного уровня региональных уполномоченных, работавших ранее на этих должностях, но уже оставивших эту работу, или экс-уполномоченных. Среди бывших региональных омбудсманов также все имеют высшее образование.

При этом из тридцати девяти экс-уполномоченных по правам человека в субъектах России шестнадцать человек имели первое высшее юридическое образование, тринадцать человек – техническое (инженерное), девять человек – педагогическое и один человек – режиссерское.

Второе высшее образование, не считая учебу в аспирантуре, получили шесть бывших уполномоченных, в том числе юридическое – три человека (уполномоченный по правам человека в Республике Ингушетия в 2003–2009 годах К.-С. Кокурхаев, уполномоченный по правам человека в Московской области в 2001–2006 годах С. Б. Крыжов и уполномоченный по правам человека в Ленинградской области в 2010–2012 годах М. Ю. Козьминых), историко-педагогическое – два человека (уполномоченный по правам человека в Волгоградской области в 2000–2009 годах М. А. Таранцов, уполномоченный по правам человека в Алтайском крае в 2003–2013 годах Ю. А. Вислогузов) и один человек – техническое (уполномоченный по правам человека Свердловской области в 1997–2001 годах В. В. Машков).

При этом из бывших уполномоченных по правам человека в субъектах России два человека являются докторами наук (М. А. Таранцов – доктор исторических наук, Ю. С. Васютин – доктор юридических наук) и четырнадцать человек – кандидатами наук. Из них шесть человек являются кандидатами юридических наук (А. С. Ландо – уполномоченный по правам человека в Саратовской области в 1999–2004 годах, С. Н. Матвеев – уполномоченный по правам человека в Пермской области в 2001–2004 годах, В. Н. Осин – уполномоченный по правам человека в Смоленской области в 1998–2008 годах, К.-С. Кокурхаев – уполномоченный по правам человека в Республике Ингушетия в 2003–2009 годах, Р. Г. Вагизов – уполномоченный по правам человека в Республике Татарстан в 2000–2010 годах и И. Ф. Вершинина – уполномоченный по правам человека в Калининградской области в 2001–2011 годах), четыре человека – кандидаты технических наук (В. В. Машков – уполномоченный по правам человека в Свердловской области в 1997–2001 годах, В. П. Глотов – уполномоченный по правам человека в Амурской области в 2001–2006 годах, С. Б. Крыжов – уполномоченный по правам чело-

века в Московской области в 2001–2006 годах и И. В. Блохина – уполномоченный по правам человека в Тверской области в 2007–2011 годах), два человека – кандидаты философских наук (В. В. Виноградов – уполномоченный по правам человека в Астраханской области в 1999–2005 годах и В. А. Сависько – уполномоченный по правам человека в Республике Калмыкия в 2001–2011 годах), один человек – кандидат сельскохозяйственных наук (Б. М. Копырнов – уполномоченный по правам человека в Брянской области в 2003–2008 годах) и один кандидат исторических наук (Н. С. Кречетова – уполномоченный по правам человека в Томской области в 2011–2013 годах). Таким образом, из тридцати девяти экс-уполномоченных по правам человека шестнадцать человек имеют или имели ученую степень.

Существенное значение для анализа научно-педагогического потенциала института российских уполномоченных по правам человека имеет также и тот факт, что в ряде случаев научные интересы ряда уполномоченных лежат в сфере их профессиональной деятельности. Поэтому наряду с большой практической деятельностью по становлению этого института они вносят существенный вклад и в дальнейшую теоретическую разработку проблемы. Так, например, уполномоченный по правам человека в Пермской области в 2001–2004 годах С. Н. Матвеев в 2004 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Конституционно (уставно)-правовые основы статуса уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации», уполномоченный по правам человека в Калининградской области с 2001 по 2011 год И. Ф. Вершинина в 2009 году защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Институт уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации: конституционно-правовое исследование», уполномоченный по правам человека в Саратовской области Н. Ф. Лукашова в 2011 году защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Взаимодействие уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации с органами государственной власти и другими структурами в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект», уполномоченный по правам человека в Челябинской области А. М. Севастьянов в 2013 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социальная несправедливость в отношениях власти и общества и модели ее преодоления».

Особый интерес в свете анализа научно-педагогического потенциала института уполномоченных по правам человека в России представляет рассмотрение образовательного и научного уровня федеральных уполномоченных.

Первым уполномоченным по правам человека в Российской Федерации является известный правозащитник С. А. Ковалев (с 17 января 1994 года по 10 марта 1995 года). В 1954 году он окончил биологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и в 1964 году защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата биологических наук.

Вторым уполномоченным по правам человека в Российской Федерации стал О. О. Миронов (с 22 мая 1998 года по 13 февраля 2004 года). В 1963 году он окончил Саратовский юридический институт. В 1965–1982 годах – О. О. Миронов работал аспирантом, преподавателем, доцентом, исполняющим обязанности заведующего кафедрой Саратовского юридического института, в 1982–1991 годах – профессором, заведующим кафедрой, деканом, проректором по научной работе Поволжского социально-политического института, в 1991–1993 годах – профессором кафедры конституционного права Саратовского юридического института. В 1969 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, в 1986 году – диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук. Профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

О. О. Миронов избран академиком Академии социальных наук, Международной академии информатизации и Академии адвокатуры. Им опубликовано около 200 научных работ по проблемам теории государства и права, конституционного права и политологии.

Третьим российским федеральным уполномоченным по правам человека является В. П. Лукин (с 13 февраля 2004 года по настоящее время). В 1959 год он окончил Московский государственный педагогический институт.

В 1963 году защитил кандидатскую диссертацию. В настоящее время доктор исторических наук, профессор. Автор более 300 публикаций в отечественных и зарубежных изданиях. Является членом-корреспондентом Академии естественных наук, председателем Ассамблеи российских соотечественников.

Таким образом, все три российских федеральных уполномоченных по правам человека, два бывших и один ныне действующий, имеют высшее образование, занимались научной и педагогической деятельностью, имеют ученые степени, в том числе из них два доктора наук: В. П. Лукин – доктор исторических наук, О. О. Миронов – доктор юридических наук и один кандидат наук: С. А. Ковалев – кандидат биологических наук.

Приведенный анализ образовательного и научного уровня института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах, их практическая научная и педагогическая деятельность свидетельствует о его достаточно высоком научно-педагогическом потенциале, о его значительных возможностях и реальном участии в правовом просвещении, в образовательном процессе в вузах, о серьезном научном вкладе в теоретическую разработку проблем современного российского общества, развития его политической и правовой системы и о большой практической работе всех уполномоченных по правам человека по совершенствованию правозащитного механизма в стране и в мире.

Литература

1. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 52. – 26 дек. – Ст. 1865.
2. Волков В. Н. Концепт «дисциплинарной власти» в современном культурологическом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 19, ч. 2. – С. 10–18.
3. Волков Н. А., Волкова Т. А. Возможности и механизмы гендерно чувствительной политики // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 19, ч. 2. – С. 216–223.
4. Волков Н. А. Научно-педагогический потенциал института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.herzen.spb.ru/text/volkov_131_67_73.pdf
5. Волкова Т. А., Марков В. И. Гуманизация и гуманитаризация военного образования // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 19, ч. 2. – С. 223.
6. Зиберова Л. В. Социокультурные аспекты модернизации российского образования в контексте европейской интеграции // Общество и право. – 2010. – № 5(32). – С. 241–244.
7. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. – М.: Юрид. лит., 2000. – 64 с.
8. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан // Права человека в Кузбассе. – 2011. – № 3(33). – С. 2–7.
9. Сунгуров А. Ю. Гражданское образование и правовое просвещение: модели регионального развития // Гражданско-правовое образование / под общ. ред. А. Ю. Сунгурова. – СПб.: НОРМА, 2009. – С. 7–18.

10. Тимофеев М. Т. Институт омбудсмана в Великобритании и Ирландии: контроль, основанный на сотрудничестве / АНО «Юристы за конституционные права и свободы». – М.: Новая юстиция, 2006. – 208 с.

Literatura

1. Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR. – 1991. – № 52. – 26 dec. – St. 1865.
2. Volkov V. N. Koncept «disciplinarnoj vlasti» v sovremennom kul'turologicheskom diskurse // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 19, ch. 2. – S. 10–18.
3. Volkov N. A., Volkova T. A. Vozmozhnosti i mehanizmy genderno chuvstvitel'noj politiki // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 19, ch. 2. – S. 216–223.
4. Volkov N. A. Nauchno-pedagogicheskij potencial instituta upolnomochennyh po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http://lib. Herzen.spb.ru/text/volkov_131_67_73.pdf](http://lib.herzen.spb.ru/text/volkov_131_67_73.pdf)
5. Volkova T. A., Markov V. I. Gumanizacija i humanitarizacija voennogo obrazovanija // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 19, ch. 2. – S. 223.
6. Ziberova L. V. Sociokul'turnye aspekty modernizacii rossijskogo obrazovanija v kontekste evropejskoj integracii // Obshhestvo i pravo. – 2010. – № 5(32). – S. 241–244.
7. Konstitucija Rossijskoj federacii. Oficial'noe izdanie. – M.: Jurid. lit., 2000. – 64 s.
8. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitija pravovoj gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan // Prava cheloveka v Kuzbasse. – 2011. – № 3(33). – S. 2–7.
9. Sungurov A. Ju. Grazhdanskoe obrazovanie i pravovoe prosveshhenie: modeli regional'nogo razvitija // Grazhdansko-pravovoe obrazovanie / pod obshh. red. A. Ju. Sungurova. – SPb.: NORMA, 2009. – S. 7–18.
10. Timofeev M. T. Institut ombudsmana v Velikobritanii i Irlandii: kontrol', osnovannyj na sotrudnichestve / АНО «Юристы за конституционные права и свободы». – М.: Новая юстиция, 2006. – 208 с.

УДК 008.001

О. Г. Басалаева

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОБРАЗ МИРА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

В статье анализируется феномен информационной картины мира. Рассматривается роль информационной картины мира как «посредника» между обществом и наукой. Выявляется сущность мировоззренческой, онтологической, методологической и эвристической функций информационной картины мира. Функции информационной картины мира обусловлены ее содержанием.

Ключевые слова: научная картина мира, информационная картина мира, мировоззренческая функция, онтологическая функция, методологическая функция, эвристическая функция.

О. Г. Basalaeva

INFORMATION PICTURE OF THE WORLD: FUNCTIONAL APPROACH

Information in the second half of the XXth – beginning of the XXIst century is the condition for the effective functioning of society. One of the means which forms the world outlook of society and people's activity in this area is the scientific world-view, serving as a “mediator,” a channel of communication between science, scientific community and public opinion, civil society and the state. It changes the world view as a whole. The result of the analysis of scientific papers in which the information world-view is the focus of

research has shown that they demonstrate different approaches and methodological bases of such writers as R. F. Abdeev, N. Wiener, V. Z. Kogan, K. K. Kolin, V. V. Marychev. We have proposed an approach to understanding the information world view as a scientific world-view. Building on the model of the scientific world view, developed by Academician V. S. Stepin, we have identified features of the functioning of an information world view in the society. This article examines the ideological, ontological, methodological and heuristic functions of information world view. Functions of informational world view due to its content. Submitted characterological features information world view represent a way of including the subject in the area of social and cultural life of this stage in the cultural and historical development of humanity.

Keywords: scientific world view, information world view, ideological function, ontological function, methodological function, heuristic function.

Целевая причинность, присущая любому типу общества, заключается в создании условий для эффективного его функционирования. Информация во второй половине XX века становится таким условием. И, следовательно, требуется адекватное философское осмысление значения и роли информации в обществе. Все это приводит к изменению взгляда на мир в целом, требует его нового понимания в форме соответствующего научно-философского концепта [2, с. 216].

Впервые информационный образ мира, в виде картины информационного процесса, был представлен Н. Винером (см. [3, с. 284]). Информационное взаимодействие, в качестве фундаментальной основы информационной модели мира предполагает В. З. Коган, характеризуя ее следующим образом: «...Для начала представим себе, что информационная сфера, обтекающая планету, имеет форму глобуса и обретает вид карты. Эту плоскую модель назовем информационным полем. Индивиды и социальные структуры, ожидающие или потребляющие информацию, будут выглядеть на нашей карте как некие точки. Теперь представим, что на это поле кем-то “выпущено” некоторое количество информации» [4, с. 15]. В. В. Марычев считает, что информационная картина мира сегодня это: «...Во-первых, образ мира, основанный на некоторых замещениях, полученных в результате снятия в модели или образе отношений “субъект–мир” при использовании субъектом информации и информационных технологий; во-вторых, общее замещение картины мира, созданное в ходе функционирования специальной научной дисциплины, отрасли производства знания (области науки или ряда дисциплин), объектом которой является собственно информация, информационный процесс и т. д.; в-третьих, социокультурная реальность, транслируемая современному человеку информационной культурой и информационной цивилизацией» [7, с. 177–178]. В первом случае образ мира создается самим индивидом, его предметная практика связана с познавательной практикой. Во втором случае информационная картина мира создается в научном сообществе, которое институционализировано, объединено общим видом познавательной деятельности, совокупностью его целей и задач. В третьем случае информационная картина мира получается как культурная мозаика, в сложении которой принимает участие все общество – различные сообщества, индивиды – поскольку на данном историческом этапе господствует конкретный набор ценностей – информационных технологий, информационных продуктов и т. д. Информационная картина мира Р. Ф. Абдеева представляет собой модель-рисунок окружающего человека мира как схематически зафиксированную связанную совокупность различных по организации групп объектов. По определению автора, информационная картина мира «не что иное, как развитие объективного мира, как единый закономерный процесс зарожде-

ния и расцвета жизни и разума, необходимо “проходящий” всю последовательность ступеней (форм) материи, включая неорганическую природу, флору, фауну (представленные огромные множеством видов) и, наконец, Человека и человеческое общество» [1, с. 182]. Осмысление определяющей роли информации во всех эволюционных процессах природы и общества открывает, по мнению К. К. Колина, совершенно новую информационную картину мира, которая существенным образом отличается от традиционной вещественно-энергетической картины мироздания, доминировавшей в науке практически до конца XX века. Эта картина мира должна стать результатом формирования новой научной парадигмы, в которой информационным аспектам будет отведена существенно более важная роль по сравнению с тем положением, которое существует в настоящее время (см. [5, с. 2–16]).

Проведенный анализ авторских подходов к интерпретации исследуемой картины мира показал, что формирующаяся в последние годы информационная картина мира осваивается неравномерно: с ее идеями и образами активно работают специалисты в области философии, естественных и технических наук. В их трудах явно проступает ориентир на основные концепции информации: атрибутивную и функциональную. Информационная картина мира определяется через понятия модель-рисунок, модель, образ, инфовзаимодействие. По этому поводу совершенно справедливыми являются слова Л. А. Микешиной, которая отмечает, что «термин “картина” весьма антропоморфен, поскольку фиксирует, прежде всего, потребность человека в наглядности представлений о мире. В современном знании все чаще вместо термина “картина” начинают употреблять иные: “модель”, “интегральный образ”, “концепция”, “теоретический аналог мира” и др. Представляется, что в этом факте находят отражения две существенные тенденции в развитии картины мира как формы знания. Во-первых, изменяются способы синтеза, интерпретации научных знаний о мире, осуществляется переход от научной картины мира как образа, модели, наглядной картины, к научной картине мира как особой логической форме научного знания. Первая модификация представлена главным образом в обыденном сознании и на ранних этапах развития науки, вторая – в более развитой науке, и особенно современной. Во-вторых, речь должна идти, по-видимому, не столько об утрате наглядности, сколько об историческом изменении характера наглядности и смене объектов, выполняющих эту функцию: от наглядности, “картинности” образа, модели мира к наглядности чертежа, графика, затем формул и понятий, особых конструктов (по В. С. Степину), получивших операциональную наглядность при обозначении определенного, зафиксированного движения понятийного аппарата» [8, с. 64–65].

Результат анализа научных работ, в которых информационное представление мира является основным предметом исследования, показал, что в них демонстрируются различные методологические основания и подходы у таких авторов, как Р. Ф. Абдеев, Н. Винер, В. З. Коган, В. В. Марычев.

Содержанием информационной картины мира обусловлены ее функции в обществе. К таковым относятся: мировоззренческая, онтологическая, методологическая, эвристическая функции.

Новое мировоззрение эпохи информатизации, безусловно, связано с информационной картиной мира, так как она служит «посредником», каналом коммуникации между наукой, научным сообществом и общественным сознанием, гражданским обществом, государством.

Мировоззренческая функция информационной картины мира в своем влиянии на социального субъекта, в общем случае, выражает конкретизацию философского содержания миро-

воззрения, как системы взглядов на объективный мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе. Конкретизация заключается в том, что окружающая действительность в философской интерпретации мировоззрения замещается на представление об окружающей человека информационной среде аналогично тому, как представление о мире в философском мировоззрении замещается представлениями о культуре. Представления об информационной среде имеют свою «социальную историю» в социально-историческом развитии человечества. «Информационная среда, в которой протекает деятельность отдельных людей и целых социальных общностей, разумеется, не возникает сама собой и не привносится кем-то извне, а формируется все той же человеческой деятельностью, прежде всего ее информационным содержанием. Среда, в свою очередь, непрерывно воздействует на характер и содержание самой деятельности, определенным образом направляя и видоизменяя ее. В результате реализации импульсов такой обратной связи имеет место постоянная взаимная детерминация этих двух срезов социального развития» [10, с. 33].

Замещение мира в информационной картине мира на информационную среду, фиксация в ее содержании таких фундаментальных характеристик, как искусственность, уникальность, глобальность, позволяет сформировать некий информационный образ действительности.

Данный информационный образ действительности имеет системную организацию, системообразующим признаком которой выступает понятие информации. Характер понятия «информация» выражает способ осознания и понимания действительности в информационной картине мира. Понятийное поле генезиса информации, представленное понятиями «комплексность», «глобальность», «фундаментальность», трансформировалось в важнейшие элементы содержания понятия «информация» и определило специфику осознания и понимания действительности посредством понятия информации. Мир становится резервуаром еще не освоенной информации. Субъект становится приемником и преобразователем информации. Результатом такой преобразовательной деятельности становятся технические объекты и процессы, а также развивается понимание того, что психические, биологические, социальные процессы следует интерпретировать как информационные.

Онтологическая функция информационной картины мира презентует себя специфическим образом. Информационная среда, характеризующаяся искусственностью, уникальностью, глобальностью, представлена человеку через многообразие компьютеров, их систем, информационных технологий и пр. Глубинным слоем информационной среды выступают ее своеобразные «неделимые элементы» (атомы) и их взаимодействие, представленные дисциплинарной онтологией информатики. В качестве исторически первой онтологической схемы следует рассматривать абстрактную схему связи, предложенную в 1948 году Шенноном и У. Уивером. Представление о функционировании как указанных «атомов» информационной реальности информационной среды, так и самой информационной среды за последние полвека значительно расширилось. Расширение функционирования произошло: а) за счет техноконструктивных новаций; б) за счет расширения социального опосредования, то есть осознания значения и роли информационных процессов в обществе и культуре. Как итог возникает представление о научном сопровождении информационных процессов – наука информатика; культурном сопровождении – представления об информационной культуре, роли личности в ней и т. п.; в) и наконец, за счет философско-теоретического сопровождения, например, представления о виртуальной реальности. Тем самым в дисциплинарной онтологии информатики складывается информационное пространство как ее необходимый элемент.

Становление информационного общества с присущими ему информационной средой и информационным пространством обуславливает возникновение интересного феномена социальной жизни. «Окружающая среда становится преимущественно искусственной, информационной и, соответственно, внутренняя духовная жизнь человека – тоже. Она рационализируется и технологизируется. Вера, надежда, любовь, честь, совесть, долг, прекрасное, трагическое и другие внерациональные, неисчисляемые проявления жизни вытесняются на периферию, а обозначающие их слова становятся странными и малопонятными» [6, с. 23–24]. Человек как личность превращается в актора – агента деятельности, личность за вычетом ненужной духовности. Сохраняя важнейшие сущностные черты человека – субъективность, самостоятельность и активность, актор – это существо, которое действует механически, все считая и продавая. Человек теряет самостоятельность, сливается с технической системой, к которой переходит инициатива. Возникает рационализированный техногенный человек (см. [9]). То есть человек создает виртуальную информационную реальность, в которой он представлен как виртуальный и техногенный человек.

Информационной картине мира присуща методологическая функция. Информатика – наука становящаяся. Являясь, по сути, синтезом естественно-научных, технических и социальных знаний, информатика к настоящему времени не приобрела общего метода. Поэтому она оперирует таким методологическим средством как подход. В общем плане в информатике сформировалось три подхода – атрибутивный, функциональный, семиотический. Опора на данные подходы дает общее виденье феномена информации. Они составляют философско-методологическую основу информационной картины мира.

Конкретизацией указанных подходов является статистический, семантический, прагматический, как наиболее существенные в информатике.

Статистический подход представлен в специальной теории информации, которая занимается математическим описанием и оценкой методов передачи, хранения, извлечения и классификации информации. Статистический подход в свое содержание включает методы теории вероятности, математической статистики, линейной алгебры и др.

Семантический подход базируется на смысловом содержании информации. В информатике под семантикой подразумевают совокупность правил соответствия между формальными выражениями и их интерпретацией по отношению к знаковым системам. Таковыми являются естественные языки и искусственные языки. В том числе алгоритмические языки, языки программирования, информационные языки и др.

Прагматический подход базируется на анализе ценности информации, которая связывается со временем, поскольку с течением времени она «стареет». Тем самым прагматический подход раскрывает содержательный аспект информации, что очень важно для разнообразных сфер общественной и индивидуальной жизни, делает актуальным взаимосвязь общества и личности.

«Подходовый» характер методологии информатики примечателен тем, что, с одной стороны, он фиксирует сложность феномена информации, а с другой – выражает растущую потребность современного общества в использовании этого феномена, обусловленную возрастающей динамикой субъектного поля в информатике. Поэтому неслучайно разворачиваются дискуссии об информационном обществе, информационной культуре, личности в информационном обществе и т. п.

С методологической точки зрения «целью информатики является изучение структуры и общих свойств научной информации с выявлением закономерностей процессов коммуни-

кации. ...Информатика – область науки и техники изучающая информационные процессы и методы их автоматизации. Пользователю она представляет методологические основы построения информационной модели объекта» [11, с. 41]. Эти методологические основы социальный субъект воспринимает через освоение основ информационной технологии, которые представляют собой «совокупность методов и способов получения, обработки, представления информации, направленных на изменение ее состояния, свойств, формы, содержания и осуществляемых в интересах пользователей» [11, с. 46].

Выделяют, как правило, три уровня в системной интерпретации информационных технологий.

Первый уровень – теоретический. Основная задача – создание комплекса взаимосвязанных моделей информационных процессов, совместимых параметрически и критериально.

Второй уровень – исследовательский. Основная задача – разработка методов, позволяющих автоматизированно конструировать оптимальные конкретные информационные технологии.

Третий уровень – прикладной, который целесообразно разделить на две страты: инструментальную и предметную. Первая определяет пути и средства реализации информационных технологий, которые делятся на методические, информационные, математические, алгоритмические, технические, программные, вторая связана со спецификой конкретной предметной области и находит отражение в специализированных информационных технологиях, например, организационное управление, автоматизированное проектирование и т. п. (см. [11, с. 46]).

Как видим из вышеприведенного, методологические и методические аспекты освоения информации в информатике разработаны достаточно конкретно по всей линии связи теории и практики. Любой пользователь сознательно усваивает методику и приемы работы, как с отдельным компьютером, так и работу, например, в сети Интернет, то есть пользователь уже методически оснащен, а профессионал – методологически. В общем плане это означает, что методологическое поле информационной картины мира имеет «сплошной», без разрывов характер.

Эвристическая функция информационной картины мира проявляется себя в форме научно-технического, интеллектуального творчества. В этой сфере ученые разработали ряд формально-творческих методов, содержание которых является попыткой перевести акты творческого прозрения, интуиции на формализованно-интеллектуальный уровень – метод морфологического анализа, метод ассоциаций, табличный метод и др. Но, пожалуй, самым интересным и плодотворным выступает метод компьютерного моделирования. Овладение этим методом осуществляется через образование. Это делает данный метод широкодоступным. Тем самым творчество в информатике приобретает социально-образовательный характер.

Представленные характерологические функции информационной картины мира представляют способы включенности субъекта в социокультурную область бытия настоящего этапа культурно-исторического развития человечества.

Литература

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. – М.: Владос, 1994. – 336 с.
2. Басалаева О. Г. Функция понимания в частнонаучной картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – Вып. 1 (18). – С. 215–220.
3. Винер Н. Я – математик. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 336 с.

4. Коган В. З. Человек в потоке информации. – Новосибирск: Наука, 1981. – 177 с.
5. Колин К. К. Эволюция информатики // Информационные технологии. – 2005. – № 1. – С. 2–16.
6. Кутырев В. А. Культура и технология: борьба миров. – М., 2001. – 240 с.
7. Марычев В. В. Научная картина мира в культуре современного общества: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Ставрополь, 2004. – 200 с.
8. Микешина Л. А. Научная картина мира как мировоззренческая форма знания // Научная картина мира. Логико-гносеологический аспект. – Киев, 1983. – С. 62–69.
9. Негодаев И. А. Информатизация культуры [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [Р-на-Д., 2002]. – Режим доступа: http://www.irbip.ru/irbase/kulture/negodaev_i_a_informatizacija_kul'tury.html (дата обращения: 25.01.2010).
10. Семенюк Э. П. Информатика и современный мир: философские аспекты. – Львов, 2009. – 283 с.
11. Советов Б. Я. Информационные технологии. – М., 2005. – 263 с.

Literatura

1. Abdeev R. F. Filosofiya informacionnoy civilizacii. – М.: Vldos, 1994. – 336 s.
2. Basalaeva O. G. Funkciya ponimaniya v chastnonauchnoy kartine mira // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'turh i iskusstv. – 2012. – Vyp. 1 (18). – S. 215–220.
3. Viner N. Ya – matematik. – Izhevsk: NIC «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika», 2001. – 336 s.
4. Kogan V. Z. Chelovek v potoke informacii. – Novosibirsk: Nauka, 1981. – 177 s.
5. Kolin K. K. Ehvoluciya informatiki // Informacionnye tekhnologii. – 2005. – № 1. – S. 2–16.
6. Kutihrev V. A. Kul'tura i tekhnologiya: borjba mirov. – М., 2001. – 240 s.
7. Marihchev V. V. Nauchnaya kartina mira v kul'ture sovremennogo obthestva: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.13. – Stavropolj, 2004. – 200 s.
8. Mikeshina L. A. Nauchnaya kartina mira kak mirovozzrencheskaya forma znaniya // Nauchnaya kartina mira. Logiko-gnoseologicheskiy aspekt. – Kiev, 1983. – S. 62–69.
9. Negodaev I. A. Informatizaciya kul'turh [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dan. – [R-na-D., 2002]. – Rezhim dostupa: http://www.irbip.ru/irbase/kulture/negodaev_i_a_informatizacija_kul'tury.html (data obratshcheniya: 25.01.2010).
10. Semenyuk Eh. P. Informatika i sovremennihyj mir: filosofskie aspekty. – Ljvov, 2009. – 283 s.
11. Sovetov B. Ya. Informacionnihe tekhnologii. – М., 2005. – 263 s.

УДК 165.0

В. Е. Лякин

ПОИСКИ ПРАВДЫ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье отмечается особая роль категории правды в русской культуре. Для возможности последующей концептуализации правды автор анализирует особенности трактовки правды в русской религиозной философии на рубеже XIX–XX веков. Производится краткое исследование этимологии и истории слова «правда» в русском языке. После рассмотрения воззрений на понятия «истина» и «правда» со стороны разных представителей философских течений сделан вывод об изменении в них взгляда на соотношение истины и правды.

Ключевые слова: правда, истина, русская религиозная философия, русская культура, нравственность, моральность, справедливость.

V. E. Lyakin

THE SEARCH FOR VERITY IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

Topicality of the article can be explained by the grown interest to the verity problem in the Russian philosophical environment. With that, a certain meaning of the considered concept is affirmed to the Russian culture because of its specific feature which is an existence of two close-meaning words “truth” and “verity” in Russian language.

The goal of the article is to determine the verity conceptualization possibility, i. e. to find a way to define the “verity” concept distinctively granted the pluralism of its conceptions.

For after reaching this goal the article aims to find the features of explication and use of the “verity” concept in the Russian religious philosophy which is an independent doctrine self-determined in the last third of XIX – the first half of XX centuries.

The common methodological basis of the article is dialectic method due to which verity is presented as a whole formation consisted of the parts connected and related to each other. Also the structural and functional method is used which implies the consideration of the verity as some integrality which has a complex structure with specific elements.

For categorical definition of the verity concept and the sources of its emergence a short analysis of the Russian word’s “verity” etymology and history is made. As its result ethics and morals are admitted as essential characteristics of the verity as a phenomenon.

Nextly it is affirmed that till the end of XIX they continued to follow the justice laudation tradition which took place in the old Russian artefacts. According to it, the verity was elected as a governing subject and the truth was considered a weak and accessory one.

However, the course of Russian religious philosophy history resulted in the transvaluation of verity and justice role. The verity comes approved as the system of verity-truth and verity-justice in which the set of thinking moves to a personality. The verity analysis gains a characteristic of a step-by-step consolidation of two verity entity domains: the God and the man. “Inner” human verity alternates with exterior one which is not legal verity, narrow and partial, but ecclesial, divine verity of togetherness.

The source of formation of the verity notion is related with the human themselves: the verity is constructed in a man’s conscience, conscious but, with that, it is exempted from the objective reality, gets a self-dependent meaning. To make one’s life meaningful, they’ve got to admit the God’s existence as an absolute good and an all-embracing reason and to participate in Him with a free devotion. The Russian thinkers’ certitude is affirmed in that the inner self-improvement choice is a goal whereas the outer actions are but the means of its reaching.

The study of above-mentioned questions makes us carry inference of change of the truth and verity status in the Russian philosophy in the XIX–XX centuries frontier: at first they get an ontological status, eternal and independent of human choice, and then happens a step-by-step consolidation of two verity entity domains, the God and the man.

Keywords: verity; truth; Russian religious philosophy; Russian culture; ethics; morals; justice.

В последнее время в российской философской среде возрос интерес к проблеме правды, что сопровождается ростом количества научных работ на эту тему.

Актуальность проблемы правды обосновывается её исследователями несколькими факторами, прежде всего недостаточностью критического или какого-либо иного анализа этой категории в современных философско-антропологических исследованиях [6, с. 4], а также распространением так называемого правдоискательства, которое в русской культуре служит предельным основанием человеческого поведения. Понятие правды как никакое другое связывают с русской ментальностью.

Также возрастание интереса к правде объясняется вступлением человечества в эпоху постмодерна, которая сопровождается, с одной стороны, политической, культурной и ценностной плюральностью [6, с. 117–147; 10, с. 3], потерей человеком смысловых ориентиров и собственной идентичности, а с другой – кризисом рационализма, когда рациональные ценности оказываются чем-то внешним по отношению к человеку.

Этимологические и лингвистические характеристики термина «правда» дают некоторое понятие о многочисленности трактовок его значения, встречающихся в существующих работах, в числе которых:

- прагматическое понимание правды как знания, имеющего практическую значимость, которое ориентирует на получение знания для реализации идеала (должного) [10, с. 44],
- эссенциалистское понимание правды как идеального нравственного сознания, то есть состояния воплощения подлинного бытия [19, с. 144],
- социальное понимание правды как «закона справедливости» и общественного идеала [21, с. 189],
- антропологическая трактовка, при которой правда является источником витальных тенденций человеческого бытия [6, с. 24],
- онтологическая (эпистемологическая) как выражение познавательного отношения субъекта к отображаемой в знании действительности [8, с. 58–59],
- экзистенциальная как такое высокосмысловое знание и оценка субъектом своей жизни и мира, при которых эта оценка является решающей причиной его актов [18, с. 83].

Наиболее распространённым способом понимания правды является эпистемологическая трактовка, когда правда сопоставляется и даже порой отождествляется с понятием «истина». Однако нельзя не отметить, что определение такого широкого понятия, как «правда», чаще всего подменяется его трактовками с точки зрения того или иного исследователя и учения, которого он придерживается. Это тем более подтверждается уже отмеченной недостаточностью анализа данной категории в современных философских исследованиях.

При этом отмечается несомненное значение рассматриваемого понятия именно для русской культуры. Так, Н. А. Земскова замечает, что наличие в русском языке двух слов-концептов «Истина» и «Правда» для выражения очень близких по значению понятий является отличительной особенностью русской культуры. Для установления этого обстоятельства достаточно обратить внимание на частоту употребления этих слов в пословицах, поговорках, фразеологизмах, что подтверждает эмоциональную окраску интереса русскоговорящего человека к вопросам познания действительности [7, с. 103–104]. В связи с этим исследование понятия правды актуально и в культурологическом аспекте в свете возрастающего интереса к российской истории.

Самоопределившись в последней трети XIX века как полноценное учение, именно русская религиозная философия в качестве основной задачи ставила задачу выразить в философском плане собственный опыт индивидуального и национального бытия, души и менталитета, религии и культуры России.

Учитывая изложенное, для последующей постановки задачи концептуализации правды целью настоящей работы является установление особенностей толкования и применения понятия «правда» в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века.

Категориальное определение концепта правды, которое может использоваться для выяснения смыслозадающего начала человеческого бытия, требует обращения к этимологии

и истории слова, поскольку в непрофессиональном языке слово «правда» имеет несколько значений:

1) Как то, что соответствует действительности (синоним принятого нами понимания истины). Такое понимание «правды» выражается в высказываниях: «сказать правду», «правда глаза колет», «лжей много, а правда одна», «что правда, то правда».

2) Как то, что исполнено истины, синоним термина «истинное высказывание». Например, «правдивая речь», «я правду расскажу тебе такую, что хуже всякой лжи».

3) Как обозначение понятия правосудия, порядка, основанного на справедливости. Например, «правда суда не боится», «нет правды на свете», «искать правду».

4) Как вводное слово («Я, правда, сомневаюсь в том, что видел») или как подчинительный союз уступки («Послышались шаги, правда ещё далёкие»).

Несмотря на широкую область пересечения смысловых полей слов «истина» и «правда», их индивидуальные характеристики порой влекут противопоставление соответствующих понятий в литературе: «Русский язык не очень ищет истины, он ищет правды» [2, с. 83]; «...не в интересах истины, но в интересах правды» [12, с. 179].

Ю. С. Степанов указывает на семантические поля древнеславянского слова «правѣда», в которых корневая морфема «-prav-» (древнерусское «правъ-») означает «прямой», «правило», «праведный», «правильный». Этимология прилагательного «правъ-» восходит к корню «*rǫǵ» как наречию, а также как прилагательному и существительному с прибавлением суффикса *-io. Аналогичным образом образуется старославянское, древнерусское «първъ», то есть «первый», «тот, за которым следуют другие». «Прав-» изначально указывает предпочтительную ориентацию, в противовес «крив-» – неправильной. Таким образом, «правый» по сути указывает на предпочтительную ориентацию как в нравственной, так и в правовой сфере [23, с. 441–442].

Данный вывод подтверждается также исследованием Р. М. Цейтлин, которая указывает, что все древнеславянские слова с корнем «прав-» обладали положительным смыслом и «первичными, исходными значениями являются значения “прямой”, “ровный”, “без выступов, извилин, отклонений” (о дороге) и “устремлённый прямо, вперёд (о движении)”» [29, с. 60].

В древнерусском языке «правда» исконно имела такие значения, как нравственно должное («обет», «заповедь»), принятая верность («присяга»), должное в области права («свод правил», «договор») [22, с. 1355–1360].

Существуют некоторые различия в понимании терминов. По некоторым источникам (Картоотека русского языка XVIII в.), как «должное» и «воздаяние должного» в нравственном и юридическом языках понималась справедливость. По мнению Н. В. Печерской [19, с. 133], «переходная форма справедливости в русском языке» имела место, когда слово «праведливость» соседствовало со словом «справедливость». При этом некоторые исследователи, в том числе И. Н. Данилевский, ставят слово «правда» в исток чуть ли не всего современного правового лексикона – «право», «справедливость», «правота», «правление» и «праведный» [5, с. 274]. Поэтому наиболее традиционно для выражения того, что принимается за норму как в сфере нравственной, так и в области права (Русская Правда: Краткая, Пространная и Сокращённая), а также для выражения религиозного содержания некоторых нравственных устоев в русской культуре использовалось слово «правда».

Из значений этимонов и характера этимологических версий слова «правда» Р. М. Цейтлин делает вывод о том, что внутреннюю форму слова «правда» составляет первая часть

антиномии «прямой – кривой», что подтверждается семантическими линиями, по которым реализуются слова с корнем «прав»: 1) прямой, ровный; 2) проводник (наставник, руководитель); 3) правильный, правдивый, справедливый; 4) правильное установление, закон, правило; 5) православный, отвечающий православию [29, с. 62]. Интересно, что «значение “истина” не было характерно для ст.-слав. “правѣда”... ни одно из его пятнадцати производных... не имело в старославянском значений, мотивированных значением “истина”» [29, с. 62]. Отсюда можно сделать предположение о том, что в старославянском языке «правда» и «истина» обозначали разные фрагменты мира и имели лишь несколько общих концептуальных признаков.

Одним из источников положительного восприятия слова «правда» можно считать его связь со словом «правый». В русской культуре добро традиционно ассоциировалось с правой стороной, а зло – с левой, что подтверждают многочисленные народные приметы: вставать, входить в дом, одевать и снимать обувь рекомендуется с правой ноги, крест кладут правой рукой, от неблагоприятных знаков сплёвывают через левое плечо и т. п. Как считают некоторые авторы, в описании любой картины мира лежат бинарные оппозиции универсального характера, при этом считается, что правая часть оппозиции всегда маркирована положительно, левая – отрицательно (см. [9; 16]).

Завершая этимологический и ретроспективный анализ термина «правда», следует отметить, что он встречается уже в древнейших источниках. Чаще всего сходный до степени смешения с понятием «истина», термин употребляется и в уникально-смысловых значениях. Так, в античном мире «истина» выражает способность бытия к вечности, нечто «вечно памятуемое». Напротив, «правда» является гностической характеристикой человеческих мнений, где только отречение от «слишком человеческого» и приближает к Истине. У Т. Карлейля правда является «вечным символом силы», «принципом, выражающим смысл истории», истинной справедливостью, проявляющей себя как незримая небесная сила, которая «всесильна на Земле» [13, с. 335, 344, 382].

Признав нравственность и моральность сущностными характеристиками правды как явления, невозможно пройти мимо трудов русской философской религиозной мысли, которая утверждает правду как систему правды-истины и правды-справедливости и в которой направленность размышлений перенесена на личность.

Подтверждением общепризнанного мнения о том, что в отечественной культуре особую роль всегда играла категория правды, этическое содержание национального идеала правды, является весь контекст русской религиозно-философской литературы. На протяжении её истории утверждалось, что русский народ пошёл путём «внутренней», нравственной правды, по пути мира, согласного с учением Христа.

В древнерусских литературных источниках правда выполняла смешанные функции, выступала ориентиром одновременно в земной жизни и в качестве идеального божественного прототипа. Так, в «Слове о Законе и Благодати» Илларион обозначил старания человека, связанные с обретением жизни вечной, правдой спасения, а достижение благополучия в мире земном – правдой благопреуспевания [11, с. 143]. То есть правда рассматривалась и как норма отношения человека к другим людям, миру и себе самому, и как возможность «иного бытия», воплощённая в совести.

В первом значении рассматриваемый термин употреблялся в наименовании первого свода законов Киевской Руси «Русская Правда», который отражал коллективные представления

наших предков о справедливом государственном устройстве. Спустя много веков такое же название было дано конституционному проекту декабриста П. И. Пестеля.

В ходе развития языка, как и по ходу российской истории, соотношение концептов «правда» и «истина» менялось. А. Д. Шмелёв при анализе древнерусских памятников считает, что «истина, как и в современном языке, предполагала соответствие действительности, но целиком принадлежала человеческому миру: речь шла о реально переживаемой действительности. Правда была ориентирована на соответствие высшей подлинной реальности, идеалу, имеющему божественное происхождение; это то, что должно быть, и что в идеале совпадает с тем, что есть на самом деле. Таким образом, в современных словах “правда” и “истина” сохранилось свойственное языку древних памятников противопоставление того, что есть (истина), тому, что должно быть (правда); но изменилось представление о принадлежности правды и истины божественному и человеческому: если раньше акцент ставился на том, что нормы являются богоустановленными (правда), а действительность реально переживается людьми (истина), то в современном понимании в фокусе находится то обстоятельство, что то, как обстоят дела на самом деле во всей полноте, ведомо лишь Богу (истина), тогда как моральные нормы регулируют человеческую жизнь (правда)» [30, с. 191–192].

Тем не менее, несмотря на смысловые изменения понятий «истина» и «правда», по мнению С. Л. Франка, они не могли не стать центральной темой русской философии. Предмет последней он определял через истину, указывая, что добро в русской философии представляет собой не должное или норму, а истину как живую онтологическую сущность мира, которую человек должен постигнуть и которой он должен покориться [27, с. 86].

С другой стороны, отмечал С. Л. Франк, у русских, помимо слова «истина», имеется ещё другое понятие, ставшее главной темой их раздумий и духовных поисков. Это «правда», которая, во-первых, означает истину в смысле теоретически адекватного образа действительности, а во-вторых – нравственную правоту, основания жизни, посредством которых бытие становится внутренне единым, освящается и спасается. Русский мыслитель всегда ищет правду, он желает не только понять мир и жизнь, но и постичь главный религиозно-нравственный принцип мироздания, чтобы преобразить мир, очиститься и спастись [27, с. 85].

Предложенные С. Л. Франком значения и значимость истины и правды по сути означают, что русское философское мышление никогда не было бесстрастной рефлексией, «чистым познанием» мира, а всегда было выражением религиозного поиска святости. В развитие этого положения он отмечал также, что русская интеллигенция искала в мыслителях и их системах не истины научной, а пользы для жизни, оправдания или освящения какой-либо общественно-моральной тенденции (благо народа, удовлетворение нужд большинства) [28, с. 156–165].

Мысли об отстаивании интеллигенцией позиции правды придерживался и Н. А. Бердяев, согласно которому интеллигенцию интересует не вопрос об истинности или ложности теории, а лишь то, благоприятна или нет эта теория, послужит ли она благу и интересам народа. Такие стремления парализовали и практически уничтожили интерес к истине, что можно выразить формулой: да сгинет истина, если от гибели её народу будет лучше жить, если люди будут счастливы [4, с. 28–30].

Тем не менее, несмотря на общественные настроения, русские религиозные философы не придерживались подобной степени прагматизма и соображений сиюминутной выгоды.

К. С. Аксаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и другие русские религиозные философы, следуя выработанным в Библии подходам, трактовали правду во взаимосвязи с истиной и под-

линным бытием. Специфика отождествления правды с истинным человеком и истинной жизнью человечества заключалась в понимании всеобщей истины, к которой стремился русский дух. П. А. Флоренский утверждал: «Истина всегда дана была людям, и она не есть плод научения какой-нибудь книги, не рациональное, а нечто гораздо более глубокое, построение, внутри нас живущее, то, чем мы живём, дышим, питаемся» [25, с. 511].

Концептуализация правды как системы правды-истины и правды-справедливости была произведена в конце XIX века Н. К. Михайловским, который писал: «Ведь и по-русски совесть и со-знание, в сущности, одно и то же слово. Но по-русски есть и еще более яркий пример совпадения разных понятий истины и справедливости в одном слове “правда”. Можно по этому случаю сказать: как скуден, как жалок дух русского народа, не выработавший разных слов для понятий истины и справедливости! Но можно также сказать: как велик дух русского народа, уразумевший родственность истины и справедливости, самым языком свидетельствующий, что для него справедливость есть только отражение истины в мире практическом, а истина – только отражение справедливости в области теории; что истина и справедливость не могут противоречить друг другу!» [17, с. 384].

Продолжавшиеся по ходу истории русской религиозной философии размышления и споры привели её к переоценке роли правды и справедливости. До конца XIX века мыслители продолжали начатую в древнерусских памятниках традицию гармоничного восхваления справедливости как грядущего единства правды и истины, где правда была избрана как управляющий субъект, а истина – как слабый и прислуживающий. Как отмечал Е. В. Барабанов, принудительной «внешней» правде разума, логики, эпистемологии русская философия противопоставила изначальную «внутреннюю» правду, сохранённую в недрах православной церковности, народной жизни, крестьянском общинном социализме. Таким образом, русская философия не анализирует данного, а строит идеал, нечто ожидаемое, силой которого пытается преобразовать данное [1, с. 112, 114].

Однако уже в философии русского зарубежья, в том числе озвученных выше мыслях С. Л. Франка и Н. А. Бердяева, истина и правда меняют статус, становясь онтологичными, вечными и независимыми от человеческого выбора.

«Внутренняя» человеческая правда сменяется «внешней», но не государственно-правовой, узкой и частичной, а соборной, Божественной правдой всеединства. В отсутствие возможности приписать человеку как чувственному природному существу идеальные свойства Божественной правды религиозные философы компенсировали её православной концепцией взаимосвязи правды с истиной и справедливостью в рамках подлинного бытия. Правда основывается на осознании субъектом моральной ответственности за свои высказывания о поступках другого человека.

В русской религиозной философии взаимосвязь правды с истиной раскрывается через термин «живая истина». В случае трансцендирования к Богу являющаяся непосредственно Божественная правда выступает как «закон устройства бытия и исхода времён» [24, с. 7], как истина Божественного бытия. Если же человек не стремится к Божественной правде, через боль страданий он узнает всю неправду своей жизни. Поэтому причастен к правде тот, кто полон истиной и жизнью.

Особенностью анализа правды у русских религиозных философов является постепенное соединение двух сфер бытия правды – Бога и человека. У С. Л. Франка источник формирования представления о правде связан с самим человеком [26, с. 54]. Правда конструируется

в совести, сознании человека, но при этом она изымается из объективной действительности, обретает самостоятельное значение. Человек, руководствующийся Законом Божиим и любовью к ближнему, ориентирован на претворение правды в мире. Таким образом, с этической стороны правда нацелена на исправление человека путём самосознания личности.

Основание подобного понимания правды лежит в соборном образе бытия Вл. Соловьёва: «Вся наша действительность, мы сами и тот мир, в котором мы живём, одинаково далеки и от чистой мысли, и от чистого механизма. Весь действительный мир состоит в постоянном взаимоотношении и непрерывном внутреннем взаимодействии идеальной и материальной природы» [20, с. 328–329].

Мысль о необходимом сочетании в правде идеального и материального была поддержана Н. А. Бердяевым, который в 1918 году резко критикует идею равенства, провозглашая неравенство двигателем любого развития. Неравенству он придаёт онтологический смысл из-за его содержания – двойной правды божественного творения и социального бытия человечества. В неравенстве есть особенная, непонятная большинству, справедливость, постигаемая не рационально, а творчески-интуитивно. Неравенство он считал оправданием самого существования человеческой личности и источником всякого творческого движения в мире [3, с. 46–127].

Приведённую мысль можно считать новым вариантом решения проблемы соотношения истины, правды и справедливости. Они представляют собой хоть и рождённые рациональностью человека, но независимые от него, объективные, при этом не отвлечённо-абстрактные начала. «Внутренний» характер истины и правды удобен для внутреннего же, ограниченно-го использования, которое придаёт им конкретно-историческое значение и позволяет ими же манипулировать. Только выход за пределы человеческого социального опыта, сиюминутных интересов к Божественному промыслу позволит достичь справедливости. Этот промысел является внешним источником истины и правды и должен вывести их за пределы человеческого волеизъявления [3, с. 136–137].

Бердяев считал, что, хотя в действительности правда и истина всегда бывают в меньшинстве, их необходимо поставить выше воли народа, подчинить её им. Отсюда следует его жёсткая критика революционной борьбы за справедливость. Поскольку Божественная справедливость содержит истину и любовь, а человеческая – неправду и ненависть, то в самом восстании против основ социального строя во имя справедливости содержится религиозная ложь [3, с. 16–168].

Таким образом, осуществление правды на земле есть утопия, и она постигается только трансцендентным путём поиска и принятия Царства Божьего.

Изложенная идея явно коррелирует с упомянутой ранее в настоящем параграфе теорией категорического императива И. Канта, которая поставила вопрос о существовании всеобщей этической истины и недопустимости создания правды, удобной в конкретно-исторических условиях. Более того, Вл. Соловьёв выводит не развитые Кантом скрытые последствия его теории, разделяя обязанности справедливости и обязанности человеколюбия. Он указывает на одну из формулировок категорического императива: «действуй так, чтобы все разумные существа как таковые были бы сами по себе целью, а не средством только для твоей цели» (см. [14, с. 53]). Но как узнать истинность этих целей? Как можно следовать должному, если не знаешь, что есть добро и зло, не можешь разделить истинное благо и поддельное добро?

Мысль П. Д. Юркевича о том, что влечения и стремления к нравственной деятельности и добру являются врождёнными и идут от сердца [31, с. 135, 180, 183], не была поддержана последующим поколением русских философов. Главным для мыслителей начала XX века являлся поиска Добра как Абсолюта, высшего разумного начала, придающего смысл миру и жизни человека. Согласно Н. О. Лосскому, поиск социальной справедливости в земной жизни есть результат стремления к совершенному добру при утрате религии и сознании неправды грешной земной жизни [15, с. 359, 250]. С. Л. Франк также указывал на то, что жить должно, лишь стремясь к бесспорной самодовлеющей ценности, каковой является благо как жизнь, любовь, дающая полноту подлинной жизни [26, с. 159–168].

Божественная правда указывает на два смысла правды, подлежащие реализации человеком: отношения «человек – Бог» в онтологическом аспекте и отношения «человек – человек» и «человек – мир» в антропологическом аспекте. При этом, как уже было сказано, поздние размышления С. Л. Франка в определённой степени объединяют бытийную и трансцендентную трактовки правды. Правда и подлинное Бытие как совершенство есть одно и то же.

Франк спрашивает, имеет ли жизнь смысл, если да, то какой именно, имеют наши мечты объективное разумное основание или это просто стихийные страсти. И отвечает, что для наличия этого смысла необходимо существование Бога как абсолютного блага и всеобъемлющего разума и наша собственная причастность ему, свободное служение. Искание Бога уже есть Его действие в человеческой душе [27, с. 148–158].

В бытии есть Правда как сверхмирное и сверхэмпирическое начало. Однако это начало нельзя найти сразу и навсегда, а можно только добиваться его осуществления, являя его своей жизнью [27, с. 173–198]. Человеческая личность снаружи замкнута и отделена от других существ, но чем глубже человек уходит вовнутрь, тем он более расширяется и обретает связь с другими людьми. По-настоящему полезное дело – добывание духовных богатств, аскетическая борьба с самим собой, установление духовной связи с другими. Духовная борьба есть работа над жизнью как целым [27, с. 201–202].

Внешняя жизнь тоже важна для внутренней, но всякий внешний поступок осуществляет не цель, а только средство к жизни. И чем ближе эта внешняя деятельность к конкретным, ближайшим нуждам дня, чем более она полна любовью к ближнему, а не дальнему, тем ближе человек к выполнению духовной задачи своей жизни, тем более одушевлённой и осмысленной будет его вера. Нужнее и труднее заставить себя сегодня, чем облагодетельствовать весь мир в будущем [27, с. 205–215].

Вряд ли какие-то другие слова и размышления точнее передадут настроения, сложившиеся в русской философии на рубеже XIX–XX веков. Несмотря на всю утопичность этой идеи, русские мыслители уверены, что путь внутреннего самосовершенствования является целью, средства достижения которой (внешние поступки) являются лишь способом проявления абсолютного добра и истины.

Общественный идеал, имеющий целью коренное переустройство социальной жизни на отдельных принципах, даже принципе справедливости, есть заблуждение, поскольку приравнивает человека (как всеединое человечество) с его стремлениями к Богу. Менять формы общественного устройства, не затрагивая души человеческой, значит строить колосса на глиняных ногах.

Человек может совершенствоваться лишь отдельные моменты бытия, не посягая на онтологические начала. Идеальное общество предполагает осуществление высшей справедливости

путём внешнего воспитания и принуждения, но этот путь открывает возможности для деспотизма и тоталитаризма и, как ни парадоксально, не уменьшает, а увеличивает количество зла в мире. Поэтому человек, не способный сравняться с Создателем, может попытаться подняться до подлинного бытия путём самоусовершенствования.

Внешний путь к правде основан на том, что должное с необходимостью станет сущим. Данная мысль основана также на уверенности в том, что идеал в бесконечном множестве норм и нравственных образцов: внешняя цель перейдёт во внутреннюю убеждённость. Со внутренним же путём к правде коррелирует поиск смысла нашего существования, который трансцендентен, но является, открывается человеку.

Исследование вышеозначенных вопросов позволяет сформулировать следующие выводы. Исследование этимологии и истории слова «правда» позволили нам прийти к мысли о нравственности и моральности как сущностных характеристик правды как явления. Акцентируется внимание на мнении С. Л. Франка о том, что понятия «истина» и «правда» не могли не стать центральной темой русской философии. После рассмотрения воззрений на данные понятия со стороны разных представителей русской религиозной философии сделан вывод об изменении ими угла воззрений на соотношение истины и правды. До конца XIX века восхвалялась справедливость как грядущее единство правды и истины, где правда была избрана как управляющий субъект, а истина как слабый и прислуживающий. Однако неизбежная приспособленческая позиция, к которой приводит идея о внутренней правде, привели к изменению статуса истины и правды в русской философии на рубеже XIX–XX веков: сначала они приобретают онтологический статус, вечный и независимый от человеческого выбора, а затем происходит постепенное соединение двух сфер бытия правды – Бога и человека.

Литература

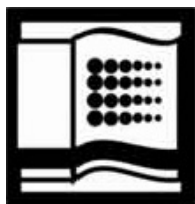
1. Барабанов Е. В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. – 1991. – № 8. – С. 102–116.
2. Бердяев Н. А. Судьба России (Опыты по психологии войны и национальности): сб. ст. (1914–1917). – М.: Мысль, 1990. – 207 с.
3. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. – Л.: Лениздат, 1991. – С. 7–242.
4. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910 годов. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 24–42.
5. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII века): курс лекций: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 399 с.
6. Денисов С. Ф. Жизненные и антропологические смыслы правды и неправды: монография. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – 206 с.
7. Земскова Н. А. Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 2006. – 200 с.
8. Знаков В. В. Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // Вопросы психологии. – 1994. – № 2. – С. 55–63.
9. Иванов Вяч. Вс. Чёт и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. – М.: Сов. радио, 1978. – 184 с.
10. Иванова В. В. Правда в бытии человека: дис. ... канд. филос. наук. – Омск, 2005. – 185 с.
11. Илларион. Слово о Законе и Благодати / сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина; реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской; коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. – М.: Столица, Скрипторий, 1994. – 146 с.

12. Ильф И., Петров Е. Золотой телёнок. – М.: Мысль, 1982. – 272 с.
13. Карлейль Т. Теперь и прежде: пер. с англ. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
14. Лазарев В. В. Категорический императив И. Канта и этика В. Соловьёва // Кант и философия в России. – М.: Наука, 1994. – С. 42–80.
15. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
16. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Труды по русской и славянской филологии. Вып. 28. – Тарту, 1977. – С. 3–36.
17. Михайловский Н. К. Письма о правде и неправде // Сочинения: в 6 т. – СПб., 1897. – Т. 4. – С. 381–464.
18. Огурцов А. П. Экзистенциальность правды и объективность истины: конфликтность установки творческой личности // Междисциплинарный подход к исследованию научного творчества. – М.: Наука, 1990. – С. 83–105.
19. Печерская Н. В. Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия «справедливость» в русской культуре // Полит. исслед. – 2001. – № 2. – С. 132–146.
20. Соловьёв В. С. На пути к истинной философии // Сочинения: в 2 т. – М., 1988. – Т. 2. – С. 324–350.
21. Соловьёв В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1. – 892 с.
22. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. – М.: Книга, 1989. – Т. 2, ч. 2. – 1802 с.
23. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
24. Трубицын А. П. Постижение правды в православии. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. – 196 с.
25. Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание / сост. игумен Андроник (Трубаев) и др. – М.: Моск. рабочий, 1992. – 560 с.
26. Франк С. Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 510 с.
27. Франк С. Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // Философские науки. – 1990. – № 5. – С. 81–91.
28. Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910 годов. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 153–184.
29. Цейтлин Р. М. О значениях старославянских слов с корнем-прав- // Этимология 1978. – М.: Наука, 1980. – С. 59–64.
30. Шмелёв А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
31. Юркевич П. Д. Философские произведения. – М.: Правда, 1990. – 682 с.

Literatura

1. Barabanov E. V. Russkaja filosofija i krizis identichnosti // Voprosy filosofii. – 1991. – № 8. – S. 102–116.
2. Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii (Opyty po psihologii vojny i nacional'nosti). sb. st. (1914–1917). – М.: Mysl', 1990. – 207 s.
3. Berdjaev N. A. Filosofija neravenstva. Pis'ma k nedrugam po social'noj filosofii // Russkoe zarubezh'e. Iz istorii social'noj i pravovoj mysli. – L.: Lenizdat, 1991. – S. 7–242.
4. Berdjaev N. A. Filosofskaja istina i intelligentskaja pravda // Vechi, Intelligencija v Rossii sb. st. 1909–1910 godov. – М.: Molodaja gvardija, 1991. – S. 24–42.
5. Danilevskij I. N. Drevnjaja Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII veka): kurs lekcij: ucheb. posobie dlja studentov vuzov. – М.: Aspekt Press, 1998. – 399 s.

6. Denisov S. F. Zhiznennye i antropologicheskie smysly pravdy i nepravdy: monografiya. – Omsk: Izd-vo OmGPU, 2001. – 206 s.
7. Zemskova N. A. Koncepty «istina», «pravda», «lozh» kak faktory verbalizacii dejstvitel'nosti: kognitivno-pragmaticheskij aspekt na materiale russkogo i anglijskogo jazykov: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. – Krasnodar, 2006. – 200 s.
8. Znakov V. V. Kategorii pravdy i lzhi v russkoj duhovnoj tradicii i sovremennoj psihologii ponimaniya // Voprosy psihologii. – 1994. – № 2. – S. 55–63.
9. Ivanov Vjach. Vs. Chjot i nechet: Asimetrija mozga i znakovyh sistem. – M.: Sov. radio, 1978. – 184 s.
10. Ivanova V. V. Pravda v bytii cheloveka: dis. ... kand. filos. nauk. – Omsk, 2005. – 185 s.
11. Illarion. Slovo o Zakone i Blagodati / sost., vstup. st., per. V. Ja. Derjagina; rekonstr. drevnerus. teksta L. P. Zhukovskoj; komment. V. Ja. Derjagina, A. K. Svetozarskogo. – M.: Stolica, Skriptorij, 1994. – 146 s.
12. Il'f I., Petrov E. Zolotoj teljonok. – M.: Mysl', 1982. – 272 s.
13. Karlejl' T. Teper' i prezhd: per. s angl. – M.: Respublika, 1994. – 415 s.
14. Lazarev V. V. Kategoricheskij imperativ I. Kanta i jetika V. Solov'jova // Kant i filosofija v Rossii. – M.: Nauka, 1994. – S. 42–80.
15. Losskij N. O. Uslovija absoljutnogo dobra. – M.: Politizdat, 1991. – 368 s.
16. Lotman Ju. M., Uspenskij B. A. Rol' dual'nyh modelej v dinamike russkoj kul'tury // Trudy po russkoj i slavyanskaj filologii. Vyp. 28. – Tartu, 1977. – S. 3–36.
17. Mihajlovskij N. K. Pis'ma o pravde i nepravde // Sochinenija: v 6 t. – SPb., 1897. – T. 4. – S. 381–464.
18. Ogurcov A. P. Jekzistencial'nost' pravdy i ob'ektivnost' istiny: konfliktnost' ustanovki tvorcheskoj lichnosti // Mezhdisciplinarnyj podhod k issledovaniju nauchnogo tvorчества. – M.: Nauka, 1990. – S. 83–105.
19. Pecherskaja N. V. Metamorfozy spravedlivosti: istoriko-jetimologicheskij analiz ponjatija “spravedlivost” v russkoj kul'ture // Polit. issled. – 2001. – № 2. – S. 132–146.
20. Solov'jov V. S. Na puti k istinnoj filosofii // Sochinenija: v 2 t. – M., 1988. – T. 2. – S. 324–350.
21. Solov'jov V. S. Opravdanie dobra. Nравstvennaja filosofija // Sochinenija: v 2 t. – M.: Mysl', 1988. – T. 1. – 892 c.
22. Sreznevskij I. I. Slovar' drevnerusskogo jazyka: v 3 t. – M.: Kniga, 1989. – T. 2, ch. 2. – 1802 s.
23. Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. – M.: Akademicheskij Proekt, 2001. – 990 s.
24. Trubicyn A. P. Postizhenie pravdy v pravoslavii. – Omsk: Izd-vo OmGPU, 1998. – 196 s.
25. Florenskij P. A. Detjam moim. Vospominaniya proshlyh dnei. Genealogicheskie issledovanija. Iz Soloveckih pisem. Zaveshhanie / sost. igumen Andronik (Trubachev) i dr. – M.: Mosk. rabochij, 1992. – 560 s.
26. Frank S. L. Duhovnye osnovy obshhestva. – M.: Respublika, 1992. – 510 s.
27. Frank S. L. Sushhnost' i vedushhie motivy russkoj filosofii // Filosofskie nauki. – 1990. – № 5. – S. 81–91.
28. Frank S. L. Jetika nigilizma // Vehi. Intelligencija v Rossii: sb. st. 1909–1910 godov. – M.: Molodaja gvardija, 1991. – S. 153–184.
29. Cejtlin R. M. O znachenijah staroslavjanskih slov s kornem- prav- // Jetimologija 1978. – M.: Nauka, 1980. – S. 59–64.
30. Shmel'jov A. D. Russkaja jazykovaja model' mira: materialy k slovarju. – M.: Jazyki slavyanskaj kul'tury, 2002. – 224 s.
31. Jurkevich P. D. Filosofskie proizvedenija. – M.: Pravda, 1990. – 682 s.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ DOCUMENTARY INFORMATION

УДК 021.3

С. В. Олефир

БИБЛИОТЕКИ, ОБСЛУЖИВАЮЩИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ, КАК КОМПОНЕНТ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Даны определение и структура информационно-образовательного пространства. Библиотеки для детей и подростков представлены его компонентами: в качестве объектов пространства они предоставляют свои ресурсы для доступа пользователей к ним, позволяют принять участие в создании ресурсов. Интеграция деятельности библиотек с социокультурными институтами позволяет формировать новые образовательные и культурные условия для подрастающего поколения.

Ключевые слова: информационно-образовательное пространство, социокультурные институты, ребенок, подросток, детская библиотека, электронное пространство библиотеки, информационная безопасность.

S. V. Olefir

THE LIBRARIES, SERVING CHILDREN AND TEENAGERS AS THE COMPONENT OF INFORMATION AND EDUCATION SPACE

The purpose of the article is to give the definition of information and educational space and to present its structure in modern conditions of transformation the information space. The information and educational space is defined as the space of verbal and documentary communications formed for increase of cultural and educational level of his subjects. It has defined preconditions of creation of specialized information and educational space for children and teenagers and a role of sociocultural institutes in its formation. Information and educational resources of establishments of the basic and additional education, libraries and other cultural institutions, including verbal information (lessons, lectures, educational occupations) have to become resources of this space. The real and virtual (electronic) space on the example of children's library, as one of components of social information and educational space, has considered. Integration of activity of sociocultural institutes has presented as a condition of increase of efficiency of their activity, creation of system effect. On the basis of system approach the information and educational space has presented as set of functional components: spatial and semantic (space of sociocultural establishments), substantial and methodical (information resources, conceptual bases, education forms and methods), communication and organizational (distribution of the statuses and definition of the scheme of interaction of structural components of space). The principles of creation of space has defined: organizational and pedagogical (flexibility, availability, adequacy it is information fillings), system and technical (openness, ergonomics), psychological and pedagogical (information security, a humanistic orientation, compliance to psychological and age features of development, and educational activity of pupils). Such activity of libraries, serving children and teenagers in the conditions of using new technologies allows to form new educational and cultural conditions for younger generation: high quality of education and its integration into world information structure; openness, availability, education continuity, gives the chance of the cultural growth, personal development, a positive self-assessment.

Keywords: information and educational space, sociocultural institutes, children, teenagers, children's library, electronic space of library, information security.

Современное социальное информационное пространство характеризуется большим объемом информации, сложной структурой обобществленных знаний, многообразием способов доступа к ним. Значительная его часть является хранилищем общественных знаний и культурных ценностей, следовательно, имеет большое образовательное значение. Для детей и подростков информационное пространство общества связано с образовательным пространством неразрывно, поэтому эти понятия должны рассматриваться в единстве, что позволяет ввести понятие «информационно-образовательное пространство» (ИОП). Отметим, что родовыми для понятия «информационно-образовательное пространство» являются понятия «информационное пространство», которому посвящено значительное количество исследований в библиотечной науке (Т. Ф. Берестова, Н. Б. Зиновьева, Н. А. Коряковцева, М. Ф. Меняев, Н. А. Сляднева, А. В. Соколов), и «образовательное пространство», которое широко используется в педагогических исследованиях. Предлагаем под информационно-образовательным пространством понимать пространство вербальной и документальной коммуникаций, формируемое для повышения культурного и образовательного уровня его субъектов.

Возрастание роли информации, знания и образования в информационном обществе, модернизация социальных коммуникаций, рост информации в цифровом формате и тенденция обесценивания печатного документа актуализируют научную проблему обеспечения стабильности передачи знаний подрастающему поколению в условиях трансформации информационного пространства социума, решению которой способствуют социокультурные институты. В их число входят библиотеки, обслуживающие детей и подростков. В соответствии с федеральным законом «О библиотечном деле», читатели библиотек детского и юношеского возраста относятся к особым группам пользователей и имеют право на библиотечное обслуживание в общедоступных библиотеках, специализированных государственных детских и юношеских библиотеках Министерства культуры РФ, а также в библиотеках общеобразовательных учреждений Министерства образования и науки (ст. 8). Безусловно, эти виды библиотек обладают своими специфическими функциями, однако общая категория пользователей, цель создания для них развивающей среды, проблемы их библиотечного обслуживания позволяют определить единые основы и подходы к организации деятельности библиотек, обслуживающих детей и подростков в современных условиях. Дети и подростки характеризуются несформированностью социокультурных потребностей, но при этом у них возникает потребность освоения широкого круга знаний, достижений культуры, духовных и нравственных ценностей общества. Поэтому сегодня уже осознана необходимость создания специализированного социального ИОП для детей и подростков, ориентированного на повышение их культурного и образовательного уровня, способного интегрировать все способы освоения мира юным человеком при обязательном удовлетворении требований информационной безопасности [3; 5; 8]. Новизна поставленных задач, динамичные тенденции развития социального ИОП обуславливают актуальность разработки теоретических и методологических оснований функционирования специализированного ИОП, определения роли социальных институтов в его организации. Данное пространство должно обладать специфическими свойствами, соответствовать принципу целостности, создавая психолого-педагогические условия для развития юной личности с учетом прогноза развития общества в будущем.

Цель создания ИОП – формирование среды обитания человека, наполненной социальным знанием, культурными смыслами для поддержания обучения и воспитания. Для организации ИОП в соответствии с заданной целью необходимы: соответствующая инфраструктура

тура, информационные ресурсы образовательного назначения и социальные условия. Последние предполагают наличие законодательной базы, гарантирующей право на получение образования и свободный доступ к информации; достаточное финансирование; единые концепция, стратегия, подходы и механизмы формирования пространства; общая технологическая основа и др. Инфраструктура ИОП социума складывается из следующих главных компонентов: объекты ИОП – социокультурные институты (обеспечивают функционирование и развитие пространства за счет сбора, обработки, хранения, и передачи информации); информационные ресурсы образовательного назначения (в вербальной и документальной форме); информационные коммуникации для доступа к образовательным ресурсам, в т. ч. в электронной среде (информационные технологии, программно-технические средства и др.).

Рассмотрим названные компоненты ИОП. Его объектами для подрастающего поколения являются: учреждения образования различных типов и видов (а также методические и административные учреждения, входящие в систему управления образованием, учебные библиотеки образовательных учреждений); учреждения культуры (специальные детские и юношеские библиотеки, публичные библиотеки, дворцы культуры, музеи и пр.); семья и детская субкультура; средства массовой информации (радио, телевидение, Интернет, информационные службы) и др. Объекты ИОП кумулируют, хранят и транслируют образовательную информацию, обеспечивают коммуникационные процессы. Так действуют социокультурные институты в рамках культуроцентрической модели ИОП, которая имеет свои истоки в далеком прошлом. Конечной целью деятельности при этом выступает сохранение знаний, культуры, этнокультурного единства [8, с. 116]. Доказано, что потенциальные возможности создания ИОП увеличиваются с ростом количества и разнообразия его объектов и совершенствованием связей между ними, а также формируемых ими информационных ресурсов [2, с. 34].

К информационным образовательным ресурсам для детей и подростков относится совокупность документов (потоков и массивов документов), разнообразных по происхождению, объему, способам организации и представления информации, а также вербальная информация (уроки, лекции, просветительские библиотечные мероприятия и другие устные формы коммуникации). Наряду с образовательными ресурсами основного образования необходимо включение в ИОП ресурсов, позволяющих получить дополнительное образование и удовлетворять самообразовательные потребности, в том числе ресурсов науки и культуры (электронные библиотеки, виртуальные музеи, выставки, аудио- и видеозаписи лекций и т. п.). Широкий спектр образовательных ресурсов представлен в детских и школьных библиотеках, где фонды подобраны в соответствии с требованиями образовательного процесса и психологическими особенностями юных пользователей. Образовательные ресурсы создаются с приоритетом гуманистических ценностей, что является условием формирования нового мышления субъектов ИОП – служебного персонала и пользователей.

Названные компоненты ИОП дополнены его идеальной составляющей: совокупностью целей, идей, задач, содержанием и принципами организации образования, которые являются инструментами для достижения целей образовательной деятельности. Обратим внимание в этой связи на деятельность СМИ. Рыночно ориентированная модель их деятельности предполагает, кроме производства и передачи информации, создание потока стимулов для формирования желаемого поведения потребителей. Специалисты доказывают, что успешность развития ИОП повышается при разработке и предложении рыночно-ориентированных

медиапродуктов, создателями которых могут стать учреждения образования и культуры, например, библиотеки, музеи, которые будут формировать значимые стимулы на получение образовательно-значимой информации. Безусловно, это требует высокого уровня информатизации социокультурных учреждений [8, с. 228].

В настоящее время учащемуся доступны локальные образовательные пространства различных социальных институтов: школ, внешкольных учреждений, библиотек (включая их информационно-образовательные ресурсы) и др. На региональном уровне они интегрируются в единое ИОП района, города, региона, страны, реализуя тем самым диалектику части и целого. Данные процессы также невозможны без информатизации учреждений образования и культуры [7, с. 221]. Исследования доказывают, что интеграция социокультурной сферы, взаимодействие социокультурных (информационных, образовательных, культурных) институтов обеспечивают возрастание эффективности деятельности за счет объединения усилий и системного эффекта [5, с. 15]. Таким образом, целенаправленно организованное взаимодействие социокультурных институтов в электронном ИОП обеспечит доступ детей к многообразию существующих знаний и культурных ценностей, расширение их личного ИОП, включение их в активный процесс коммуникации с людьми (сверстниками, младшим и старшим поколением) и создаст условия для развития личности.

Используя системный подход, рассмотрим специализированное ИОП как совокупность следующих функциональных компонентов: пространственно-семантического (пространство социокультурных учреждений); содержательно-методического (информационное наполнение, концептуальные основы, формы и методы обучения и воспитания); коммуникационно-организационного (распределение статусов и определение схемы взаимодействия объектов ИОП).

Пространственно-семантический компонент ИОП образован реальным и виртуальным пространством социокультурных институтов (учреждения образования и культуры, искусство, семья, религия, детская субкультура, средства массовой коммуникации, в том числе Интернет и др.). Он включает информационные ресурсы первичного (документный фонд) и вторичного уровня (библиографические ресурсы, обеспечивающие навигацию в фонде) в печатной и электронной среде, в вербальной и документальной форме. Исследуя организационную структуру информационного пространства, М. Ф. Меняев доказывает, что в качестве составляющих элементов информационного пространства общества в целом выступают библиотеки [6, с. 56]. Таким образом, библиотеки, обслуживающие детей и подростков, являются компонентами ИОП, вместе с системой образования они образуют основу социально-культурных технологий, призванных обеспечить преемственность передачи знаний и культурных образцов. Все другие социокультурные институты, создающие среду социализации и развития личности детей и подростков, прямо или опосредованно связаны с библиотеками для детей. Полагаем, что для этих библиотек справедливы слова Л. З. Амлинского, что современная библиотека должна обладать возможностями, которые позволяют ей «...представлять весь спектр социокультурной деятельности города, региона. Библиотека может и должна рассматриваться как связующее звено между всеми субъектами единой информационной и социокультурной инфраструктуры» [1, с. 34]. Следовательно, при развитой материально-технической базе, правильной организации библиотечного пространства, дружелюбной атмосфере и других условиях продуктивного пользования библиотекой, библиотеки для юных пользователей могут стать системообразующим компонентом ИОП.

Рассмотрим реальное и виртуальное (электронное) пространство социокультурного института на примере библиотеки для детей и подростков, как одного из компонентов ИОП. По определению В. В. Зверевича, «пространство библиотеки – это совокупность имеющихся в ее распоряжении площадей (объемов), где хранятся документы на традиционных носителях и осуществляется обслуживание читателей, операционно-технологическая и коммуникационная деятельность библиотеки, а также неосязаемые физические места, в которых происходит обращение электронных ресурсов, – память библиотечного компьютера и телекоммуникационные каналы связи, как проводные, так и беспроводные» [4, с. 10]. Вторая часть пространства – электронное пространство библиотеки (ЭПБ) включает внутреннюю составляющую: размещенные в физическом пространстве библиотеки компьютеры (АРМы, серверы), точки доступа wi-fi, электронные ресурсы локальной сети (электронные каталоги, базы данных и т. п. ресурсы) и др.; а также внешнюю составляющую: серверы провайдера, телекоммуникационные каналы связи, электронные ресурсы в глобальной сети (веб-сайт, блоги, профессиональные группы в социальных сетях). Библиотечные сайты, блогосфера, сетевые сообщества образуют актуальную, мобильную, самоорганизующуюся среду, которая содержит значительный объем образовательной и культурной информации и позволяет осуществлять профессиональное тематическое общение и коммуникации с пользователями библиотек (педагогами, школьниками и родителями). Таким образом, ЭПБ позволяет реализовывать деятельностный подход к социализации и инкультурации детей и подростков, включать субъекты в самую образовательную деятельность.

Отметим, что содержательно-методический компонент ИОП обращен к особому социокультурному феномену – детству, которое предстает как объективно необходимое состояние в динамической системе общества, где протекает освоение социокультурного пространства, расширяются и усложняются контакты ребенка с взрослым сообществом и со сверстниками [3, с. 51]. Безусловно, с содержательной точки зрения, в ИОП должны быть включены ресурсы, обеспечивающие основное образование, то есть ресурсы образовательных учреждений дошкольного, начального и среднего образования. Они предоставляют субъектам пространства информацию в вербальной и документальной форме. Документальная информация в поддержку образовательного процесса хранится в фондах школьных библиотек. Требования к содержательному наполнению ИОП, обеспечивающему основное общее образование, заложены в Федеральных государственных образовательных стандартах. Они опираются на компетентностный подход, который требует подготовки людей, не только знающих, но и умеющих применить свои знания, обладающих адекватной современному уровню общественного знания картиной мира.

Кроме того, ИОП должно отражать новую ценностную систему общества: открытую, вариативную, духовно и культурно насыщенную. Создаваемое ИОП должно внести свой вклад в формирование у подрастающего поколения чувства общности исторической судьбы разных народов при сохранении национального культурного своеобразия, содействовать выработке общих ценностей и идеалов в рамках культурной интеграции различных этнических, расовых, религиозных групп. Такими возможностями обладают библиотеки, сохраняющие культурное наследие и организующие доступ к нему, влияющие на процесс воспитания. Необходимые ресурсы представлены также в учреждениях дополнительного образования и культуры (музыкальные и художественные школы, музеи, дворцы культуры, дома творчества детей

и др.), в средствах массовой информации (радио и телевидение, Интернет) и т. д. Следовательно, специализированное ИОП должно создаваться на базе распределенных ресурсов образовательного и культурного назначения, обладать необходимой навигационной структурой, иметь гуманистическую направленность.

Коммуникационно-организационный компонент ИОП должен учитывать особенности его субъектов (служебного персонала и пользователей): половозрастные и национальные особенности, их ценности, установки, стереотипы; организационные условия, в т. ч. наличие творческих объединений, инициативных групп, стиль общения, управленческую культуру и т. д. Как показывает наше исследование, необходима нормативно-правовая и финансовая базы, обеспечивающие скоординированное развитие социокультурной сферы, позволяющее интегрировать информационные ресурсы в единое пространство, обеспечивать эффективное формирование и удовлетворение потребностей пользователей [5, с. 128].

Таким образом, созданное на системной основе ИОП будет представлять собой единое пространство деятельности социокультурных институтов. К его системным характеристикам относятся целостность, структурность, иерархичность и множественность описаний пространства; как особая характеристика может быть обозначена также активность субъектов пространства, в числе которых персонал социокультурных институтов и пользователи – дети и подростки. Следовательно, для того, чтобы специализированное социальное ИОП обеспечивало развитие личности ребенка и подростка, оно должно строиться на совокупности принципов: организационно-педагогических (гибкость, доступность, адекватность и своевременность, интеграция всех способов освоения мира человеком); системно-технологических (открытость, эргономичность); психолого-педагогических (информационная безопасность, гуманистическая направленность, соответствие психолого-возрастным особенностям развития ребенка и подростка, включенность субъектов в саму образовательную деятельность). Такое пространство будет гармоничным, поддержит когнитивные потребности личности, способность осваивать знания, обогатит духовный мир юной личности и обеспечит возможность ее самореализации в будущем обществе.

Под гибкостью ИОП мы понимаем предельную насыщенность его знаниями, основополагающими ценностями, позволяющими соответствовать любой необходимой образовательной траектории в настоящем и будущем благодаря фундаментальному культурному и научному ядру. Гибкость ИОП обеспечивается за счет количественного, качественного и видового разнообразия информационно-образовательных ресурсов: базы и банки данных и знаний; архивные, библиотечные и музейные фонды, каталоги и картотеки; регистры, кадастры, реестры и пр. Эти ресурсы должны быть представлены в сети Интернет, что обеспечит доступность информации, расширит коммуникационные возможности пользователей.

Доступность информации, наряду с организацией физической доступности каналов, средств и точек доступа к ресурсам ИОП, предполагает доступность с психолого-педагогической точки зрения, то есть соответствие содержания, методов и форм предоставления информации возрастным особенностям учащихся, уровню их развития. Открытость ИОП предполагает вовлечение учащегося в развернутое ИОП, снимает пространственно-временные ограничения, позволяя получать необходимую информацию в требуемом объеме в любом месте и в любое время. Она может быть обеспечена, в частности, за счет электронной составляющей ИОП (сайты, блоги, социальные сети).

Специфическими принципами построения ИОП для детей и подростков являются психолого-педагогические принципы информационной безопасности и гуманистической направленности. Эти принципы предполагают привлекательность информации и, в то же время, отсутствие риска, связанного с причинением информацией вреда физическому и психическому здоровью, духовному и нравственному развитию детей. Существуют различные способы информационной защиты, например, средства фильтрации нежелательного материала, рекомендательные сервисы и т. д. Необходимо обеспечить возможность активного участия школьников в создании ИОП: использовать интерактивные сервисы, позволяющие создавать, изменять, публиковать собственный контент. С помощью этих сервисов пользователи смогут общаться, сотрудничать друг с другом и с взрослыми в электронной среде ИОП.

Таким образом, библиотеки, обслуживающие детей и подростков, являются компонентами ИОП: они включены в его инфраструктуру, представляют свои ресурсы в качестве содержательно-методического компонента пространства, обеспечивают пользователям доступ к ресурсам образования и культуры в традиционной и электронной форме, позволяют принять участие в создании ресурсов. Такая деятельность библиотек в условиях информатизации позволяет формировать новые образовательные и культурные условия для подрастающего поколения: высокое качество образования и его интеграцию в мировую информационную структуру; открытость, доступность, непрерывность образования, дает возможность культурного роста, личностного развития, позитивной самооценки.

Литература

1. Амлинский Л. З. Организация внутреннего пространства научных библиотек информационного общества // Науч. и техн. библ. – 2011. – № 8. – С. 25–35.
2. Берестова Т. Ф. Законы формирования многоуровневой структуры информационного пространства и функции разных видов информации // Библиография. – 2009. – № 5. – С. 32–47.
3. Голубева Н. Л. Детская библиотека: современные проблемы развития. – М.: Литера, 2009. – 160 с.
4. Зверевич В. В. Пространство современной библиотеки: «реальное» и «виртуальное» // Науч. и техн. б-ки. – 2012. – № 11. – С. 7–17.
5. Ильясов Д. Ф., Ильясова О. А. Системный эффект в контексте реализации приоритетного национального проекта «Образование» // Вестник Южно-Урал. госуд. ун-та. – 2010. – Вып. 9. – № 23 (199). – С. 14–21.
6. Меняев М. Ф. Методологические основы информатизации библиотечно-библиографических процессов: дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1994. – 504 с.
7. Олефир С. В. Библиотеки для детей и подростков в информационно-образовательном пространстве: монография. – Екатеринбург: Банк культ. инф-ции, 2012. – 312 с.
8. Развитие культуры медиапотребления: социально-психологический анализ: монография / Ю. Н. Долгов, А. С. Коповой, Г. Н. Малюченко, В. М. Смирнов. – Саратов: СГУ, 2009. – 210 с.

Literatura

1. Amlinskij L. Z. Organizacija vnutrennego prostranstva nauchnyh bibliotek informacionnogo obshhestva // Nauch. i tehn. bibl. – 2011. – № 8. – S. 25–35.
2. Berestova T. F. Zakony formirovanija mnogourovnevoj struktury informacion-nogo prostranstva i funkicii raznyh vidov informacii // Bibliografija. – 2009. – № 5. – S. 32–47.
3. Golubeva N. L. Detskaja biblioteka: sovremennye problemy razvitija. – M.: Litera, 2009. – 160 s.

4. Zverevich V. V. Prostranstvo sovremennoj biblioteki: «real'noe» i «virtual'-noe» // Nauch. i tehn. b-ki. – 2012. – № 11. – S. 7–17.
5. Il'jasov D. F., Il'jasova O. A. Sistemnyj jeffekt v kontekste realizacii pri-oritetnogo nacional'nogo proekta «Obrazovanie» // Vestnik Juzhno-Ural. gosud. un-ta. – 2010. – Vyp. 9. – № 23 (199). – S. 14–21.
6. Menjaev M. F. Metodologicheskie osnovy informatizacii bibliotechno-bibliograficheskikh processov: dis. ... d-pa ped. nauk. – M., 1994. – 504 s.
7. Olefir S. V. Biblioteki dlja detej i podrostkov v informacionno-obrazovatel'nom prostranstve: monografija. – Ekaterinburg: Bank kul't. inf-tci, 2012. – 312 s.
8. Razvitie kul'tury mediapotreblenija: social'no-psihologicheskij analiz: mono-grafija / Ju. N. Dolgov, A. S. Kopovoj, G. N. Maljuchenko, V. M. Smirnov. – Saratov: SGU, 2009. – 210 s.

УДК 37.0

Е. В. Косолапова

МЕДИА- И ИНФОРМАЦИОННАЯ ГРАМОТНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НА БАЗЕ ДЕТСКИХ И ШКОЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК

Рассматриваются проблемы формирования медиа- и информационной грамотности в структуре информационной культуры детей младшего школьного возраста на базе детских и школьных библиотек. Описывается эксперимент по внедрению курса «Основы информационной культуры личности» в виде внеурочных занятий в начальной школе.

Ключевые слова: информационная культура, медиаграмотность, младший школьный возраст, школьная библиотека, детская библиотека.

E. V. Kosolapova

MEDIA AND INFORMATION LITERACY IN THE STRUCTURE OF INFORMATION CULTURE OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN BASED ON THE OF CHILDREN'S AND SCHOOL LIBRARIES

The article reviews problems of forming the primary school pupils' media and information literacy in the structure of information culture of primary school children based on children's and school libraries.

The international community is concerned with the problems of training people for life in the information society. In this scientific work research materials of IFLA and UNESCO on Information and Media training of people are used extensively.

The definitions of "information literacy," "media literacy," "personal information culture" and their international specifics have been considered.

The experience of libraries and educational institutions in the formation of information culture of primary school children was studied. Discordance and absence of coordination in the activities of educational institutions, children's and school libraries, and the absence of any methodological developments and recommendations in this direction is detected.

Comparative analysis of the normative documents with experimental programs to justify the methods of formation of media and information literacy of primary school children was conducted.

The experiment, introducing the course “Principles of Personal Information Culture” in the form of extra-curricular activities in primary school, is described. The structure of themes for the course “Principles of Personal Information Culture” for grades 1–4 elementary school is given.

The proposed course of the formation of information culture of primary school children aims to create a meta-subject knowledge and skills that provide pupils of primary school an opportunity to work with any source of information, create your own information and media products.

The developed educational and methodological complex for pupils of the 4th grade of general education institutions “Principles of Personal Information Culture” can be used by librarians and teachers of educational institutions.

Keywords: Information culture, media literacy, primary school pupils, children’s library, school library.

В век информационных технологий все большее значение имеет особая – информационная подготовка людей к жизни в информационном обществе, так как успешность современного человека напрямую зависит от его умения ориентироваться в информационном потоке.

В настоящее время в общем образовании особую актуальность приобретает проблема формирования надпредметных универсальных знаний и умений учащихся. К таким знаниям и умениям относится умение работать с различными источниками информации, включая информацию, циркулирующую в СМИ. Однако информация, которую предоставляют человеку современные масс-медиа, требует обязательного критического анализа и оценки. При этом особое внимание в информационной подготовке необходимо уделить детям младшего школьного возраста, с их еще не устоявшейся, ранимой психикой. В «Примерных программах по учебным предметам. Начальная школа» отмечается, что «резко возросла информированность детей. Если раньше школа была основным источником получения ребенком информации о мире, человеке, обществе, природе, то сегодня СМИ оказываются существенным фактором формирования у детей картины мира. Увеличение объема информации, воспринимаемой детьми, порой оборачивается негативной стороной. Информация часто бессистемна, чрезмерна, агрессивна и представляет прямую угрозу психологической безопасности ребенка, его личностному развитию, вызывая информационный шок» [12, с. 3]. В связи с этим становится актуальным формирование медиаграмотности и информационной грамотности в школе.

Международное сообщество обеспокоено проблемами подготовки человека к жизни в информационном обществе, поэтому в последние годы Международная федерация библиотечных ассоциаций и учреждений (International Federation of Library Associations and Institutions Federation – IFLA или ИФЛА) и ЮНЕСКО активизировали исследования, касающиеся проблем формирования медиаграмотности и информационной грамотности (МИГ). Материалы исследования ИФЛА и ЮНЕСКО в сфере информационной и медиа подготовки граждан активно использовались в данном исследовании.

Цель исследования: дать теоретическое обоснование и раскрыть содержание курса по формированию информационной культуры личности для детей младшего школьного возраста на базе детских и школьных библиотек.

Данная цель обуславливает следующие задачи:

1. Рассмотреть дефиниции понятий «информационная грамотность», «медиаграмотность», «информационная культура личности».
2. Изучить вклад библиотек и образовательных учреждений в формирование медиа- и информационной грамотности.

3. Провести обоснование методики формирования медиа- и информационной грамотности детей младшего школьного возраста.

4. Раскрыть возможности педагогического эксперимента по внедрению курса «Основы информационной культуры личности» у детей младшего школьного возраста.

В рамках поставленных задач рассмотрим дефиниции понятий «медиаграмотность» и «информационная грамотность».

Медиаграмотность, по мнению известного ученого, президента Российской ассоциации медиаобразования профессора А. В. Федорова (г. Таганрог) – это умение анализировать и синтезировать пространственно-временную реальность, умение «читать» медиатекст, то есть результат медиаобразования [14].

В «Руководстве по информационной грамотности для образования на протяжении всей жизни» (2006), подготовленном председателем Секции по информационной грамотности ИФЛА Хесусом Лау, под информационной грамотностью понимается «способность идентифицировать потребность информации, навыки по эффективному нахождению, оценке и использованию информации» [7, с. 36].

Наряду с термином «информационная грамотность» в России используется термин «информационная культура личности». По мнению члена Постоянного комитета секции по информационной грамотности ИФЛА профессора Н. И. Гендиной, «информационная культура личности – это – часть общей культуры человека, состоящая из сплава информационного мировоззрения, информационной грамотности и грамотности в области информационно-коммуникационных технологий» [1, с. 55].

Сопоставление понятий «информационная грамотность» и «информационная культура личности» свидетельствует об их значительном сходстве. Оба понятия характеризуют сложный, многоуровневый и многоаспектный феномен взаимодействия человека и информации.

Вместе с тем, концепция информационной культуры личности шире, чем концепция информационной грамотности. В отличие от информационной грамотности, она включает такой компонент, как информационное мировоззрение. Анализу проблемы интеграции информационной и медиаграмотности посвящена статья Н. И. Гендиной [2].

Решение проблемы обучения медиа- и информационной грамотности граждан, начиная с младшего школьного возраста, возлагается в обществе на два социальных института: библиотеки и образовательные учреждения. Роль библиотек в формировании информационной культуры личности рассматривается в статье Л. Н. Рябцевой [13].

Способы адаптации учебной программы по курсу «Основы информационной культуры личности» применительно к особенностям определенных возрастных категорий показаны в работе Н. И. Гендиной и Л. Н. Рябцевой [4].

В данном исследовании проводится анализ вклада детских и школьных библиотек и образовательных учреждений в формировании информационной культуры младших школьников.

С целью изучения опыта работы детских и школьных библиотек и общеобразовательных учреждений по формированию информационной культуры и медиаграмотности юных пользователей информации, нами был проанализирован документальный поток, включающий авторефераты диссертаций, монографии, научные статьи и электронные ресурсы за последние 10 лет [5]. Проведенный анализ позволил констатировать отсутствие теоретической базы и методических разработок, обеспечивающих реализацию этой деятельности. В ходе исследования установлена рассогласованность и отсутствие координации в деятельности образовательных учреждений, детских и школьных библиотек. [6; 8; 9; 10; 11].

Проведенный анализ теоретической базы дал основания перейти к разработке собственных программ по формированию медиа- и информационной грамотности в структуре информационной культуры личности, ориентированных на младших школьников. За основу была взята программа курса «Основы информационной культуры личности», разработанная сотрудниками НИИ информационных технологий социальной сферы под руководством профессора Н. И. Гендиной [15]. В процессе создания учебных программ для каждого класса взятая за основу программа была переработана и в нее были внесены следующие изменения:

- адаптация содержательного наполнения учебного курса «Основы информационной культуры личности» к возрастным особенностям обучаемых;
- введение новых тем в соответствии с возрастными возможностями детей;
- удаление некоторых тем из исходного тематического плана в связи со сложностью понимания их детьми данного возрастного периода;
- детализация и перегруппировка тематики занятий, включая разделение некоторых тем на 2–3 занятия с отдельным озаглавливанием каждого из них;
- удаление тем занятий, дублирующих темы, включенные в состав программ начальной школы («Технология подготовки рассказов», «Технология подготовки изложений», «Технология подготовки сочинений»).

Затем было проведено сравнение разработанных нами тематических планов занятий с содержанием «Примерных программ по учебным предметам. Начальная школа». За основу сравнения были взяты знания, умения и навыки, изложенные в «Примерных программах по учебным предметам. Начальная школа», и сопоставлены со знаниями, умениями и навыками по курсу «Основы информационной культуры личности». Такой подход позволил не только систематизировать учебный материал из разных учебных предметов, но и сопоставить их с темами экспериментальных занятий.

Сопоставительный анализ позволил выявить, что предлагаемый специализированный курс «Основы информационной культуры личности» не только включает все метапредметные знания, предусмотренные в «Примерных программах по учебным предметам. Начальная школа», но и содержит дополнительные, отсутствующие в программах. Например, знания, связанные с критическим анализом обычных и медиатекстов, с подготовкой ряда информационных продуктов (реферат, отзыв, электронная презентация и т. п.). Особое внимание в экспериментальном курсе было уделено знаниям и умениям по работе с медиатекстами, формированию медиаграмотности и критического мышления, которые в «Примерных программах» разработаны недостаточно полно.

Далее тематические планы разрабатываемого курса были сопоставлены с содержанием «Рабочих программ “Школа России”» для 1, 2, 3, 4-х классов.

Результаты сопоставительного анализа выявили следующие негативные тенденции:

- отсутствие структурированности информационных знаний в «Рабочих программах “Школа России”»;
- отсутствие глубины проработки отдельных тем;
- отсутствие в «Рабочих программах “Школа России”» ряда тем, необходимых для целостного формирования информационной культуры обучающихся;
- отсутствие закрепления знаний по информационной подготовке, полученных в предыдущих классах и их углубление.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Полный состав тем разработанных нами занятий для учащихся начальных классов представлен в табл. 1.

Таблица 1

Состав тем по курсу «Основы информационной культуры личности» для 1–4-го классов общеобразовательной школы

№ п/п	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс
Раздел I. Информационные ресурсы общества и информационная культура				
1.	1.1. Информация и ее виды: зрительная, слуховая информация	1.1. Введение. Исходные понятия курса «Основы информационной культуры школьника»	1.1. Введение. Исходные понятия курса «Основы информационной культуры школьника»	1.1. Введение. Исходные понятия курса «Основы информационной культуры школьника»
2.	1.2. Виды информации: осязательная, обонятельная, вкусовая			
3.	1.3. Источники информации. Виды информации	1.2. Источники информации. Виды информации	1.2. Источники информации. Виды информации	1.2. Виды информации
4.	1.4. Книги как основной источник информации	1.3. Книги как основной источник информации	1.3. Первичные документы как составная часть информационных ресурсов общества	1.3. Первичные документы как составная часть информационных ресурсов общества
5.	1.5. Анализ и синтез	1.4. Анализ и синтез. Аннотация как вторичный документ	1.4. Анализ и синтез. Аннотация как вторичный документ	1.4. Вторичные документы как результат аналитико-синтетической переработки информации
		1.5. Анализ и синтез. Ключевые слова как результат анализа документов	1.5. Анализ и синтез. Ключевые слова как результат анализа документов	
6.	1.6. Библиотеки как источник информационных ресурсов (урок-экскурсия)	1.6. Библиотеки как источник информационных ресурсов (урок-экскурсия)	1.6. Библиотеки как источник информационных ресурсов (урок-экскурсия)	1.5. Библиотеки как источник информационных ресурсов (урок-экскурсия)
7.	1.7. Интернет как источник информационных ресурсов. Информационная безопасность человека	1.7. Интернет как источник информационных ресурсов. Информационная безопасность человека	1.7. Интернет как источник информационных ресурсов. Информационная безопасность человека	1.6. Интернет как источник информационных ресурсов. Информационная безопасность человека

Продолжение таблицы 1

№ п/п	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс
Раздел II. Основные типы информационно-поисковых задач и алгоритмы их решения				
8.	2.1. Библиографическое описание книги	-	-	-
9.	2.2. Алфавитный каталог: структура и алгоритм использования	2.1. Адресный поиск и алгоритм его выполнения	2.1. Адресный поиск и алгоритм его выполнения	2.1. Адресный поиск и алгоритм его выполнения
10.	2.3. Поиск информации в словарях и энциклопедиях	2.2. Фактографический поиск и алгоритм его выполнения	2.2. Фактографический поиск и алгоритм его выполнения	2.2. Фактографический поиск и алгоритм его выполнения
11.	2.4. Поиск информации по теме	2.3. Тематический поиск и алгоритм его выполнения	2.3. Тематический поиск и алгоритм его выполнения	2.3. Тематический поиск и алгоритм его выполнения
12.	2.5. Особенности поиска информации в Интернете	2.4. Особенности поиска информации в Интернете	2.4. Особенности поиска информации в Интернете	2.4. Особенности поиска информации в Интернете
Раздел III. Аналитико-синтетическая переработка источников информации				
13.	3.1. Как устроена книга. Структура и содержание художественной книги	3.1. Структура и содержание художественной книги	3.1. Справочно-поисковый аппарат художественной книги	3.1. Справочно-поисковый аппарат книги как источник основных сведений о документе при свертывании информации
14.	3.2. Как не заблудиться в учебнике. Структура и содержание учебных книг	3.2. Структура и содержание учебных книг	3.2. Справочно-поисковый аппарат учебной книги	
15.	3.3. Текст и его свойства	3.3. Структура текста и его свойства	3.3. Структура текста и его свойства	3.2. Текст как объект аналитико-синтетической переработки
16.	-	3.4. Основные приемы интеллектуальной работы с текстами	3.4. Основные приемы интеллектуальной работы с текстами	3.3. Основные приемы интеллектуальной работы с текстами
17.	3.4. Медиа́текст и его виды	3.5. Медиа́текст и его виды	3.5. Медиа́текст и его виды	3.4. Медиа́текст как объект аналитико-синтетической переработки
18.	-	-	3.6. Критический анализ текста	3.5. Критический анализ текста
19.	-	-	3.7. Критический анализ медиатекста	3.6. Критический анализ медиатекста

№ п/п	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс
Раздел IV. Технологии подготовки и оформления результатов самостоятельной учебной и познавательной работы учащихся				
20.	4.1. Технология подготовки картинного и текстового плана готовых текстов	4.1. Технология подготовки картинного и текстового плана готовых текстов	4.1. Технология подготовки планов готовых текстов	4.1. Технология подготовки планов готовых текстов
21.	-	-	4.2. Технология подготовки планов создаваемых текстов	4.2. Технология подготовки планов создаваемых текстов
22.	-	-	-	4.3. Технология подготовки учебных рефератов
23.	-	-	-	4.4. Технология подготовки докладов. Электронная презентация как способ повышения информативности и наглядности доклада
24.	-	-	-	4.5. Технология подготовки электронных презентаций
25.	4.2. Технология подготовки бумажных писем	4.2. Технология подготовки бумажных писем	4.3. Технология подготовки бумажных писем	4.6. Технология подготовки традиционных писем
26.	4.3. Технология подготовки электронных писем	4.3. Технология подготовки электронных писем	4.4. Технология подготовки электронных писем	4.7. Технология подготовки электронных писем
27.	-	-	-	4.8. Технология подготовки отзывов на литературные произведения
28.	-	-	-	4.9. Технология подготовки отзывов на мультфильмы
29.	-	-	-	4.10. Технология подготовки отзывов на телевизионные передачи
30.	-	-	-	4.11. Технология подготовки биографий

Разработка учебных программ для каждого класса начальной школы дала нам основание для проведения педагогического эксперимента по внедрению разрабатываемого курса в образовательную программу в рамках внеурочных занятий.

В 2011–2012 учебном году на базе детской библиотеки им. А. М. Береснева и МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 45» г. Кемерово нами был осуществлен педагогический эксперимент по проведению внеурочных занятий у учащихся 4-го класса. В 2012–2013 учебном году эксперимент проводился на базе детской библиотеки им. А. М. Береснева и МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 77» г. Кемерово с учащимися 1, 2 и 3-го классов.

При разработке форм, методов и приемов обучения нами акцентировалось внимание на изменении содержания занятий с опорой на игровую деятельность в первом классе, на наглядно-иллюстративный материал и обыденную речь во втором классе. В третьем классе в структуру занятий включались элементы логико-смыслового обобщения с акцентом на учебную речь и наглядный материал. И только в четвертом классе вводились абстрактные понятия с ориентацией на учебную и научную речь, формировались навыки установления смысловых (парадигматических) отношений между понятиями.

В процессе усложнения материала менялся и усложнялся характер визуализации учебной информации в зависимости от возраста обучающихся. Осуществлялся переход от простых иллюстраций в виде отдельных изображений в первом классе к сложным абстрактным визуальным образам в четвертом классе.

Особое внимание в исследовании уделялось качеству используемых при обучении основам информационной культуры личности дефиниций как фундамента любого учебного знания. Все используемые определения строго дифференцированы в соответствии с возрастом и доминирующим в этой возрастной группе видом мышления.

Так, например, при работе с первоклассниками дефиниции в строгом смысле этого понятия не использовались, они заменялись подбором ярких и запоминающихся примеров. Второклассникам предлагались упрощенные определения с конкретно-предметным смысловым содержанием. Третьеклассникам приводились краткие определения понятий с элементами абстрагирования и пояснением на конкретных примерах. И лишь в четвертом классе использовались сложные развернутые определения абстрактных понятий.

В соответствии с возрастом изменялись и дидактические средства обучения: от использования кратких художественных текстов, стихотворений и загадок в первом классе до художественных и научно-познавательных текстов отечественных и зарубежных авторов в четвертом, с постепенным увеличением объема текстов от класса к классу.

Таким образом, библиотеки и образовательные учреждения, призванные формировать информационную культуру детей и молодежи, ощущают дефицит в научно обоснованных методических рекомендациях, раскрывающих содержание и специфику этого сложного процесса. Особенно остро эта проблема ощущается для такой возрастной категории, как младшие школьники. Предлагаемый нами курс по формированию информационной культуры младших школьников направлен на формирование надпредметных знаний и умений, обеспечивающих учащимся начальных классов возможность самостоятельно работать с любыми источниками информации, создавать собственные информационные и медиапродукты. Разработанный учебно-методический комплекс для учащихся 4-х классов общеобразовательных учебных заведений «Основы информационной культуры школьника» [3] может быть использован как библиотеками, так и учителями общеобразовательных учреждений.

Литература

1. Гендина Н. И. Концепция формирования информационной культуры личности: опыт разработки и реализации // Библиосфера. – 2005. – № 1. – С. 55–62.
2. Гендина Н. И. Проблема интеграции информационной и медиаграмотности: международный опыт и российские реалии // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2012. – № 19, ч. 1. – С. 54–71.
3. Гендина Н. И., Косолапова Е. В. Основы информационной культуры школьника: учебно-методический комплекс для учащихся 4-х классов общеобразовательных учебных заведений. – М.: РШБА, 2012. – 200 с.
4. Гендина Н. И., Рябцева Л. Н. Разработка механизма адаптации учебной программы курса «Основы информационной культуры личности» в зависимости от профессиональной образовательной программы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2010. – № 12. – С. 121–140.
5. Косолапова Е. В. Формирование медиаграмотности как составляющей информационной культуры детей младшего школьного возраста на базе детских и школьных библиотек // Актуальные проблемы социокультурных исследований: Межрегион. сб. науч. ст. – Кемерово: КемГУКИ, 2012. – Вып. 8, ч. 2. – С. 230–247.
6. Кочеулова А. С. Библиография в процессе формирования информационной культуры школьника: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Казань, 2000. – 16 с.
7. Лау Х. Руководство по информационной грамотности для образования на протяжении всей жизни. – М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2006. – 45 с.
8. Лесных Л. Г. Медиатека открывает двери // Медиатека и мир. – 2008. – № 3. – С. 17–21
9. Маева Н. М. Содержание медиаобразовательной работы в школе // Образовательные технологии XXI века: сб. тр. – М.: ТИССО, 2004. – С. 97–105.
10. Олефир С. В. Факторы формирования информационно-образовательной среды библиотеки для детей и юношества Наугограда: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2003. – 18 с.
11. Понтюхова Т. В. Школьная библиотека в образовательной системе. Этапы и модели развития // Библиотечное дело. – 2011. – № 4. – С. 26–31.
12. Примерные программы по учебным предметам. Начальная школа: в 2 ч. – М.: Просвещение, 2011. – Ч. 1. – 400 с.
13. Рябцева, Л. Н. Влияние целенаправленной информационной подготовки граждан к жизни в информационном обществе на реализацию образовательной функции библиотеки как социального института // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2011. – № 17, ч. 2. – С. 158–169.
14. Федоров А. В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. – 64 с.
15. Школьная библиотека как центр формирования информационной культуры личности: учебно-методическое пособие / Н. И. Гендина [и др.]. – М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2008. – 352 с.

Literatura

1. Gendina N. I. Koncepcija formirovanija informacionnoj kul'tury lichnosti: opyt razrabotki i realizacii // Bibliosfera. – 2005. – № 1. – S. 55–62.
2. Gendina N. I. Problema integracii informacionnoj i mediagramotnosti: mezhdunarodnyj opyt i rossijskie realii // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij. – 2012. – № 19, ch. 1. – S. 54–71.

3. Gendina N. I., Kosolapova E. V. Osnovy informacionnoj kul'tury shkol'nika: uchebno-metodicheskij kompleks dlja uchashhihsja 4-h klassov obshheobrazovatel'nyh uchebnyh zavedenij. – M.: RShBA, 2012. – 200 s.
4. Gendina N. I., Rjabceva L. N. Razrabotka mehanizma adaptacii uchebnoj programmy kursa «Osnovy informacionnoj kul'tury lichnosti» v zavisimosti ot professional'noj obrazovatel'noj programmy // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij. – 2010. – № 12. – S. 121–140.
5. Kosolapova E. V. Formirovanie mediagramotnosti kak sostavljajushhej informacionnoj kul'tury detej mladshego shkol'nogo vozrasta na baze detskih i shkol'nyh bibliotek // Aktual'nye problemy sociokul'turnyh issledovanij: Mezhhregion. sb. nauch. st. – Kemerovo: KemGUKI, 2012. – Vyp. 8, ch. 2. – S. 230–247.
6. Kocheulova A. S. Bibliografija v processe formirovanija informacionnoj kul'tury shkol'nika: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Kazan', 2000. – 16 s.
7. Lau H. Rukovodstvo po informacionnoj gramotnosti dlja obrazovanija na protjazhenii vsej zhizni. – M.: MOO VPP JuNESKO «Informacija dlja vseh», 2006. – 45 s.
8. Lesnyh L. G. Mediateka otkryvaet dveri // Mediateka i mir. – 2008. – № 3. – S. 17–21.
9. Maeva N. M. Soderzhanie mediaobrazovatel'noj raboty v shkole // Obrazovatel'nye tehnologii XXI veka: sb. tr. – M.: TISSO, 2004. – S. 97–105.
10. Olefir S. V. Faktory formirovanija informacionno-obrazovatel'noj sredy biblioteki dlja detej i junoshestva Naukograda: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – M., 2003. – 18 s.
11. Pontjuhova T. V. Shkol'naja biblioteka v obrazovatel'noj sisteme. Jetapy i modeli razvitija // Bibliotechnoe delo. – 2011. – № 4. – S. 26–31.
12. Primernye programmy po uchebnym predmetam. Nachal'naja shkola: v 2 ch. – M.: Prosveshhenie, 2011. – Ch. 1. – 400 s.
13. Rjabceva L. N. Vlijanie celenapravlennoj informacionnoj podgotovki grazhdan k zhizni v informacionnom obshhestve na realizaciju obrazovatel'noj funkcii biblioteki kak social'nogo instituta // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij. – 2011. – № 17, ch. 2. – S. 158–169.
14. Fedorov A. V. Slovar' terminov po mediaobrazovaniju, mediapedagogike, mediagramotnosti, media-kompetentnosti. – Taganrog: Izd-vo Taganrog. gos. ped. in-ta, 2010. – 64 s.
15. Shkol'naja biblioteka kak centr formirovanija informacionnoj kul'tury lichnosti: uchebno-metodicheskoe posobie / N. I. Gendina [i dr.]. – M.: Russkaja shkol'naja bibliotechnaja asociacija, 2008. – 352 s.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

Т. Н. Ивлева

КОНКУРС «Я – МЕНЕДЖЕР» КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

В статье освещается опыт проведения конкурса докладов и презентаций «Я – МЕНЕДЖЕР» как формы организации внеаудиторной научно-исследовательской деятельности студентов.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа студентов, конкурс, менеджер.

T. N. Ivleva

COMPETITION “I AM A MANAGER” AS THE FORM OF ORGANIZATION OF SCIENTIFIC RESEARCH WORK OF STUDENTS

At the present stage of development of the higher education, research work of students (NIRS) is becoming increasingly important and is one of the main components of the training of the future manager. It allows you to more fully express creativity and readiness for self-fulfillment and individuality of the student. It should be noted that the process of research is different and is a value in education, and in the personal sense. In this regard, it is necessary to do a better job of NIRS, for that would make the process more interesting and productive. One of the forms of organization of students' scientific research is the competition.

KemGUKI holds a contest of reports and presentations “I AM A MANAGER.” The organizers of the competition are the Department of Social Control and Institute of Sociocultural Technology. Tendering contributes significantly to the effectiveness and quality of the organization of NIRS by enhancing students' cognitive activity, increase motivation of all participants in the educational process.

First contest “I AM A MANAGER” was held in May 2012 to participate in the final stage of the competition out of 21 submitted presentations were selected 10 of the best works. The results of the analysis of the competition suggest that NIRS initiative promotes interest in the profession, and improve professional competence in the field of management.

In the 2013 contest, “I AM A MANAGER” is part II of the Regional Cultural and Educational Forum “Socio-cultural environment of the region: society, culture and science.” The competition was attended by 14 students.

The members of the jury were the graduates of different years KemGUKI Department of Management of the social sphere in “organization manager.” Chairman of the jury N. S. Pavlyuk as a manager – practitioner and lecturer on the subject “Fundamentals of communicative culture,” noted that the results of the competition are impressive, without exception, the students demonstrated professional interest, scientific awareness. Recommendations were of practical importance for the preparation of future professionals and practitioners alike socio-cultural sphere. The recommendations had reasonable grounds, as many students have shown themselves serious researchers, having neat polls. From the point of view of rhetoric were good performances by students of composition lined monologues. However, many arguments answered questions, defended his point of view, ably led a discussion with the audience. The competition has revealed that even junior students' proficient basics of theoretical training and practical skills, using effective techniques for working with the audience, allowing them to take place in the future as professional managers.

Feedback from the students – participants show that dealt with a wide range of different issues and relevant topics, there were prospects for further research, the ability to self-realization. Thus, the use of “I AM A MANAGER” in the organization of NIRS makes the extracurricular learning motivated, productive, student-centered, which contributes to the formation and development of common cultural and professional skills of future managers.

Keywords: scientific research work of students, competition, managers.

*Науки юношей питают,
Отраду старцам подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут.*

М. В. Ломоносов

*Где господствует дух науки,
там творится великое малыми средствами.*
Н. И. Пирогов

На современном этапе развития системы высшего образования научно-исследовательская работа студентов (НИРС) приобретает все большее значение и является одним из основных компонентов профессиональной подготовки будущего менеджера. Она позволяет наиболее полно проявить творческие способности, готовность к самореализации личности, индивидуальность студента. Следует отметить, что процесс исследовательской деятельности индивидуален и является ценностью как в образовательном, так и в личностном плане. В связи с этим необходимо совершенствовать подходы к НИРС, для того чтобы сделать этот процесс наиболее интересным и продуктивным. Одной из форм организации научно-исследовательской деятельности студентов является конкурс.

В КемГУКИ проводится конкурс докладов и презентаций «Я – МЕНЕДЖЕР». Организаторы конкурса – кафедра управления социальной сферы и институт социально-культурных технологий. Организация и проведение конкурса способствует значительному повышению результативности и качества организации НИРС за счет активизации познавательной деятельности студентов, усиления мотивации всех участников образовательного процесса.

В положении о конкурсе (18.04.2012 г., № 1) определены следующие цели:

- совершенствование профессиональных компетенций студентов в области менеджмента и информационных технологий;
- формирование готовности студентов университета к адаптации и самореализации в условиях рынка труда современного информационного общества;
- привлечение внимания работодателей и демонстрация конкурентных преимуществ будущих менеджеров.

Задачи Конкурса:

- повышение имиджа профессии менеджера;
- развитие интереса к будущей профессии;
- повышение конкурентоспособности будущих менеджеров на рынке труда;
- развитие и совершенствование у студентов навыков публичного выступления на профессиональные темы и использования мультимедиа технологий;

- раскрытие личностного и творческого потенциала студентов;
- формирование банка данных лучших студентов для рекомендаций работодателям.

Впервые конкурс «Я – МЕНЕДЖЕР» был проведен в мае 2012 года. Для участия в заключительном этапе конкурса из 21 представленной презентации было отобрано 10 лучших работ, авторами семи из которых являлись студенты первого курса (инициаторы проведения конкурса). Следует отметить разнообразие тематики представленных работ, которую студенты формулировали самостоятельно, в соответствии со своими интересами. Это: «Управленческие революции: эволюция профессии “менеджер”», «Портрет успешного менеджера XXI века», «Спортинг как новая парадигма менеджмента: от менеджмента результата к менеджменту победы» и др. Участники конкурса пытались раскрыть в своих докладах и презентациях такие вопросы, как: Кто такой менеджер? В чем специфика деятельности менеджера? Какими качествами должен обладать современный менеджер (на примере анализа политической деятельности В. В. Путина)? Какое значение имеет лидерский потенциал в деятельности менеджера (на примере политической карьеры Барака Обамы)? Какую роль играет мотивация и самомотивация в деятельности менеджера? Каковы принципы современного менеджмента? Какова специфика японской модели менеджмента? Все доклады были записаны на видеокамеру, и видеозапись доклада каждого студента была помещена в раздел «Самостоятельная работа» электронного портфолио «ПООПРС» (программа индивидуально-ориентированного профессионального развития студента) [1; 2; 3].

Просмотр и анализ видеоматериалов позволил студентам увидеть свои достижения и проблемы, совершенствовать профессионально-коммуникативную компетентность. Результаты анализа проведенного конкурса свидетельствуют о том, что инициативная НИРС способствует развитию интереса к будущей профессии и совершенствованию профессиональных компетенций в области менеджмента.

Оценивали презентации и выступления участников конкурса члены жюри: А. А. Юдина – к. п. н., доцент, директор ИСКТ, председатель жюри; Е. А. Малкина – к. п. н., доцент, заведующая кафедрой управления социальной сферы; Н. А. Русакова – к. п. н., доцент кафедры ЮНЕСКО по новым информационным технологиям КГУ; Т. Н. Ивлева – к. п. н., профессор кафедры управления социальной сферы, модератор конкурса.

Диплом за первое место и денежную премию в размере 1 500 рублей получил Сильев Вячеслав – студент группы СКТ в ИД-111 за презентацию и выступление на тему «Профессионализм менеджера».

Диплом за второе место и денежная премия 1 000 рублей были присуждены Левашову Андрею – студенту группы М-111 за презентацию и выступление на тему «Управленческие революции: эволюция профессии “менеджер”».

Диплом за третье место и денежная премия 500 рублей были вручены Польниковой Ксении – студентке группы М-111 за презентацию и выступление на тему «Портрет успешного менеджера XXI века».

За креативность и оригинальность подачи материала были отмечены презентации и выступления Баракиной Алены – студентки группы ИГО-091 на тему «Принципы современного менеджмента» и Новиковой Яны – студентки группы МО-091 на тему «Спортинг как новая парадигма менеджмента: от менеджмента результата к менеджменту победы». В качестве поощрительных призов студентки получили флэш-карты.

Остальные участники конкурса были награждены благодарственными письмами института социально-культурных технологий КемГУКИ и пригласительными билетами в музей-заповедник «Томская Писаница» за участие в конкурсе.

В этом году конкурс докладов и презентаций «Я – МЕНЕДЖЕР» проводится в рамках II Регионального культурно-образовательного форума «Социально-культурное пространство региона: общество, культура и наука». В конкурсе приняли участие 14 студентов. Тематика конкурсных работ чрезвычайно разнообразна. Например, «Актуальные вопросы управления индустрией досуга на муниципальном уровне», «Роль лидерских качеств в деятельности современного эффективного менеджера», «Конфликтологическая компетентность современного менеджера» и др.

Жюри возглавляла Павлюк Наталья Сергеевна – к. п. н., директор ГОУ ДПО (повышения квалификации) специалистов сферы культуры «Областной учебно-методический центр работников культуры и искусства», почетный работник высшего образования (на фото 1 – слева).

Все остальные члены жюри – это выпускники разных лет кафедры управления социальной сферы КемГУКИ по специальности «менеджер организации»:

Устимова Ольга Владимировна – научный сотрудник научного управления, преподаватель кафедры управления социальной сферы, аспирантка 2-го года обучения КемГУКИ (год окончания 2008); (на фото 1 – справа),

Паузер Андрей Валерьевич – консультант-советник первого заместителя главы г. Кемерово (год окончания 2004) (фото 2),

Фото 1

Фото 2

Грязева Галина Алексеевна – индивидуальный предприниматель (год окончания 2007) (фото 3).

Диплом 1-й степени получила студентка группы М-121 Мухамедиева Екатерина за доклад и презентацию по теме «Роль коммуникативных качеств в деятельности эффективного менеджера» (фото 4).

Диплом 2-й степени получила студентка группы М-111 Польшникова Ксения за доклад и презентацию по теме «Электронный портфолио студента как инструмент конкурентоспособности на рынке труда».

Диплом 3-й степени получила студентка группы МСКД-121 Копаева Татьяна за доклад и презентацию по теме «Анализ подходов к определению понятий “менеджмент” и “менеджер”».

Все конкурсанты получили Сертификат участника конкурса «Я – МЕНЕДЖЕР», благодарственные письма директора института социально-культурных технологий КемГУКИ за участие в конкурсе. Благодарственными письмами Областного учебно-методического центра работников культуры и искусства были награждены студент группы СКД в ИД-111 Сильев Вячеслав за социальную значимость проекта; студентка группы М-121 Милькова Зарина за практическую направленность предложенных рекомендаций; студентка группы МСКД-121 Копаева Татьяна за оригинальность выступления. Благодарственным письмом администрации города Кемерово была отмечена студентка группы М-111 Логинова Алина за актуальность и практическую направленность доклада. Приз зрительских симпатий получила студентка группы М-111 Польникова Ксения.

Фото 3

Фото 4

Председатель жюри Павлюк Н. С. как менеджер-практик и преподаватель по дисциплине «Основы коммуникативной культуры» оценила и прокомментировала результаты конкурса: «В конкурсе “Я – МЕНЕДЖЕР” принимали участие студенты младших курсов, но, несмотря на это обстоятельство, результаты конкурса впечатляющие. Все без исключения студенты продемонстрировали профессиональную заинтересованность, научную осведомленность. Рекомендации, высказанные ими, имели практическое значение, как для процесса подготовки будущих специалистов, так и для практиков социально-культурной сферы, при этом рекомендации носили обоснованный характер, так как многие студенты показали себя серьезными исследователями, проведя добротные социологические опросы. С точки зрения риторики выступления студентов представляли хорошие, композиционно выстроенные монологи. При этом многие аргументированно отвечали на вопросы, отстаивали свою точку зрения, умело вели дискуссию со слушателями. Конкурс выявил, что студенты даже младших курсов хорошо владеют основами теоретической подготовки и практическими навыками, используют эффективные приемы работы с аудиторией, что позволит им в будущем состояться как менеджерам-профессионалам».

МНЕНИЯ СТУДЕНТОВ – УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА «Я – МЕНЕДЖЕР»:

Мухамедиева Екатерина – студентка 1-го курса направления подготовки «Менеджмент», **Диплом 1-й степени** конкурса докладов и презентаций «Я – МЕНЕДЖЕР»:

«Студенческий конкурс докладов и презентаций “Я – МЕНЕДЖЕР” произвел неизгладимое впечатление на всех присутствующих. Различные темы докладов выступающих позволили еще глубже вникнуть в проблемы, касающиеся менеджмента. Нельзя не отметить высокий уровень организации. В состав жюри входили выпускники КемГУКИ, что удивило и вызвало еще большую заинтересованность выступающих. Данный конкурс является хорошим способом показать себя в научно-исследовательской деятельности и свою заинтересованность в профессии менеджера. Хочется посоветовать, будущим менеджерам активнее участвовать в подобных конкурсах, ведь они позволяют приобрести опыт научно-исследовательской деятельности, формировать профессиональные компетенции будущего менеджера».

Копаева Татьяна – студентка 1-го курса направления подготовки «Менеджмент социально-культурной деятельности», **Диплом 3-й степени** конкурса докладов и презентаций: «Я – МЕНЕДЖЕР»: «Впечатления от конкурса в целом положительные. Порадовали доклады других участников. На мой взгляд, было раскрыто множество интересных и актуальных тем, которые в дальнейшем можно развивать. Единственный минус – это организация (посторонние шумы и прочее). Надеюсь, с каждым годом конкурс будет развиваться и набирать обороты».

Логинова Алина – студентка 2-го курса направления подготовки «Менеджмент», участница конкурса «Я – МЕНЕДЖЕР»: «Я очень рада, что посетила II Региональный культурно-образовательный форум. Программа состояла из 4-х секций и студенческого конкурса на тему “Я – МЕНЕДЖЕР”. На мой взгляд, мероприятие прошло на высоком профессиональном уровне. Хочу сказать огромное спасибо организаторам конкурса, что собрали таких интересных, активных докладчиков. Мне выпала возможность стать участником конкурса докладов и презентаций “Я – МЕНЕДЖЕР”. Я думаю, все молодые исследователи очень благодарны Татьяне Николаевне Ивлевой за оригинальное представление каждого из участников, за высококлассное проведение конкурса. Конкурс был несомненно необходим, в частности для меня. Мероприятие определенно носит положительный характер. Не скрою, были неточности. Но в основном каждый конкурсант, хоть толику, но вынес для себя. Затрагивался широкий спектр различных вопросов и актуальных тем. Появились перспективы для дальнейших исследований. По окончании не покидала одна мысль: “Как много возможностей! И я счастлива, что могу двигаться вперед, развиваться”. Да, действительно, существует ощущение счастья, возможно, от самореализации, возможно, от того, что постепенно, медленными шагами намеченные цели достигаются. Возможно, от новых знакомств, впечатлений, драйва. Невозможно не отметить объективную работу жюри. Хотелось бы в следующем году, чтобы было еще больше заявленных качественных, интересных работ, больше вопросов, предложений, практической направленности. В общем, коммутируя все составляющие конкурса, можно смело заявить, что есть потенциальные и перспективные будущие специалисты, а это благодаря нашим грамотным, блестяще знающим свое дело педагогам. Учитесь, развивайтесь, совершенствуйтесь! Образование – богатство, а применение его – совершенство!»

Таким образом, использование конкурса «Я – МЕНЕДЖЕР» в организации НИРС делает процесс внеаудиторного обучения мотивированным, продуктивным, личностно-ориентированным, что способствует формированию и развитию общекультурных и профессиональных компетенций будущих менеджеров.

Литература

1. Ивлева Т. Н. Технология Е-портфолио в подготовке менеджеров социально-культурной деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2012. – № 19, ч. 2. – С. 156–163.
2. Ивлева Т. Н. Интерактивные методы обучения в организации самостоятельной работы студентов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2012. – № 21. – С. 145–150.
3. Ивлева Т. Н. Е-портфолио как инструмент формирования управленческих качеств студентов // Мир науки, культуры, образования: международ. науч. журнал. – Барнаул: Изд-во АГАКИ, 2012. – № 5 (36). – С. 142–144.

Literatura

1. Ivleva T. N. Tehnologija E-portfolio v podgotovke menedzherov social'no-kul'turnoj dejatel'nosti // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij. – 2012. – № 19, ch. 2. – S. 156–163.
2. Ivleva T. N. Interaktivnye metody obucheniya v organizacii samostojatel'noj raboty studentov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: zhurnal teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij. – 2012. – № 21. – S. 145–150.
3. Ivleva T. N. E-portfolio kak instrument formirovaniya upravlencheskih kachestv studentov // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. – Barnaul: Izd-vo AGAKI, 2012. – № 5 (36). – S. 142–144.

ЮБИЛЕЙ

Г. Н. Миненко

**ВИКТОР ИВАНОВИЧ МАРКОВ:
УЧЕНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, ПУТЕШЕСТВЕННИК**

ANNIVERSARY

G. N. Minenko

**VICTOR IVANOVICH MARKOV:
SCIENTIFIC, PUBLIC FIGURE, TRAVELLER**

Доктору культурологии, профессору кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусства В. И. Маркову – 65 лет! Казалось бы, что если юбилей является профессором и доктором наук, то надо говорить о его научном лице. Однако рассматривать В. И. Маркова только как ученого – будет слишком узко и ограничено, поскольку российская интеллигенция советского периода, к которой имеет честь принадлежать Виктор Иванович, во многом сохранила тот универсализм, широту интересов и форм деятельности, которая была так характерна для профессиональной (не радикально-революционной) интеллигенции старой России и, к сожалению, исчезает как исторический феномен у нас на глазах. В общем, Виктор Иванович хотя и доктор наук, но по современным меркам совсем не традиционный, поэтому и охарактеризовать его хочется как-то нетрадиционно.

В. И. Марков родился в 1948 году в г. Дрезден. Мать – Маркова Вера Афанасьевна – учительница и домохозяйка. Отец – Марков Иван Ильич, боевой офицер, прошедший всю войну, к этому времени по приказу командования он стал основателем и директором первой советской школы в Германии (для детей наших военнослужащих). От Ивана Ильича перешла в наследство тяга к природе, путешествиям, приключениям, риску. В 1930-е годы он в одиночку проплыл 5 тысяч километров по Подкаменной и Нижней Тунгускам, имея задание исследовать природные богатства, быт, язык северных народов. Его корни – деревня Марково на Лене, недалеко от Усть-Кута, по преданию основанная заболевшим казаком экспедиции Хабаровя. Школьное детство Виктора Ивановича протекало на Урале, в Свердловске. Уже тогда «заболел» камнями, самоцветами, устраивал походы сверстников по Уралу, собрал приличную коллекцию. В школе одинаково увлекался и имел успехи по естественным, математическим и гуманитарным дисциплинам. В целом легко и естественно «заработал» серебряную медаль.

Обратимся к социальному портрету юбиляра, прежде всего его научной и преподавательской деятельности. Виктор Иванович Марков закончил исторический факультет Томского государственного университета. С 1972 года работает в высшей школе – вначале в Томском политехническом институте, затем в Кемеровском технологическом институте пищевой промышленности и в Кемеровском государственном университете культуры и искусств. Прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой и проректора вуза по науке (Кемеровский госуниверситет культуры и искусств). Кандидатская диссертация, защищенная в 1983 году, была посвящена концепции отчуждения Франкфуртской школы. В 2002 году защитил докторскую диссертацию по культурологии на тему «Отчуждение в культуре», подведя этим промежуточный итог многолетней работе над данной проблемой. Она поразила автора диссертации своей парадоксальностью еще десятилетия назад: почему так часто деятельность людей, а в больших деяниях и реформах – практически всегда – оборачивается против них самих, приносит обратные результаты? Почему мы вечно хотим «как лучше», а получаем «как всегда»? Представленный в диссертации сквозной исторический, философский и культурологический анализ является новым взглядом на эту жизненно важную проблему. Кроме того, за годы работы в науке ему приходилось заниматься такими темами, как быденное сознание, национальное самосознание, системные законы взаимодействия и эволюции культур, разрабатывать оригинальное представление о культурной системе как живом организме и совокупном субъекте деятельности. Кроме 85 научных статей и методических работ В. И. Марковым написаны две монографии, издано четыре учебных пособия по культурологии (часть из них в соавторстве). В научных публикациях и лекционных курсах В. И. Марков основывается на оригинальной авторской концепции культуры как живой системы, подобной по ряду свойств организму и даже своеобразной совокупной (соборной) личности. Таким образом, за период научной деятельности его основные интересы были связаны с проблематикой отчуждения деятельности и культуры, бюрократизма, эволюции и взаимодействия культурных систем.

Несмотря на вполне достойные научные показатели, профессор Марков чисто в «русском духе» считает себя больше не академическим ученым, который в поте лица разрабатывает всю жизнь свою научную делянку, а скорее представителем вымирающей ветви – «барской науки», когда, например, в XVIII веке дворяне из чистой любознательности занимались разными изысканиями, не ища большой выгоды или мировой славы. И хотя есть пара сквозных, указанных выше тем, юбиляру, нужно согласиться, свойствен, в общем-то, довольно большой разброс тематики публикаций.

С педагогической деятельностью более понятно и традиционно. В. И. Марков считает преподавание в вузе, общение со студентами одной из самых радостных и творческих форм деятельности, которая приносит огромное удовлетворение для души и (как и природа) помогает с оптимизмом совершать свой жизненный путь. Вел занятия в школе (один год – военное дело и немного истории), в разных вузах (Томский политехнический, КемГУ, КемТИПП, КемГУКИ), в школе милиции, на курсах повышения квалификации чиновников администрации Кемеровской области (2004–2007 годы) и в других заведениях. За период преподавательской деятельности разработано множество гуманитарных курсов, за исключением экономики и эстетики. Встречаются в перечне и такие экзотические курсы, как «Организация и методика психологической войны» и др. После защиты кандидатской диссертации В. И. Марков стал одним из самых молодых заведующих кафедрой в Кузбассе. Помимо вузовской работы обожал в этот период ездить с лекциями от общества «Знание». Это давало огромную практику выступлений, ведь читать приходилось на самые разные темы и в любой обстановке: в кузове автомобиля, на катере или лесной поляне, в бараках тюремных зон и в огромных цехах. Нудного лектора с бумажкой и прописными истинами в таких условиях не стали бы слушать. Фактически, один заведующий кафедрой выполнял план едва ли не всего своего коллегтива – по 300 лекций в год. Заодно хорошо познакомился с новым тогда для него Кузбассом. По вечерам работал со студентами в общежитиях: сам выступал, организовывал встречи с поэтами, писателями, художниками, участвовал в создании и деятельности дискуссионных клубов. В КемТИПП, где давно была введена система оценки «Преподаватель глазами студента», постоянно входил в число лучших лекторов вуза, о чем свидетельствовал особый стенд – своеобразная «Доска почета» преподавателей.

Помимо научно-педагогической деятельности В. И. Марков всегда отличался общественной активностью. На рубеже 1980-х и 1990-х годов Виктор Иванович не остался в стороне от бурной политической жизни Кузбасса. Первые, еще почти подпольные встречи и дискуссии гуманитариев с рабочими комитетами в Доме актера, «нулевой» выпуск «Нашей газеты», открывавшийся статьей юбиляра в защиту рабочего движения. Выступал в дискуссионных клубах, стал заметен в местной политике и получал «заманчивые» предложения от различных сил, пытавшихся перетянуть интересного начинающего политика на свою сторону. Но постепенно все больше появлялось ощущение двойственности «демократической суеты», особенно после личного участия в одной из первых грандиозных манифестаций в Москве. В итоге стал отходить от практики и начал много писать. Писал пламенные статьи в самые разные газеты и журналы. Но скоро и это прошло как ненастоящее, бесперспективное дело. С конца 1990-х годов – снова приход в политику, но уже в другом качестве – работника областного Совета народных депутатов. Работу в вузе, естественно, не оставлял никогда. Новая сфера многому научила. Приходилось вести переписку с Администрацией Президента, Госдумой, субъектами Федерации, пенсионерами городов и поселков Кузбасса. Впервые познал труднейшую законотворческую деятельность: готовил рецензии на федеральные законы, писал проекты областных законов (из них около 15 стали действующими), участвовал в бесчисленных рабочих комиссиях, шлифующих законопроекты, в работе Губернаторской комиссии по муниципальной реформе. Параллельно пришлось выступать и в роли политтехнолога, телеведущего. В 2003 году В. И. Марков в течение года был соведущим популярной телепередачи, обсуждавшей мнения телезрителей по разнообразным вопросам общественной жизни и культуры. Соответственно, в списке его научных выступлений и статей появились работы,

посвященные проблемам реформирования местного самоуправления в России, анализу хода и характера реформ.

Но и этого было мало для нашего юбиляра. В. И. Марков широко известен также своими оригинальными увлечениями. Это совершенно особый сюжет, и кто его не знает, тот вообще не знает нашего героя. Здесь нужно восстановить ретроспективу. С 15 до 25 лет в его биографии – это 10 сезонов работы коллектором и рабочим в экспедициях по геологии, гидрогеологии, биологии, почвоведению от разных геологических трестов и Уральского филиала Академии наук СССР. Первичный мотив – противостояние «страшным» диагнозам врачей. После приезда из Германии начались простудные заболевания в связи с переменой климата. Врачи говорили о почти постоянном постельном режиме как условии выживания лет до 25. Вместо этого пошел и записался в экспедицию, о чем позднее уведомил родных. Болезни ушли в прошлое. Потом экспедиции стали просто необходимой частью жизни. За прошедшие годы за спиной десятки экспедиций, многие сотни походов, иногда – одиночных. По нашей просьбе В. И. Марков попробовал сосчитать их число, остановился на 200 горно-таежных походах, иногда со сплавом – из тех, что вспомнил. «Хорошо походил» по Восточному и Западному Саяну, Алтаю, Уралу, был на Памире и в Средней Азии, на Тянь-Шане, в Бурятии, Читинской области, Витимском нагорье и Лене, Байкале и Прибайкалье, Тыве, Енисее, Алтайском крае, на Кавказе. Не успел «охватить» Дальний Восток и Карелию, о чем очень жалеет. Маршруты, ориентированные на поиск определенных геологических объектов, не всегда были связаны с особыми красотами, но всегда с большими трудностями. В знаменитые туристские места вообще не ходит – не интересно. После защиты кандидатской диссертации удалось сделать один из лучших в жизни маршрутов: вдвоем с тогдашним заведующим кафедрой философии КемГУ Е. Песоцким – более 600 км по самым диким местам Восточного Саяна (Тункинские Альпы, верховья Онота, Китоя). За месяц видели десятки водопадов, прошли множество перевалов и, естественно, пережили массу приключений.

Благодаря участию во многих экспедициях и походах, изучению специальной литературы он стал в Кузбассе авторитетным специалистом по самоцветам, не только коллекционирующим минералы, но и умеющим их обрабатывать, изготавливая по своим эскизам оригинальные изделия. Это увлечение он тоже сделал общественным достоянием. О нем не раз писали в вузовских и областных изданиях. Сам Виктор Иванович также неоднократно публиковался на эти темы. Сотрудничая с Кузнецким геологическим музеем при Кузбасском государственном техническом университете, он принимал участие в его экспедициях и исследованиях, стал одним из соавторов издания этого музея, посвященного геологическим памятникам и маршрутам Кузбасса. Элективные курсы по самоцветам и тенденциям современного ювелирного искусства, отдельные лекции об эстетике природного камня читались им не только студентам, но и в ряде общественных организаций города. Краеведческий обзор самоцветных богатств Кузнецкого края, написанный В. И. Марковым, получил одобрительную оценку директора Новокузнецкого геологического музея.

В голодные для вузовских работников 1990-е годы пришлось вспомнить и о других линиях жизни. Туризм, настоящий, дикий, даже очень дикий давно стал для него естественной необходимостью. Но тяга к камням пропала надолго. Коллекционирование, видимо, удел других, более спокойных и педантичных натур, и прибавление все новых образцов стало казаться тупиком. Все изменил случай. В 1982 году после сплава по алтайской реке Чарыш привез немного яшмовых галек и ненароком приложил их к недавно купленному электроточилу. Открывшаяся красота поразила. Вместо коллекционирования общение с камнем озна-

чало теперь действие, творчество. Так начался новый этап – работа с камнем. И как всегда – в режиме самообучения. Изучены сотни книг, составлен архив самоцветов по всем регионам СССР на основе книг, геологических отчетов, журналов (прочитаны и законспектированы все номера «Горного журнала» с 1828 по 1916 год). Выступления с сообщениями на геологических конференциях, экспертиза. Осваивая литературу, сам на практике постигал секреты ремесла. Сначала яростно сопротивлялся сочетанию в украшениях камня и металла. Но постепенно один из зачинателей обработки самоцветов в Кемерово – актер драмтеатра Г. Евсеев – не только убедил, но и научил азам ювелирной работы с металлом. Стал все свободное время посвящать новому хобби. Одновременно помогал в организации геологического музея при Кузбасском политехническом институте, подарил ему множество образцов, ездил с геологами музея в экспедиции, знакомя их с богатствами Кузбасса; является соавтором в издании «Геологические маршруты по Кузбассу». Сюда же следует отнести популяризацию геологических и геммологических знаний: организация в КемТИППе и других местах выставок самоцветов (своих) с чтением лекций, геологических экскурсий (летом 2012 года – для экологической детской организации Алтай – по Томи), публикации в алтайской экологической газете по самоцветам Алтайского края (с 2012), где он является ее постоянным автором по этой тематике. Кроме того, в 1990-е годы увлечение камнями повернулось совсем по-новому. Экономика выживания заставила стать почти профессиональным ювелиром. По крайней мере, в ту пору гораздо больше людей в городе знало Виктора Ивановича как оригинального ювелира-самоцветчика, чем как специалиста по философии. Осмысление этой деятельности позволило и в вузе читать любимый студентами элективный курс по эстетике ювелирного искусства. Привычка осваивать новые знания и умение жить одновременно по нескольким линиям позволила вынести эти годы.

С 2004 по 2010 год В. И. Марков являлся проректором по науке Кемеровского государственного университета культуры и искусств. В настоящее время он возглавляет в качестве председателя докторский диссертационный совет по культурологическим специальностям в КемГУКИ, читает студентам лекционные курсы: «Культурология», «Этика», «Межкультурные коммуникации», «Методика преподавания культурологии», «Современные культурно-цивилизационные ареалы», поддерживая тем самым свой бесспорный статус классного гуманитария. Естественно, его деятельность не осталась без внимания руководства вузов, в которых он работал, региональных властей. В. И. Марков награжден двумя медалями Кемеровской области, почетными грамотами АКО, Совета народных депутатов, Общественной палаты. Он состоит в общественных академиях России: член-корреспондент Петровской академии наук и искусств; действительный член (академик) Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

Наконец, нельзя не отметить, что Виктор Иванович – своеобразный семьянин. Четверо его детей получили прекрасное образование и должное воспитание, а самый младший – еще школьник Миша – является соратником по походам и поездкам в неведомые нам места «дикой» природы России.

Ректорат КемГУКИ, коллектив кафедры культурологии и преподавательский коллектив университета от души поздравляют Виктора Ивановича Маркова со знаменательной датой, желают ему главного личного богатства – здоровья – и надеются, что накопленный им научный и практический багаж выльется в новые значимые публикации и курсы лекций, будет способствовать успехам и достижениям возглавляемого им диссертационного совета по культурологии! *С юбилеем Вас, Виктор Иванович!*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Кузбасса, заведующая кафедрой стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: araeva@list.ru

Афанасьева Эльмира Маратовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской литературы и фольклора, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: elmira_afanaseva@mail.ru

Басалаева Оксана Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: oksana_basalaeva@mail.ru

Баитанник Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: abai@yandex.ru

Белозёрова Марина Витальевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук, профессор, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Сочи). E-mail: mbe-lozerowa@mail.ru

Бец Мария Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: vollens@mail.ru

Булгаева Галина Дмитриевна, преподаватель, Алтайский государственный университет (г. Барнаул). E-mail: zamolotskih@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Araeva Ludmila Alekseevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of Russia, Professor Emeritus of Kuzbass, Chair of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: araeva@list.ru

Afanasieva Elmira Maratovna, Candidate of Philological Sciences, Docent, Head of the Chair of the Russian Literature and Folklore, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: elmira_afanaseva@mail.ru

Basalaeva Oksana Gennadievna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Philosophy, Law and Socio-political Disciplines, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: oksana_basalaeva@mail.ru

Bashtannik Sergey Vasilyevich, Candidate of Historical Sciences, Docent of Museum Department, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: abai@yandex.ru

Belozerova Marina Vitalyevna, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher of Laboratory of Ethno-social Problem, Sochi Research Center of Russian Academy of Science, Professor, Kemerovo State University of Culture and Art (Sochi). E-mail: mbe-lozerowa@mail.ru

Betz Maria Vladimirovna, Senior Lecturer of Chair of Foreign Languages, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: vollens@mail.ru

Bulgaeva Galina Dmitrievna, Lecturer, Altai State University (Barnaul). E-mail: zamolotskih@mail.ru

Верба Наталья Ивановна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: verba.natalia@yandex.ru

Веселовская Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: veselovskayaev@yandex.ru

Волков Николай Алексеевич, кандидат философских наук, доцент, уполномоченный по правам человека в Кемеровской области (г. Кемерово). E-mail: ombudsman@mail.ru

Волкова Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tatyanaolkowa@yandex.ru

Горлова Ирина Ивановна, доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского института культурологии, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Краснодар). E-mail: ii.gorlova@gmail.com

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, доцент, директор НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: Guk56mai@mail.ru

Долгих Вероника Петровна, соискатель, редактор, редакционно-издательский отдел, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: chepkasoff@yandex.ru

Ивлева Татьяна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tnivleva@yandex.ru

Verba Natalia Ivanovna, Candidate of History of Art, Docent of Chair of Music Education and Study, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg). E-mail: verba.natalia@yandex.ru

Veselovskaya Elena Valerievna, Candidate of Philologic Science, Senior Researcher at Scientific Research Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Art (Kemerovo). E-mail: veselovskayaev@yandex.ru

Volkov Nikolay Alekseevich, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Commissioner for Human Rights in Kemerovo Region (Kemerovo). E-mail: ombudsman@mail.ru

Volkova Tatyana Aleksandrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Head of Chair of Philosophy, Law and Socio-political Disciplines, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tatyanaolkowa@yandex.ru

Gorlova Irina Ivanovna, Ph.D. (Theory and History of Culture), Professor, Director of the Southern Branch of the Russian Institute for Cultural Research, Honored Worker of Science of The Russian Federation (Krasnodar). E-mail: ii.gorlova@gmail.com

Guk Aleksei Aleksandrovich, Doctor of Philosophy, Docent, Director of Scientific Research Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: Guk56mai@mail.ru

Dolgikh Veronica Petrovna, Competitor, Editor, Publishing Department, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: chepkasoff@yandex.ru

Ivleva Tatiana Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Science, Docent, Professor of Chair of Social Sphere Management, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tnivleva@yandex.ru

Керимов Руслан Джаваниширович, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, факультет романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: kerimovrus@rambler.ru

Коваленко Тимофей Викторович, кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского института культурологии, старший преподаватель кафедры теории и истории культуры, Краснодарский государственный университет культуры и искусств (г. Краснодар). E-mail: timofey.kovalenko@gmail.com

Косолапова Елена Витальевна, аспирантка кафедры технологии автоматизированной обработки информации, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: k-lena87@mail.ru

Леонов Евгений Евгеньевич, методист, Центр дополнительного образования детей им. В. Волошиной, младший научный сотрудник музея Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: Lucky-number@mail.ru

Лескова Татьяна Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории, истории музыки и инструментального исполнительства, Хабаровский государственный институт искусств и культуры (г. Хабаровск). E-mail: leskova-1961@mail.ru

Лякин Василий Евгеньевич, соискатель, адвокат, Адвокатский кабинет В. Лякина города Кемерово Кемеровской области №42/196 (г. Кемерово). E-mail: barrister_office@mail.ru

Марков Александр Петрович, доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры философии и культурологии, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (г. Санкт-Петербург). E-mail: markov_2@mail.ru

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный

Kerimov Ruslan Dzhavanshirovich, Candidate of Philology, Docent of Chair of German Philology, Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: kerimovrus@rambler.ru

Kovalenko Timofey Victorovich, Ph.D Candidate (Theory and History of Culture), Deputy Director of the Southern Branch of the Russian Institute for Cultural Research, Senior Lecturer of Chair of Theory and History of Culture of Krasnodar State University of Culture and Arts (Krasnodar). E-mail: timofey.kovalenko@gmail.com

Kosolapova Elena Vitalievna, Post-graduate of Chair of Technology of Automated Data Processing, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: k-lena87@mail.ru

Leonov Evgeny Evgenievich, Methodist of V. Voloshina Center for Children's Education, Associate Researcher at the Museum of Kemerovo State University Culture and Art (Kemerovo). E-mail: Lucky-number@mail.ru

Leskova Tatyana Vladimirovna, Candidate of History of Art, Docent of Chair of Theory, History of Music and Instrument Performance, Khabarovsk State Institute of Arts and Cultures (Khabarovsk). E-mail: leskova-1961@mail.ru

Lyakin Vasily Evgenyevich, Competitor, Lawyer, V. Lyakin's Lawyer Office of the City of Kemerovo of Kemerovo Region No. 42/196 (Kemerovo). E-mail: barrister_office@mail.ru

Markov Alexander Petrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Culturology, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor of Chair of Philosophy and Culturology, St. Petersburg Humanities University of Labor Unions (St. Petersburg). E-mail: markov_2@mail.ru

Minenko Gennady Nikolaevich, Doctor of Culturology, Professor of Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and

университет культуры и искусств, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Мкртчян Аревик Мисаковна, методист Областного центра детского и юношеского туризма и экскурсий (г. Кемерово). E-mail: stij@mail.ru

Непомнящих Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения, Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: motiv_ifl@ngs.ru

Образцова Мария Николаевна, ассистент кафедры стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: maria_obraztsova@mail.ru

Олефир Светлана Валентиновна, кандидат педагогических наук, заместитель директора по информатизации Централизованной системы детских и школьных библиотек (г. Озерск), доцент кафедры педагогики и психологии, Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования, соискатель, Челябинская государственная академия культуры и искусств (г. Челябинск). E-mail: osv@ch-lib.ozersk.ru

Ирина Роляк, кандидат филологических наук, адъюнкт, институт иностранной филологии Университета им. Яна Кохановского (г. Кельце, Польша). E-mail: vestnikkenguki@yandex.ru

Рябцева Васелина Александровна, аспирантка, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: vasilina21@mail.ru

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

the Arts, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Science and Arts, Member of International Slavic Academy of Science, Education, Arts and Culture (Kemerovo). E-mail: antropolog-min@mail.ru

Mkrтчyаn Arevick Misakovna, Methodist of Regional Centre for Children and Youth Tourism and Excursions (Kemerovo). E-mail: stij@mail.ru

Nepomniaschih Natalia Alekseevna, Candidate of Philological Sciences, Leading Scientist of the Philological Sector, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Science. E-mail: motiv_ifl@ngs.ru

Obraztsova Maria Nikolaevna, Assistant of Chair of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: maria_obraztsova@mail.ru

Olefir Svetlana Valentinovna, Candidate of Pedagogic Sciences, Deputy Director on Informatizations of Centralized system of childrens and school libraries (Ozyorsk), Docent of Chair of Pedagogics and Psychology, Chelyabinsk Institute of Retraining and Professional Development of Educators, Competitor, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk). E-mail: osv@ch-lib.ozersk.ru

Irina Rolyak, Candidate of Philological Sciences, Associate, Institute of Foreign Languages of the University Jan Kochanowski (Kielce, Poland). E-mail: vestnikkenguki@yandex.ru

Ryabtseva Vasilina Aleskandrovna, Postgraduate, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: vasilina21@mail.ru

Sadovoy Alexander Nikolayevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Laboratory of ethno-social Problem, Sochi Research Center of Russian Academy of Science (Sochi). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

Синецкий Никита Сергеевич, аспирант, специальность «теория и история культуры», Челябинская государственная академия культуры и искусств (г. Челябинск). E-mail: n-liberty@mail.ru

Тарасова Марина Николаевна, учитель телеутского языка, русского языка и литературы, Бековская основная общеобразовательная школа (с. Беково, Беловский район, Кемеровская область). E-mail: araeva@list.ru

Тончук Полина Олеговна, аспирантка, Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки, преподаватель, Новосибирская специальная музыкальная школа-колледж (г. Новосибирск). E-mail: tonchukp@mail.ru

Чепкасов Артур Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики и русской литературы XX века, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: chepkasoff@yandex.ru

Черняева Евгения Николаевна, аспирантка, специальность «теория и история культуры», преподаватель кафедры теории и истории искусств, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: gorevega@gmail.com

Шестакова Ирина Валентиновна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории искусства и культурологии, Алтайский государственный университет (г. Барнаул). E-mail: irinaaltkino@rambler.ru

Юдина Анна Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, директор института социально-культурных технологий, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Sinetsky Nikita Sergeyevich, Post-graduate, Speciality “Theory and History of Culture”, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk). E-mail: n-liberty@mail.ru

Tarasova Marina Nikolaevna, Teacher of the Teleut Language, Russian Language and Literature, “Bekov Main Secondary School” (Bekovo, Belovsky District, Kemerovo Region). E-mail: araeva@list.ru

Tonchuk Polina Olegovna, Post-graduate, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory (Academy), Teacher, Novosibirsk Special Musical School College (Novosibirsk). E-mail: tonchukp@mail.ru

Chepkasov Arthur Vladimirovich, Candidate of Philology, Docent, Head of Chair of Journalism and Russian Literature of the XX Century, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: chepkasoff@yandex.ru

Chernyaeva Evgenia Nikolaevna, Post-graduate Student, Speciality “Theory and History of Culture,” Lecturer of Chair of Theory and History of Art, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: gorevega@gmail.com

Shestakova Irina Valentinovna, Candidate of Culturology, Docent of Chair of Theory of Art and Culturology, Altai State University (Barnaul). E-mail: irinaaltkino@rambler.ru

Yudina Anna Ivanovna, Candidate of Pedagogical Science, Docent, Director of Institute of Socio-cultural Technologies, Kemerovo State University of Culture and Art (Kemerovo). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМГУКИ»

Правила оформления статьи

1. Статья предоставляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.
2. Статья должна сопровождаться:
 - названием на русском и английском языках;
 - индексом УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающим содержание статьи;
 - аннотацией статьи (объемом до 400 символов с пробелами) на русском языке;
 - ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках;
 - наименованием рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикаторм журнала «Вестник КемГУКИ»);
 - авторефератом статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков, включая пробелы) и исходным текстом автореферата на русском языке.
3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.
4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в списке литературы в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.
5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.
6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:
 - шрифт – Times New Roman;
 - размер кегля – 12 пт;
 - межстрочный интервал – одинарный;
 - форматирование – по ширине;
 - все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

И. О. Ф. автора (по центру, без отступа, курсив, шрифт жирный)
**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ,
БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)**

Аннотация...

Ключевые слова:...

И. О. Ф. автора на английском языке (по центру, без отступа, курсив, шрифт жирный)
**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ
ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)**

Аннотация на английском языке ...

Ключевые слова на английском языке:...

Текст.....

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:
 - соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук, специализирующихся в данной предметной области;
 - соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук, специализирующегося в данной предметной области.
2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).
3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение её в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- **почтой:**

по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, научное управление, отв. секретарю Е. А. Кагакиной

- **E-mail:** vestnikkemguki@yandex.ru, отв. секретарю Е. А. Кагакиной

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогика.
2. Социально-культурная деятельность.
3. Искусствоведение.
4. Философия.
5. Филология.
6. Культурология.
7. Документальная информация.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 30.08.2013.
Формат 60x84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 126.
Уч.-изд. л. 28,8. Усл. печ. л. 38,4.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного университета
культуры и искусств:
650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Signed for print 30.08.2013.
Format 60x84¹/₈.
Offset paper. Font «Times».
Order № 126.
Author's sheets 28,8. Printer's sheets 38,4.
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture and Arts:
650029, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru